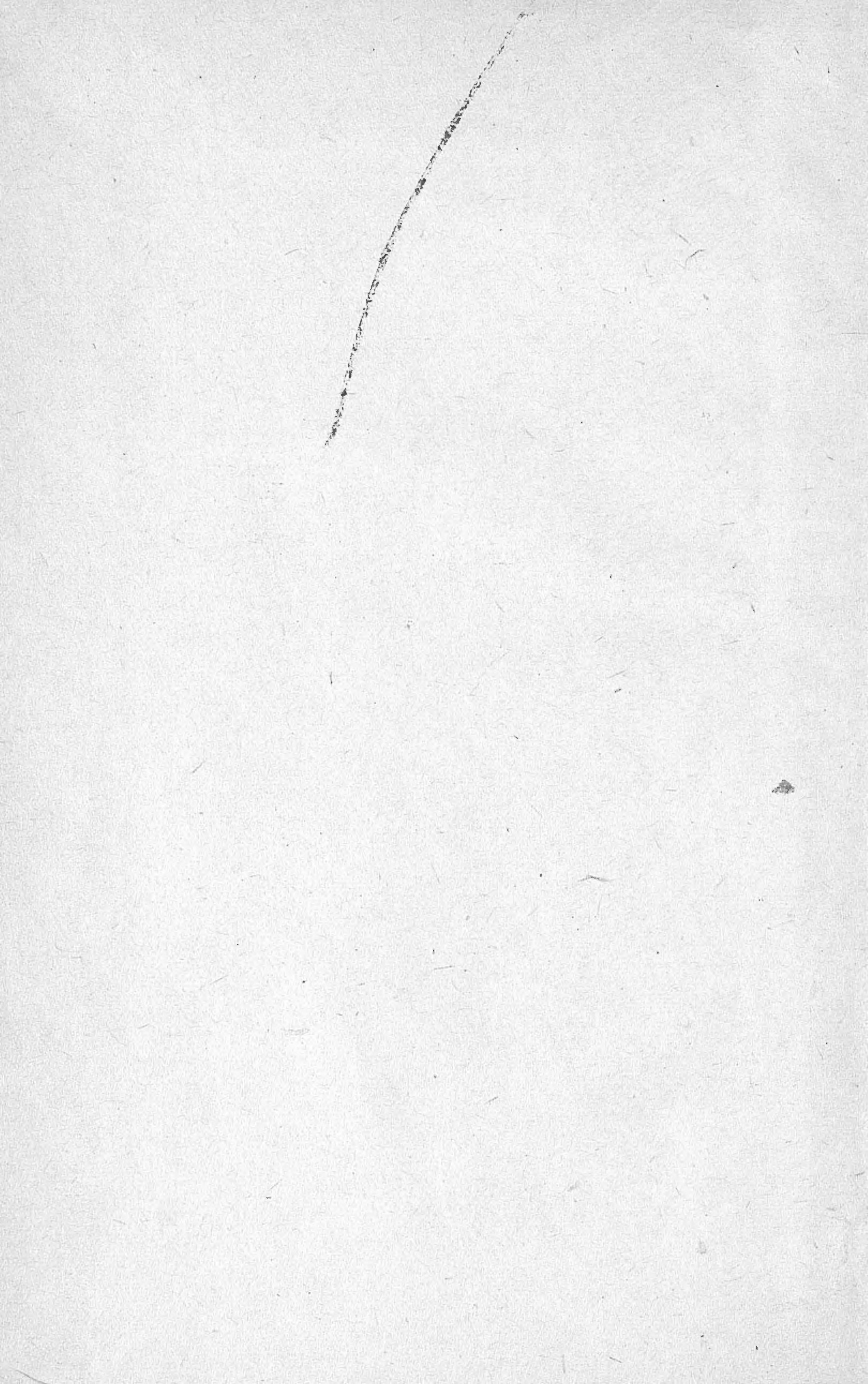
6
2790
т. 3



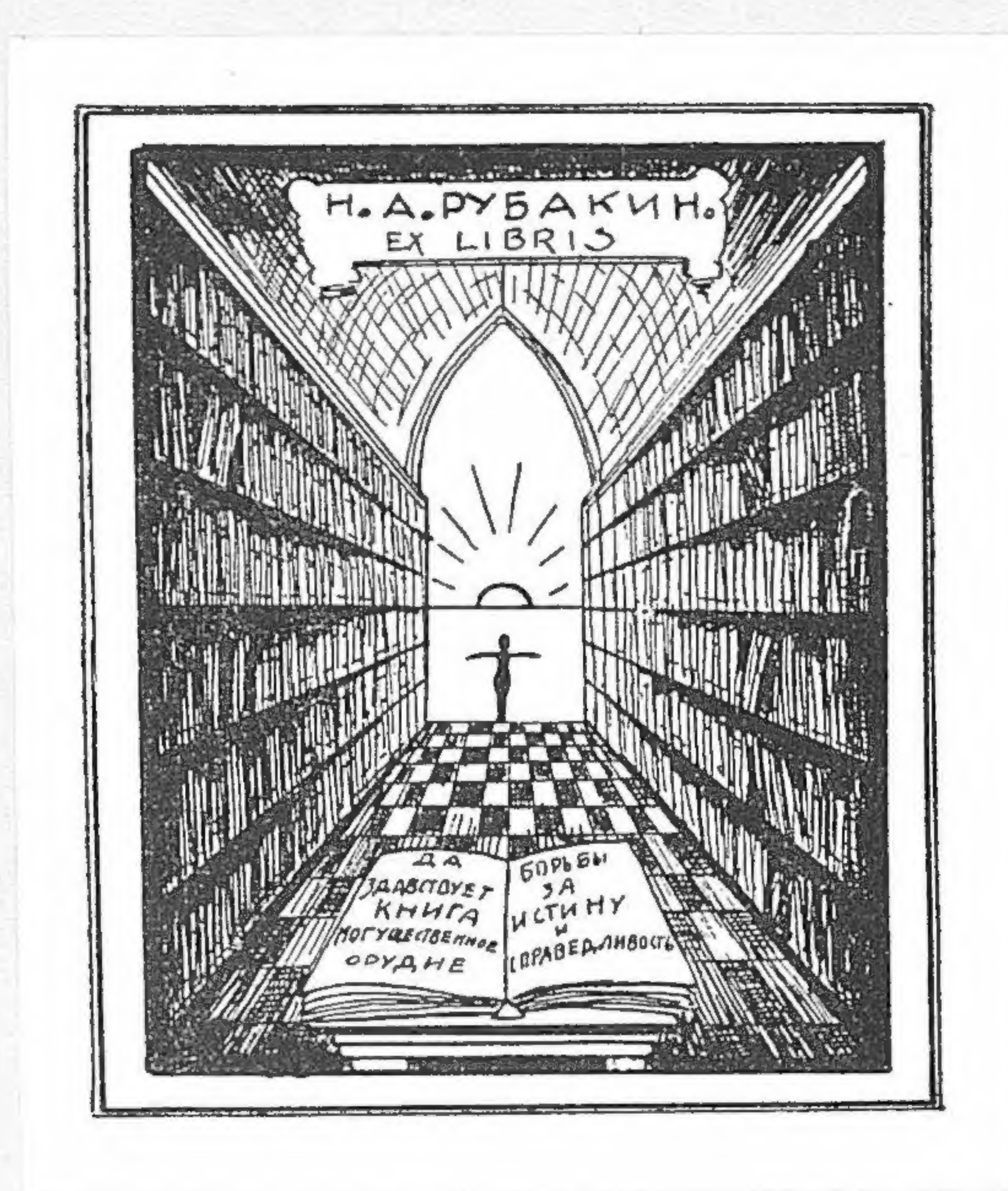
В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ТРЕТИЙ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ТРЕТИЙ

С 10 КАРТАМИ И СХЕМАМИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

Третий том „Записок о гражданской войне“ Антонова-Овсеенко освещает боевые события, совершавшиеся на Украине в период с ноября 1918 г. по июнь 1919 г.

Автор ставит своей задачей дать не „историческое исследование“, а „воспоминания, подкрепленные официальными документами“.

Настоящая книга представляет интерес как для историка, так и для читателя-неспециалиста, интересующегося эпохой героической борьбы пролетариата и крестьянства на Украине

К печати подготовили:
редактор С. Наумов
технический редактор С. Заскальный

Уполномоч. Главлита Б—18823 Огиз № 506. 22 п. л. (25,83 авт. л.) Заказ № 3933. Тираж 5000

Фабрика книги «Красный пролетарий». Москва. Краснопролетарская, 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К

ОТ АВТОРА.

Второй том наших „Записок о гражданской войне“ доводит летопись боевых событий на Украине до начала мая 1918 г. Третий том, представляемый вниманию читателя, охватывает период от ноября 1918 г. до июня 1919 г. В период май—ноябрь 1918 г. автор этих „Записок“ стоял далеко от собственно украинских дел, и свой рассказ о боевой работе на Украине он возобновляет с того момента, когда вновь к ней вернулся.

Это именно рассказ, воспоминания, подкрепленные официальными документами, но отнюдь не историческое исследование.

За период, охваченный третьим томом „Записок“, наша военная работа велась еще настолько „нерегулярно“, что потребовались чрезвычайные усилия, дабы разобраться в хаосе архивов, и тем не менее многие необходимые материалы нами не обнаружены. Поэтому наш труд страдает многими неизбежными пробелами, однако мы надеемся, что он все же облегчит работу дальнейшего исторического исследования и в известной степени послужит основой для подлинной истории гражданской войны на Украине. Это и является целью нашей работы.

Работа над „Записками“ была в значительной мере облегчена благодаря содействию и указаниям тт. Н. И. Подвойского и Е. Щаденко, которым автор и выражает свою признательность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (карта 1, 2).

Вместо введения. Германская революция. Решение Совнаркома. Вокруг «Украинского революционного штаба». «Группа Курского направления».

На партконференции в Москве в октябре 1918 г. председатель Украинской делегации Х. Раковский заявил: „Я считаю, что для нас в данный момент и в стратегическом и в политическом отношениях одна задача—разгромить Краснова и очистить Донскую и Кубанскую области как можно скорее, чтобы не дать Краснову и Деникину возможности получить английское снабжение".

Находясь в Казани, куда был направлен Реввоенсоветом республики для командования группой 2-й и 3-й армий Восточного фронта, я отозвался на это заявление статьей „Наше положение", посланной в газету „Известия Наркомвоен". Оспаривая точку зрения Х. Раковского, я писал: „Оккупационные войска находятся в состоянии разложения. Собственная армия пана гетмана еще лишь складывается. А вся Украина бурлит все обостряющейся гражданской войной. Красновщина на Дону также исчерпала свои организационные возможности. Разгром советской власти, произведенный элементами богатого казачества при поддержке германских штыков, привел лишь к обострению тех социальных противоречий, которые вызвали в феврале уходящего года такой прорыв значительных слоев казачества в поддержку нам. Те пережитки специфического быта, оживляя которые „красновцы" пытаются создать общеказацкое движение против грозящих „расказачиванием" советских войск, эти пережитки плохо держатся на расшатанной основе нового невоенного казачества. „Тихий Дон" теперь глухо бродит. Это брожение может легко оформиться в открытое восстание против красновщины. Советской власти чрезвычайно легко содействовать процессу нарастания этого взрыва напряженных сил внутри казачества. Что касается Кубани, то советская власть прочна в сознании широких слоев тамошнего казачества. Успехи добровольческой армии временны и не имеют будущего[1]: тут я прямо ссылаюсь на помещенный в „Известиях ЦИК" доклад о положении на Кавказе. (В докладе этом говорилось, что свои выступления „добровольцы" совершат также

---

[1] Автор был прав, если «будущее» измерялось годами, но его точка зрения казалась глубоко ошибочной для конца 1918 г. и большей части 1919 г. — *Ред.*

во имя советов. Кроме того „добровольцы“ скованы борьбой, ведущейся ими с красной Осетией.)

„Но, скажут, почему же мы до сих пор не одержали значительных успехов на Дону, и откуда же эти речи об угрозе то Царицыну, то Балашову, то Воронежу?“

Отвечу прямо—это следствие плохой организованности наших военных сил, нашего командования в этом районе, а также слабости нашей политической работы и отчасти неправильности ее направления.

Не могу на этом остановиться подробнее... Убежден, что, устранив указанные недочеты, мы, при наличном количестве наших сил на Дону легко можем не только парализовать названные угрозы, но и сами перейти в неудержимое победное наступление. Но, скажут, что нам грозят англичане высадкой на юге или присылкой снабжения. Отвечаю: помешать тому и другому мы сможем, только владея побережьем Черного моря. Серьезно можно считаться лишь с поддержкой, какая может быть оказана добровольческой армии со стороны Новороссийска. Можно конечно без конца наворачивать страхов. Можно видеть уже, как через Румынию освободившиеся войска Македонского фронта наводняют Херсонскую, а там Екатеринославскую губернии и как с Кавказа катится вторая волна англо-турецких примиренных войск из Баку, заливающая Владикавказ и подымающаяся к Астрахани—Царицыну... Подлинный стратегический узел завязывается для нас не на Дону или на Кавказе, он туго затягивался на Урале.

Затем доказывалась необходимость завершить наступление, не позволяя контрреволюционной армии закрепиться на Урале (Екатеринбург находился тогда в руках белых и только северная часть Уральского хребта противостояла их натиску).

Близкое ознакомление с положением под Ижевско-Воткинским заводом и с Пермским (3-я армия) участком оставило у меня впечатление о недостаточности нашей работы на Восточном фронте.

Из инспекционных поездок по северной части этого фронта я вынес определенный план, представленный командующему фронтом С. С. Каменеву. Этот план еще не был рассмотрен, как последовал мой вызов в Серпухов, где находилась ставка Реввоенсовета Республики. 1 ноября главком Вацетис, рассказав о положении на Донском фронте, предложил мне принять командование 10-й армией (штаб в Царицыне).

Вацетис был даже настолько любезен, что заговорил о возможности моего назначения командующим всем Южным фронтом. Я предложил запросить предварительно председателя РВСР. Через несколько дней предложения о работе на Южном фронте отпали, и возникло намерение направить меня в Самару для командования 4-й армией Восточного фронта.

Я уклонился, заявив, что охотно принял бы командование на Екатеринбургском направлении или на юге. В этом духе написал заявление председателю РВСР и подал главкому следующий доклад:

„Из ознакомления с документами, характеризующими наше стратегическое положение, и отчасти из ознакомления с положением на местах, я вывожу заключения, которые считаю своим долгом предложить Вашему вниманию:

Потерпев неудачу в попытке создания сильной оборонительной линии по Волге, контрреволюция стремится организовать такую опорную линию на Урале.

Уральский хребет со своими ответвлениями, простираясь от крайнего севера до Тургайской области, составит трудно одолимую преграду, которую нам придется брать лобовым ударом.

В настоящее время белые владеют всей южной и центральной частью хребта, но северная часть его еще не в их руках.

Очищая Волгу, они сосредоточивают силы на Уфе, из Екатеринбурга они главными силами направляются в северные части Урала, дабы окончательно обеспечить за собою хребет. Это главная их задача. Успешное решение ее упрочивает их стратегическое положение.

Помимо того непрочность нашего положения у Перми позволяет им лелеять надежду овладеть Пермью и, сливаясь с местными восстаниями в Вятской губернии, продвинуться к Вятке навстречу наступающим союзникам.

До наступления зимних холодов надо ожидать усиления попыток в этом направлении. Надо иметь в виду, что сношения между Архангельском и Кандалакшей возможны еще месяца два, так как Белое море замерзает в указанном пространстве значительно позже, чем в проливе. Эти два месяца союзники постараются использовать для слияния фронта с белогвардейцами.

Итак рядом с указанной главной задачей—созданием прочного стратегического положения на Урале—и эта второстепенная задача—слияние неприятельского фронта—заставляет нашего противника сосредоточивать внимание именно на Урале.

Нахожу совершенно необходимым подкрепить нашу 3-ю армию, дать ей возможность хотя бы удержать северную часть Уральского хребта, если не развить серьезного удара к Екатеринбургу. Затем не дать противнику отстояться между Уфой и Златоустом, но, развивая наш первоначальный успех, форсированно наступать как с юга на Оренбург и далее на Миасс, в обход горных кряжей между Златоустом и Волгой, так и в направлении на Уфу—Златоуст—Челябинск. Ослаблять 5-ю армию считаю невозможным.

2-я армия могла бы содействовать 3-й продвижением на Красноуфимск—Екатеринбург. Но она лишь через две недели—не ранее—сможет развить серьезные операции в этом направлении, сейчас же сможет производить в нем лишь незначительные демонстрации, будучи связана преподанной от центра и целесообразной директивой—прежде всего подавить Ижевско-воткинское восстание.

Положение на Южном фронте далеко не является для нас серьезно угрожающим:

1) Казачьи силы, действующие против Балашева, Лиски, Воронежа, как и против Царицына, незначительны. Они никак не могут превысить 20 000 человек [1]. Сложенные из неоднородных социальных элементов, они подвер-

[1] Фактически силы Донской армии в октябре 1918 г. состояли из 72 000—68 000 бойцов при 9 орудиях («Гражданская война», т. III, стр. 137). — Ред.

жены процессу разложения, который фактически и проявляется уже в них и которому мы можем и должны (это уже задача политотдела) всемерно способствовать.

2) Наши силы в одном Царицыне превышают 40 000 и на фронте Лиски—Поворино вдвое превосходят наседающие силы казаков[1].

3) Вопрос о появлении английской[2] эскадры в Черном море и десанте англичан в Крыму, Новороссийске назрел, но таковое событие существа военной обстановки для нас в ближайшее время (именно в ближайшее) изменить не сможет. То разложение, которое несомненно проявляется в расположенных на Украине оккупационных дивизиях, и то обострение классовой борьбы, которое наблюдается в этом крае, не дадут возможности украинской контрреволюции направить свои силы против нас, тем более, что она этими силами и вообще не располагает (ее армия еще лишь начинает складываться).

На Кавказе положение взаимно уравновешено, но во всяком случае добровольческая армия, опасаясь за свой тыл, не двинется на Царицын, прежде чем не покончит с Терской областью, а Терская область держится устойчиво. Положение же на Каспии может быть легко улучшено нашей организующейся в Астрахани флотилией.

Во всяком случае с юга нам не грозит такой немедленной опасности, чтобы сосредоточивать на нем исключительное внимание, забывая об Урале.

Повторяю, при хорошей организационной работе и правильном командовании, в связи с соответствующей деятельностью политотдела можно легко разбить Краснова. Наше командование на Дону страдало отсутствием духа инициативы и решительности. Почин был отдан в руки Краснова, и задача была ограничена охраною границы советских владений. Наши войска превращены в какие-то пограничные заставы, занимающие страшно растянутый фронт в погоне за бойким, ускользающим, подвижным противником.

Необходимо избрать определенное операционное направление и, выдвинув заслоны на известных опорных пунктах, основными силами ударить в этом направлении. Таким направлением, наиболее чувствительным для казаков и обеспечивающим нам максимум успеха, является направление Лиски—Миллерово.

Прикрываясь Доном, удерживая Богучар, отстаивая узел у ст. Таловой и расчищая ветку на Калач, надо энергично наступать на указанную магистраль.

Приближение к жизненным центрам казачества, угроза обхода такого гнезда черносотенства, как станица Мигулинская, заставит казаков броситься в свои насиженные гнезда,—нажим на Новохоперск и Поворино ослабеет. Дальнейшее продвижение заставит приостановиться и силы, брошенные к Царицыну. Одновременно наше продвижение вызовет ряд сочувственных нам движений в казачьих крестьянских деревнях и рабочих поселках, и вокруг нашей армии начнут спешно отлагаться добровольческие части, из которых легко будет сформировать стойкие полки.

Я знаю, что план военрука Южного фронта иной, думаю, что этот план—очищение прежде всей линии Поворино—Царицын, при всей своей

[1] Наши силы на Южном фронте в конце декабря 1918 г. были доведены до 124 500 штыков и сабель при 2 230 пулеметах и 485 орудиях. — *Ред.*

[2] Тогда еще не было сведений о готовности французов к интервенции на юге.—*А. О.*

методичности страдает недостатком необходимой гибкости и отсутствием учета общей стратегической обстановки на Дону, а потому поведет к потере времени и лишних сил. Удар по наиболее жизненному и наиболее уязвимому направлению на Миллерово—Лихую скорее и с меньшими жертвами достигнет и этой побочной цели—восстановления железнодорожной связи с Царицыном, которую ставит военрук Сытин.

Я полагаю, что ему следовало бы, оставив на фронте для прикрытия Новохоперска—Борисоглебска и Таловой сводную дивизию из бригад Сиверса, Миронова и т. д., перебросить бравую дивизию Киквидзе, придав к ней один латышский полк, в Лиски, откуда развить энергичное наступление к югу (но может быть уже крайне трудно снять Киквидзе, втянутого в серьезный бой; основная идея этим не меняется).

Наступление на Златоуст—Челябинск надо продолжать самым энергичным образом. 3-ю армию поддержать настолько, чтобы она смогла по крайней мере отстоять Пермь и удержать северную часть Уральского хребта.

Уральский хребет должен быть нашим до наступления настоящих холодов, до возможного подхода союзных подкреплений из Сибири".

Когда писался этот документ, в Москву пришли первые вести о вспыхнувшей в Германии революции. Она разразилась 9 ноября. 11 ноября Совнарком постановил: дать Реввоенсовету Республики директиву—в десятидневный срок начать наступление в поддержку рабочих и крестьян Украины, восставших против гетмана.

11 же ноября состоялось совещание членов Реввоенсовета с украинскими коммунистами. Присутствовали—главком Вацетис, тт. Сталин, Скрыпник, Эпштейн (А. Яковлев), Затонский и я.

Затонский и Эпштейн доложили о положении на Украине. Оккупационные германские войска (не менее двух корпусов), прекрасно вооруженные, в значительной степени уже утратили былую дисциплинированность. Среди них наблюдается сильнейшая тяга в Германию, начинают складываться солдатские советы, главным образом для разработки мер к отъезду домой, но офицеры еще сохраняют права командования. Значительно больше разложились австрийские части, численностью до двух дивизий. Многие солдаты из них просто разбрелись. Имеются значительные шансы на покупку оружия у оккупационных войск, которые официально поддерживают гетмана Скоропадского, но на деле готовы войти в соглашение и с Петлюрой и с нами, лишь бы им был обеспечен отъезд на родину. Официальных сношений с нами опасаются из боязни осложнений с Антантой. Собственные силы гетмана Скоропадского не превышают 60 000 штыков (от 20 000 до 30 000 в регулярных частях—общий набор предположен в ноябре; от 10 000 до 15 000 добровольческих войск, организованных так называемым астраханским штабом в Киеве и другими штабами; офицерские ударные части—на 25 ноября назначен их учет—общей численностью не свыше 5 000 человек и „варта"—жандармерия). Все эти войска мало боеспособны, частью, готовы действовать против Скоропадского, в поддержку „радовцев" (Петлюры). Сильнейшую неуверенность в них вносит стремление оккупационных

немецких войск покинуть Украину. С другой стороны, их разлагает агитация „радовцев“.

Наши силы: две украинские повстанческие дивизии, расположенные в так называемой „нейтральной зоне“: первая—численностью до 3000 человек, вблизи Курска, вторая—до 500 человек, вблизи ст. Увеча. Артиллерии они почти не имеют, обмундированы и вооружены крайне скверно. По мнению т. Эпштейна и дисциплина в этих частях совершенно отсутствует. На самой Украине, после недавних провалов наших организаций в Киеве и Одессе, мы не располагаем сколько-нибудь значительными силами. По дословному заявлению т. Эпштейна—„Несмотря на то, что рабочие и многие крестьяне, особенно в Черниговщине, на нашей стороне, нечего и рассчитывать, без переброски значительных сил Красной армии, не только на успех революционного движения на Украине, но на самое его возникновение“. Только вблизи Екатеринослава действуют самостоятельные повстанческие отряды, о которых точно ничего неизвестно.

По некоторым сведениям союзники готовятся произвести высадку значительных сил на Черноморском побережьи. В свою очередь Румыния будто бы согласна оказать поддержку Скоропадскому.

В связи с положением на других фронтах эти сведения произвели явно неблагоприятное впечатление на Вацетиса.

Обстановка на западной границе при наметившемся отходе немецких оккупационных войск требовала как-будто нашего немедленного продвижения, чтоб не дать оформиться в очищаемом районе враждебным нам силам.

На юге Краснов еще держался. На востоке, отступив от Волги, белые закреплялись на Уральском хребте, получая сильные подкрепления из Сибири. На Северном фронте—от Архангельска до Мурманска—нависала угроза англо-белого десанта.

Главком дал понять, что считает активные операции на Украине несвоевременными. Но правительственная директива была слишком точна. РВСР должен был, по указанию Совнаркома, создать „Украинский ревштаб“. Командующим РВСР выдвигал меня. Это назначение встречало возражение со стороны группы украинских работников во главе с т. Артемом. Однако через несколько дней после моих переговоров с тт. Сталиным и Свердловым, мое назначение состоялось.

14 ноября я подал Реввоенсовету „Докладную записку об операциях на юге (Украина—Дон)“.

В ней я учитывал, что украинская контрреволюция готовится действовать не только с Деникиным и Красновым, но и с державами согласия[1]. Однако десантные операции не смогут значительно развернуться в ближайшие два месяца. Салоникская армия союзников связана оккупацией, румынская—брожением внутри Румынии.

---

[1] Нам было известно между прочим, что в числе условий перемирия, заключенного 11 ноября между Германией и союзниками, значилось: вывод германских войск из бывших русских областей в сроки по указанию союзников и свободный пропуск союзных войск к областям, очищаемым Германией на востоке «для охраны населения и поддержания порядка». — *А. О.*

Собственные силы гетмана—не более 60 000 штыков.

У Краснова—до 20 000 казаков, у Деникина—до 40 000 скудно снабженных[1]. „Силы обоих генералов не могут представить, за отсутствием крупных резервов у Краснова, значительной опасности для советской России". Немецкие оккупационные войска скидывались со счета, как уходящие с Украины, но отмечалось, что „среди них есть и белые, склонные к активности против нас".

Наши силы я считал достаточными для самых активных операций. В поддержку наступлению на Украину, предлагал: 1) усилить агитацию среди трудового казачества, прежде всего успокоив его относительно вселения на донские земли бедноты из центра, восстановить организационный казачий центр советской власти (об этом мною дан особый доклад); 2) немецким солдатам на Украине разъяснить смысл нашего продвижения, немедленно парализовать усилия их белогвардейских элементов и не допустить передачи ими оружия контрреволюции; 3) использовать обострение гражданской войны в Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии для отвлечения сил и внимания союзников; 4) войти в связь с грузинским правительством, которое возможно склонится теперь к перемене ориентации и выступит против Деникина; 5) постараться взять в свои руки наш черноморский флот.

В обеспечение путей на Смоленск—поспешное движение к Минску и вытеснение белогвардейцев за Пинские болота.

Основные действия на юге:

1. Прикрываясь от Брянска к Гомелю и имея в виду при малейшей возможности занять Гомель, развить серьезную диверсию к Киеву от Курска, мобилизуя и формируя повстанцев (к этому привлекается и меньшая из двух повстанческих дивизий).

2. Удар на Харьков: от Курска и Нового Оскола на Белгород—Харьков; дивизия Аусема на Готню—Богодухов; от Нового Оскола и Лисок—на Валуйки—Купянск (Волчанск).

3. Удар на Краснова—Деникина: активная оборона на фронте Камышин—Балашев—Таловая, наступление Таловая—Калач в прикрытие главного удара от Лисок на Миллерово. Одновременно для 10-й армии: активная оборона и диверсия от Царицына на Поворино, решительное наступление в поддержку и связь с уже начавшимся наступлением северокавказских армий на Торговую—Батайск.

Захват Харькова дает нам в руки узел железных дорог к Полтаве—Киеву, юг и Донецкий бассейн. Первое направление может быть использовано только по закреплении в остальных.

Наступление на юг необходимо предпринять тотчас же по занятии нами Харькова: 1) для установления связи с восстанием в Екатеринославском районе, важном, как прикрытие наших операций в Донецком бассейне и на Дону и как база для захвата Николаева, и операции против Киева (через Фастов) и Одессу (через

[1] Эти сведения вполне соответствовали действительности (ср. Деникин, Очерки русской смуты, т. IV, стр. 80). — *А. О.*

Жмеринку); 2) для продвижения нашего в Крым, который может послужить базой для десанта и т. д. противника—англичан; 3) для разрыва военной и экономической связи Украины с Доном и Донецким угольным бассейном.

Наше выдвижение от Харькова в Донецкий бассейн и организация здесь революционных сил создают сильную фланговую угрозу армии Краснова, отстаивающей железную дорогу от Ростова через Ново-Черкасск—Миллерово—Чертково. Эта угроза реализуется ударом от Рудакова на Миллерово, от Дебальцево на Лихую. В дальнейшем ударом от ст. Иловайской на Таганрог—Ростов мы поддержали бы удар, наносимый нашими 10-й и 11-й армиями на Ростов в стык армий Краснова и Деникина, Дона с Кубанью.

Операции против Киева развиваются главным образом со стороны Екатеринославского района и по обеспечении за собой этого района и Донецкого бассейна.

В записке отмечались и задания, которые следовало возложить на украинских повстанцев через украинский ВРК.

Вацетис ничего не возразил против этой записки. 17 ноября „Украинский ревсовет" был оформлен в составе тт. Сталина, Пятакова, Затонского и Антонова (Пятаков был вскоре отвлечен правительственной работой).

Вацетис назвал однако нашу армию „Группой Курского направления". Помимо повстанческих украинских дивизий в эту группу должны были войти Московская рабочая дивизия, которая будто бы грузилась в Москве, 43-й рабочий полк и 2-я Орловская бригада. Обещаны были также два бронепоезда, бронеотделение и партизанские отряды И. С. Кожевникова (из-под Уфы).

Специалистов для штаба группы должен был выделить Всероглавштаб.

На деле, в ближайшие дни Всероглавштаб не дал нам ни одного работника. Выручил командующий Московским военным округом. Он при первом же обращении кликнул клич к своим сотрудникам, и 18 ноября мы смогли выехать из Москвы с некоторым подобием штаба. Начальником штаба был назначен т. Виллер (временно), начоперод Скачков, начразвед Прозоров, в качестве порученцев— тт. Федюнев, Егоров, Степанов. Утром 19 ноября прибыли в Орел.

Из докладов зам. окружного военного комиссара и начальника 4-й стрелковой дивизии выяснилось печальное состояние снабжения воинских частей, округа и его складов. Тотчас же с особыми курьерами были посланы главкому (копии Склянскому, Подвойскому) два доклада о нуждах „Курской группы".

Вацетису докладывалось:

1. Московская рабочая дивизия еще не погружена, недостаточно обучена, пулеметные части не организованы, артиллерии у нее нет, политически также не вполне подготовлена. Для ее окончательной подготовки надо не менее двух недель; первая бригада может быть отправлена через неделю.

2. 43-й рабочий полк и 2-я орловская кавалерийская бригада нуждаются в доформировании, смогут его закончить дней в 10.

3. Партизанские дивизии не оформлены, рассматривать их как регулярные части нельзя. Нуждаются в упорядочении.

4. По отзывам военной инспекции и других органов в Орле имеются два полка 4-й дивизии, о которых прилагается особый доклад.

Прошу о нижеследующих немедленных распоряжениях:

1. Переводе бригады Сиверса (была под Таловой) в мое распоряжение и о сосредоточении ее в направлении Воронеж—Курск.

2. Предоставлении в мое распоряжение броневых поездов: находящегося на Ярославском вокзале в Москве и выходящего из Сормовских заводов под командой Каськова.

3. Предоставлении мне броневой колонны из трех броневиков под командой Кузьмина, находящейся в распоряжении Центроброни.

4. Составлении из частей „резервной армии“ дивизии и ее переводе в мое распоряжение, взамен чего в резерв переходят части московской рабочей дивизии.

5. Переводе в мое распоряжение какой-либо кавалерийской сформированной части, если можно 4-й кавалерийской дивизии.

6. Придании к моей группе сформированных артиллерийских частей и переводе в мой резерв арт. дивизиона, формируемого в Москве (в двухнедельный срок будет готов) т. Пуке.

7. Предоставлении в мое распоряжение авиационной группы (состоящей при 9-й дивизии).

Без удовлетворения указанным никаких активных действий предпринять не могу“.

Тут же был приложен особый доклад о состоянии 4-й орловской дивизии. Из 6 ее полков 2 могут быть готовы к военным действиям через неделю, при условии снабжения их недостающим вооружением. (В Орловском округе нет никаких запасов снабжения.) Остальные 4 полка дивизии были совершенно не вооружены, кавалерия и артиллерия отсутствовали.

19 ноября к ночи мы прибыли в Курск и тотчас же заслушали доклад командарма Глаголева и комиссара Вишневецкого о состоянии резервной армии. На основании этого доклада РВСР была послана телеграмма за подписью тт. Сталина и Антонова: „Самым настоящим образом поддерживаем требования по снабжению командарма Глаголева. Свидетельствуем, что при этом условии формирование может быть для половины частей закончено в неделю. Находим совершенно необходимым определить отношения к Глаголеву, иначе создастся вредная путаница. Предлагаем Глаголева подчинить Реввоенсовету группы Курского направления“.

Начштаб группы дополнительно доложил главкому следующее:

„Резервная дивизия находится в периоде формирования и состоит из 9 полков, одного легкого мортирного и одного тяжелого артиллерийских дивизионов, инженерного батальона, батальона связи и двух кавалерийских полков. Наличный состав ее: 12 000 молодых, 2 000 старых солдат-пехотинцев, 1 200

старых кавалеристов и полный штат артиллеристов на 3 дивизиона. Дивизия имеет полный штат хорошего высшего командного состава; недостает 150 взводных командиров. Части дивизии расположены следующим образом: 4 полка пехоты, 2 полка кавалерии и специальные части стоят в Курске, 2 полка—в Брянске, 1 кадр пехотного полка идет из Липецка, 1 пехотный полк в Ляличах (600 чел.), 1 будет формироваться в Короче.

В складах дивизии имеется только картофель, немного овса и сахару. При праве самостоятельной закупки район расположения дивизии может обеспечить ее всеми необходимыми продуктами и фуражом. Недостает дивизии по штату 80 пулеметов Кольта и 100 пулеметов Максима".

В тот же день, 19 ноября, был заслушан доклад т. Ауссема, начальника повстанческой дивизии.

Дислокация ее частей:

6-й полк—в м. Заячье (в 45 *км* к сев.-вост. от Белгорода); состав 1 127 штыков. Выделено до 50 артиллеристов (но орудий нет) и до 158 кавалеристов (налицо всего 130 лошадей, седел же нет совсем). В полку 11 пулеметов, 2 000 винтовок, 1 400 гранат, 650 000 патронов. Нет обмундирования (всего до 400 шинелей) и обуви.

9-й полк—в м. Зимовенька (55 *км* юго-вост. Белгорода)—828 чел. пехоты (вооружены только 250 при 2 пулеметах) и 50 чел. кавалеристов; передовые его части находятся в 6—7 *км* от Белгорода, разведка—до Волчанска. Обмундирования нет.

Батальон Михайловского—в 15 *км* к сев.-вост. от Прохоровки (355 чел.); 8-й полк—в Богатом; 5-й в Крупца; 7-й Суджанский (1 288 штыков, 8 пулеметов, 3 орудия)—Суджа-Вольфино.

Тут же выяснилось, что уже дня три тому назад демаркационная линия очищена немцами. Казалось, обстановка требовала от нас немедленных действий.

Например в это время было получено с нарочным (железнодорожная связь с Киевом действовала тогда нормально) следующее письмо из Киева для Украинского ревкома:

„Уважаемые товарищи, по поручению Киевского областного комитета партии и Центрального ревкома сообщаем нижеследующее: 15 ноября был опубликован новый состав правительства, стоящего на платформе „Единая Россия" и „борьбы с большевистской властью". В этот же день начались волнения в киевских высших учебных заведениях, и добровольческим отрядом была расстреляна сходка (1 убитый, 12 раненых). В заседании областного губернского и городского комитетов партии постановили: поставить вооруженное выступление в порядок дня, всю работу подчинить этой задаче.

Штаб был усилен новыми лицами и немедленно приступил к работе. На совещании за резолюцию голосовали 7 против 1, воздержавшихся—2. 16-го выяснилось, что белогвардейцы намерены разоружить железнодорожный полк (1 600 чел.). В ночь на 17-е ожидалось выступление Белоцерковной повстанческой группы (Елчавика и др., около 3 500 чел.). Штаб послал навстречу группу представителей. Выступление наше должно быть согласовано с движением этой вооруженной силы. Утром 18-го пришли известия, что

группа движется медленно, количество повстанцев возрастает (достигает уже 6 000 чел.); имелись также указания, что к ней примазываются радисты, выпустившие прокламацию и образовавшие директорию. Центральный ревком направил в группу двух представителей и одного офицера. Была усилена работа в городе, все надлежащие меры приняты. 18-го началась всеобщая стачка, мы были против немедленного ее проведения (наш лозунг: стачка в момент восстания). Но Ревком объявил всеобщую стачку. Начатая стачка может ухудшить положение, которое отмечается нами как благоприятное. Германские солдаты держат „нейтралитет", т. е. занимаются предательством. Стоят они на этой позиции твердо, количество их здесь до 8 000, белогвардейцев—до 12 000, прекрасно вооруженных, кроме того нейтральных—8 000, офицеров—6 000. Присылайте денег—миллион рублей, шлите интернац. Необходимо немедленное выступление в пограничной зоне.

С товарищеским приветом, Андрей Стакисов.

P. S. Поезда в направлении ст. Фастов не ходят, так как белогвардейцы окопались около поста в 6 верстах от Киева. Наши отряды прибывают. Имеются непроверенные слухи, что Екатеринослав занят повстанцами, а Константиноград—нами. Выпущены 3 листка (общий, крестьянам и германским солдатам). Железнодорожный полк разоружен частью. Положение напряженное. Посылаем людей по области и Украине для информации. Еще раз денег, интернац. и выступление в пограничной зоне.

С товарищеским приветом Андрей. 18 ноября 8 час.".

Между тем мы были скованы почти полным отсутствием в нашем распоряжении сил... Но надежд не теряли.

19 ноября через нарочного Центрального ревкома повстанческим частям была дана следующая директива:

„В поддержку войск временного рабоче-крестьянского правительства Украины, начинающих наступление против контрреволюционных банд, подавивших свободу украинского народа, предлагается:

1. Мобилизовать все революционные силы по линии Льгов—Киев—Новозыбков—Гомель, имея в виду занятие Гомеля и всех важнейших узловых пунктов ж. д. для противодействия всеми мерами возможному продвижению контрреволюционных сил от Киева в направлении к Курску или Брянску.

2. Захват повстанческими отрядами Лубны, Ромоданы, Миргорода, дабы отрезать Полтаву от Киева и воспрепятствовать продвижению контрреволюционных войск от Киева к Харькову и отходу их с Харькова на Киев.

3. Мобилизовать все революционные силы Екатеринославской губ. для восстания навстречу нашему движению на юг и захвата ст. Александровск, Синельниково, Павлоград, чтобы воспрепятствовать отходу контрреволюционеров от Харькова к югу. При первой возможности следует занять Николаев.

4. В Крыму принять меры, дабы помешать десанту союзников организации ими базы в Крыму и их продвижению к северу.

5. Немедленная организация партизанских отрядов в Донецком бассейне, в частности для захвата Северо-донецкой ж. д. в связи с занятием нами Харькова и дабы воспрепятствовать ее порче контр-

революционерами. Действия отрядов должны быть направлены к захвату военных заводов и по возможности портов Мариуполь—Бердянск.

6. В Старобельском уезде немедленно мобилизовать силы в поддержку нашего продвижения от Воронежа в Донецкий бассейн".

Этой же перспективой нашего продвижения к Харькову и в Донбасс вызвано приказание начальнику 2-й Украинской дивизии немедленно приступить к порче железнодорожных путей в тылу у Белгорода, а также распоряжение штабу первой дивизии, находящемуся в Почепе, направить первую бригаду Примакова в самом спешном порядке в Курск в распоряжение совета войск Курского направления.

Считаясь с обстановкой, хотя и в явное нарушение военного порядка, мы также, минуя инстанции, послали непосредственно начальнику Центроброни в Москву требование—немедленно выслать в Курск, в наше распоряжение, бронепоезд Каськова из ярославских железнодорожных мастерских и бронеколонну Кузьмина; т. Муралова просили прислать боевой отряд т. Яшвили.

В 7 час. 20 ноября командгруппы выехал в Воронеж вместе с начразведками и старшим адъютантом. Вечером мы прибыли в Воронеж.

Отсюда начразведки Курской группы запросил начштаба (Курск) и, напомнив ему отданные уже распоряжения, предложил дополнительно от имени командующего группой: 1) занять одним батальоном Волчанск, откуда—разведку на Купянск; 2) командрезерв—выслать воздушную разведку в направлении Белгород—Готня и западнее.

Одновременно в Воронеже произошел ряд совещаний с военными начальниками, в результате которых, после свидания с командармом 8 Геркавиным, начоперодом 8, начальником 2-й кавдивизии Шмидтом и начальником продотрядов Зусмановичем, главкому было доложено, что 43-й добровольческий полк и все закончившие формирование продовольственные полки, за исключением формирующихся 3-го и 5-го, взяты из Воронежа на фронт. Из полков 2-й Орловской кавдивизии, рассеянной на громадном протяжении, только один относительно организован (720 бойцов и 40 лошадей); во 2-м, 5-м и 6-м полках есть только кадр, лошадей также нехватает; нет казарменных помещений, 4-й полк отошел к 9-й стр. дивизии. В артдивизионе материальной части почти нет; формируются только 2 батареи. Нет комсостава. В Новом Осколе—3 эскадрона, подчиненные Зусмановичу. В Орле кончает формирование 4-й продовольственный полк; обмундирования нехватает. В Пензе—9-й маршевый продполк, без вооружения, но обученный. В Курске—2 „продовольственные" батареи.

Далее указывалось, что положение 8-й армии обязывает к скорейшему наступлению на Купянск и отсюда во фланг продвижения казаков. Для этого испрашивалось предоставление в мое распоряжение не менее бригады (желательно бригаду Сиверса) и сильного кавалерийского полка. Затем я просил конницу, расположенную в Новом Осколе, 4-й продовольственный полк (в Орле) и две батареи (в Курске) передать в мое распоряжение, ускорить снабжение 9-го

маршевого продовольственного полка и обеспечить правильное расквартирование и снабжение 2-й Орловской дивизии.

Кроме того упорядочить вопросы командования, так как например командарм Чернавин весь фронт от Брянска и до ст. Анны относил к себе, а командарм Глаголев считал своими все части, находящиеся в районе от Брянска до Курска, кроме формируемой в округе 4-й дивизии; для этого необходимо было установить разграничительную линию между моим фронтом и фронтом 8-й армии; резервную армию подчинить Реввоенсовету группы Курского направления, причем Глаголев может оставаться начальником резервов и формирований для этой группы.

Ночью того же дня в Курске выяснилось, к великому моему сожалению, что Сталин выехал экстренно в Москву.

Утром происходило заседание нашего Реввоенсовета. Все распоряжения командования исполнены или исполняются. Нет сведений лишь об исполнении начдивом 2 предписания об отправке на Курск бригады т. Примакова. Пришлось вновь телеграфировать.

По заявлению секретариата ЦК компартии Украины к нему обратился представитель командования Воронежским интернациональным отрядом за указаниями, куда направить этот отряд. Последний, численностью в 440 чел., находится в Воронеже, где кроме того в него желают вступить до 500 венгерских военнопленных. Командование отряда действует согласно постановлению федерации иностранной группы Российской компартии (от 15 ноября за № 545). Насколько помню, мы дали распоряжение этому отряду срочно направиться в Курск, но вследствие противодействия воронежских властей отряд сильно запоздал и вырвался на Украинский фронт только через несколько месяцев.

Главкому сообщено 21 ноября:

„1. Из 4-й и 9-й дивизий взять ничего нельзя, не разрушив формирований, которые ведутся очень успешно.

2. Возможно воспользоваться некоторыми кадрами и материалами для двух легких батарей, которые и будут формироваться в Старом Осколе (соответствующие распоряжения сделаны).

3. Авиационные отряды в Курске имеют бензину всего 0,5 *т*, и поэтому сейчас пользование ими невозможно.

4. Повстанческие дивизии плохо снабжены.

5. В Орловском округе нет никаких запасов снабжения.

Необходимы энергичные распоряжения об экстренном пополнении запасов Орловского округа.

В оперативном отношении приняты меры к стягиванию разбросанных частей повстанческих дивизий в намеченных оперативных направлениях согласно одобренному вами общему плану; я попрежнему остаюсь без опытных штабных работников, и мой штаб совершенно неработоспособен“.

Одновременно велись переговоры с командармом резервной Глаголевым, но когда мы попробовали реализовать некоторые из его обещаний, то наткнулись на неожиданные препятствия. Орудия, пред-

назначенные для формируемого нами дивизиона в Старый Оскол, направлены Глаголевым на южный фронт. Обещание передать одну бригаду 9-й резервной дивизии (79-й полк стоял в Льгове в бездействии) во 2-ю Украинскую дивизию также отпало. Нам удалось вырвать лишь согласие на передачу в распоряжение Реввоенсовета нашей группы 22 артиллеристов, подобранных нами в Воронеже. Эти артиллеристы должны были получить в 4-м продовольственном полку в Воронеже 200 солдат и направиться в Старый Оскол (уездный военный комиссариат) для сформирования дивизиона.

Подкрепления, обещанные из Москвы, не приходили. Специальному толкачу в Москве посылались кричащие телеграммы.

К зампредреввоенсовета Склянскому взывали, что совершенно нет денег. Орловский округ помочь снабжению не может ни в чем, необходимы экстренные распоряжения о его пополнении.

Подвойского, начальника Высшей военной инспекции, телеграммой просили: спешно прислать комиссии для тыловых формирований. Крайне важно было немедленно произвести инспекцию и подтолкнуть формирования 2-й кав. дивизии в Воронеже и некоторых частей в Орле и Курске. Извещали его о крайнем недостатке снабжения, что тормозило все наши начинания.

К ночи 21-го прибыл курьер из Серпухова. Привез шифры и следующую новую директиву главкома:

„21 ноября 1919 г. На Вас возлагается впредь до начала операции задача: Первое. Сосредоточение Вашего отряда в районе южнее Курска вдоль демаркационной линии от Обоянь до Бирючь. Второе. Отряду должна быть придана совершенно правильная организация, причем для спайки всех родов войск принять энергичные меры. По степени готовности и по свойству задачи, которая возложена на Ваш отряд, вам надлежит сформировать подвижную ударную группу в составе полка конницы, 43-го полка и отряда Кожевникова, придав им две батареи артиллерии. На эту ударную группу возлагается нанесение удара в тыл красновских войск в направлении на Миллерово, прикрываясь рабочей дивизией со стороны Харькова. Третье. Во время операции Вам придется действовать в тесном контакте с 8-й армией. Четвертое. При размещении войска должны быть расположены под крышей в теплых помещениях, дабы избежать возникновения неудовольствия в частях. На последнее обращается особое внимание. Пятое. Снабжение Вашего отряда должно производиться распоряжением штаба Южного фронта. Шестое. При Вашем отряде должен быть сформирован штаб отряда. В связи с возложенной на Вас директивой предлагается Вам разработать следующие вопросы: первое—расквартирование Ваших частей до начала операции; второе—организация; третье—план Ваших операций на Миллерово и Харьков, причем иметь в виду, что при выполнении этих операций Ваш отряд предполагается усилить за счет революционных элементов Харьковского и Донецкого районов, формирование коих будет возложено на Орловский округ; четвертое—все эти соображения с нарочным вышлите в полевой штаб. Что касается резервной армии Глаголева, то, как я Вам на словах объяснил, она имеет свое особое назначение, и вопрос этот обсуждению не подлежит. О получении настоящей директивы телеграфируйте“.

Эта директива совершенно не считалась с отсутствием на местах указанных в ней боевых частей, с наличием украинских отрядов, с положением на Украине и с решениями РВС Республики еще от 11 ноября (о немедленном наступлении именно на Украину).

Никаких указаний на разграничение с 8-й армией и с резервной она не содержала. В ней совершенно не упоминался ряд частей, обещанных нам раньше Главкомом.

Не дожидаясь указаний главкома, мы приняли меры к сосредоточению сил в двух направлениях—к Купянску и к Белгороду. Мы имели в виду необходимость, используя особую обстановку на Украине, немедленно развить наступление не только к Купянску, но и к Харькову.

22 ноября в наш штаб прибыл из Харькова т. Шварц С. Он сообщил между прочим о растерянности, охватившей германских солдат, и о их готовности сдать нам без боя Белгород. Он привез также следующее письмо:

Харьков, 19/XI 8 час. веч.

Дорогой товарищ.

Сегодня мы (Я, Яша и Николай) приехали и немедленно приступили к работе. Положение таково: Петлюра захватил власть бескровно и ничтожными силами гайдамацких частей в Харьковщине, Черновщине и Полтавщине; идут бои в Киевской губ. В некоторых местах власть захвачена нашими (Волчанск, Конотоп и кажется Александровск, где оперирует анархист Махно с значительными силами). В наказе № 3 Петлюра объявляет: 1) демократическую народную республику, 2) добровольческим офицерам гарантируется полная неприкосновенность личности и предоставляется возможность выезда (обязательного) за границы Украины немцы нейтральны, 3) старый аппарат сохраняется (но он помимо воли Петлюры уже развалился). Меньшевики и украинцы призывают к поддержке Петлюры и Национального союза. В Киеве пока гетман (сообщения последние от воскресения). Екатеринослав по сведениям Краевого рабочего комитета занят добровольцами Деникина. Юзовка—казаками Краснова. Здесь мы сегодня вышли из подполья. Весь день шли митинги. Я выступил открыто перед ж. д. (не менее 3—4 тысяч). Принята единогласно наша резолюция, паровозостроительный—тоже единогласно. На всех заводах прошла

наша резолюция, избраны представители в комиссию по выборам в Совет. Гайдамаки заявляют, что они не пойдут против Совета. Отношение немцев к Совету не определилось: Завтра вероятно пошлем к ним делегацию. Сейчас у нас проходит заседание, где И. Б. предлагает приступить к немедленной организации захвата власти. Избран В.-Рев. Комитет и соответствующие комиссары. Вам необходимо предпринять следующиее: немедленно всем Вам выехать. Все харьковские работники должны немедленно выехать. Немедленно должны быть двинуты войска. Если добровольцы доберутся до Харькова, борьба с Красновым затянется. Считаем необходимым, чтобы впереди шел отряд немцев: при хорошем отношении к ним можно от них получить оружие. Сопротивления с их стороны ожидать не приходится. 3—5 решающих дней. Против Деникина (он объявлен Главнок. всей России) можно будет мобилизовать громаднейшие силы. Хлебных и др. ресурсов—много. Надо немедленно двинуть войска для занятия Харькова. Англо-франц. по сообщению Украинского телеграфного агентства сходились в Севастополе, но это неверно. Я в Сумах говорил с немецким матросом, который 3 дня назад оттуда выехал—их еще тогда не было, а сообщение У. Т. А. как раз того же числа. Агентство муссирует слухи даже о приезде англичан в Киев, но это безусловно неверно. Некоторые дороги стоят. С Ек-ом сообщения пока нет. Необходимо, чтобы выехали профессионалы-продовольственники. Необходимы красные офицеры.

P. S. С немцами неважные дела. Шлите сотню немцев.

„Резолюция Х. К., Х. Ревкома и Т. Б.

К письму был приложен такой документ:

I. Основная задача Харьковской организации в настоящий момент—захват власти Советами в Харьковском районе.

II. Совет как орган восстания должен быть избран немедленно.

III. До созыва Совета вся работа по организации восстания поручается Ревкому, избираемому на данном совещании.

IV. Ревкому Харьковского района поручается особо усиленную работу повести:

а) в области организации рабочих полков,

б) в области установления связи с украинскими и немецкими частями путем делегаций, листовок и т. п.

V. Необходимых для этого работников для меня дать харьковской организации, которым поручается мобилизация всех членов партии, созыв общегородской конференции... организация заводских партийных ячеек, составление списков в Совет по заводам и т. п.

Подписи (Александр, Яков)".

По рассказам т. Шварца в Харькове только что закончился ряд экономических забастовок (паровозостроительного завода, печатников, городских предприятий). Меньшевики еще срывали боевую акцию рабочих. 5 ноября благодаря им собрание представителей профсоюзов и политических партий отвергло предложение большевиков о забастовке в честь годовщины Октябрьской революции, но приняло решение о забастовке протеста против нарушения свободы организаций. Украинские власти арестовали стачечный комитет, но после 2 дней забастовки последний по настоянию германцев был освобожден. В ночь на 18 ноября петлюровский атаман Балбачан, опираясь на запорожский пехотный полк, произвел переворот. Представительство гетмана пало; добровольческому командованию предложено не вмешиваться в дела „Независимой украинской республики". Меньшевики и эсеры за Балбачана. 19 ноября они образовали с радистами „Краевой рабочий комитет", выпустивший воззвание о выступлении против гетманцев вместе с украинскими националистами. Вместе с тем меньшевики созывают на 24 ноября „Общеукраинский рабочий съезд". Настроение рабочих масс однако вполне революционное: на всех митингах вынесены резолюции за советскую власть и за выборы совдепа. Совет будет несомненно наш.

Представителю харьковских коммунистов мы вручили письмо с рядом указаний о предстоящей боевой работе. (Это письмо в архиве не сохранилось.)

22 ноября РВС Республики было сообщено:

„По последним сведениям Харьковская, Полтавская, Черниговская (частью) губернии в руках войск Рады (Петлюры). Их мало. Рабочие против них, но пока не активно. Гетман уцелел в Киеве. Казаки проникли в Донецкий бассейн. Екатеринослав занят добровольческой армией.

У Лозовой—бой между войсками Рады (200 человек) и отрядами добровольцев. В Харькове—300 добровольцев. Все рабочие вынесли резолюцию за нас. Эти сведения достоверны. Надо не упустить момента. Мной предписано сторожевым частям повстанческой дивизии Ауссема занять Волчанск, затем Белгород, Суджу, Готню.

Пока имею сведения, что Рыльск и Суджа нами заняты без боя.

Мне необходимы броневые поезда. Считаю, что обстановка благоприятна до крайности, но через две недели может перемениться.

Настоятельно прошу содействия. Ничего от Вас не получаю".

Писал я также т. Склянскому, просив его принять самые радикальные меры, чтобы все протолкнуть к нам; отрядить кого-нибудь

в Центробронь и на вокзал за броневыми поездами и сказать Муралову, чтобы слал скорее. Просил его помочь, так как иначе упустим благоприятную обстановку: в Харькове всего 300 петлюровцев; харьковские рабочие везде выносят большевистские резолюции; город можно взять шутя; но командарм резервной армии Глаголев не выделяет мне никаких частей, из Москвы тоже ничего нет. „Пособите,—просил я,—надо спешить". Здесь же я сообщал Склянскому, что нами заняты Рыльск, Суджа (без боя), занимаем Готню.

Итак вопреки приказу Главкома мы решили наступать к Харькову.

Пошли спешные телеграммы. Штабу 1-й дивизии предписано оставить в Почепе не менее двух взводов артиллерии, а остальное спешно двигать с бригадой Примакова; указывалось, что всякая оттяжка будет караться, как контрреволюционный акт.

Распоряжения Ауссема (комдив 2) о сосредоточении сил для занятия Белгорода встречали противодействие.

Эти препятствия энергично преодолевались.

Передвижение частей 1-й дивизии тормозилось противодействием Орловского окружного военного комиссариата. Пришлось телеграфировать Орловскому окружному военному комиссариату (с копиями в Почеп штабу 1-й дивизии), в Серпухов главкому Вацетису и в Москву наркому Сталину о том, что распоряжение о продвижении 1-й бригады Примакова дано нами по полномочию Реввоенсовета Республики и что всякая задержка в отправке бригады будет рассмотрена как акт контрреволюционный; упоминалось, что на место посылается особая инспекция, и виновных ждет революционный суд.

О „саботажных" действиях орловского военкома мы сообщали Всебюровоенком Юреневу с копией председателю Совнаркома т. Ленину. Об этом же отряде телеграфировали председателю Революционного совета интернационалистов т. Мейеру. Отряд вскоре прибыл и пошел на пополнение частей 2-й дивизии.

Срок, данный Совнаркомом для начала активных операций на Украине, истек. Между тем поступили сведения о решении союзников предпринять оккупацию Украины вместо уходящих германских войск. Газеты кричали об успехах Ясского „государственного" совещания, на котором союзники заявили об этом своем намерении. Разведка доносила о широко задуманном гетманом формировании (всего заложено 8 действующих корпусов).

В газетах 21 ноября было помещено воззвание союзников от 19 ноября к населению южной России. Подписанное представителями Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, Бельгии, Сербии, Греции и... „России"—оно вещало о вступлении войск союзников на территорию России „для освобождения ее от гнета большевиков". В Одессе появились первые суда „союзной эскадры".

Одновременно на Украине росло революционное брожение. В ответ на декларацию гетмана об объединении с Красновым и Деникиным для восстановления Всероссийской державы „радисты" (Директория)

опубликовали (15/XI) воззвание против Скоропадского. Разгорелась борьба вокруг Киева, связывающая силы наших врагов.

Ввиду отсутствия помощи со стороны РВСР и явного нежелания главкома считаться с директивой правительства т. Ленину было послано следующее письмо (от 22 ноября).

Дорогой Владимир Ильич!

Совнарком и по его указанию Реввоенсовет решили немедленно приступить к активным операциям на Украине. 17 ноября оформился совет Украинского фронта, замаскированно названный совет Группы Курского направления. Его состав: я, т. Сталин, т. Затонский. Вацетисом указано: взять в наше распоряжение: а) В Воронеже 43-й рабочий полк, 2-ю Орловскую кавалерийскую дивизию (подтолкнув ее формирование, и наличные продовольственные полки, б) Московскую рабочую дивизию, которая по сведениям штаба главкома должна была находиться уже также в Воронеже. в) Повстанческие части на Украине. г) Отряд Кожевникова из-под Уфы. д) Броневой поезд в Москве. Для организации штаба начальником Главного штаба в Козлове собрана (по его сообщению) группа в 5 генштабов. В Воронеже оказалось 43-й полк в бою, взять нельзя, продовольственные полки или в бою или далеко не сформированы. 2-я Орловская дивизия почти не начала еще сформировываться — без квартир, без снаряжения. Московская рабочая дивизия оказалась еще в Москве, у нее артиллерии почти нет, она политически не вполне надежна (отзыв Муралова и Мандельтама). На Ярославском вокзале в Москве оказался броневой поезд, который однако мне не передали, несмотря на просьбу, обращенную к Вацетису. Другой броневой поезд, обещанный мне к 20-му Центробронью, до сих пор еще не дает о себе знать. То же самое и с 3 броневыми машинами, которые должны были выйти еще 20-го вечером из Москвы (вопреки телеграмме о выходе, они еще не вышли), и ко мне перешли пока только части повстанческих двух дивизий — в обеих до 4000 человек, плохо снабженных, плохо организованных, плохо дисциплинированных и рассеянных на протяжении

верст 300. В Курске и Орле формируются части 4-й и 9-й дивизий и продовольственные полки, но за отсутствием снабжения ничего не может из этого нужного выйти. Орловский округ ничего не имеет и никто ему ничего не дает. Вацетис же предложил мне базироваться на этот округ, т, е. на полную пустоту.

«Я исчерпал все инстанции и теперь тревожу Вас. Помогите. Владимир Ильич, нас зовут из Украины. Рабочие повсюду выносят приветствия большевикам, клеймят «радовцев». И радовцы торжествуют благодаря нашему бездействию и спешно организуются. А к Киеву подтягиваются германцы, в Екатеринославе (по слухам) сидят «добровольцы», в Донецкий тянут казаки. В таких условиях я решил итти вперед. Сейчас можно голыми (да дерзкими) руками взять то, что потом придется брать лбом.

С сердечным уважением Антонов».

Одновременно послан ряд торопящих призывов начвосо Загю, с копией наркомпуть Невскому.

Лишь 25 ноября в 14 час. прибыл эшелон 37-го рабочего Московского полка. Торжественная встреча. Речи. Кормежка. Инспекция. Выяснилась необмундированность и недообеспеченность полка. Пришлось согласно указаниям главкома направить этот эшелон на Воронеж...

Одновременно с письмом Ленину, главкому послано следующее заявление, в котором, перечислив все основные недочеты, говорилось:

„Относясь серьезно к принятым на себя РВСР и переложенным на совет Украинского фронта обязательствам в десятидневный срок (т. е. к 22 ноября) приступить к решительному наступлению на Украине, Антонов призывал Вас: 1) уничтожить чересполосицу командования, установив разграничительную линию между Украинским и так называемым Южным фронтом; 2) подчинить резервную армию Совету Украинского фронта; 3) из сформированных уже частей 4-й и 9-й дивизии создать сводную дивизию, которую экстренно снабдить всем необходимым, рабочую Московскую дивизию перевести в резерв нашего фронта в Орел—Курск; 4) принять все меры к немедленному пополнению запасов Орловского округа; 5) все пограничные части в районе Украинского фронта подчинить совету этого фронта; 6) передать в распоряжение Совета Украинского фронта продовольственные части в Н. Осколе и в Орловской губ., содействуя ускорению их формирований путем экстренных мер по их снабжению; 7) дать в наше распоряжение броневой поезд, стоящий в бездействии на Ярославском вокзале в Москве,—и еще ряд мер, необходимых для осуще-

ствления преподанных Реввоенсоветом директив. Вместе с тем ЦК Укр. ком. призвал рабочие массы Украины к восстанию в поддержку нашим войскам. В ответ на доклады и запросы Антонова получена только записка от 22 ноября, копия которой здесь приложена и которой содержание совершенно не согласовано с устными Вашими указаниями. Несмотря на утверждение ее „еще раз“, ни разу не было раньше получено таких ограниченных указаний. Это противоречие, дополненное сообщенным Артемом, членом совета резервной армии, и т. Затонским о посланной Вами командарму Глаголеву телеграмме, предупреждающей его от всяких авантюр, как и полное отсутствие реальной помощи на местах и в центре, побуждает писать настоящий документ, дабы установить точно перед Реввоенсоветом Республики факты, выясняющие до известной степени, почему ответственное военнополитическое действие грозит вылиться в недостойную Советской Республики авантюру“.

К вечеру пришла следующая обнадеживающая телеграмма:

„Курск, вокзал, поезд Антонова, Антонову и Пятакову. Вполне понимаем Ваше беспокойство и уверяю Вас, что как я, так и Ленин, сделаем все возможное. Все Ваши телеграммы переправлены Вацетису с требованием дать срочно распоряжения, копии же распоряжений переслать Совнарком. Копии нужны нам для поверки, и если заметим фальшь, никого не пощадим. Больших сил послать на Ваш фронт пока не удается по понятным причинам. Все остальное будет послано Петрограду... Несколько тормозится дело неофициальным положением Вашей группы, с опубликованием второго документа дела пойдут гладко. Сталин“[1].

В 3 часа 24-го командующий группой получил вызов Вацетиса в Серпухов и немедленно выехал, отставив т. Вилеру, исполняющему обязанности начштаба группы Курского направления, следующие указания: „Ввиду моего экстренного отъезда в штаб главкома (по его вызову) Вы замещаете меня в совете группы.

Вам надлежит:

1) Бригаду Примакова всю сосредоточить в Курске (а не в Льгове);

2) Ограничиться этой группировкой и сосредоточением сил дивизии Ауссема у Белгорода (бригада Каверина) и батальона Михайловского в Волчанске;

3) Организация штаба: подготовка приказа о формировании штаба, по санитарной части, по снабжению, по порядку в частях, о судах, штаты политотдела;

4) Эшелоны рабочей дивизии направлять в Воронеж согласно приказу главкома;

5) Батальон интернационалистов, прибывающий из Орла, удержать в Курске;

6) Все прибывающие части кроме рабочей дивизии оставлять до распоряжения в Курске“.

---

[1] Второй документ «Объявление о РВС Укр. армии».

Главком принял меня суховато. Он не отрицал, что данные им мне обещания остались невыполненными. Таковы последствия сложившейся обстановки. Ввиду наших неудач на Воронежском направлении—потери Лиски и развивающейся в связи с этим паники в частях 8-й армии—Московская рабочая дивизия, уже направленная на Курск, повернута на Воронеж. По этой же причине отпадает передача в наше распоряжение 4-й кавдивизии и ряда продовольственных полков.

Предназначавшиеся для нас два бронепоезда и бронедивизион также получают иное назначение. В связи с заданием правительства—в срочном порядке занять определенные железнодорожные узлы в очищаемых германцами западных областях—эти бронепоезда и бронедивизион направляются на запад.

Мне предложено ни в коем случае не предпринимать наступления на Харьков и ограничиться реорганизацией укротрядов; считать своей основной задачей содействие 8-й армии, для чего сосредоточить отряд Кожевникова и местные пограничные части в направлении Валуйки—Купянск и создать отсюда угрозу дальнейшему продвижению противника от Лиски к Воронежу.

Тщетно напоминал я неотмененное задание правительства — к 22 ноября развить наступление на Украину, тщетно указывал на исключительно благоприятную для нас обстановку в Харькове и отмечал, что могу выполнить наступление к Харькову силами одних украинских частей с придачей всего лишь 1—2 бронепоездов, тщетно указывал на наличие в Курске значительных сил резервной армии, могущих быть переданными на Купянское направление,—на все эти указания я получал ответ, что распоряжение остается в силе. Я тотчас же дал телеграмму в Курск—приостановить наступление к Харькову. Но эта телеграмма несколько запоздала. Предписание, данное до поездки к главкому, о занятии Готни и Волчанска оказалось трудно выполнимым. Батальон Михайловского, которому поручалось занять Волчанск, был обнаружен по проверке не вблизи этого пункта, а в 85 *км* к сев.-зап. от него. Продвижение к Готне сорвано начатым по инициативе местных начальников наступлением на Белгород.

Подробности этого происшествия выяснились далеко не сразу.

Прибывший 22 ноября в наш штаб из Харькова т. Семен Шварц сообщил, что представителями харьковского Совдепа начаты переговоры с Советом германских солдат. Немцам чрезвычайно улыбалась мысль об эвакуации в Германию из Харькова через Россию. Они будто бы дали понять, что не будут сопротивляться занятию нами Белгорода. Но т. Шварц не сообщил о том, что немцы обещали окончательно договориться только 24-го и что до этого времени следовало воздержаться от наступления к Белгороду.

Для дальнейших переговоров с немцами в Харьков вместе с т. Шварцем выехал т. Пятаков.

Штаб 2-й Украинской дивизии, получив от т. Шварца указанные сведения, решил действовать. Без ведома Реввоенсовета он предписал 6-му полку немедленно занять Белгород. Командир 6-го полка, хотя и

имел указание, что немцы не окажут нам сопротивления, распорядился вести наступление осторожно. Но едва наша цепь появилась 23/XI перед Белгородом, как по ней был открыт сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Цепь, обстреливаясь, отхлынула... Наши потери— 6 убитых, 8 раненых, 3 пропавших без вести.

Среди немцев большой переполох. Один за другим из Харькова были направлены в Белгород три эшелона подкреплений, высланы конные разъезды, взорван мост перед городом. Наши отошли к Гостищеву и послали к немцам делегацию с требованием очистить Белгород.

Немцы задержали 3 делегатов заложниками, а четвертого отослали обратно с контрультиматумом: к 7 часам 24-го отступить к демаркационной линии у Белеихино, в противном случае три члена делегации 6-го полка будут расстреляны.

Немецкий ультиматум был как будто выполнен. 6-й полк отошел в Заячье, 8-й прибыл в Беленихино [1].

Эти сведения, полученные в Серпухове почти одновременно с моим приездом, конечно должны были встревожить главкома и подкрепить его в намерении не ввязываться в операции под Харьковом.

Из Серпухова я выехал в Москву. Здесь в поддержку своим планам—наступление на Украину—мобилизовал, что можно. Говорил со Склянским, Подвойским, Мураловым. Зашел к Свердлову. Рассказанное мною о положении под Воронежом, об украинских делах и о печальном состоянии нашей группы его сильно озаботило. „Зайдем к Ильичу, расскажите и ему“.

У Ленина был Смилга. При входе до слуха донеслось несколько его слов: „Совет обороны необходим“... Видимо с облегчением перейдя к новой беседе, Ильич стал живо расспрашивать о наших делах.

Я подробно рассказал ему о положении на Украине, о разложении немецких оккупационных войск, об их тяге „домой“, о лихорадочной работе гетманцев, поддержанных союзниками, о наметившейся высадке антантовских войск, о приготовлениях Петлюры, о наших директивах повстанческим организациям и уже начавшемся выступлении повстанцев, прекрасном боевом настроении рабочих, их призывах, наметившемся раздроблении наших сил и начинающемся разочаровании. Указал, что промедление опасно, так как то, что сейчас можно получить почти даром, потом оплатится дорогой ценой.

Ильич слушал, перебивая короткими наводящими вопросами: о десанте союзников, их соглашении с гетманом, о нашей директиве повстанцам, их выступлениях. „А железнодорожникам дали указания о подвижном составе? Держать холодными паровозы... Сгонять их из Крыма... А как с углем в Киевском, Одесском районах? Много про-

---

[1] По поводу этого инцидента произошел обмен характерными нотами между статссекретарем германского министерства ИНДЕЛ (Берлин) и председателем Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

довольствия в этой полосе перед Харьковом? Там ведь у Сум большие сахарные заводы"...

Он начинает замыкаться, и его лицо твердеет, когда перехожу к жалобам на действия высшего командования—такие-то и такие-то обещания, не раз подтвержденные, не выполнены, эти вот части отправлены на запад, а эти повернуты к Воронежу. И нас даже не уведомляли о переменах. Снабжения нет. Подобие штаба удалось сколотить лишь благодаря Муралову. Никакая плановая работа невозможна. Постановление правительства о немедленном наступлении на Украину „саботировано". Вацетис дал указание командарму резервной не увлекаться авантюрами, а формироваться и обучаться, закрепляясь в районе Курска. Нашей же группе предложил наблюдать за Харьковом и готовиться к действию на Купянск. А самую нашу группу так обездолил, что пройдет 2—3 месяца, прежде чем она будет что-нибудь значить.

На вопрос Ильича, что под Воронежом?—рисую картину расстройства нашей 8-й армии, растерянности и беспомощности ее командования, полного беспорядка ее тылов и почти панику в самом Воронеже. Картину эту я сам наблюдал недавно. При этом главное командование бросает прямо в Воронеж еще необученные, необстрелянные и политически недостаточно обработанные свежие части, предназначавшиеся было для нас. Конечно, попав в Воронежскую суматоху и полупанику, эти части быстро разваливаются.

— Что же по вашему делать?—сухо и резко спрашивает он.

— Если б эти части были отданы нам и переданы, как мы предлагали, оформленные два полка 9-й резервной дивизии, мы бы недели в две в стороне от Воронежской прорвы организовали ударную группу. С этой группой—к Купянску и оттуда во фланг Краснову. Одновременно же, сосредоточив украинские дивизии, пограничные части и пару бронепоездов—удар на Харьков. Между тем высшее командование бросает силы прямо в лоб, на верное разложение. Это или паникерская глупость, прикрытая военной специальностью, или... я не хочу думать, что предательство.

Ильич вскакивает. Никогда не видал его таким раздраженным.

— Как! Где дисциплина? Вас арестовать бы надо! Потрудитесь подчиняться, раз есть приказ. От этого и развал.

— Я подчинялся и подчиняюсь. Но вам я обязан доложить мое мнение целиком. Вы ответственны.

— Это дело военных. Ваше дело исполнять приказ. Или арест...

...Мы вышли со Свердловым.

В совсем невеселом настроении иду к прямому проводу для разговора с Затонским (Курск).

„Боюсь, что во время переговоров с немцами были неосторожны; надо было непременным условием поставить, чтобы немцы не допускали сосредоточения враждебных сил у Белгорода и Харькова. Следует от них сейчас же этого требовать.

Затонский: О переговорах с немцами послано подробное донесение Сталину. Диктовать немцам мы ничего не можем. Харьковский совет германцев в стачке с Радой. Единственное, чем можем их соблазнить, это перевозкой по русским железным дорогам в объезд Польши. Сообщите, каковы результаты ваших переговоров.

Виллер: Должен вам сообщить, что Стародуб занят 25-го в 12 часов Таращанским полком. Бугунский полк находится в 12 верстах от г. Клинцы. Сегодня мною отдано распоряжение спешно починить мост и линию железной дороги между Унечей и Стародубом. Штаб первой дивизии переходит в Стародуб. О Волчанске и Готне сведений пока не поступало. Категорическое приказание—взять. В Новый Оскол послал кавалериста для инспектирования и двух политических работников еще 24-го. Приезд т. Антонова крайне необходим, и на основании почтотелеграммы главкома Вацетиса за № 315 Глаголев, командующий резервной армией, требует разграничения боевых участков. Положение получается невозможное. Сегодня состоялось совещание Украинского ЦК и Глаголева, который получил приказание войти в контакт с ЦК. Он требует, чтобы дивизия Ауссема была заменена его частями и уже хотел эту дивизию подчинить ему, Глаголеву".

Итак—в Черниговском направлении наступаем, Харьков дается сам в руки, но приказано „делать бег на месте..."

Вечером—утешающий разговор с Мураловым. Нам передан небольшой (до 150 чел.) прекрасный боевой отряд т. Яшвили.

На этот раз в ставке Вацетис более покладист и как будто поддается моим резонам. Подробно посвящает в обстановку, осложненную и на западе и совсем тяжелую под Воронежом. Соглашается прекратить отправку Московской дивизии в Воронеж и передать часть ее в наше распоряжение. Соглашается на передачу нам пограничных частей в Харьковском районе. Обещает два бронепоезда.

С особым нарочным отправляю в наш штаб директивное письмо, в котором, излагая обстановку—серьезное положение наших войск под Воронежом, занятие противником ст. Лиски, возникшая здесь среди наших частей (10 000) паника, захват противником двух наших бронепоездов, неопределенность положения в районе Валуек—обстоятельства, заставившие высшее командование все направлявшиеся к нам части повернуть на Воронеж—предлагаю ввиду получения мной новой директивы (формирование ударной группы особого самостоятельного назначения)[1] временно отказаться от серьезных боевых операций в районе Харькова. Далее указывается необходимость создания особого органа полевых формирований и даются директивы для разведки.

Между тем нетерпение наших повстанцев чувствовалось не только в Белгородском направлении. Зашевелились, как уже указано, и в первой дивизии.

---

[1] Из частей украинских дивизий, отряда Кожевникова, некоторых продовольственных формирований и двух полков Московской дивизии.

Активность начали проявлять и в Сумском районе. Как раз тогда, когда из Серпухова посылалась директива—ни в коем случае в драку с немцами не впутываться, а ограничиваться простым наблюдением и глубокой разведкой, Сумский батальон (ком. Бочкин) занял ст. Вольфино, разоружив германский караул, затем вступил в м. Вольфино, где, захватив в плен 62 германских солдата, разоружил их и отпустил к своим. Продолжая наступление, сумцы подошли к Ворожбе, послав вперед делегацию. Немцы обстреляли нашу разведку. Наши отвечали. Немцы взорвали мост у ст. Ворожба. По донесению штаба 2-й дивизии, который находился тогда в Судже, член Центрального Ревкома т. Пятаков одобрил в присутствии комполка эти действия, несмотря на их расхождения с приказом командующего группой...

Начштаба группы Виллер быстро отозвался строгим приказом: „привлечь к ответственности прямых начальников", ссылку на одобрение т. Пятаковым отвел твердым указанием, что армия не знает двойного подчинения и что о действиях т. Пятакова будет доложено Реввоенсовету.

Подобную же активность самовольно проявил и 5-й полк (2-й дивизии), который попытался занять Глухов. Полк был отбит не то немцами, не то белыми с большими для него потерями: в строю осталось лишь 180 человек...

Только по получении нами ясных недвусмысленных инструкций главкома наступил период тщательной подготовки,—упорядочения, доформирования и учебы.

ГЛАВА ВТОРАЯ (карта 1, 2).

Формируемся. Разлад в украинском правительстве тормозит работу. Образование РВС Украинской армии. Организация Валуйской ударной группы и первые ее действия. Передача командования И. С. Кожевникову.

К концу декабря выяснилось, что работа нашего штаба далеко не на должной высоте. Поставленный 25 декабря во главе общего отдела подготовленный работник докладывал, что по армии вышло всего 10 приказов, по штабу—8. В отделе 3 работника. Канцелярских принадлежностей нет.

Отдел военных сообщений находился в таком же состоянии. Вначале, с 25 ноября, нач. отдела был т. Чуйко. Но начвосо Южного фронта его „не признавал". Положение начало улучшаться только с 21 декабря, когда начвосо, по соглашению с начвосо юж., был назначен т. Фуфрянский. В отделе работало всего 5 человек.

„Нет работников и нет имущества"—такое заявление делал начсвязи. Он отмечал также халатное отношение служащих правительственного и железнодорожного телеграфа. (Отдел связи руководил также формированием частей службы связи и заботился о пополнении этих частей инженерным и техническим имуществом и личным составом.)

По докладной записке начальника разведывательного отдела от 25 ноября состояние контрразведки было тягостным. Борьбой со шпионажем ведали:

1. Железнодорожные чрезвычайные комиссии.

а) Районные (по 9 чел.) в Курске, Щиграх, Льгове.

б) Станционные: на Полевой (1), на Солнцеве (1), на Ржаве (3), Прохоровке (2).

2. Пограничная Беленихинская чрезвычайная комиссия (довольно многочисленная).

3. Военный контроль при штабе резервной армии.

4. Железнодорожная охрана.

Железнодорожные чрезвычайные комиссии, перегруженные работой по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией и по проверке грузов, регулярной работы по наблюдению за шпионажем не вели. Пограничная чрезвычайная комиссия также не могла по своему положению развить большой работы. Военный контроль имел одного агента на ст. Курск, да и того „на станции не замечается".

Железнодорожная охрана на Курском вокзале имела 7—8 постов. Благодаря наплыву пленных она была перегружена работой по установлению порядка. Вести наблюдение за шпионажем у ней нет времени, силы и специальных знаний.

Вместе с тем работа разведывательного отдела затруднялась рядом обстоятельств:

1. Необычайным наплывом пленных. Курский вокзал, железнодорожные узлы и направления на Москву забиты громадным количеством пленных, которые часто путают направления. Пленные, как бывшие военные интересуются боевой обстановкой, очень любопытны и часто задают подозрительные вопросы[1].

2. Полным отсутствием опытных агентов в нашем распоряжении.

3. Болтливостью и доверчивостью наших молодых солдат, не различающих простых вопросов от допросов шпиона, а потому и не могущих содействовать распознаванию шпиона.

4. Стоянкой нашего штабного поезда на самом виду и длительными остановками эшелонов на станциях.

5. Странной работой Военноконтрольного отдела (заявление председателя ж. д. ЧК).

Разведотряд сделал ряд предложений. 28 ноября были даны указания по организации разведки, касающиеся местонахождения резидентов или комиссаров, способов передачи донесений, выработки кода, назначения каждому агенту особого пароля, установления сроков для агентов, указывались меры по борьбе со шпионажем; предписывалось приступить к организации особых разведывательно-инструкторских групп для работы на флангах и в тылу противника, а также разработать вопрос об использовании нашей и вражеской печати для сокрытия наших планов.

Упорядоченная работа по инспекции и обучению войск началась лишь после прибытия к нам Федора Дыбенко (брат Павла, балтийского моряка). Бывший поручик пехоты, т. Дыбенко отличался громадной энергией, острым умом и дисциплинированностью (он пришел к нам от петлюровцев с Украины, где командовал повстанческими отрядами с мая по сентябрь).

30 ноября Ф. Дыбенко была передана особая инструкция командарма, в которой давались директивы по организации трех инспекторских подотделов на местах расквартирования войск и указывалось, на что должно быть обращено внимание при строевом обучении войск.

Оригинальным в этой инструкции было лишь указание на необходимость „под руководством начальника разведки организации и обучения особых разведывательно-инструкторских отрядов для создания повстанческих разведывательных и подрывных партий в деревнях, в непосредственной близости к противнику и в его тылу".

Тов. Дыбенко была поставлена также задача—подготовить отдел спешных полевых формирований. Вскоре Ф. Дыбенко представил

---

1 Речь идет о пленных мировой войны.—*Ред.*

подробные программы строевых занятий. Весь срок повторного обучения рассчитывался на 15 дней по 8 час. в день. Занятия должны были вестись исключительно практически, в обстановке, по возможности сходной с обстановкой предполагаемых боевых действий. После практических занятий обязателен краткий их разбор. Серьезное внимание обучению стрельбе. Непроходившие военной службы выделяются в особые части, и обучение их ведется по особой программе.

Отдельно была дана программа обучения пулеметному делу (в 12 дней по 8 час.) и подрывному (в 72 час.).

По 27 декабря инспекторский отдел проверил: отряды Кожевникова и Яшвили, 3-ю и 6-ю батареи Московской запасной артиллерийской бригады, управление и отделы штаба 2-й дивизии, 7-й Суджанский полк и батарею, прикомандированную к этому полку, и проинспектировал 1-ю дивизию и пехотные части 2-й дивизии. Кроме того были выработаны штаты и программы занятий артдивизиона, учебного дивизиона, учебной команды и школы комсостава, произведены экзамены комсоставу (42 красных офицера) и направлены в разные части 64 краскома.

Большую работу по реорганизации повстанческих отрядов в регулярные части (на основании приказов от 7, 12 декабря и более ранних) проделал подотдел формирования.

На ряду с работой Ф. Дыбенко следует отметить и работу Сакулари (офицер-артиллерист) по инспектированию артиллерийских частей.

Политотдел был оформлен 29 ноября, когда получил задание:

1. Немедленно выработать инструкции: а) библиотекарям в полках, б) полковым комиссарам, в) по организации комитетов бедноты, г) агитаторам в войсках и среди населения.

2. Озаботиться организацией доставки в отдел в Касторной ежедневно 5 000 экз. „Бедноты“ и 1 000 экз. „Правды“.

3. Немедленно организовать не менее 5 общих библиотек для придания их тем частям, которые их не имеют.

4. Проинспектировать тотчас по их прибытии в Касторную войсковые части нашей группы в отношении постановки в них культурно-просветительной и общеполитической работы.

5. В частях, не имеющих библиотек, помочь их наладить.

6. Наладить школы общие и политической грамоты в частях, где их нет.

7. Озаботиться организацией хоровых и музыкальных кружков в частях.

8. В местах расквартирования частей наладить при содействии советских и партийных учреждений гарнизонные клубы, обеспечив их агитработниками и артистическими силами.

Вопрос снабжения продолжал стоять крайне болезненно.

Из штаба 2-й дивизии например сообщали, что наши части, занявшие Рыльск, Крупец, Шалыгино, Суджу, не обмундированы; поэтому возможно, что повстанцы начнут разграблять обмундиро-

вание, а также громадные запасы сахару, имеющиеся в Крупце и Рыльске; необходимы крупные части для их охраны. Выделить же эти части трудно ввиду малочисленности отряда. Кроме того сообщалось, что 7-й полк просит разрешения остаться в Рыльске до получения обмундирования.

Всюду шла лихорадочная организационная работа. Она везде упиралась в тот же вопрос—„снабжение".

Вот например разговор, который 27 ноября т. Квиринг вел из Льгова по прямому проводу с т. Затонским (Курск).

„Квиринг: Вчера были в Мирополье. Провели тысячный митинг. Настроение не очень оживленное. Вообще же положение удовлетворительное. Оставил там часть Богунского, которая ждет Примакова и просит ускорить его приезд. С Лепихой установили связь, о нем говорить больше не нужно. В Мирополье назначил председателем Ревкома опытного товарища. Там тысяча сапожников, которые могут заготовлять до 100 пар сапог в день. Имеется кожа. Дал распоряжение наладить производство. Примем меры к покупке нескольких тысяч уже готовых сапог. Пусть военный отдел пришлет специалиста для организации дела. Кругом много имений, хлеба, спирта, сахару. Нужна присылка продовольственных отрядов для охраны и вывоза—это освободит боевые части. Сегодня прибыла часть суджанцев (7-й полк)—недостаток винтовок и обмундирования. В распоряжении Глаголева имеются несколько тысяч пошенных шинелей. Пусть Артем посмотрит и выберет более подходящие. Также нужно белье. Завтра высылаю в Юнаковку к немцам делегацию для переговоров. Необходимо знать результат Ваших переговоров с Харьковом. Пробовал поставить газету, но здесь типография очень незначительная. Настаиваю, чтобы Пятаков приехал с походной типографией, а также захватил с собой несколько телеграфистов—на станции Суджа их нет совсем"...

Разговор был прерван поднявшейся на улице пальбой. Выясняется, что кто-то на улице выстрелил для самоуспокоения и пошло со всех сторон...

В общем наши повстанцы в осеннюю стужу, полураздетые, полуразутые проявляли поразительную дисциплинированность. Правда штаб резервной армии частенько сообщал о грабежах, будто ими производимых (например в Новом Осколе, Короче, Судже). Но по проверке сведения эти оказывались по меньшей мере тенденциозными. Такой случай, как в Ботанской волости, где повстанцы 8-го полка произвели серьезный грабеж, был единичен. Беспорядки и здесь были прекращены в зародыше, и виновные пошли под суд.

Особенно трудно было добиться от частей передачи ими своих излишков в центральные склады. Каждый отрядик по традиции обязательно обзаводился своим поездом снабжения, своими починочными мастерскими и т. д. А захватываемое у противника считал своей собственностью. Были отданы жестокие приказы по централизации снабжения. 22 декабря в части направились особые контрольные комиссии для учета запасов, с предписанием оставить при дивизиях

запас лишь на 8 дней. В Белгороде подготовлялась база для дивизии на месяц.

До прибытия штаба группы Курского направления в повстанческих частях отсутствовала какая-либо санитарная организация. Тов. Быку, назначенному начальником санитарной части, пришлось начать с пустого места. С 20 ноября по 24 декабря после неоднократно посылаемых телеграмм в центр оттуда были командированы 7 врачей, 2 эпидемических отряда и дезинфекционный отряд. Аптечный склад был составлен из ликвидированного местного склада губернского комиссариата по военным делам,—на свой страх, без разрешения центра. До конца декабря он пополнялся покупкой медикаментов на стороне. Для организации эвакуации приходилось брать поезда чуть ли не насильственным порядком. (Отдел военных сообщений Южного фронта запретил отцепку отдельных вагонов и пересылку в них раненых в ближайший тыл.) Вся наша организационная работа тормозилась малой подвижностью штаба РВСР. И это заставляло прибегать к „партизанским методам". Например начвосо мы добыли лишь личными хлопотами у Дубинина, комиссара юго-вост. железной дороги. 17 декабря мы получили извещение, что наши требования на комсостав пехоты поручено выполнить штабу Орловского округа, в отношении артиллеристов—штабу Московского округа. Тогда же мы добились решения экстренно удовлетворить наши требовательные ведомости в половинном размере. В положительном смысле был разрешен вопрос о переходе в распоряжение командующего группы „Курского направления" пограничной охраны района действий наших войск, причем эти части сохраняли свою организацию.

Наконец 14 декабря председатель РВСР отдал лично приказ Орловскому и Казанскому окрвоенкомам в самом срочном порядке сформировать маршевые роты из украинцев и отправить их на пополнение нашей армии. Роты надлежало посылать обмундированными и вооруженными.

В день отдачи этого приказа Самарский губвоенком сообщил нам о чрезвычайной тяге в нашу армию украинцев из тамошних частей и запрашивал, как быть с их требованием формировать особые украинские части для нашего фронта. Не зная о решении председателя РВСР, командующий советскими войсками Украины отвечал:

„Передайте украинцам, агитирующим за выделение украинцев из Красной армии, что их поведение является сознательной или бессознательной провокацией. Фронт нашей революции один, и никакое расстройство сплоченности наших рядов недопустимо".

Например 30 ноября в разговоре по прямому проводу с Мураловым я просил срочно перебросить отряд Кожевникова из Бугульмы на наш фронт и указать, какие годные для себя полки московской рабочей дивизии можно взять. Если комиссар этой дивизии еще не выехал в Воронеж, просил также возможно скорее отправить к нам технический поезд Сапожникова.

Тогда же телеграммой я просил главкома направить в мое распоряжение на ст. Елец—Касторная эшелоны, отправляющиеся со ст. Москва-Курская, и эшелоны 33-го полка, отправляющиеся со ст. Черкизово Московской окружной железной дороги.

Все это свидетельствует, что мы непосредственно установили точное наблюдение за отправками воинских эшелонов из Москвы. В Московском военном округе для связи с нами был выделен специальный товарищ. „Толкачи“ имелись и в других учреждениях Москвы.

Мы не оставляли в покое и главных „толкачей“: время от времени напоминали о себе Свердлову и Сталину. Вот один из разговоров (21 ноября) по прямому проводу с т. Сталиным:

Антонов: Вы вызвали меня, товарищ Сталин! Что вы хотели сейчас сообщить?

Сталин: Я добился очень немногого. У Вацетиса опять обещания, будут ли исполнения—неизвестно. К Вам выедет с письмом мой курьер.

Антонов: Здесь большое недоразумение: Как быть с нашей общей затеей. Говорят, что образован Всероссийский совет обороны и вы вошли в него, не можете ли сообщить об этом?

Сталин: Прежде всего сообщаю, что сегодня вечером образовано Эстонское временное правительство—коммунистическое. Затем Совет обороны действительно образован. Председатель—Ленин. Члены: Троцкий, Сталин, Красин, Цюрупа, Невский. Этому Совету подчиняются все существующие комиссариаты и Реввоенсовет Республики. Последний будет иметь во главе бюро из трех—Вацетис, Троцкий, Аралов. Функции его сокращаются. Совет обороны милитаризует и ставит все на военную ногу. Думаю, что порядок в снабжении наконец установится. Сообщают из достоверных источников, что английские пароходы в Севастополе. У вас имеются крымские товарищи, которых немедленно используйте. Завтра направляю вам пару десятков царицынских работников, среди них имеются отличные работники, они все украинцы.

Антонов: Говорят, что Валуйки взяты советскими войсками,—последнее не проверено. Рад вашим сведениям. Теперь дело пойдет. Крымцы уже отправлены. Подробности—письмом.

Таким образом со стороны т. Сталина мы имели непосредственную активную поддержку.

К концу ноября действительно прибыли с рекомендательным письмом от т. Сталина около 20 бывших царицынских работников. Особенно были отмечены Сталиным тт. Локотош, Бобырев и Беленкович. В общем до десятка „военных“, остальные „чрезвычайники“. Бобырев был послан к т. Ауссему комбригом; Локотош—для инспекции и переформирования 1-й повстанческой украинской дивизии; Беленкович, очень твердо заявивший себя противником „партизанщины“—в район Льгов—Суджа для формирования запасных частей.

Какие у нас тогда были настроения, показывает например записка т. Затонского т. Сталину, в которой Затонский сообщает, что

кредиты, отпущенные через Орловский округ, закрыты и что Курский губвоенком предлагает никаких видов довольствия, а в особенности обмундирования, украинским частям не отпускать; можно было бы наладить свое собственное интендантство, но на это нет денег,—„придется заняться продажей сахара и тому подобной спекуляцией“.

Крайне характерна и следующая телеграмма т. Пятакова из Льгова от 5 декабря Реввоенсовету Украинской армии:

„Ставлю вас в известность, что при нынешнем образе действий все проиграем. Решительно нужно действовать в трех направлениях:

1. Установить порядок на местах, проинструктировать части, проверить работу командиров, не доверяя их рассказам и докладам. Для этого организовать свою инспекцию из надежных людей. По временам самим проверять воинские участки.

2. Установить единство командования в центре и на местах. Я видел важный участок без командующего, подчиненный разным центрам. Нужно явочным порядком, несмотря ни на что, подчинять все действующие части нам. Предлагаю издать таковой приказ. Тогда вопрос „Курской“ и „резервной“ разрешится центром дипломатически. Дуализм Курского и резервного Реввоенсоветов должен быть уничтожен. Это наш лозунг для настоящего момента.

3. Нужны решительные действия—предлагаю поставить энергично дело формирования нашей особой армии...“

В телеграмме Артему он на следующий день писал:

„В качестве заведывающего Военным отделом несете в первую голову ответственность за наличие на нашем фронте достаточных военных сил. До сих пор ничего не сделано для самостоятельного формирования. При отсутствии поддержки со стороны Центра все предприятие зависит от нашей собственной энергии в деле формирования и снабжения. Если вы не возьметесь энергично за дело самостоятельного формирования, дело определенно сорвется. Помните—ответственность ложится на вас, Центр не может нам ничего дать“.

Это была конечно верная оценка, и вытекающие из нее указания были правильны. Но отдел инспекции уже кое-как сложился, формирование самостоятельной армии также велось нами.

Я лично был склонен к более решительным действиям в духе предложений т. Пятакова. Но Артем этому воспротивился. Заведуя военным отделом украинского правительства, он мало оказывал нам содействия. Мы пришли к мысли о создании своего отдела полевых формирований и провели эту мысль в жизнь.

Уже 6 декабря нами с Затонским была одобрена Инструкция для заведующих полевым формированием, в которой предписывалось создать при каждой действующей дивизии запасной батальон или запасную бригаду для формирования маршевых рот.

Отдел формирования должен был ведать работой и по мобилизации в тех районах, где ревкомы еще не сорганизовались. Далее указывался порядок организации этих запасных частей и точно оговаривались права и обязанности заведующих полевыми формированиями.

Еще 5 декабря состоялось новое совещание с Глаголевым об установлении единства командования, которое ни к каким положительным результатам не привело. Пришлось вновь писать главкому о наличии опасной командной неразберихи и о необходимости создать единство командования.

Серьезную помощь после внушения со стороны Пятакова стал оказывать нам Курский губвоенком Кривошеев. Украинская советская армия многим обязана его исключительной энергии.

6 декабря я выезжал для личной инспекции в Суджу (штаб 1-й бригады 2-й повстанческой дивизии) и оставил начштабу Виллеру предписание, в котором между прочим предлагалось „издать приказы по штабу и по армии, причем из приказа № 1 по армии надо сделать телеграмму во все штабы бригад (в Стародуб, хут. Михайловский, Новый Оскол, Льгов) такого содержания: „Реввоенсовет группы Курского направления по постановлению Вр. раб.-кр. правительства Украины, в согласии с Совнаркомом России, переименовывается в Реввоенсовет советской армии Украины. Вы находитесь в непосредственном подчинении этому совету. Состав Реввоенсовета советской армии Украины такой-то“.

Кроме того предписывалось телеграммами же разослать выдержку из приказа о прекращении действий партизанских и повстанческих отрядов.

17 декабря в Серпухове главком принял меня чрезмерно любезно. С видимым участием он сообщил мне, что вопрос о снятии меня с командования группой можно считать предрешенным и предложил перейти в его распоряжение в качестве инспектора пехоты.

Предложение это было мной отклонено. Тогда действовала Высшая военная инспекция во главе с Н. И. Подвойским, работу которого я ценил чрезвычайно высоко. Создавать военную инспекцию главкома было бы недопустимым параллелизмом. Кроме того я решил бороться до конца за начатое нами дело.

Настойчивыми расспросами я добился на следующий день от главкома сообщения, что в РВСР и затем в правительство поступили резолюции каких-то собраний „активистов“ в Харькове и чуть ли не в Купянске о неприемлемости Антонова в качестве командующего Украинской армией, будто бы прибыла даже какая-то делегация от этих „активистов“.

Тов. Марапулец, присутствовавший одновременно со мною в штабе РВСР, подтвердил эти сообщения.

По словам Вацетиса, против меня выдвигается кроме обвинения в неудаче борьбы с немцами и „нежелания считаться с рабочими организациями“ также обвинение в украинском сепаратизме...

18 декабря я послал т. Сталину слезницу об „интриганстве“, подрывающем нашу работу.

В этом письме, защищаясь от обвинения в украинском сепаратизме, я напоминал: „По моему предложению тт. Пятаков и Артем поехали к Вам, чтоб сам собою вставший (в связи с провозглашением Укр. раб.-кр. правительства) вопрос о создании РВС Украинской армии разрешить, согласно Вашему указанию. По приезде т. Пятакова и после его заявления, что Вы на это согласны, состоялось опубликование РВС Укрфронта. Но ни до того, ни после того, никогда директивы главкома не нарушались“.

Слезливый (в общем) тон этого письма мало соответствовал обстановке. Надо было упорно отстаивать свои мысли, а не сокрушенно оправдываться.

Продолжающееся со стороны Военного отдела временного украинского правительства бездействие вынудило меня с Затонским наконец подать правительству заявление. Заявление, написанное в резких тонах, предлагало „правительству энергично вмешаться и прекратить губительную путаницу, предписав завтра же сойтись представителям от нас и от Военного отдела для разработки вопросов о взаимодействии тыла и фронта и выработки плана ближайшей совместной работы, чтобы затем эти решения были закреплены правительством“.

Это обращение подействовало.

На ближайшем совещании был принят наш проект „Положения о советской армии Украины“. Его текст целиком отвергает обвинения в „украинском сепаратизме“.

Проект гласил:

„1. Советская Украинская армия входит составною частью в общероссийскую и на нее распространяются все законоположения, касающиеся этой последней.

2. В оперативном отношении она целиком подчинена главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской республики.

3. Во главе ее стоит Реввоенсовет, члены которого избираются правительством Украины и утверждаются Реввоенсоветом Российской Республики.

4. Главнокомандующему принадлежит право определения района действия этой армии в соответствии с ходом военных операций, соединение ее с другими армиями или группами армий, ее включения в состав того или иного фронта или признания ее фронтом и т. д.

5. Украинская советская армия довольствуется от центральных учреждений Российской Республики через Военный Отдел Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины, по существу являющийся одним из военных округов Российской Республики и пользующийся правами такового округа.

6. До образования Харьковского ж.-д. района заведывающий передвижением войск Советской Украинской армии подчинен начвосо Южного фронта.

7. Все военное имущество (артиллерийское и интендантское), захватываемое данной армией, подлежит учету и распределению центральных органов снабжения Российской Советской Республики“.

На этом же совещании было одобрено, после горячих прений и следующее: „Положение о Реввоенсовете Украинской армии".

„1. Реввоенсовету подчинены в оперативном отношении все вооруженные силы Советской Украины, в том числе и находящиеся в стадии формирования.

2. В хозяйственном и административном отношении части недействующей армии находятся в ведении Военного отдела.

3. Все назначения на командные должности, впредь до учреждения Главного Штаба Советской Украины, проходят через Реввоенсовет.

4. Операционный план снабжения вырабатывается Реввоенсоветом.

5. План мобилизации проводится органами Военного отдела по соглашению с Реввоенсоветом.

6. За действующей армией оставляется право самостоятельных заготовок и мобилизации лошадей и перевозочных средств в прифронтовой полосе, каждый раз ставя в известность Военный отдел.

7. Инспекция войсковых частей и их учреждений есть отдел Реввоенсовета.

8. Укомплектование действующих частей производится Военным отделом по требованию Реввоенсовета".

В качестве ближайших задач Реввоенсовет указал Военному отделу:

„1. Прежде всего заканчиваются формированием и доводятся до штатного состава все фронтовые части, которые и надлежит снабжать довольствием всех видов в первую очередь.

2. Сформировываются две запасные бригады в Глухове и Судже, причем сформирование их производится под непосредственным наблюдением т. Беленковича.

3. Доводятся до штатного состава, с придачей пулеметных команд, части погранохраны.

4. Производится мобилизация унтерофицеров, родившихся в 1890—1893 годах включительно. Призванные унтерофицеры по прохождении 6-недельного повторительного курса отправляются в армию для занятия командных должностей".

Большая работа шла по переорганизации повстанческих частей. „Регулярных" войск в нашем распоряжении почти не было.

В одном из докладов главкому мы писали:

„С 17 ноября (день основания Украинского фронта) по 7 декабря в наше распоряжение из центра фактически поступили: 2 батареи (из Москвы), пешая сотня Яшвили, один эшелон отряда Кожевникова (до 500 чел.) на ⅓ невооруженных, 4-й продовольственный кавалерийский полк, в котором сформирован всего один эскадрон, остальные без лошадей, и „сотня" (до 60 чел.) Беленковича (из Царицына)".

„Лишь 5 декабря нам разрешили взять по соглашению с Глаголевым в свое распоряжение те или иные воинские части, и 5 декабря состоялось наконец это соглашение—Глаголев согласился передать нам все украинские части, до сих пор ему подведомственные".

Эти украинские части к концу декабря занимали пространство от Брянска—Гомель до Валуек. Они были разбиты на две „дивизии“.

Попытка сосредоточения этих разбросанных сил в кулак (большей части первой повстанческой дивизии, действовавшей в Черниговщине, предписано было спешно передвинуться в район Курск—Белгород, где стягивалась и вторая дивизия) не удалась. Предписание было выполнено лишь незначительной частью 1-й дивизии, конным полком т. Примакова и батареей т. Зюка.

Начальник 1-й дивизии Крапивянский был нами отозван, политком отдан под суд. Назначен новый начальник дивизии, которому предписывалось выяснить виновных в неповиновении из командного состава и арестовать их для предания суду.

Для удобства управления и для уничтожения духа партизанщины 2 дивизии решено было свести в 2, а затем в 3 бригады по штатам.

Первая дивизия (около 2 500 штыков, 250 сабель, 35 пулеметов, 4 орудия), расположенная между Клинцами—Стародубом—Еленкай, была переименована в 1-ю бригаду 1-й советской украинской дивизии с сохранением при ней расширенного штаба сообразно с боевою потребностью. Богунский полк направлялся в Стародуб на слияние с Нежинским в „Первый советский украинский пехотный полк“ (линия Брянск—Гомель частью охранялась резервной армией); Таращенский полк сливался с Новгород-Северским во 2-й Украинский советский полк. Кавалерия выделялась в 4-й эскадронный полк, по два эскадрона которого были временно оставлены при Стародубской и Новгород-Северской группах. При последней оставалась одна батарея, остальная артиллерия сводилась в 2 батареи в Стародубе. Для формирования пополнений в Стародубе были основаны запасной батальон и низшая школа командного состава.

Вторая повстанческая дивизия была разбросана еще больше. Ее дислокация к 8 декабря:

1) в хуторе Михайловском—отряд Шестакова—400—600 чел. с 6 пулеметами и броневой площадкой;

2) под Глуховом (со стороны Рыльска)—5-й Глуховский полк (Глухов был занят немцами и гайдамаками, нанесшими 5-му полку поражение), почти разложившийся (боеспособных человек 500); в Рыльске—Петроградский коммунистический полк (190 человек); в Вольфино-Суджа—7-й полк (1 300 чел.), одна батарея и конная сотня; в Богатом—8-й полк (до 600 штыков); у ст. Белениxино—9-й полк (1 115 штыков, 40 сабель, 5 пулеметов), у Корочи—Заячье—6-й полк (869 штыков, 231 сабля, 13 пулеметов); у Корочи—батальон Михайловского (279 штыков, 6 пулеметов).

Все эти отряды и „полки“ решено было переформировать в 4 пехотных и 2 кавалерийских полка, артиллерию свести в один дивизион.

Для дополнительных формирований в Льгове учреждается запасный батальон и курсы младшего комсостава. Однако вскоре выяснилось, что наплыв добровольцев, большей частью бывших фронтовиков, вполне обеспечивает формирование значительных воинских

единиц. С другой стороны, выявилась необходимость одновременных действий в нескольких друг от друга весьма отдаленных районах, а следовательно и создания развитых оперативных штабов в каждом из основных направлений. Поэтому мы решили—сохранить штабы 1-й и 2-й украинских дивизий, а сами дивизии формировать по облегченным штатам (4 пехотных, 1 кавполк, 2 легких и один тяжелый артдивизион).

Особенно напряженная организационная работа потребовалась в Валуйки-Купянском направлении.

Выше упоминалось, что из Воронежа (20 ноября) я просил главкома передать в наше распоряжение 3 продовольственных эскадрона, расположенных в Новом Осколе. Тогда же было начато в Старом Осколе (через увоенком) формирование артиллерийского дивизиона, куда мы направили 22 кадровых артиллериста, обнаруженных нами в Воронеже и предназначавшихся собственно для „резервной армии", и до 200 красноармейцев, полученных из продовольственных частей в Воронеже. К сожалению формирование сразу затормозилось недостатком материальной части (Глаголев, санкционировав захват нами 22 кадровиков, не выполнил своего обещания послать для этого артиллерийского дивизиона орудия).

Одновременно в указанный район направлялись: 1) начразведки для налаживания сети резидентов, устройства районного пункта и т. д., 2) группа политработников.

Начинспекции предписано наладить подотдел инспекции для войск этого участка. Регулярных частей на этом участке не имелось—были только незначительные организации пограничной охраны да зачаточные формирования продовольственников. Из последних так называемый 4-й продкавполк (3 эскадрона) должен был перейти в наше распоряжение. Еще не получив от главкома ответа на настойчивые просьбы передать нам эти „кадры", мы приступили к формированию в Новооскольском районе „третьей бригады 2-й украинской дивизии". Все наличные советские учреждения призывались оказать содействие этому формированию; был дан ряд твердых приказов по добровольному набору красноармейцев в пополнение кадров, взятых из состава погранохраны; издан приказ о мобилизации лошадей (через мобилизационную комиссию).

Вначале формирование тормозилось неопределенностью положения (отсутствие ответа от главкома), недостатком вооружения и обмундирования, а также дезорганизацией, производимой осколками разложившихся частей правого фланга 8-й армии.

По докладу т. Моргунова, представителя местного ревкома, к 28 ноября в районе Валуек—Тополи бесчинствовал отряд матроса Сахарова (до 1 000 человек, 2 орудия); ревком Алексеевки получил от него ультимативное требование ввести в свой состав двух представителей этого отряда. Были неопределенные сведения и о каком-то полку из состава 8-й армии, занимавшем с. Каменку и потерявшем связь с армией.

При наличии твердой воинской части и стойкой организованной

группы можно было бы переформировать эти осколки в крепкую воинскую единицу.

Более точные сведения о положении в Новооскольском районе мы получили лишь 6 декабря от тт. Лесового и Мишурского, посланных политотделом для агитационно-организационной работы (в Новый Оскол они прибыли 27 ноября). Товарищи сообщали:

„По пути из Курска в Новый Оскол в Старом Осколе нам пришлось встретиться с „лисковскими“ беженцами-красноармейцами, это совершенно дезорганизованная банда... В Новом Осколе 4-й продовольственный кавалерийский полк переименован в 22-й Воронежский полк 8-й дивизии, а потому т. Зусманович считает его в своем распоряжении и шлет ему свои приказы немедленно выйти в Воронеж, угрожая в противном случае расстрелом, и полк не знает, кому подчиняться—Зусмановичу или Антонову, что несомненно вносит дезорганизацию и в без того полуразложенный полк. Ввиду расквартирования полка по обывательским квартирам, частью в городе (1-й эскадрон) и частью в деревне Ниновке, солдаты обабились. В полку 3-го эскадрона с малым количеством людей лошадей нехватает да и те истощены за отсутствием фуража и денег на покупку его, оружия и обмундирования нет, и некоторые солдаты полуголы и босиком, командный состав неважен и находится в состоянии спячки. В отделе уездвоенкома агитационно-вербовочной работы нет за отсутствием агитаторов и инструкторов. Мы первым делом устроили несколько митингов в Ниновке и в городе в помещении Совдепа, на которых организованы коммунистические ячейки войсковых частей, а также на устроенном большом гарнизонном митинге, при участии музыки, исполнявшей в честь павших похоронный марш и в честь революции марсельезу, вынесена приложенная при сем резолюция...“

Путаница с 4-м (он же 22-й) полком не является исключительным случаем и весьма характерна для того времени...

Большие надежды возлагались командующим Курской группы на пограничную охрану этого района. Командующий Новооскольским ее подрайоном т. Дмитриев и комиссар Воля (известный мне по прошлогодней борьбе на Украине как хороший боевой парень хоть и с анархистским налетом) были у нас в Курске и выразили от своего имени и имени командующего Крушинского района желание влиться в организуемую нами для активных действий в Донбассе военную группу. Командарм резервной соглашался передать этот район в наше распоряжение. Тем временем тт. Дмитриев и Воля получили от нас ряд заданий для формирования „особой“, впоследствии первой бригады 3-й украинской дивизии (при ней и кавполк).

По докладу т. Дмитриева в районе к югу от Валуек обосновался какой-то „Повстанческий реввоенком украинского Восточного фронта“ во главе с левым эсером Рындиным. В его распоряжении находилось несколько партизанских отрядов (общее число до 1 500 штыков и 2 орудия); через т. Дмитриева указанной организации было предписано: „Повстанческие части Вашего фронта свести в штатный полк под названием 10-й Советский украинский пехотный полк, подчинив его в командном и хозяйственном отношении Штабу 1-й бригады 3-й

Советской украинской дивизии в Новом Осколе". Пограничники должны были оформиться в 9-й украинский советский полк (к 8 декабря в Новом Осколе их числилось до 600 штыков). 3 декабря начполитотдела было дано предписание спешно обревизовать эту формирующуюся бригаду (ее комбриг Крушинский—начальник района пограничной охраны). В тот же день в этот район нами и украинским правительством был послан т. Марапулец. О его отъезде сообщалось в Новый Оскол военкому Особой бригады Воля телеграммой, в которой указывалось, что при возникновении каких-либо недоразумений обращаться надлежит к нему, и предписывалось мобилизацию производить, сообразуясь с возможностью удовлетворения мобилизованных оружием и обмундированием.

2 декабря Дмитриев сообщил, что, объявив в Волоконовке мобилизацию лошадей, он рассчитывает указанное нами количество (400) набрать легко, главным образом лошадей артиллерийских, и что в Волоконовской волости есть около 600 человек мобилизованных солдат, которых он забирает в свою бригаду. Имеющееся по слухам в Волоконовке у жителей оружие он приказал в трехдневный срок сдать. У Валуек в пятидневный срок строится обходный железнодорожный мост, годный лишь для проталкивания отдельных вагонов без паровоза; телеграфное сообщение с Валуйками восстанавливается с 3 декабря.

22-му (он же 4-й) продкавполку нами было предписано (3 декабря) войти в подчинение начбригпогохраны Крушинскому.

4 декабря начальнику снабжения нашей группы предписывалось:

„1. В Касторной, Рындино (Горшечное), Старом Осколе организовать этапные пункты: кипяток, по возможности—изготовление горячей пищи, хлебопекарни. В трехдневный срок представить свои соображения и сметы по организации этапной столовой и хлебопекарни (по местным условиям).

2. Озаботиться немедленно хотя бы обеспечением проходящих эшелонов кипятком и сосредоточить к Старому Осколу запасы продовольствия и фуража. Выдача производится в Старом Осколе по раскладке минимум (для частей, расположенных в нем) на 3 дня, для других—на 10 дней.

3. В Старом Осколе организуется главный магазин: запас продовольствия и фуража по нормам на дивизию на месяц, обмундирования и белья на дивизию по штатам, запас патронов 1 500 000, пулеметов—15, винтовок—5 000 и снарядов—1 500 трехдюймовых, 300 шестидюймовых и бомб. Этот магазин должен быть легко перемещаем.

4. Расквартируемым войскам и войскам в походе должно быть обеспечено питание из своих кухонь, своими запасами; скупку от жителей тех или иных предметов довольствия разрешается производить лишь в исключительных случаях только по твердым ценам и за ответственностью начснаб. Нормально отпуск должен производиться местными продкомами.

5. Все приходящие части должны быть на ст. Касторная или в Старом Осколе проинспектированы в отношении снабжения: артиллерийского, инженерного, интендантским имуществом, денежным довольствием. Особенное вни-

манне обратить на обоз. Должны быть немедленно приняты меры к удовлетворению частей всем необходимым до нормы.

6. В течение 12 часов представить свои соображения по поводу указанного (с точным учетом наличных запасов).

7. Ежедневно утром докладывать о положении дела спабжения".

6 декабря командующему делал доклад т. Хилков (председатель повстанческого ревкома в Валуйках). Штаб ревкома находится в Уразове; 3 декабря Ревком послал своих работников в Ровеньки и Белый Колодезь для подпольной организации. Наш левый фланг в Ново-Александровске (застава 60 чел.). В наших руках—Троицкое, Петровское и Козинка. Борки никем не занимаются. Ольховатка и Николаевка заняты нами 4 декабря без боя. В Б. Бурлуке—гайдамаки, в Волчанске—100 петлюровцев, на разъезде 4 *км* от Тополи к Купянску — эшелон гайдамаков (до 200 чел. с пулеметами), под Уразово находится их застава. В Купянске на станции 2 эшелона, в городе также 2 отряда примерно такой же силы с орудиями. Всего в районе до 1 500 петлюровцев.

Тогда же за подписью председателя Алексеевского уездного военревкома Шесюконова была получена почтотелеграмма из Волоконовки—об угрожающем положении в Алексеевском уезде. Казаки наседают из Ольховатки и Шелякина; военком просит прислать воинскую часть или хотя бы вооружение для 500 рабочих, членов профсоюзов.

Командование 8-й армии под впечатлением наших неудач под Лисками и т. д. не проявляло особенной готовности помочь нам в формировании ударной группы. Приходилось и тут „ссориться" из-за попыток командарма 8 вырывать в Воронеж начатые нами формирования. Все же для Новооскольской группы так и не удалось ничего удержать из Московской рабочей дивизии.

Путаница и с другими предназначенными нам частями.

9 декабря продполкам было предписано итти из Тулы и Пензы на переформирование в Новооскольский район. Но оказалось, что они были с дороги повернуты главкомом, как всегда, без уведомления нас, в другую сторону. Такая же история случилась и с полком железнодорожников (Яковлева). Отправленный 5 декабря из Москвы в Воронеж для соединения с формирующимся там батальоном и дальнейшего направления к нам полк завяз в районе 8-й армии. Этой участи не избежал и „северный революционный продполк". 11 декабря Реввоенсовет 8-й армии (Гиттис и Розенгольц), меняя маршрут полка, направлял его к нам, но через несколько дней полк получил назначение опять в Воронеж.

Работать при такой путанице было нелегко.

Наконец 6 декабря в Курск прибыл первый эшелон долгожданного отряда Кожевникова (до 6 000 чел.). Он был тотчас же проинспектирован лично начальником инспекторского отдела Ф. Дыбенко и оказался наполовину невооруженным. У главкома немедленно было испрошено разрешение получить в Туле для отряда оружие. Начснабу приказано в экстренном порядке удовлетворить требования эшелона.

Одновременно с этим в ударную группу направлены 2 батареи, неожиданно „подаренные“ Н. Мураловым из Москвы. Чтоб протолкнуть организацию „ударной группы“, командующий с т. Виллером 12 декабря выехали в район ее формирования. В Касторной обнаружен полный беспорядок. Комендант станции был немедленно заменен.

В Новом Осколе был заслушан доклад И. Кожевникова. Последний обосновался со своим штабом в Волоконовке, ожидая от 5 000 до 8 000 пополнения (татар). Вооружения имелось всего одна треть потребного. Пришлось на месте дать ряд экстренных распоряжений и для наблюдения за их использованием оставить в Волоконовке представителя нашего штаба матроса Сыч.

Дмитриев и Воля сообщали об успешном формировании пограничной бригады. Нехватало оружия и прочего снабжения, но работники и набираемые в бригаду проявляли такой необычайный порыв, что через несколько недель ее можно было считать вчерне существующей.

Конечно пришлось устранить ряд недоразумений и трений с местными властями. Проревизированы были продовольственные пункты. Обнаружилась масса недочетов, на месте исправленных. Просмотрена постановка разведывательной и политической работы.

Тов. Хилков, председатель повстанческого Ревкома из Валуек, в своем докладе, как и Кожевников, передает о бесчинствах, чинимых в Валуйках Сахаровым, командующим одной из бригад Южного фронта. Им чинятся насилия над членами Ревкома, беззаконные „реквизиции“, пьяный дебош. Ревком был вынужден скрыться из Валуек.

Сахарову Южным фронтом было передано командование на всем участке от Острогожска до Коротояк включительно. Ввиду его ухода с этого участка создавалось впечатление серьезной угрозы Южному фронту. Я тотчас же сообщил Воронежу об этой опасности, указывал, что парировать ее не смогут, и обещал съездить в Валуйки и затем в Воронеж.

На следующий день с несколькими работниками из штаба я выехал в Валуйки. Ревкомщики провожали нас, как на верную „погибель“.

На ст. Валуйки увидели большой состав, разукрашенный снаружи кумачом и флагами. Вокруг—беспорядочное движение вооруженных и разнообразно обмундированных людей.

„Сахаровцы“ наблюдали за нашей группой, пробирающейся в этом хаосе к штабному вагону, с явным недоумением. „Тов. Сахаров здесь, а вам он к чему?“ Услышав, кто хочет пройти к Сахарову, франтоватый „адъютант“ скрывается в вагоне в явном замешательстве. Долгая пауза. Вокруг—нахмурившиеся и примолкшие партизаны.

Сахаров сказался больным, но я все же проник к нему. На кровати в хорошо обставленном салон-вагоне лежал довольно невзрачного вида матросик. В вагоне большой беспорядок. На вопрос: „На каком основании вы здесь? Ваш штаб в Острогожске“, он невразумительно объясняет, что прибыл для установления связи и порядка. Ежится, но не возражает на напоминание, что установлением порядка

никак нельзя назвать производимые его отрядиками безобразия. Начинает горячо оправдываться, мол он „пострадал на фронте" и вот лежит контужен. Напоминаю ему, что боевая работа по заданиям Южного фронта ждет его, что уход с фронта есть дезертирство. Объявляю ему, что он состоит под судом и может себя оправдать только боевыми заслугами. „Я вам их покажу,—клянется Сахаров,—вы обо мне услышите". Обещает немедленно покинуть Валуйки, не мешать нашей организационной работе и добросовестно исполнять предписания своего непосредственного начальства. (Тотчас же после моего отъезда из Валуек Сахаров отбыл со своим отрядом в Острогожск).

Для закрепления положения в Валуйках было предписано перевести сюда штаб формируемой нами пограничной бригады. В нее должен был войти также 10-й украинский полк, сформированный из организованных повстанческим ревкомом отрядов.

4-й кавполк (Новый Оскол) был передан в отряд Кожевникова (он еще далеко не доформировался); в помощь Кожевникову оставлен Ф. Дыбенко.

Для проталкивания наших нарядов на оружие пришлось выехать в Тулу.

15 декабря из штаба Кожевникова (Волоконовка) поступило сообщение, что установлена телеграфная и телефонная связь с 10-м полком. У Кожевникова приступили к занятиям с людьми. К этому же времени из пограничников Новооскольского района Дмитриевым был оформлен 9-й полк. Через несколько дней для проталкивания организации ударной группы нам был послан также и Крапивянский.

16 декабря Дмитриеву было приказано немедленно походным порядком перевести бригаду в Валуйки, где она должна довооружиться, причем невооруженные части разрешалось разместить в окрестностях Валуек, приняв меры к недопущению пьянства и грабежей.

Одновременно с этим командиру 1-й бригады 3-й советской украинской дивизии предписывалось направить всю бригаду в Валуйки, где продолжать доформирование, обучение и довооружение, усилив сторожевую охрану; подчеркивалась исключительная срочность исполнения и указывались разгранлинии с 8-й армией—Калитва—ст. Мандрово и с соседней бригадой 2-й украинской дивизии—железнодорожная линия Волчанск—Купянск.

Обстановка требовала скорейших активных действий во фланг Краснову, так как замечалось усиленное накапливание противника для удара в Воронежском направлении.

16 декабря т. Кузнецову (разведывательное отделение штаба главкома) сообщалось нами:

„По лично мною заслушанному докладу курьера нашего резидента в Донецком бассейне, к 10 декабря штаб 2-й дивизии южной армии переместился из Каменской в Миллерово. Добровольческий полк из Миллерова перешел в Чертково. Дивизии Павлова—к Россошь, дивизия Морозовского—Павловск. Аналогичные сведения—в последней части—даны и Сахаровым (комбриг, штаб Острогожск)".

Еще 17-го о положении в Алексеевке приходили невеселые извещения (не видно, чтобы Сахаров начал действовать). Командир 107-го полка сообщал через Новый Оскол:

„В течение двух месяцев солдаты вверенного мне полка без смены держали фронт до полного изнеможения. Дальше держать фронт усталыми и голодными солдатами не могут. Положение фронта довольно серьезное. Алексеевка накануне падения. Поэтому, если у вас есть частичка любви к пролетариату и его завоеваниям, прошу дать в спешном порядке поддержку на фронт имеющимися в вашем распоряжении воинскими частями. Несвоевременная поддержка может повлечь за собой падение Алексеевки и Острогожска—довольно важных стратегических пунктов. О результате сообщите в течение двух часов. Жду ваших распоряжений—прикажите действовать“.

18-го командующий Курской группы был в Реввоенсовете Республики и представил начштаба РВСР Костяеву следующую записку о нуждах ударной группы:

„В распоряжении Реввоенсовета группы Курского направления помимо повстанческих украинских частей имеются:

1. Отряд Кожевникова—5 000 людей, 1 300 штыков, 6 пулеметов и 3 орудия.

2. Формирующаяся бригада—9-й советский украинский полк—230 штыков, 1 пулемет и до 2 000 невооруженных; 10-й советский украинский полк—до 1 000 штыков, 6 пулеметов и до 2 000 невооруженных; 4-й продкавполк—до 150 сабель, 1 пулемет, и 300 кавалеристов без вооружения и лошадей.

3. Обещано многое. Когда прибудет—дано будет дополнительное требование“...

Далее в записке перечислялось все, что было необходимо для группы: бронéвой поезд, броневая колонна, авиаотряд, технический поезд (Сапожникова), железнодорожный отряд, батальон связи, инженерный батальон, дивизион легкой и батарея тяжелой артиллерии, необходимая артиллерийская материальная часть, пулеметы, винтовки, патроны и т. д.; походные кухни, а также месячная норма некоторых продуктов.

Между тем, не дожидаясь исполнения просьб, части „ударной группы“ пришли в движение.

19 декабря германцы очистили Купянск. 21 в 9 часов наши передовые части заняли и станцию и город. Петлюровцы заблаговременно бежали. Вместе с 10-м украинским полком, в Купянск вошел и повстанческий ревком. На следующий день им было выпущено характерное воззвание, которое исходило от „Политического отдела оперативного штаба восточной украинской повстанческой армии“.

Воззвание было подписано: „Начальник опрштаба Рындин, председатель Купянского уревкома Е. Муравьев, командир 1-го Валуйского революционного полка Светков и наконец „председатель центрального повстанческого штаба и центрального комитета партии левых с.-р. (интернационалистов)“ Саблин“.

Конечно существование какого-то сепаратного центрального пов-

станческого штаба и каких-то не подчиненных нашему руководству частей было для нас неприемлемо. Немедленно из Курска было указано Н. С. Кожевникову —(и через него Ф. Дмитриеву) навести порядок в Купьянском районе. По этому помешало распоряжение из Серпухова.

Вопреки постановлению РВСР от 18 декабря—вырешить вопрос о „группе Курского направления" на заседании главкома с укрправительством 20 декабря мною получено было 21 декабря следующее предписание:

„19 декабря 1918 г. Особую группу Курского направления Антонова с 21 декабря во всех отношениях подчиняю командующему Южным фронтом. Ввиду этого предлагается т. Антонову немедленно сдать командование этой группы т. Кожевникову, оставаясь попрежнему на должности согласно назначению, состоявшемуся по постановлению Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины".

Я понял этот приказ как относящийся лишь к „ударной" группе и телеграфировал в Волоконовку командующему Кожевникову (копии Серпухов главкому Вацетису, Козлов комфронта Славену, Москва председателю Реввоенсовета):

„Согласно телеграммы Главкома 1649 предлагаю вам принять под свое командование воинские части в районе железнодорожной линии Волчанск—Купянск до стыка с восьмой армией. Прошу выехать экстренно в Курск для дополнительных распоряжений".

Следом писал Кожевникову: „Вы перешли в ведение Южного фронта и Вам дана ответственная задача. С моей стороны всегда встретите поддержку. Теперь же необходимо нам свидеться для очень многого. Я выехать лично не могу, ибо еду к Харькову и связан политическими делами".

По существу решение передать командование „ударной группой" самостоятельному лицу, подчиненному командующему Южным фронтом, было совершенно правильным. В Курске мы сделали все, что можно, для подготовки „ударной группы", но перед нами стояли задачи столь значительные, что они целиком поглощали наше внимание и силы. Беда в том, что главком не видел и не хотел знать этих „украинских задач" и с совершенным пренебрежением относился к повстанческим отрядам, которыми мы располагали.

Повидимому решение передать Кожевникову командование „Курской группой" с переименованием ее в „Группу особого назначения" принято было в расчете ликвидировать это беспокойное гнездо, именующее себя „Реввоенсоветом украинской армии".

В Курск посыпались телеграммы на имя комгруппы Кожевникова—в штабе РВСР именно так и понимали, что Кожевников назначен взамен Антонова. Тем временем я выехал в Белгород для подготовки наступления к Харькову.

29 декабря в Курск прибыл Кожевников. После разговора с ним по прямому проводу, мы встретились. Мы полюбовно поделили с ним имущество Курской группы. Кожевников не был обделен, но тем не менее нам все же приходилось заниматься его районом.

Еще 23 декабря пришла телеграмма из Корочи: „Волчанску грозит анархия. Военревком изрублен бандитами. Необходим надежный гарнизон и ответственные работники для восстановления Советской власти. Людей у нас нет. Корочанским чрезвычайкам послан представитель. Немедленно примите меры“.

Эта телеграмма совпала со сведениями о захвате Волчанска анархистским отрядом Чередняка. Он напал на немцев и гайдамаков врасплох, не согласовав этого с нами. Немцы отъехали в Белгород, взорвав за собой железнодорожный мост; гайдамаки бежали к Харькову.

Необходимо было сразу дать энергичную острастку анархистам. Ауссем, сообщая в Курск об этих событиях из Белгорода, добавлял, что посылает в Волчанск отряд т. Яшвили.

Командующему волчанское дело представлялось второстепенным, не хотелось разбрасываться, жалко было отрывать Яшвили от основных заданий. Поэтому 24 декабря Ауссему было указано: „Сотню Яшвили желательно не отсылать в Волчанск. Туда достаточно интернационалистов“. Ауссем отвечал, что интернационалисты наполовину не обучены, не вооружены, в большинстве китайцы. 26 декабря Ауссему вновь указывалось, что в Корочанский уезд для борьбы с бандитизмом отправляется батальон курского военкома (действие которого распространяется до Волчанска); поэтому достаточно отправить туда небольшой гарнизон, а не боевую силу и следовательно посылать туда Яшвили излишне.

Но Ауссем уже распорядился, и отряд Яшвили, после разоружения им в Белгороде банды (в 70 чел.), выехал в Волчанск.

Однако оказалось, что вслед за Чередняком в Волчанск проскочил известный уже Сахаров. Его отряд в ночь на 29 декабря напал на Яшвили; в результате Яшвили и несколько других товарищей были тяжело ранены. Чередняк еще раньше выступил из Волчанска к Салтову-Терновой. Сахаров оправдывался (в разговоре по прямому проводу с командующим группой) тем, что он был отпущен в Волчанск командованием Южного фронта за лихое дело под Лисками и, будучи ранен, ничего о нападении на Яшвили не знает. От нашей следственной комиссии он скрылся. Вскоре он был объявлен вне закона и убит Ф. Дыбенко.

Тов. Яшвили умер 4 января. Его отряд быстро потерял спайку, боевой дух и рассыпался...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (карты 2, 3, 4, 5).

Доклад за докладом. Неустанное напоминание главкому о наших нуждах и неисполненных центром обещаниях. Добиваемся тщетно активных директив в Харьковском направлении. Переговоры наши с германцами в Харькове. Разногласия в украинском правительстве. С немцами договорились. Занятие Белгорода. Наступление к Харькову

2 декабря главкому был послан седьмой доклад. В нем сообщалось что даны распоряжения о сведении полков 1-й и 2-й повстанческих дивизий в две бригады по штатам и о сформировании 3-й бригады в районе Нового Оскола, Короча и Волконовки из 4-го продполка и различных отрядов, действующих в этом районе. До сведения главкома доводилось также, что из Воронежа не получено ни одной воинской части, что в 4-м (он же 22) продкавполку происходит путаница, так как одна его часть находится в Воронеже, другая— в Новом Осколе, что эшелоны отряда Кожевникова только 24 ноября начали двигаться из Бугульмы и притом почти без оружия, что Коммунистический батальон из Орла еще не прибыл, из венгерских частей налицо штабный отряд в 80 человек и то без оружия, не получены бронепоезд и технический поезд, из запрошенной артиллерии прибыли всего 2 батареи 1-й запасной артиллерийской бригады, нет никакого ответа на просьбу передать авиаотряд, находящийся при резерварміи, и что из штабных прибыл один генштабист Бойе, который по болезни своей и по специальной подготовке может быть использован только как юрист.

Наконец главкому сообщалось, что повсеместно наши части перешли демаркационную линию и повернуть их назад представляется совершенно невозможным[1], что очищаемые пункты занимаются частями пограничной охраны или войсковыми частями резервной армии, что „образование“ (в Судже) революционного рабоче-крестьянского украинского правительства и общее положение на Украине требуют скорейших активных в ней операций“ и что нами даны распоряжения о сосредоточении частей бывшей 1-й повстанческой дивизии к хутору Михайловскому и к Стародубу и частей бывшей 2-й дивизии к району Суджа—железнодорожная линия Курск—Белгород.

---

[1] Главком требовал от нас строгого соблюдения демаркационной линии.

Доклад заканчивался просьбой о расширении преподанной директивы—„а именно—оставляя главный удар (в связи с действием наших армий Южного фронта) к исполнению, озаботиться закреплением за нами и Харьковского направления“.

Помощь из центра шла крупицами. На месте все еще был разброд, с которым мы всеми силами стремились покончить. И, несмотря на этот разброд, мы (в который раз) упрямо настаивали: „Обеспечьте за нами и Харьковское направление“.

Главком иронически запросил:

„Чем думаете обеспечить Харьковское направление“.

7 декабря главкому было отвечено:

„В Харькове разогнанный петлюровцами Совет восстановлен после всеобщей забастовки рабочих. Петлюровцы немцами прогнаны. С немцами мы успешно договариваемся. Павлоград, Синельниково и весь Екатеринославский район через два-три дня будет в руках повстанцев.

У меня в так называемой 2-й повстанческой Украинской дивизии до 6 000 штыков, 500 сабель, 7 орудий. Они все из Харьковщины. Только к Харькову они пойдут охотно. В Полтавщине—отдельные отряды повстанцев, 27 ноября захвативших и два дня державших Полтаву, но выбитых оттуда петлюровцами, 1 декабря выступившими из Полтавы под Киев.

Итак, в случае: 1) успешного сговора с немцами, 2) успешного начала восстания в районе Екатеринослава, Синельникова, Павлограда—полагаю: заслонившись повстанческими частями со стороны Киева, занять Украинской бригадой Харьков. Там бригада сразу возрастает от притока вооруженных рабочих.

Эта операция не только не задержит, но облегчит и обеспечит успех главной—удар во фланг Краснову. Она поднимет энтузиазм у рабочих, создаст опору для движения в Донецкий бассейн и прикроет это движение“.

Для успокоения главкома пояснялось:

„Для главного удара предназначаются:

1. Украинская бригада, спешно формируемая у Нового Оскола—Валуек: дайте туда винтовок, пулеметов—бригада будет готова немедленно.

2. Отряд Кожевникова.

3. Две батареи, прибывшие из Москвы.

4. Интернационалистические части, которые вы пришлете.

5. Все, что Вы дадите из обещанного вами“.

В тот же день главкому было сообщено об учреждении 30 ноября Революционного военного совета советской армии Украины, в составе меня, Затонского и Артема (Сергеева) и что этому Совету подчинены все вооруженные силы, действующие на территории Украины, но что в оперативном отношении мы остаемся попрежнему непосредственно подчиненными еще (главкому) и данная им мне директива будет неукоснительно проводиться.

При этом сообщении командарм писал главкому:

„Позволяю себе в интересах общего дела вам доложить:

1. Из факта существования Рабоче-Крестьянского Правительства Укра-

ны и Реввоенсовета Советской армии Украины, а, прежде всего, из общестратегических соображений, необходимо признать и с вашей стороны наличие Украинского фронта.

2. Из этого будет следовать создание Реввоенсовета этого фронта. Ясно, что Реввоенсовет так называемой украинской Советской армии должен явиться именно таким органом, руководящим боевой работой фронта по вашим директивам.

3. Этому фронту надо дать разграничительную линию с Южным и Западными фронтами. Для Западного разграничительной линией с украинским может явиться железная дорога Брянск—Гомель (в Гомеле впоследствии стык обоих фронтов). Для Южного—фактически установившаяся линия—ст. Мандрово—река Калитва—Россошь.

4. Далее необходимо определенно установить, что резервная армия находится в подчинении Реввоенсовета Украинского фронта. Иначе не получится необходимого единства командования.

5. Персонально вопрос может решиться либо 1) подчинением меня Глаголеву, 2) Глаголева мне, 3) назначением над нами единого командующего.

Оставление дела в том положении, как оно есть сейчас, совершенно невозможно".

К этому письму был приложен оперативный доклад, который следующим образом рисовал положение противника:

I германский оккупационный армейский корпус, главные части которого расположены в Харькове и Полтаве,—16 000 штыков, 90 орудий.

II германский оккупационный корпус расположен главным образом в Крыму и в Киеве—20 000 штыков и свыше 100 орудий.

Германские части, начав эвакуацию в направлениях на Фастов и Гомель, предназначают очистить Харьков к концу декабря. Нашему продвижению они оказывают активное сопротивление.

„Республиканская армия" (Петлюровская)—до 40 000 штыков и небольшое количество орудий—до приказа немцев отойти на 30 верст от городов занимала Фастов, Черкасы, Чернигов, Бахмач, Конотоп, Полтаву, Харьков, Купянск, Бахмут. Боеспособность петлюровцев чрезвычайно низка.

Силы Скоропадского—до 20 000 с артиллерией—сосредоточены в районе Киев—Гребенка—Круты.

В Екатеринославе—небольшие группы добровольцев ведут бой с петлюровцами.

Казачьи части (3 000 сабель) занимают Славяносербский район.

В Одессе, Крыму, Новороссийске намечается десант союзников, официально признавших Скоропадского, которого активно поддерживают и немцы.

Далее учитывались наши силы: повстанческие отряды, действующие на всей территории Украины, повстанческий отряд Махно, действующий в районе Гуляй-Поле, спешно организуемая рабочая милиция.

„Повстанческие отряды в районе прежней демаркационной линии. Эти части сводятся в три бригады, сосредоточиваемые в направлениях: а) Стародуб—Новгород-Северск—Городня (Сосницы)—Чернигов; здесь до 2 500 штыков, 500 сабель, 11 орудий; б) хутор Михайловский—Рыльск—Ворожьба (Сумы)—Ромны (Гадяч)—Миргород (Полтава); здесь до 2 000 штыков, 100 сабель, доформирование которых прикрывается частями пограничной охраны и батальоном 9-й дивизии, выдвинутыми к Глухову, где еще держатся немцы и гайдамаки, и к Ворожбе (ст. Вольфино и Льгов); в) Суджа (Обоянь—Белеинхино)—Белгород (Готня)—Харьков, здесь до 6 000 штыков, 700 сабель, 7 орудий; г) Новый Оскол—Валуйки—Купянск—Миллерово, здесь 2 000 штыков, 200 сабель, 10 орудий. Сюда же подтягивается отряд Кожевникова— 5 000 штыков (еще недовооруженных). Сюда же будут направлены полки Чрезком и Продком.

Задания. Первая группа имеет задачей овладение Черниговым и захват узловых железнодорожных станций (Бахмач, Круты). Предположено ее развернуть в двухбригадную дивизию, для чего организуется запасный батальон (сейчас в Стародубе) и низшие командные курсы. Эта группа прикрывает Киево-курское направление.

Вторая группа (кадр для бригады, которую предположено развернуть при движении на Полтаву, пополнив вооруженными повстанцами). Овладение Полтавой и прикрытие Киево-харьковского направления.

Третья группа предназначена для действий к Харькову, где предположено ее развернуть в дивизию.

Четвертая группа предназначена для активных операций против Краснова, что задерживается исключительно недостатком в снабжении.

Первой группе предписано переформирование в бригаду, сосредоточение в указанном направлении, действия малыми партиями на ж. д. Бахмач—Гомель (ее порча), подготовительная работа в районе Чернигова.

Вторая группа—производство разведки и сосредоточения.

Третья—сосредоточение, активная разведка, демонстрация на флангах Белгорода, проникновение небольшими группами в тыл Белгороду и Волчанску для организации революционных сил в направлении к Харькову.

Четвертая группа—(10-й полк, 1-я батарея 9-го полка, 1-й эскадрон 5-го кав. полка—бывш. 4-й и 2 орудия)—несут сторожевое охранение, занимая узловые пункты от Ново-Александровки до Ольховатки, ведут разведку к Ровенькам—Старобельску—Купянску; главные силы сосредоточиваются к Новому Осколу—Волоконовке. От сторожевых частей высылаются небольшие партии, мобилизующие подсобные нам группы в районе предстоящего продвижения. Начало более активных операций—сейчас же по вооружении отряда Кожевникова и организуемой в районе бригады".

К тому же времени подоспела следующая телеграмма главкома:

„Главком окончательно передает в распоряжение командующего Антонова следующие части: отряд Кожевникова, два полка чрезвычайной комиссии, два продовольственных полка, выделяемых из 8-й армии усмотрением командарма. Интернациональные части венгерские и другие, 4-й кавпродполк. В распоряжение командарма 8—все пехотные полки компрода, полк железнодорожной охраны, бывшую Московскую рабочую дивизию, мар-

певый эскадрон и два эскадрона чрезвычайной комиссии, все кавалерийские части Орловского округа. Пензенская дивизия, сосредоточивающаяся в Воронеже, остается пока в распоряжении главкома. Вместе с тем прошу сообщить, сколько имеется в группе Антонова бронепоездов и авиаотрядов".

Запрос о количестве бронепоездов и авиаотрядов свидетельствовал о крайне невнимательном отношении к нашим требованиям: почти изо дня в день мы умоляли о посылке хотя бы одного бронепоезда и передаче нам авиаотряда.

Из остальных перечисленных в телеграмме частей надо было еще ждать двух полков чрезвычайной комиссии и выделения из 8-й армии двух продполков. Это выделение так и не было произведено.

Кроме того из-за 4-го (он же почему-то и 22-й) кавпродполка мы еще несколько недель обменивались телеграммами с 8-й армией, так как этот „полк" продолжал получать распоряжения и от 8-й армии.

Мы продолжали оставаться совершенно без денег, тогда как требовательные ведомости обусловливали ассигновки до 168 млн. руб. в месяц. Наши части по нескольку месяцев не получали денежного довольствия. На наши ежедневные призывы ответа не было, и мы продолжали докучать Реввоенсовету Республики.

10 декабря Реввоенсовету был послан восьмой доклад о состоянии наших вооруженных сил и повторный призыв о поддержке.

В докладе указывались части, пришедшие к нам с 17 ноября по 8 декабря, и проведенные за этот же срок нами мероприятия по формированию новых частей.

В качестве наших требований выставлялось:

1) Предоставить нашему Реввоенсовету право производства самостоятельных закупок. 2) Открыть нам немедленно кредит в размере не менее 60 млн. руб. в месяц: на содержание управления фронта, на содержание четырех бригад, их обмундирование, закупку лошадей, организацию запасных батальонов и батарей и т. д. 3) Немедленно снабдить недостающим оружием наши части, в первую очередь отряд Кожевникова, и бригаду, формируемую в Новом Осколе. 4) Передать из 3-го пограничного округа (район Корочи) два пограничных полка, которые рвутся к нам, тем более, что начальник 3-го погрокруга готов их нам передать. 5) Усилить нас 2—3 полками из дивизии Киквидзе или бригады Сиверса, в частности полк харьковца Нехаенко. 6) Повторена просьба о передаче одного из четырех авиаотрядов, которые бездействовали у Глаголева.

Этот доклад помог мало. Главком очевидно не хотел примириться с явным нарушением его предписаний. Реорганизация „Группы Курского направления" в „Советскую армию Украины" прошла без его ведома, так же как без его „согласия" состоялось создание Временного рабоче-крестьянского украинского правительства. Самый факт создания этого правительства предрекал близость нашего похода в Украину и обязывал нас к активным действиям. Главком не хотел с этим считаться и оставался верен своей основной мысли, что существует

только Южный фронт. Никаких новых задач брать он не желал, так как они могли отвлечь наши силы от этой главной задачи.

Такая точка зрения, прежде всего пренебрегала обстановкой, складывавшейся на Украине, в которой до высадки значительного десанта союзников возможны были успешные операции ничтожными силами, а в случае нашего промедления могли оформиться при поддержке Антанты весьма значительные силы директории. Главком не хотел принять во внимание и другое наше указание—о необходимости считаться с естественным стремлением повстанческих украинских частей на „родину". Мы не имели времени для создания настолько дисциплинированной регулярной армии, чтобы она была одинаково боеспособной на всех фронтах. Поэтому следовало учесть, что украинские части лучше всего будут драться именно на Украине. Оформление их в устойчивые регулярные части должно было притти в процессе боевой обработки и отпада случайных элементов. Именно путем такого отбора мы получили на Украине, через несколько месяцев, прекрасно спаянные и боеспособные воинские единицы.

Главком не считался с этими соображениями. Он видел только, что намеченный им план срывается нашей активностью, и свою задачу сводил к тому, чтоб эту активность придержать.

В распоряжениях, которые он давал командарму резервной Глаголеву и которые случайно стали нам известны, рекомендовалось не „увлекаться авантюрами" и укрепляться у Курска—Брянска. В разговорах с нами Глаголев проявлял поэтому известные колебания. Он то соглашался передать нам пограничные части, а затем, по сообщению от 10 декабря окрвоенкома Орла, отказал, мотивируя свой отказ неподготовленностью этих частей в боевом отношении, и преподавал им задание „срочного переформирования для боевой готовности и возведения укреплений" (был разработан всерьез план полевых укреплений у Курска—Орла—Брянска и к ним приступлено, несмотря на суровую зиму...).

Однако 13 декабря главком предписывает:

„Особая группа Курского направления должна быть изготовлена к бою не позже 20 декабря; задача остается прежней. Ваша работа должна быть сосредоточена исключительно по прямому заданию, а именно по приведению в боевой вид вверенных Вам войск".

20 декабря Вацетису послан новый оперативный доклад (копии председателю РВСР и т. Сталину). Относительно положения у противника в этом докладе сообщалось:

„По занятии Киева 14 декабря петлюровцами отряды германцев (добровольцев) были вытеснены со всей восточной половины Украины в течение нескольких дней. Но добровольцы в Крыму еще защищают Херсон от наступающих из Николаева петлюровцев, держат Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, пытаются организоваться в Харькове (мобилизация офицеров), закрепляются в Изюме. Они действуют в связи и согласованности с Красновым и Деникиным и опираются на выдвинутые в Юзовку, Дебальцево, Родаково, Луганск казачьи карательные отряды. Их численность

не учтена, так как они в небольших партиях, рассеянных повсеместно, и кое-где уже смешаны с петлюровцами против нас.

Общая численность петлюровских войск—до 45 000 штыков, 3 000 сабель, 60—70 орудий. Мобилизация и формирование производятся весьма энергично, запасы обильны, кадры значительны. Для формирования использованы кадры 8 корпусов, заложенных правительством гетмана. Из них на стороне Скоропадского остались лишь первый (Киев) и восьмой (Екатеринослав). Первый разбит и расформирован, восьмой—разоружен и разогнан. Остальные корпуса, со всеми своими учреждениями, и все интендантские и артиллерийские склады в руках петлюровцев. Главные силы петлюровцев (до 20 000) в Киеве и близ него: в правобережной Украине—накапливание у Екатеринослава (до 2 000 штыков, 6—8 орудий, 4 броневика), в Николаеве—отряд Григорьева (из VI Полтавского корпуса), наступавший в составе 500 штыков, 2 орудия на Херсон. V Черниговский корпус (до 6 000 штыков, 600 сабель, артиллер. бригада) и VI Полтавский (почти в том же составе), сосредоточенные к 14-му у Киева, после боев у Ромадана, Гребенки и Нежина-Круты, в настоящее время повернуты против нас в поддержке VII Харьковскому корпусу, хуже других сформированному (до 4 000 штыков, 500 сабель, 8 орудий легких, 2 гаубицы, 2 бронепоезда).

Главная задача этих частей—оборона „Северного фронта" от Купянска—Белгорода—до Ворожбы—Новозыбкова. Части завесы в Донецком бассейне, прикрывавшие его от Красновских банд, снимаются и переводятся к Александровску, Синельникову, к южной железной дороге. В то же время особый отряд Черница (Павлоградский полк и части VI Полтавского корпуса) получил назначение расчистить ту же южную дорогу со стороны Харькова. Главным пунктом сосредоточения петлюровских войск в левобережной Украине является таким образом Харьков.

С немцами петлюровцы вновь наладили деловые отношения. По договору 14 декабря[1] немцам предоставлено директорией определенное количество поездов для отправки на родину. Немцы обязались передать петлюровцам все местные интендантские и артиллерийские склады и допустили возвращение петлюровских штабов и войск в города (Харьков, Полтаву, Сумы и т. д.), откуда те недавно были изгнаны, согласно распоряжению киевского совета немецких солдат, следовавшему требованию немного зарвавшегося и ныне союзниками одернутого представителя держав согласия г. Энно.

Петлюровцы пытались добиться большего—16 декабря харьковский комендант предъявил Совету I германского корпуса ультиматум о восстановлении прежней демаркационной линии у Купянска—Волчанска—Белгорода и удержании ее до подхода „украинских войск", и угрожал в случае отклонения ультиматума прекращением перевозки немецких войск на родину. Этот ультиматум немцами не был принят.

С нами немцы (совет первого корпуса) договорились к 24 декабря очистить всю территорию до десятиверстной полосы пред линией железной до-

[1] Договор был заключен 12 декабря.

роги Северо-донецкой и Южной (до Ворожбы). к 1 января они предполагают покинуть Харьков...

Немцы торопятся уйти из Украины до подхода союзников. Эти последние обнаруживают пока довольно мало энергии в переброске войск на Украину. Некоторый очень незначительный десант заметен в Одессе (сведения впрочем лишь от 13 декабря) и в Крыму. В Салониках будто бы грузятся для Одессы 3 дивизии французских (не домой ли) и 3 греческих, но армия румынская ожидается газетами уже с меньшей надеждой.

Наши силы. За отходом от нас Валуйской группы 1-й бригады 3-й советской Украинской дивизии, сформированного нами в составе 3 000 штыков, 200 сабель, 10 орудий отряда Кожевникова, 5 000 штыков, 3 орудий, 250 сабель 4-го продкавполка; Северного чрезвыкомполка—1 300 штыков, 2 орудия,—а всего—9 300 штыков, 450 сабель, 15 орудий, в распоряжении Реввоенсовета украинской армии состоит: в советских украинских пехотных полках—до 10 000 штыков, до 1 000 сабель, 18 орудий, в приданных с 15 декабря частях погрохраны до 3 500 штыков, 150 сабель (без пулеметов) в запасных частях—до 6 000 обучающейся (почти без оружия и обмундирования) пехоты, до 300 артиллеристов.

Силы повстанцев внутри Украины не поддаются учету. Прежде всего петлюровские отряды в изрядной доле содержат элементы, склонные к поддержке советской власти. В Глухове петлюровцы, арестовав офицеров, перешли на нашу сторону. В левобережной Украине основным ядром повстанцев является Полтавская их организация, насчитывающая до 4 000 чел. и обладающая некоторым запасом оружия. Повстанческие настроения сильны в Конотопском, Путивльском и Черниговском уездах и в некоторых уездах Харьковщины (в Грайворонском, в Змиеве, Чугуеве). В правобережной Украины советская власть может рассчитывать вполне на южные уезды Киевской губернии и на весь Криворожский бассейн. В Екатеринославе совет восстановлен, весь Новомосковский уезд и Верхнеднепровск в руках рабочих советов. Павлоград занят советским отрядом, поведшим наступление на Лозовую, отбитое отрядом петлюровца Черница. В Донецком бассейне действует оперативный штаб областного революционного комитета. Он, в связи с отрядами Махно, расчищает бассейн от белогвардейцев и восстанавливает в нем советскую власть. В соприкосновение с красновцами эти отряды еще не вошли. Лишь недостаток вооружения, интендантского и денежного снабжения мешают формированиям советских полков и повстанческих отрядов, к которым готовы примкнуть десятки тысяч рабочих и крестьян Украины.

Оперативные задания. Общая стратегическая обстановка:

1. Напряженность борьбы на внутреннем фронте Украины, где слабые зачатки советской власти легко могут быть задушены петлюровскими бандами и где затруднения с десантом союзников дают возможность, при наличии явного сочувствия нам широких народных масс, ожидать легких успехов над этими бандами в ближайшие дни.

2. Положение на Южном фронте—сосредоточение главных усилий Деникинской и Красновской армий на Царицынской и Северокавказской наших группах, с целью добиться ликвидации этой фланговой угрозы для развития заторможенного наступления в глубь советской России.

3. И наше продвижение на Западном фронте властно требует развития энергичных действий на Украине. Необходимо в кратчайший срок, до подхода союзников, достижения целей Краснова—Деникина на Кавказе и у Царицына и закрепления на Украине петлюровцев—сегодня тайных, завтра явных соратников Краснова и добровольцев, поднять и организовать революционные силы Украины и прежде всего Донецкого бассейна для поддержки наших армий Южного фронта.

Та задача, которая ныне перешла к отряду Кожевникова,—удар на Чертково, Миллерово, входит составною частью в общую систему предстоящих операций.

Необходимо:

1. Прикрываясь со стороны Киева энергичной диверсией к Чернигову и к Полтаве, овладеть Харьковом и протянуться к Екатеринославскому району, в котором надо создать базу для действий против Киева—Одессы и против Крыма.

2. В связи с движением Кожевникова и в прямую ему поддержку развить энергичное наступление от Харькова через Донецкий бассейн на Лихую—Зверево с энергичной диверсией к Ростову.

Стратегическая обстановка обязывает к решительным действиям, которые тормозятся отсутствием необходимых директив, полным отсутствием снабжения артиллерийского и скудостью денежного снабжения.

Необходимы: 1) широкие кредиты не только для регулярных частей, но и для повстанческих отрядов внутри Украины и для работы военкомов; 2) броневой поезд, броневая колонна и 2—3 броневика, дивизион легкой и хоть взвод тяжелой артиллерии и бригада пехоты; 3) прежде всего—оружие, оружие!“

Таково было содержание доклада. В нем упоминалось также о заключении нами 20 декабря договора с немцами (совет солдатских депутатов I резервного корпуса) об очищении ими к 24 декабря полосы вплоть на 10 *км* к северу от железной дороги—Луганск—Лиман—Харьков—Сумы—Белополье. К 1 января они обещали очистить также Харьков. Поэтому представлялось совершенно бессмысленным соблюдать директиву главкома, предлагавшую не развивать никаких операций к Харькову, а переорганизовываться и формироваться.

Несмотря на сообщения Вацетиса о поднятой против командующего Курской группой кампании, мы продолжали наседать на РВСР, добиваясь поддержки наших планов.

Помимо слезницы т. Сталину, в том же духе было написано Я. М. Свердлову и Н. И. Подвойскому. Одновременно мы настаивали на условленном с Вацетисом свидании для вырешения вопросов нашего фронта.

25 декабря правительству РСФСР и главкому нашим Реввоенсоветом (Затонским и мною, с ведома т. Пятакова) был послан следующий документ:

„Реввоенсовет Украинской Советской армии поставлен в исключительно неблагоприятное положение, совершенно несовместимое с теми задачами,

разрешения которых властно требует от него общая стратегическая и политическая обстановка на Украине.

1. Район действий Реввоенсовета Украинской Советской армии не определен, разграничительных линий как с Южным, так и с Западным фронтом не установлено.

2. Распоряжением от 19 декабря группа Курского направления передана в ведение т. Кожевникова, но за этим не последовало никаких дальнейших указаний ни о частях войск, которые надлежало передать Кожевникову, ни об управлении этой группой, ни о районе ее действий.

3. Никаких директив Совет так называемой Украинской армии от главкома не имеет. Единственная директива о наступлении к линии Гомель—Бахмач касается второстепенного направления и связана с необходимостью поддержки операций Западного фронта у Гомеля.

4. Реввоенсовет „украинской армии" совершенно не посвящен в общие планы главкома относительно Украины—на запрос об обещанной главкомом для Харьковского направления Курской бригаде, последовал ответ от 24 декабря, что „эта бригада имеет особое назначение в связи с общим наступлением". Касается ли указанное наступление Харьковского направления или нет—остается тайной. Реввоенсовет Украинской армии совершенно не знает, может ли он рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны центра.

5. Нет абсолютно никаких указаний относительно того, откуда должно происходить снабжение советских украинских войск.

6. Наши вопросы о вооружении, бронепоездах, броневиках и т. д. остаются без всякого ответа.

Решение Реввоенсовета Республики относительно совместного совещания главкома с правительством и Реввоенсоветом Украины, предполагавшегося 21 декабря, не было приведено в исполнение, и единодушный запрос советского украинского правительства относительно этого совещания остается без ответа.

Просим соответствующих указаний и распоряжений".

Почти тотчас же по отправлении этого документа, Вацетис вызвал представителей украинского правительства и меня на совещание об украинской армии. Поехали Пятаков и Квиринг (последний от меньшинства, добивавшегося смещения командарма). Я не поехал, ссылаясь на неотложные дела: нами подготовлялось занятие Харькова.

Вацетису командующий направил следующий краткий доклад:

„Первоначально (21 ноября) Вами преподанная мне директива гласила—подготовлять операцию на Миллерово, долженствующую быть прикрытой с Харьковского направления частями Московской рабочей дивизии. Для действий в направлении Миллерово предполагалось мне выделить—43-й рабочий Украинский полк, один кавалерийский полк из 2-й кавалерийской дивизии, отряд Кожевникова, один бронепоезд и один технический поезд.

Я тотчас же выехал в Воронеж для приемки полков и выслал квартирьеров в районы Касторная—Волоконовка.

Но: 1. командующий 8-й армией не мог выделить мне 43-го полка, бывшего на фронте.

2. Начальник 2-й кавалерийской дивизии не мог дать мне кавалерийского полка за несформированием такового.

3. Московская рабочая дивизия получила иное назначение.

4. Технический поезд все еще формируется в Москве.

5. Первый эшелон отряда Кожевникова прибыл в Курск лишь 12 декабря и через два дня (по инспекции и снабжении его) направлен в Новый Оскол, к 13 декабря все 9 эшелонов отряда Кожевникова прибыли к ст. Волоконовка Ю.-В. ж. д. (остальные эшелоны прошли через Елец).

27 ноября мне преподана новая директива—выделить, по соглашению с командующим резервной армией Глаголевым, боеспособные украинские части и, приготовив их к предстоящим операциям, действовать на Миллерово. Для этого удара предполагалось также—два продполка, два чрезполка, 4 продкавполка.

Но: 1. Украинские повстанческие части настолько втянулись в операции в Черниговщине, что оттуда удалось вызвать всего одну конную сотню и одну батарею. Обстановка под Белгородом и у Суджи не допускала немедленного увода с Сумского и Харьковского направления украинских повстанческих частей.

2. 4-й продкавполк задерживался командармом 8 и лишь 14/XII получил возможность итти походным порядком на соединение с отрядом Кожевникова.

3. Из обещанных 4 продовольственных и чрезполков лишь один прибыл 17 декабря к Новому Осколу.

4. Вооружение для отряда Кожевникова получено лишь с 16 декабря.

5. Довооружение повстанческих частей невозможно было произвести за недополучением снабжения. Лишь теперь ЦУС сообщил, что требования удовлетворены, кроме требования на инженерное имущество и для артиллерии.

Помимо препятствий со стороны: 1) железнодорожной администрации, 2) органов снабжения, 3) органов формирования, мною встречены препятствия порядка организационного:

1. Район действий никогда не был точно определен.

2. Демаркационная линия с Южным и Западным фронтами не установлена.

3. Взаимоотношения с резервной армией не определены, ввиду чего в районе украинских повстанческих частей сложилась опасная чресполосица командования.

За месяц работы выполнено следующее:

1. В районе сосредоточения группы, предназначенной для удара на Миллерово, из повстанческих частей, погранохраны и осколков продкавполка организована 1-я бригада 3-й советской украинской дивизии (9-й и 10-й Укр. сов. полки), 5-й кавалерийский украинский полк и 10 орудий. Эти части тщательно проинспектированы тт. Крапивянским и Дыбенко. Последний назначен командиром бригады. В бригаде до 5 000 пехоты (из них до 2 500 невооруженных), 200 сабель, 10 орудий.

Части отряда Кожевникова проинспектированы т. Дыбенко и довооружены: к нему приданы два эскадрона 4-го продполка. Организован

подотдел разведки в Волоконовке (Валуйках). установлена демарклиния с 8-й армией. Согласно оперативному заданию штаба, проведено занятие с боем Валуек, ст. Уразово, В. Бурлака, Купянска и ряда деревень в Старобельском районе.

2. В районе Суджа—Белгород происходит переформирование повстанческих частей. Из многих отрядиков сложены 5-й, 6-й и кадры 7-го и 8-го советских украинских полков, а также кадры двух кавалерийских полков. Одновременно, ввиду провокационного поведения немцев и белогвардейцев и в намерении отвлечь внимание красновцев от подготовляющегося удара на Миллерово, предпринято наступление к Белгороду, который взят 20-го и откуда наши передовые части продвинулись на 30—40 *км* к Харькову. В боях под Белгородом мы потеряли 12 убитых и 11 раненых, потери германцев и белогвардейцев несравненно выше, захвачены нами обозы, несколько сот винтовок и несколько завязших в снегу орудий.

3. В Судже, в Глухове—Рыльске формируются две запасных бригады из частей повстанческих отрядов и мобилизованных (заняты Суджа, Мирополье, Глухово).

4. В Черниговщине повстанческие части сведены в бригаду, которая ныне развертывается в дивизию и по 21 декабря продвинулась в направлении из Почепа—до Новозыбкова (с боями у Клинцов), в направлении на Городню—из Почепа через Стародуб до Семеновки и в направлении на Сосницу, заняв Новгород-Северск и расчистив железную дорогу до Терещинской (занят и Шостенский завод), продвинулись до полдороги от Новгорода-Северска к Соснице (для этой Черниговской группы директива преподана согласно особой директивы главкома).

Наш Реввоенсовет находится в постоянной связи с повстанческими организациями Украины, которые в настоящее время усиленно тяготеют к Екатеринославу и Харькову.

Ввиду этого производится спешное сосредоточение всех наличных сформированных частей (кроме Черниговской группы) в Харьковском направлении и подготовляется удар на Харьков".

Подготовка к наступлению была в разгаре, мы уже сломили сопротивление отборных войск Балбачана, прикрывавших Харьков, когда главком неожиданно запросил командующего Курской группой телеграммой от 30 декабря (получена 30 декабря):

„Представители Укр. правительства во вчерашней беседе сообщили мне, что Вами начато наступление на Харьков. Прошу сообщить, так ли это, и чем вызвано Ваше решение, идущее вразрез с моими директивами".

На эту телеграмму было отвечено: „Неоднократно сообщал, что 24 декабря с немцами установлена демарклиния в 10 *км* (к северу) от железной дороги Изюм—Харьков—Ворожба. Мы должны бы продвигаться к этой линии. Несколько раз испрашивал директив об этом, не получал их. Готовимся к наступлению на Харьков, ведется разведка. Сосредоточиваются силы. Наступления не ведется. Стычки вызываются активностью противника".

В действительности наши действия в Харьковском направлении

развивались неуклонно. Попытка захвата с налета Белгорода нам не удалась. Тогда усвоили новую тактику: мирные переговоры с немцами и медленное просачивание нашими частями за демарклинию в тыл Белгорода к Харькову.

Однако нашим повстанцам не терпелось. 8 декабря пришли сведения о новых нападениях на немцев у Белгорода. Командиру 6-го полка Каверину в тот же день командгруппы передавал:

„Здесь ведут переговоры с немцами, а из Харькова немецкий совет сооообщает, что наши наступают на Белгород—Волчанск. Держите части в руках. Наступать без приказа—это провокация. Предписывается наступление прекратить, за неисполнение предание суду командиров... Эти части действуют между Белгородом и Харьковом, а также южнее Волчанска на 60 *км* в селе Паганка и около него, недалеко от Чугуева".

Наша линия в отношении немцев обсуждалась на заседании украинского правительства 8 декабря.

В результате обещания на этом заседании украинского правительства был принят следующий текст договора: „1) Не удалять нас от занятых нами пунктов. 2) Украинцы могут проходить через границу (демарклинию). 3) К концу декабря очищение всей Украины. 4) О предстоящей эвакуации извещаемся только мы. 5) В плане эвакуации учитывается и стратегическая необходимость. 6) Немецкие советы содействуют всячески вооружению, в квартирах никаких обысков оружия, не пропускают красновцев".

Командование усвоило иную тактику: не предъявлять немцам ультиматума, но постепенно оттеснять их от демаркационной линии. Мы стремились, не ввязываясь с немцами в бой, продвигаться обходными движениями в тыл Белгороду, чтобы в известный момент иметь возможность отрезать его от Харькова. Так как у немцев и петлюровцев нехватало сил для повсеместной охраны границ, то это было выполнимо без столкновений с противником.

8 декабря командующему 1-м полком червонного казачества было предписано: „Произвести две демонстрации—к станциям Краснополье и Головашевке. Для каждой отрядить до полусотни с пулеметами и ракетами. В бой с немцами не ввязываться. Создать представление о больших силах. Петлюровцев бить. Сверх того постоянно тревожить с тыла немецкие части, расположенные в Юнаковке".

Командир 6-го полка Каверин сообщал 9 декабря:

„В Старом Слатове—ревштаб с отрядом в 170 чел. В Волчанском уезде повсеместно советы, в самом Волчанске на 300 петлюровцев—120 наших, в Новом Белгороде—наш отряд в 80 чел., подтягивающихся к Старому Слатову. В Чугуеве—петлюровцы. III батальон 6-го полка—в Шебекино, откуда ведет рекогносцировку. Вблизи железной дороги на Харьков, в сс. Бессоновке, Наумовке и Воскресенской группы из крестьян, в Бессоновке наших—до 70 чел. с одним льюисом. Тамаровка занята отрядом анархистов—до 70 чел. Беломестная—местными повстанцами (до 150 чел.). В Сажном, Озерове и Неп-

хаево—погрохранный полк (до 2 000 чел.), подчиненный штабу резервной армии".

Таким образом 6-й полк успешно выполнял данное ему предписание—стягиваться в направлении Белгород—Волчанск и проникать своими разведывательными частями и организующими группами вглубь к Харькову.

Сообщая комбригу Бобыреву об этом распоряжении, данном нами ввиду исключительных условий непосредственно 6-му полку, РВС 10 декабря указывал: „Предлагаю Вам с получением сего перевести 1-й эскадрон кавалерии в село Яковлево, снабдив его всем необходимым для стоянки в указанном селе и для отражения нападений. Заняв Яковлево, эскадрону произвести демонстрацию в районе Тамаровки, придав ей характер боевой разведки железной дороги. Боя с немцами избегать, ограничиваясь, в случае натиска с их стороны, перестрелкой, и по возможности не давая последней перейти в бой".

Далее указывалось:

„Ввиду предстоящего движения к Белгороду и Харькову предписывается в самом спешном порядке:

1. Штаб бригады со всеми учреждениями направить ст. Белепихино.

2. Трехорудийную батарею перевести также к с. Белепихино.

3. Участок: Льгов—Суджа—Мирополье—Готня передать в распоряжение командующего группой, в которую войдут 5-й советский полк (бывшие 7-й и 8-й полки), конные части Примакова и конная батарея.

Этой группе поручается:

1) спешно заканчивать переформирование, 2) нести охрану указанного района, 3) вести активную разведку в направлении Сумы и Готня—Грайворон, по возможности проникая к Грайворону и организуя подсобные местные революционные дружины в указанных направлениях".

12 декабря 1-я бригада 2-й дивизии (Бобырева) получила дополнительные задания—группе Примакова овладеть Ворожбой, демонстрируя у Сум, остальным частям бригады продолжать движение к Харькову, переведя один полк из с. Богатое через Тамаровку на пути к Казачьей Лопани и сосредоточив до 1 батальона между Волчанском и Белгородом.

16 декабря начштабу Ауссему указано:

„Коммунисты из 6-го полка передавали, что немцы так скверно прикрывают свои орудия в Шебекино, что можно без труда их захватить. Надо эту операцию проделать. Немцам потом можно будет заплатить. Поручить ее т. Крвалю или специальному толковому человеку. В поддержку можно послать к Яшвили, но с тем, чтобы не резал немцев, если не будут сопротивляться. Одновременно полезно попортить путь в тылу Белгорода. Не останавливайтесь на мотиве—что, мол, ведем переговоры, во время их неудобно и т. д. Немцы ведут себя самым подлым образом, и надо говорить с ними решительно".

Предписание портить пути за Белгородом было выполнено. Об этом свидетельствуют сообщения харьковских газет от 17—20 декабря. 17 декабря т. Ауссем доносил по прямому в Серпухов командарму:

„В Белгороде немцы составили ультиматум об очищении Беломестной к сегодняшнему утру, угрожая открыть артиллерийский огонь, но такового не открыли. Наоборот, оттянулись к Белгороду и взорвали мост в 3 верстах перед Белгородом. Завтра, когда закончится наша группировка, предъявляем им контрультиматум очистить Белгород. Одновременно произошли следующие события: Чередняк с батальоном 9-го Украинского полка, усилившимся прибывшими из Нового Оскола анархистами, напал на немцев в Шебекино, обезоружил, часть отправил в Новый Оскол, часть ушла в Белгород. Чередняк, усилившийся до 1200 человек, бомбардировал взятыми у немцев орудиями ст. Нежеголь, чем заставил немцев очистить Волчанск, отойти в Белгород, взорвав мост у Разумного и минировав мост через Северный Донец у Белгорода. По немецким сведениям число немцев было—700, из них 400 пришло в Белгород, в Новый Оскол пока прибыло 72. Взято 3 орудия, несколько пулеметов, снарядов и полмиллиона патронов. Чередняк заявил, что будет действовать в тылу у Белгорода. В Черниговской губернии петлюровцы присоединяются к нам, кроме Глухова; прислали делегатов гарнизоны Чернигова и Кролевца, последние привезли телеграмму командира дивизии с просьбой о переговорах. Туда выехали Затонский, Кудрин, Лапчинский, так как требуется сугубая осторожность. Добивайтесь оружия. Наплыв добровольцев огромный. Берите все: немецкие, австрийские и японские винтовки для вооружения комбедов и обмена на русские для своих частей. Добейтесь подчинения пограничной охраны нам хотя бы для того, чтобы их разоружить и получить оружие, так как это большею частью только банды. Дальше требуйте Московский запасный продполк, имеющий богатую материальную часть. Засманович очень на этом настаивает“.

Приказа о подчинении нам местной пограничной охраны мы добились 15 декабря, но это не привело ни к какому определенному результату. Тов. Каверин сообщал, что, получив это извещение, вызвал начальника 5-го района пограничной охраны Языкова и военкома Клявина. Те заявили, что они не имеют указаний от своего непосредственного начальства (Глаголева).

Подтверждение приказа поступило только 19-го.

17 декабря из штаба 2-й дивизии было получено следующее извещение: „В 6 часов вечера немцы из Белополье эскадроном конницы и ротой пехоты повели наступление на деревни Кислый и Павловка. У деревни Кислый начался бой, принял II батальон 5-го полка, атака отбита, батальон перешел в наступление. По донесению разведки в Белополье появились гайдамаки“.

Беспорядок во 2-й дивизии был необычайный. Своевременно мер к расквартированию и довольствию частей не принималось. Из Прохоровки 18 декабря председатель пограничной чрезвычайной комиссии сообщил о полном отсутствии связи: прибывающих никто не встречает и не направляет, справок получить негде, некому озаботиться снабжением частей. В особенно критическом положении находится Первый московский коммунистический интернациональный отряд.

Действия командования и представителей правительства также не всегда были согласованы. Комбриг Каверин по нашему приказу готовился предъявить немцам ультиматум, а ведший с немцами переговоры член правительства Квиринг, прибыв в штаб бригады, требовал задержки ультиматума и пропуска немецкой делегации.

К этому времени уже производилось сосредоточение в основном направлении сил 2-й дивизии 19 декабря. Из штаба этой дивизии сообщалось, что 17-го эшелон II батальона 7-го Суджанского полка направлен до ст. Вольфино.

Из Суджи дополнительно сообщалось нашему разведывательному отделу:

„Отряд из Рыбцов отозван в Суджу на переформирование, послан другой. В 8 верстах от Сум—два кав. отряда до 140 чел. при 4 пулеметах, баварцы. Офицеры держат себя крайне контрреволюционно, что проявилось при возвращении нашей делегации. Население на нашей стороне. Петлюровцы разбросаны небольшими группами. Большой склад оружия—под немецкой охраной. Тревога немцев растет. Ворожба и Белополье сегодня освобождаются немцами, но гайдамаков там до 200 чел. Сегодня наверное займем Ворожбу и отрежем немцам путь“.

20 декабря в 5 час. противник открыл артиллерийский огонь по нашему расположению у шоссе близ Ивановской. Завязался бой. Наши части полукольцом повели наступление на Белгород. Одновременно партизанские группы ударили в тыл по железной дороге.

Противник (немцы и петлюровцы) бежал, спешно погрузившись в эшелоны. В 14 час. Белгород был занят нашими частями. Немцы и гайдамаки оказали незначительное и беспорядочное сопротивление. Последний их эшелон потерпел крушение. Наштарм Ауссем сообщал: „Белгород, Волчанск, Тамаровка взяты. Ожидается взятие Готни; 21-го был занят Купянск“.

Мы продолжали оказывать давление на немцев и на других участках. Ввиду их двусмысленного поведения, 21 декабря Маслову, командующему Суджанским участком, было предписано:

„Примите немедленно меры к недопуску прохода немецких эшелонов из Бахмача. Действовать должны совместно с нашими в Путивле, Глухове и Конотопе, разрушая пути в тылу у немцев“.

Договор с немцами (совет I корпуса) был заключен т. Квирингом. Согласно этому договору, немцы обязывались к 24 декабря очистить территорию до десятиверстной полосы перед Северо-донецкой и Южной (до Ворожбы) железнодорожными линиями. В особом пункте оговаривалось, что за нами остается право перехода этой демаркационной линии (в случае накопления где-либо вражеских сил).

За несколько дней до этого немцы категорически отказывались очистить Белгород ранее января и предъявили нам ультиматум об удалении за прежнюю демарклинию, но после отклонения этого ультиматума и удара анархистов в Волчанске они стали сговорчивее.

Новый удар—захват нами Белгорода—был встречен резкими протестами германского исполкома.

Квиринг счел необходимым объяснить германцам это происшествие и послал им следующую „ноту“.

„ХАРЬКОВСКОМУ СОВЕТУ СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ПЕРВОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА.

Сообщаю, что Временное Рабоче-Крестьянское правительство по моему докладу приняло к исполнению новый договор, заключенный мной с Советом 1-го армейского корпуса.

В этом смысле правительством сделаны соответствующие распоряжения военному командованию.

Вместе с этим считаю необходимым сделать соответствующие разъяснения по поводу взятия нашими войсками с бою города Белгорода. При моем отъезде из Курска в Харьков было условлено, что я возвращусь не позже 2 часов 19 декабря. О своем запоздании я не имел возможности предупредить наше командование, так как посланная мной через Белгород телеграмма была получена командованием только поздно вечером 19 декабря и кроме того записке, переданной патрулем и подписанной „немецкая делегация“, не придали значения.

В это же время командование Белгородским участком получило сведения об аресте в Харькове Совета рабочих депутатов, о репрессиях против рабочего движения в Харькове, о железнодорожной забастовке. Имея такие сведения об общеполитическом положении в Харькове и не будучи уверено в благополучном возвращении нашей делегации, командование 19-го отдало приказ выполнить заранее подготовленную операцию занятия Белгорода. Наступление было произведено как раз в момент переезда делегацией через демаркационную линию, и в случае опоздания на 10 минут мы оказались бы под обстрелом. Остановить уже начатые действия командование не могло, так как действующие части были разбросаны на большом расстоянии. Вследствие того, что восстановленное после занятия Белгорода телеграфное сообщение прервано бурей, я сейчас не имею еще точных сведений относительно боя. Краткое донесение говорит, что германские части отступили на Харьков. Представитель Харьковского совета Рульф одновременно посылает телеграмму и подробное письмо. Надеюсь, что столкновение у Белгорода, вызванное вышеуказанными обстоятельствами, не послужит препятствием наметившихся Харьковским соглашением доброжелательных отношений между нашими войсками и войсками германскими. 21 декабря 1918 г.

Уполномоченный по переговорам с 1 армейским корпусом
Член Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины.
Квиринг.

Но немцы продолжали тревожиться. Командующий Суджанской группой Маслов 24 декабря сообщал, что 28-го получено от сумского совета германских солдатских депутатов требование об отводе войск на 10 *км* от железной дороги и о воздействии на население в доставке немцам продовольствия. Маслов предписал начальникам боевых участков остаться на местах, прочно закрепившись в опорных пунктах.

В этот же день нами было передано в Суджу (представителю военного отдела т. Кулику) следующее разъяснение:

„1. Ни о какой нейтральной полосе у нас с немцами разговора не было, устанавливается лишь демаркационная линия на 10 *км* от дороги.

2. По договору с I германским корпусом, известному и XX германскому корпусу, мы имеем право не считаться с этой демаркационной линией всюду, где заметим за нею враждебные нам группировки.

3. Условия гарантии передачи нам железной дороги были предложены немцам, они на это не согласились, но это имеет для нас мало значения ввиду указанного в предыдущем пункте условия.

4. Условия об установлении демаркационной линии у ст. Гомель представляется нам делом Западного фронта".

Переговоры с немцами вел, как сказано, Квиринг, от немцев—Рульф (левый соц.-дем.), представитель совета I германского корпуса Вольрабе Спунде; наш представитель при I корпусе телеграфировал Рульфу о необходимости распространить соглашение и на район Гомеля, „иначе бои неизбежны" (согласно сводке Западного фронта нами уже были заняты Лунинец, Мозырь и Речица).

Рульф отвечал:

„В районе Гомеля действуют не украинские, а российские советские войска. Необходимо, чтобы Киев дал мне полномочия заключить, в духе нашего договора с Москвой, при посредничестве Украинского Советского правительства или чтобы Киев сам начал немедленно переговоры с Москвой. Для выяснения положения у Гомеля сделан запрос наркому Чичерину. Ответ еще не получен".

Немцы не особенно точно выполняли условия нашего соглашения. Уже 25 декабря Квиринг телеграфировал им в Харьков, что, по донесениям наших войск, германцы еще занимают Казачью Лопань (30, а не 10 *км* от Харькова) и что нам приказано считать все германские части, находящиеся за условленной демаркационной линией, враждебными нам, обезоруживать и направлять в концентрационные лагери для отправки на родину в общей очереди с остальными военнопленными.

В ответ на это совет I корпуса затребовал вызвать обратно своего представителя при нашем штабе—Рульфа. Мы ответили предложением направить в Ворожбу нашего представителя и при немецком совете—Спунде, для обмена на Рульфа (28 декабря) и попутно указали, что считаем отзыв ими Рульфа отказом от соглашения.

Одновременно с немцами шли переговоры об их проезде через территорию РСФСР. Эти переговоры привели к определенному соглашению, о чем свидетельствует следующее сообщение нам из Москвы:

„После долгих переговоров наконец полчаса тому назад установили окончательный текст договора с немцами.

1. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины и Совнарком РСФСР по взаимному между собою соглашению заключают нижеследующий

договор с Советом солдатских депутатов I германского армейского корпуса о пропуске солдат этого корпуса через Украину и Россию в Германию.

2. Путь следования немецких эшелонов устанавливается следующий: Курск—Орел—Брянск—Смоленск—Витебск—Двинск—Вильно—Ковно — Вержболово (см. карту).

Примечание. Оба советских правительства оставляют за собой право в случае необходимости изменить этот маршрут, но при этом обязываются сделать все зависящее, чтобы изменение маршрута не увеличило срок следования от Харькова до немецкой границы.

3. Оба советских правительства представляют для перевозки солдат I армейского корпуса по указанному маршруту необходимый подвижной состав; количество нужных вагонов устанавливается в момент погрузки в Харькове соглашением представителей обеих сторон.

4. В полное возмещение расходов по перевозке Совет солдатских депутатов I армейского корпуса передает все имеющееся у него оружие, артиллерийское и инженерное имущество. (По предложению немцев мы условились не заниматься вычислением величин наших расходов, равно стоимостью их военного имущества, мы наперед считаем, что эти две суммы взаимно друг друга погашают.)

5. Продажа какого бы то ни было имущества как продовольствия, обмундирования, санитарного имущества каким бы то ни было лицам и учреждениям, кроме Рабоче-крестьянского правительства Украины, безусловно не допускается.

6. Провозимые войска могут иметь при себе походные кухни, батальонные, ротные повозки и повозки под вещевое и провиантское довольствие с соответствующим им числом лошадей, в количестве, установленном по соглашению между Советом солдатских депутатов I германского армейского корпуса и Временным рабоче-крестьянским правительством Украины.

7. Весь же обоз, служащий для перевозки оружия, артиллерийского и инженерного имущества за исключением санитарного передается Временному рабоче-крестьянскому правительству Украины на условиях, указанных в пункте 4.

8. Оба советских правительства берут на себя обязанность посылать при каждом транспорте немецких войск в пределах территории обеих республик воинскую силу, достаточную для обеспечения полной безопасности проезжающих немецких солдат. Эта охрана должна составлять не менее пятидесяти человек при двух пулеметах.

9. Забота о заготовке продовольствия на все время следования лежит целиком на Совете солдатских депутатов I германского армейского корпуса.

10. Ввиду ограниченного количества подвижного состава и острого кризиса топлива эшелоны могут снабжаться продовольствием и фуражом по обычной в германских частях норме не более чем на 30 дней.

11. Оба советских правительства обязуются пропускать ежедневно по два эшелона с немецкими войсками, если к тому не встретится непреодолимых препятствий.

12. Каждый эшелон должен быть доставлен в Вильно через 8 дней по выходе из Харькова.

13. В случае непредвиденных технических затруднений этот срок может быть продлен.

14. Отправка эшелонов из Харькова не позже чем через сутки по подписании настоящего соглашения.

15. Каждый эшелон сопровождает ответственный советский комиссар.

16. В случае, если на территории обеих республик произойдет нападение и ограбление проходящих эшелонов, оба правительства возмещают происшедшие от этого лично имущественные убытки". (Подписи.)

Добиться такого по здешнему компромиссного решения мне стоило очень и очень больших усилий. Склянский ставил безусловным требованием не только полную сдачу оружия, но также отобрание буквально всего обоза, лошадей и вообще предъявлял сугубо драконовские требования. Я, Чичерин, Раковский, заместитель Кобы (Сталина), Каменский считали, что при данных условиях политически недопустимо давание пропуска более или менее вооруженным группам,—результат, как видите, компромиссный.

„Здешние немцы вполне принимают условия, готовы подписать их немедленно по получении ответа от Вольрабе. Мы достоверно знаем, что до сведения берлинских шейдемановцев уже дошел факт наших переговоров. Очень вероятно, что они попытаются соглашение сорвать, заявивши, что войскам, проходящим через совдепию, не будут подаваться встречные эшелоны по немецким железным дорогам. Вы конечно знаете уже, что спартаковцы, по поступившим сегодня утром сведениям, обстреливают правительство тяжелой артиллерией и аэропланами. Поэтому мы гоним переговоры во-всю. Сговоритесь сейчас же с Вольрабе и дайте к утру ответ. Укажите ему, что вышеуказанный договор здешними немцами принят охотно, в подтверждение чего сейчас передаю их официальную телеграмму Совету солдатских депутатов I корпуса: „Харьков. Принимайте договор и отвечайте по телеграфу немедленно, дабы здесь подписать. Отопление для вагонов берите с собою с места. Герман. Делегация Вольрабе".

„Можете еще в виде аргумента указать, что последний пункт, где могла грозить какая-либо опасность со стороны польских легионов,—Вильно взято нами, и идет продвижение наших войск в Ковно; затем Мануильский сегодня сообщил о состоявшемся соединении с Гомельской группой, которая следует тоже на Вильно; впрочем немцы советуют употреблять этот последний аргумент лишь в крайнем случае. Они не хотят, чтобы у харьковских солдат-немцев появилась боязнь, что из-за занятия пути подоспевшими ранее гомельцами они застрянут в Вильно или около нее".

Не установлено, к какому числу относится этот разговор. По-видимому он происходил до взятия нами Харькова. Помнится, что немцы согласились на все условия, и это благоприятно повлияло на их отношение к нам при нашем вступлении в Харьков.

В связи с успехом переговоров с немцами и в стремлении предупредить скопление петлюровских сил в Харькове, мы решили энер-

гично развивать наступление. Отдан был ряд приказов по сосредоточению частей 2-й бригады в Харьковском направлении. Реввоенсовету Резервной армии сообщалось:

„Из прилагаемых при сем предписаний по повстанческим дивизиям следует, что район от хутора Михайловского и до Суджи нами предполагается в кратчайший срок очистить. Прошу немедленно распорядиться по пограничной охране и по другим вверенным Вам частям о производстве ими смены частей 2-й повстанческой дивизии в очищенных пунктах. О всех Ваших распоряжениях по сему поводу просим немедленно сообщать“.

На деле командарм Резервной никаких мер к замене наших частей своевременно не принял. 20 декабря Каверин (командир 3-й бригады 2-й дивизии, штаб которой находился в Льгове с комдивом Бобыревым) доносил из Белгорода, что часть 5-го советского пограничного полка перешла в его распоряжение уже на фронте, вскоре прибывают из Прохоровки другие части. Немцы взорвали мост у Волчанска.

21 декабря из Прохоровки был направлен в Белгород 2-й Интернационалистический отряд (Макова). К 24 декабря немцы очистили Воскресенскую и Наумовку. Сильные снежные заносы и недостаток обуви мешали нам продвигаться. Кавалерия не могла итти даже по шоссе.

24 декабря начштаба из Белгорода сообщал: „Нет связи с 5-м полком. 8-й вчера из Кустовое двинулся в Борисовку, II его батальон из Дмитриевки—в Ракитное, 6-й полк и Михайловский батальон оперируют Долбино—Воскресенская. Погранрайон стоит в Белгороде. У него 1 000 свободных винтовок. Думаю его слить с 8-м полком, не имеющим оружия. Мосты на Волчанском и Сумском направлении будут готовы не ранее чем через неделю“.

К 25 декабря в Белгороде расположился штаб 2-й дивизии. К Белгороду приказано 24 декабря стягиваться также и кавалерийскому полку (с батареей) т. Примакова. Примаков должен был перебросить полк к ст. Псел для его погрузки, но мост перед этой станцией оказался взорванным, и Примаков просил прислать подвижной состав для погрузки полка на ст. Суджа. Он докладывал также, что переброска сорвет формирование полка и оставит без охраны сахарные заводы с более чем 1 200 000 пудов сахара. Он же предлагал двинуть полк походным порядком через Краснополье—Грайворон на Харьков для охраны правого фланга дивизии. Тов. Примаков явно преувеличивал значение фланговой угрозы из Сум.

Об этой угрозе военком Дыбенко доносил из Коренева 22 декабря, что немцы предъявили ультиматум—очистить занятую нами д. Николаевку, но вместе с тем предпринимают попытки наступать от Белополья и Сум, которые нами пока отбиты. От Сум наступают также петлюровцы, а на Стецковку—гайдамаки и немцы, создавая угрозу левому флангу.

Тем не менее Примакову вновь было указано немедленно грузиться в состав, отправленный с Суджи, и направляться к Белго-

роду; если останутся свободные вагоны, то силами местного населения погрузить их сахаром для нужд армии.

К 26 декабря оперсводка 2-й дивизии доносила, что ведется усиленная разведка в Казачьей Лопани; ст. Готня занята без боя.

27 декабря комдив 2 предписано ускорить движение в Белгород частей Шмидта (5-й полк) и Примакова. Задача Маслова (район Сумы—Суджа—7-й украинский полк)—занимать основные узловые пункты в Суджанском районе и вести разведку.

(В районе Рыльск—Суджа занимали 27 декабря следующую линию: С. Виры—Соханев—Кислый—Бойков—Речки—Окня—Николаевка—Рудневка — Пушкаревка—В. Чернетчина—Марчиков — Тимофеевка—Угроеды—Покровское—Вязовое.)

29 декабря командующий группы выехал в штаб 2-й дивизии в Белгород, поручив начштабу наблюдать за продвижением полка Примакова и конной батареи к Белгороду, которое должно совершиться без задержки; выяснить условия сооружения бронепоездов в Льгове и у Вольфино добиться, чтобы весь 5-й полк был сосредоточен к Белгороду, озаботиться, чтобы части 1-й дивизии немедленно получили обмундирование, требовать ежедневного отчета о ходе инспекции в Судже и Сумском районе и выделить из батальона связи специальную команду для налаживания связи с 1-й дивизией.

29-го пришло сообщение т. Брежихина, командира III батальона 8-го полка, что 25-го он занял Кустовое, Серетено, Стригуны и, соединившись со II батальоном 26-го утром взял после 4-часового боя Борисовку и наступает на Грайворон. Потери небольшие. Просит оружия для добровольцев, снарядов и патронов (8-й полк наступал параллельно основному направлению).

В штабе 2-й дивизии царила неуверенность. Предписание наступать к Харькову казалось опасным и невыполнимым. Бывший генерал Зарубин (бодрый старикан, державший „за-пазухой" оперсводки), начальник оперативного отделения штаба дивизии, докладывал командующему группой:

„У противника под Казачьей Лопанью—двойной перевес сил, и это лучшие его части. Из Сум нависает фланговая угроза... От Ворожбы к Путивлю наступают 800 петлюровцев при 2 пулеметах и 6 орудиях. Ожидаются подкрепления, проводится мобилизация (от 20—25 лет). С Киева через Конотоп—Ворожбу ожидается 3 000 сичевиков, под командою Бондаренко".

Командгруппы высмеял эти сомнения: „Нечего бояться оголить фронт. У противника нет сил для большого наступления. Надо считаться со снежными заносами, они не допустят быстрых перебросок войск. Решающее направление—Харьков. Победа здесь определит исход боя и у Сум". Оперсводка 2-й дивизии от 30 декабря сообщала: „У ст. Казачья Лопань петлюровцы открыли артиллерийский огонь по нашим передовым частям. Перейдя в наступление, мы заняли станцию Казачья Лопань и продвинулись на 8 *км* к Харькову. При взятии Казачьей Лопани захвачены 11 пулеметов, много винтовок и снаряжения (Казачья Лопань—34 *км* к северу от Харькова).

31 декабря происходил бой у Грайворона. Петлюровцы сдерживали наступление 8-го полка, отстреливались из орудия, установленного на платформе. У Сум (7-й полк) петлюровцы вели стрелковый бой.

31 декабря из 2-й дивизии сообщали, что наша контрразведка установила разложение в 1-й Запорожской дивизии петлюровцев, находившейся в Харькове. Два ее полка частью разбежались по домам, частью переходят к нам. В Харькове настроение паническое. Власти заверяют, что город сдан не будет, так как от Киева—Полтавы высланы крупные подкрепления.

К 1 января нами была занята ст. Слатино.

Мы заняли исходное положение перед Харьковом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (карта 2, 3, 4, 6).

Положение на Украине к концу декабря 1918 г.

К двадцатым числам декабря мы имели довольно отчетливое представление о положении на Украине.

Обильный материал давала ежедневная украинская печать. Усердно работала агентурная разведка повстанческих ревкомов, с которыми мы находились в постоянной связи. Особенную ценность представляли телеграммы украинских штабов, перехватывавшихся железнодорожниками (мы установили точный „контроль" над телеграфной связью атамана Балбачана, командовавшего петлюровскими войсками на левобережной Украине).

В изложенных выше докладах командарма использованы эти сведения, но их полезно изложить точнее:

Немедленно после переворота в Германии и Австро-Венгрии началась лихорадочная эвакуация немецких оккупационных войск из Украины.

К середине декабря из 20 немецких дивизий, занимавших Украину еще в октябре, на ее территории оставались всего 8 дивизий.

Вот более точные сведения (на 14 декабря) о силах немцев в некоторых крупных центрах.

В Харькове: штабы I корпуса и 45 ландверной дивизии, 107-й и 305-й пехотные полки, кавалерийский полк, 294-й артиллерийский полк—всего 1 900 штыков, 300 сабель, 8 легких и 2 гаубичных орудия.

В Белгороде (против нас)—1 батальон 107-го полка, 2 взвода кавалерии, 2 батареи; у Черной Поляны (на позиции перед Белгородом)—2 батареи с прикрытием.

В Волчанске—полтора батальона, в Шебекине—1 рота с 4 пулеметами и батарея.

В Конотопе—штаб 95-й ландверной дивизии, 52-й (или 130-й) пехотный полк и часть кавполка.

В Полтаве—штаб XXII корпуса, 1 пехотный полк, 1 кавалерийский полк и 2 батареи (всего до 1 200 штыков и 500 сабель).

В Ахтырке—2 роты, 1 батарея, в Белополье—2 роты, в Сумах—422-й полк, 46-й артполк и часть кавполка.

В Екатеринославе—1 пехотный полк, 1 эскадрон, 2 орудия.

В Донбассе: в Луганске—1 пехотный полк, 1 батарея, 1 эскадрон; в Штеровке—пехотный полк.

Киев—штаб XVII корпуса, 3 пехотных полка, артиллерия (всего до 4 100 штыков).

Эвакуация немцев, чрезвычайно интенсивная во второй половине ноября, в декабре затормозилась из-за недостатка подвижного состава. Этот состав застревал где-то за Полесьем.

Вместе с тем донеслись слухи, что немецких солдат при проезде их через Польшу не только разоружают, но раздевают и грабят. Эти известия внесли большую неуверенность в ряды оккупантов и побуждали их мечтать об эвакуации иными путями, в обход Польши. И так как южные пути лежали через территории, занятые союзниками, то возникла мысль об эвакуации через РСФСР. Отсюда—попытки германских советов договориться с нами.

Как ни быстро разлагались германские части, все же они продолжали сохранять старую воинскую организацию, прежнее командование и некоторую дисциплину.

При первых известиях о революции в Германии высшее немецкое командование в Киеве собрало совещание, на котором был установлен рост революционных настроений среди солдатских масс оккупационных войск и высказаны опасения, что левые элементы смогут овладеть этими массами, оформить их настроения. Чтобы упредить события, было решено взять на себя почин в создании солдатских советов. Немецкие офицеры, в союзе с правыми социал-предательскими группами солдат проводили эти первые выборы в советы; они умело использовали стремление солдатских масс вернуться „домой" и привили советам лозунг „невмешательства" в гражданскую войну, кипевшую на Украине. Однако на практике, под предлогом обеспечения возможности скорейшего отъезда из Украины, они якшались с отъявленными белогвардейцами, договаривались и с Петлюрой против рабоче-крестьянских масс Украины, восстание которых нарушало „порядок", необходимый для успешной эвакуации.

Германские солдатские советы первого выбора почти повсюду возглавлялись исполкомами, составленными из подобных политиканов.

Высший солдатский совет („Совет Восточного фронта") находился в Ковно. Местные (на Украине) советы не были с ним связаны и никаких директив от него не получали. Конституция этих советов не была точно установлена. Наблюдалось постепенное левение советов и усиление их авторитета.

Германская солдатская масса не о чем ином не помышляла, как только о возврате „домой". Было совершенно невозможно удержать ее надолго на Украине, где с каждым днем усиливались затруднения по продвижению по железным дорогам и росла угроза имуществу и самой жизни оккупантов.

При этих настроениях германских солдат, усиливавшихся под нашим натиском, военноначальникам Антанты было крайне затруднительно провести свой план—обеспечить германскими гарнизонами достаточный „порядок" на Украине, до замены их войсками союзного десанта и до организации достаточно многочисленной и боеспособной контрреволюционной армии. Уже к середине декабря германских войск нехватало даже для обычной гарнизонной службы.

Что касается гетмана, то он как будто имел достаточно времени

для того, чтобы под прикрытием немецкой оккупации, организовать подобие регулярной армии. С тех пор, как он из рук фельдмаршала Эйхгорна принял гетманскую булаву, он усердно работал над созданием вооруженных сил „Украинской державы". Ему усиленно помогали немецкие штабы.

Всего заложены были 8 гетманских армейских корпусов. Их штабы по порядку номеров: Житомир, Винница, Одесса, Киев, Чернигов, Полтава, Харьков, Екатеринослав.

Проект „квартирного расписания" от 9 жовтня 1918 г., разработанный в главном штабе гетмана, предусматривал широкое развертывание этих корпусов. Каждый из них включал по 2 пехотных трехполковых дивизии, 2 легкие трехполковые (по 3 батареи) и 1 тяжелую артиллерийскую бригаду, 1 горный артиллерийский полк, 1 конно-артиллерийский полк, 1 четырехполковую конную дивизию и специальные части.

Кроме того имелись следующие части:

1. „Сердюцкая особая дивизия" (в Киеве), в составе 4 полков пехоты, артиллерийского полка, Лубенского конного полка и особой инженерной сотни.

2. „Особая запорожская дивизия" (4 пехотных полка, легкий артполк, тяжелый дивизион, конно-горная батарея, конно-казачий Кости Гордиенко полк, инженерный батальон и авиаотряд), находившаяся на фронте.

Но германские „корпуса" были „штабами без армий". Для создания последней предположена была мобилизация десяти годов. Однако ввиду явно антигетманских настроений народных масс мобилизацию пришлось отложить. Оформить удалось только некоторые части, в их числе Сердюцкую дивизию (кадр из украинцев, выделенных еще в конце 1917 г. из гвардейских полков, главным образом в Петрограде) в Киеве.

Гетман мог полагаться только на части Сердюцкой дивизии и различные формирования общей численностью едва ли более 10 000 штыков.

И гетманцы и петлюровцы были слишком слабы, чтобы удержать за собою все пункты, поспешно очищаемые немцами.

В Донбассе с ними конкурировали „добровольцы" и казаки, которые сохраняли однако видимость соглашения с гетманом Украины.

К концу ноября вслед за австрийцами ушла из Донбасса (из Таганрога и Ростова) 2-я германская кавалерийская дивизия. Отход немцев оголял левый фланг донцов. Уже в ноябре Краснов, озабоченный создающейся угрозой, вынужден был перебросить в Донбасс казачьи части. 19 ноября в Луганск вступил „экспедиционный отряд особого назначения всевеликого войска Донского". Его начальник полковник Барлин заявил в приказе № 1, что „по полномочию Украинской державы" с ведома и согласия германского командования, он вступает в управление г. Луганском и всем Славяносербским уездом. Этим же приказом город и уезд объявляются на „осадном положении" и предлагается местным жителям сдать оружие,

за неисполнение—расстрел. Расстрел на месте был обещан также „грабителям и большевикам". Была объявлена регистрация всех офицеров и юнкеров. „Благомыслящие граждане" приглашались к организации добровольческих дружин.

Таким же образом производилась красновцами оккупация всех крупных центров Донбасса.

1 декабря в Луганске и Дебальцеве выгрузились еще 2 казачьих полка—до 1250 штыков, несколько сот сабель, 4 орудия; казаками занято было также Юзово.

К 8 декабря по агентурным данным в Луганске находилось до 4000 донцов, в Дебальцеве—1500, в Ивановке (у Штеровки) до 600, в Юзовке—900. Немцы, уходя, передали часть оружия красновцам.

К концу декабря в южной части Донбасса появились первые части Добровольческой армии, а 26 декабря добровольцы вступили в Никитовку (3-я дивизия Май-Маевского из-под Ставрополя—4000 штыков).

Германские гарнизоны еще стояли по линии Купянск-Попасная, в Славянске, Алмазной, Никитовке. Во многих местах происходили незначительные стычки между петлюровцами и гетманцами-немцами.

В то время как в Донбассе накапливались донцы, петлюровцы, подпираемые с юга добровольцами и отчасти союзниками (их суда появились в Бердянске), сосредоточивались в Харьковско-белогородском направлении, ведя серьезную военноорганизационную работу на Полтавщине и Черниговщине, систематически вытесняя гетманское влияние и напирая на Киев. В конце ноября в Харькове находился штаб атамана Балбачана, командующего войсками левобережной Украины [1]. Наша разведка числила в его отряде: 1-й Валковский, 2-й

---

[1] К этому времени относится следующий документ:

ПРИКАЗ

По армиям Левобережной Украины.

§ 1.

Объявляю военное положение в Харьковской, Черниговской и Полтавской губерниях и в уездах Бахмутском и Луганском. Какие бы то ни было съезды и собрания без моего разрешения воспрещаю. На местные самоуправления этот приказ не распространяется.

§ 2.

Объявляю, что никаких советов рабочих депутатов и монархических организаций и вообще организаций, старающихся захватить власть, не допущу.

Подчеркиваю, что мы боремся за самостоятельную демократическую украинскую Республику, а не за единую Россию, какая бы она ни была — монархическая или большевистская.

В Украинской Республике будут обеспечены права всех групп населения и наций, которые живут на ее территории.

Подписали: Главнокомандующий армиями Левобережной Украины Атаман *Балбачан*. Начальник штаба *Шелест*.

Харьковский, 126-й, 117-й и 48-й Карачевские пехотные полки, 2 эшелона пехоты на вокзале Юго-восточной железной дороги (повидимому Запорожский пехотный полк), отряд в казармах бывшего 30-го полка, всего до 1 900 штыков. Первые 2 полка вероятно входили в „Слободскую дивизию", формировавшуюся в Харькове штабов VIII германского корпуса, остальные очевидно являлись численно ничтожными кадрами, влившимися в иные части.

Постоянные конфликты петлюровцев с харьковским Советом рабочих депутатов (по приказу Балбачана первое же собрание Совета рабочих депутатов 1 декабря было разогнано вооруженной силой, в ответ на что рабочие ответили забастовкой) вызвали у немцев, опасавшихся за „порядок", враждебную настороженность к петлюровскому командованию. Поэтому, когда Балбачан попытался принудить немцев действовать против Совета, задержав передачу им для эвакуации подвижного состава (4 паровоза и т. д.), Германский совет добился от своего командования ареста штаба Балбачана и вслед за этим объявил о восстановлении свободы собраний и вооружений рабочих. Этот конфликт был улажен только к 11 декабря, когда штаб атамана получил освобождение, сам Балбачан выбрался еще раньше из Харькова в Кременчуг.

Штаб VII корпуса (командующий корпусом ген. Лигнау) и „кадры" 121-го, 122-го, 123-го и 124-го полков вначале находились вне влияния петлюровцев. Однако, когда 8 декабря в Харькове был объявлен от имени главнокомандующего ген. Деникина призыв офицеров (явка в штабы указанных выше полков), петлюровский губернский комиссар назвал этот приказ провокацией, и комкор Лигнау вынужден был дать следующее характерное объяснение:

„Среди обывателей распространяются совершенно ложные сведения о целях формирования офицерских отрядов при частях VII корпуса. В официальных приказах и объявлениях местной украинской власти также дано совершенно неправильное освещение этого вопроса. Имея в виду, что указанное выше освещение вопроса создает крайне нежелательные последствия, так как, с одной стороны, нервирует обывателей, а с другой—возбуждает одну часть населения против другой, а также создает благоприятную обстановку для преступной работы темных элементов, я считаю необходимым заявить следующее: 1) формируемые части не преследуют никаких политических целей; 2) призванные офицеры организуются для самозащиты на случай анархических и большевистских выступлений; 3) формируемые части имеют задачей содействовать поддержанию порядка и защитить мирное население от анархии и большевизма; 4) формируемые части сохраняют нейтралитет в отношении местной украинской власти, но требуют того же отношения к себе; при посягательстве на их неприкосновенность дадут самый решительный отпор...".

Положение петлюровцев в Харькове пошатнулось после ультимативного требования германцев, точнее киевского солдатского совета (под давлением союзников), очистить крупные центры, отойдя от них на 20 *км*.

Штабу Балбачана пришлось, как указано выше, после нескольких дней ареста покинуть Харьков. Подобная же участь постигла и штаб 1-й особой Запорожской дивизии, числившейся в составе VII корпуса. Этому штабу пришлось под давлением немцев перебраться из Купянска в Ковяги, причем на ст. Славянск он был основательно обобран немцами.

Вслед за штабом Запорожской дивизии 10 декабря из Купянска по направлению к Полтаве тронулся частью разоруженный немцами 4-й Богдановский полк (его состав в начале декабря—400 штыков, 300 сабель, 8 легких орудий и 1 гаубица). Однако из Ковяг начдив 1-й Запорожской приказывал: „Богдановцам оставаться в Купянске и держать фронт против большевистских банд, установив связь с полком Яна Кармелюка (выбитым „большевиками“ из Волчанска.— *А. О.*) и 3-м гайдамацким полком из Попасной. „Богдановцы“ задержались вблизи Купянска“.

Гайдамаки 3-го полка сохраняли некоторую боеспособность: 6 декабря они разоружили эскадрон немцев, затем разбили небольшой гетманский отряд. Относительно боеспособен оказался и второй Павлоградский полк, из состава той же Запорожской дивизии, отстаивавший при двусмысленном нейтралитете немцев ст. Лозовую от наседавших повстанцев Махно, к 11 декабря расположившихся у ст. Краснопавловки.

Положение петлюровцев под Харьковом сразу улучшилось, когда Петлюре удалось заключить с германцами новый договор (13—14 декабря). По этому договору немцы дали свое согласие на вступление петлюровских войск в крупные центры Украины.

Балбачан уточнил указания начальнику Запорожской дивизии, приказав ему с полком Дорошенка, харьковским Слободским полком и конной батареей войти в Харьков, где он назначается начальником гарнизона; при этом временно исполняющим обязанности комкора 7 был назначен полковник Черньшко. (Таким образом петлюровцы подчинили себе штаб VII корпуса.)

Мы имели возможность непосредственно проследить исполнение этого приказа. Полковник Загродский 14 декабря доносил Балбачану о выступлении на Харьков, а начдив Стефанюк 15 декабря сообщал коменданту штаба Балбачана, что отряд дорошенковцев и 2 орудия (из Ковяг) направлены на Харьков, а остальная часть дорошенковцев и Слободского полка переформировывается, чтобы не позднее 17 декабря выслать в Харьков еще один батальон.

Таким образом немцы допустили сосредоточение значительных петлюровских сил в самом Харькове. Вместе с тем, собираясь покинуть Харьков, они договорились о смене петлюровцами немецких частей, прикрывавших от нас Харьков.

Этим контактом с немцами петлюровское командование не удовлетворилось. Газета „Южный крест“ писала в заметке:

„Ультиматум украинского командования".

„Республиканское украинское командование в Харькове предъявило главному германскому командованию I германского корпуса следующее требование: 1) восстановить прежний фронт на участке Купянск—Волчанск—Белгород, 2) выдать представителю украинской республиканской власти все оружие русского образца, снаряды и имеющиеся запасы ручных гранат, 3) сделать официальное распоряжение и фактически прекратить продажу и передачу частным лицам и учреждениям имущества, необходимого для армии, 4) сообщить в губернскую комендантуру расписание эвакуации германских войск из Украины, дальнейшую эвакуацию производить с ведома украинских властей, 5) германским войскам оставаться на позициях, которые они занимали до 10 декабря и впредь до фактической смены их украинскими войсками, и 6) если германское командование не найдет возможным восстановить положение на фронте до фактической смены украинскими войсками, то украинское командование будет вынуждено приостановить эвакуацию немецких войск из Украины".

Одновременно петлюровское командование принимало энергичные меры к пополнению своих частей. 16 декабря в Харькове уездным воинским начальником был опубликован от имени Балбачана приказ о немедленной явке офицеров, юнкеров и сверхсрочных унтер-офицеров до 43 лет включительно, студентов высших учебных заведений 1-го и 2-го курсов, врачей, их помощников и т. д.

Пред лицом „большевистской опасности" петлюровцы, как обычно, склонялись к единению с добровольцами. 17 декабря в Харькове состоялось совещание представителей обеих сторон. Добровольцы подчинились петлюровскому командованию, но сохранили свои отряды и получили право на формирование.

Закрепление петлюровцев в Харькове означало конечно новую волну репрессий против рабочих организаций, но репрессии не могли остановить рабочего движения.

О положении в Харькове наш штабной „Вестник" от 15/XII сообщал: „Настроение буржуазии принимает панический характер. Началось ее повальное бегство из города. За доставку билета платят по 1000 рублей и больше. Бегут все, кто имеет наличные деньги. Те, чьи деньги лежат в банках, очутились в трагическом положении, так как денег получить нельзя вследствие забастовки банковских служащих.

Одновременно в городе—крайний недостаток продуктов, неимоверная и все растущая дороговизна".

За рабочими поднимались беднацкие крестьянские массы. Выборы в губернский совет крестьянских депутатов проходили с громадным подъемом, под лозунгом „Вся власть советам". Выбирались исключительно большевики и левые эсеры.

17 декабря в Харькове 4000 мобилизованных крестьян явились к воинскому начальнику. Узнав от него, что их призвала Директория, они отказались служить Петлюре и направились к зданию Совета. Были вызваны члены президиума. Крестьяне потребовали

от них „стоять и бороться за власть Советов“, предложив себя в их распоряжение. После этого была устроена демонстрация под лозунгом „Вся власть советам“. К демонстрантам присоединился батальон петлюровцев.

Петлюровское командование попыталось сломить эти настроения крутыми репрессиями.

20 декабря был разогнан многотысячный митинг в „Миссури“, избиты рабочие в железнодорожном клубе и арестована коллегия железнодорожников Харьковского узла. Совет ответил на это объявлением с 2 час. дня всеобщей забастовки, требуя: 1) немедленного освобождения арестованных, 2) всеобщего вооружения рабочих, 3) передачи охраны железных дорог рабочей милиции, 4) свободы слова и печати.

В 2 часа дня 21 декабря весь рабочий Харьков забастовал. Город остался без света, без воды, все городские предприятия, железная дорога и трамваи остановились.

22 декабря в Харькове, в помещение губернской земской управы должен был открыться губернский съезд крестьянских советов. С утра в помещение управы были введены войска, причем было заявлено, что „по распоряжению местной власти съезд допущен не будет“.

Одновременно с этим по городу был расклеен приказ губернского комиссара, объявлявший, что не приступившие к работе до двух часов дня будут рассчитаны и высланы в Донскую область, „зачинщики будут расстреляны в 24 часа“. Митинги, собрания будут разгоняться без всякого предупреждения силой оружия.

Забастовка большинства городских предприятий, продовольственной управы, электростанции, водопровода, канализации, пожарных команд и трамваев была решением совдепа прекращена, после освобождения арестованной колегии железнодорожников. Городская управа объявила, что не будет платить бастовавшим за „прогульное время“. Совет рабочих депутатов Харькова перешел на нелегальное положение. 24 декабря, при разгоне интернационального митинга в театре „Миссури“ петлюровцы стреляли без предупреждения. Много раненых, есть убитые...

Таково было положение в Харькове.

С положением на Екатеринославщине знакомит сводка Оперштаба Донецкого областного комитета, полученная нами в Курске. Она гласила:

„Нами заняты города Новомосковск и Павлоград с их уездами, с. Каменка Екатеринославского уезда. По линии железной дороги нами заняты: Пост—Амур—Гришино включительно, участки Чаплино- Пологи включительно. В направлении Пятихатки—ст. Горяиново, ст. Синельниково; южнее положение неопределенное. Станция Павлоград-Варваровка также занята нами. г. Екатеринослав занят петлюровцами. Н. Кайдаки—нами, как и Верхнеднепровск... Александровск занят петлюровцами. По линии железной дороги участок Сухачевка—Александрия занят петлюровцами. есть и немецкие караулы. Намеченный план действий—стягивание сил к Екатеринославу и по-

том его занятие. Вне Екатеринославской губ. гг. Бердянск и Мелитополь заняты офицерами. Херсонская губерния почти вся занята петлюровцами".

В Екатеринославе после ухода штаба 16-й дивизии укрепились петлюровцы, опиравшиеся на казачий полк и сотню Ткаченко (1 000 штыков, 8 орудий, и 4 броневика). Петлюровцам противостоял отряд добровольцев полковника Горобца, связанный со штабом VIII корпуса (800 штыков, 3 пулемета, 100 сабель, артиллерийский парк, 12 орудий и авиапарк—5 самолетов). Немцы держались двусмысленно, более сотни из них перешли к добровольцам.

Наши постепенно стягивались к Екатеринославу и к 15-му почти замкнули кольцо вокруг него.

Еще 6 декабря, на выборах в Екатеринославский совет прошли почти исключительно большевики. Добровольцы поторопились скрыться от греха. В ночь на 16-е штаб VIII корпуса и его отряды покинули город. 17-го они были замечены у ст. Томаковки, откуда двинулись к Борисполю—Николаеву.

26 декабря отряды Махно захватили Екатеринослав, забрав 12 орудий, 48 пулеметов и 3 аэроплана. В течение пятидневных боев в городе Махно выбивал артиллерийским огнем группу сотников в 300 человек, переходивших из дома в дом по главной улице. 31 декабря эта группа была выбита из города, но в тот же день вернулась обратно с полком сичевиков и без боя заняла Екатеринослав, перебив и перетопив в Днепре до 500 полупьяных махновцев. При бегстве Махно успел захватить с собой только 2 орудия.

Подробнейшие сообщения о положении в Крыму были доставлены нам Крымским ревкомом. В этих сообщениях освещались все сколько-нибудь значительные пункты полуострова за исключением Керчи и Феодосии.

В Крыму преобладали добровольцы. Еще 9 ноября они явились в Керчь и выпустили призыв о записи в Добровольческую армию. При поддержке кадетского Красвого правительства они начали в Крыму подготовку серьезной базы для дальнейшего продвижения к Харькову. Так например 24 ноября в Добровольческую армию было отправлено 15 000 винтовок, купленных у немцев.

В Крыму обосновался также „Всероссийский совет городов и земств", избранный 8 декабря под лозунгом Учредилки на съезде в Симферополе (этот совет состоял из 9 эсеров, 9 социал-демократов, 9 кадетов и 3 украинских эсеров).

26 ноября была объявлена мобилизация офицеров. Серьезные формирования намечались в Ялте—полк „великого князя Михаила Александровича" и полк „имени императрицы Марии Федоровны". В первом числилось (к 10 декабря)—250, во втором 400 чел. при 5 пулеметах и 3 орудиях.

В Симферополе имелось до 2 300 чел. пехоты в формирующейся дивизии и кадры кавалерийской дивизии, две сотни донцов, сотня кубанцев, сотня терцев, 2 эскадрона татар, 2 пулеметные команды (до 30 пулеметов), 2 броневика, 2 батареи, авиаотряд (6 самолетов),

бронепоезд (3 орудия и пулеметы). Спешно сооружался второй бронепоезд, ремонтировались пулеметы, приводились в порядок санитарная часть и обоз.

В Севастополе находились незначительные отряды, несущие гарнизонную службу. На рейде стояли английские и французские крейсера, 6 миноносцев и несколько подлодок. Но транспортов еще не было. Первые суда прибыли 29 ноября. Их встретила делегация городской Думы с плакатом „Добро пожаловать, дорогие друзья".

От Симферополя добровольцы выдвигались к северу. В Перекопе имелось до 500 чел. пехоты и артиллеристов при одной полевой батарее и 5 пулеметах; незначительное количество крепостных орудий находилось в неисправном состоянии. В Чаплине стоял офицерский конный отряд (до 50 сабель при 2 пулеметах); в Мелитополе—„карательный экспедиционный отряд" полк. Дроздова (до 100 чел. при 2 горных орудиях и 3 пулеметах). Велось усиленное формирование—кадр состоял из 600 чел. призванных (с 1910—1919 г.) унтер-офицеров, фельдфебелей и прапорщиков. Имелось 10 пулеметов. Сооружался бронепоезд. На товарной станции находились 2 трехдюймовки. В Армянске было сосредоточено до 400 штыков, 40 сабель, 5 пулеметов.

Эти сведения Ревкома в общем подтверждались военноагентурным путем, причем дополнительно установлено, что добровольческие кадры присланы с согласия Крымского правительства и ими командует ген. барон фон-Боде, объявивший в Крыму мобилизацию офицеров, юнкеров и прапорщиков.

7 декабря в Севастополь прибыла под командой адмирала Кельта эскадра в составе 2 английских броненосцев, 2 французских крейсеров, итальянского крейсера и истребителя, 2 французских и 1 американского и греческого контрминоносцев. Прибыл и английский транспорт.

Позднее Крымский ревком сообщал:

„В середине декабря отозваны все английские суда из Севастополя, причина—воздействие восставших английских шахтеров на свое правительство (по перехваченному радио). Остались французы: 1 броненосец, 1 крейсер, 3 миноносца и подводная лодка. Все перечисленные суда стоят на рейде. Французы несут караульную службу во всех правительственных учреждениях. До 300 французов заключены в тюрьму по распоряжению французского командования за распространение нелегальной литературы и вообще подпольную работу среди своих.

„Во время Евпаторийского восстания 17/XII была послана для усмирения французская миноноска, которая выпустила до 100 снарядов. Потерь не было. После обстрела выступили евпаторийские белогвардейцы для подавления „Красной каски" (название отряда местных повстанцев). На помощь белогвардейцам посланы были из Симферополя 2 эшелона, из которых красными повстанцами переранены свыше 300 чел., сотня кубанских казаков обезоружена. Сотня не оказала никакого сопротивления и по сдаче оружия была отпущена. После обезоружения сотни казаков белогвардейцы были нашими

окружены. Они оказали упорное сопротивление. Бой длился 7 суток. Части белогвардейцев—около 100 человек—удалось прорваться на север, остальные, потеряв много убитыми и ранеными, сдались".

На Полтавщине еще в начале декабря определилось решительное преобладание петлюровцев над гетманцами.

В середине ноября по приказу Директории поднял восстание атаман Балбачан, который стоял с Запорожской и Natиевской дивизиями в Черниговщине. Балбачан послал натиевцев в Донецкий бассейн (в дальнейшем эта дивизия нигде не упоминается, очевидно рассеялась и частью реорганизовалась), а с запорожцами повел наступление на Полтаву. Тем временем Полтава была занята в тылу дравшихся гетманцев нашими повстанцами.

Повстанческий штаб сообщал нам об этом следующее:

„Полтава была взята 27/XI повстанцами около 500 человек, из них 150 было вооруженных, остальные нет. После того как крестьяне узнали, что город взят повстанцами, со всех концов из деревень хлынули рабочие и крестьяне, так что их за два дня перебывало в городе около 20 000. Взято всего до 10 000 винтовок и около трех с половиной вагонов патронов. Руководил восстанием Революционный штаб и Революционный комитет, который после взятия города объявил себя властью и продержался два дня.

Была объявлена Советская социалистическая республика. По прошествии 2 дней приблизился отряд Балбачана, которым был назначен комендант и комиссары. Ревком заявил, что к власти Балбачана не допустит, тогда балбачановцы вошли в согласие с немцами. Немцами окружены были красные казармы, было обезоружено только около трехсот, остальные своевременно были выведены,—2 кавалерийские сотни и 6 пеших, всего до 3 000.

Революционный штаб и Революционный комитет были арестованы. Начальника штаба хотели расстрелять, но когда вели его к допросу, бежал. Остальных через несколько дней выпустили, по настоянию политического Красного Креста. Балбачановцев было около 2 000 с хорошей артиллерией, так что о сражении с петлюровцами не приходилось и думать. Через два дня после разоружения нас немцы хотели разоружить и петлюровцев, но те удрали в сторону Кременчуга, и путь Полтава—Киев остался открытым. (Штаб Балбачана, как сказано выше, вначале попытался осесть в Харькове, но и отсюда был изгнан и перебрался в Кременчуг.) Несколько наших отрядов задерживают белогвардейцев в районе Миргорода.

Относительно Махно, то его и близко не было возле Полтавы, он сейчас оперирует в Новомосковском и других уездах Екатеринославской губернии. Настроение крестьян в губернии революционное и за власть Советов.

В настоящее время в Полтаве находится петлюровских войск около 700 человек пехоты, 6 орудий и 2 броневых автомобиля, но им дан приказ покинуть левобережную Украину в течение 3 суток.

В Кременчуге Балбачан объявил себя главнокомандующим войсками левобережной Украины".

К 11 декабря Балбачану удалось добиться освобождения своего штаба в Харькове и договориться с немцами ввиду опасности прод-

вижения „большевиков“ из Новомосковска о сосредоточении в Константинограде 2000—гарнизона.

К 12 декабря вся Полтавщина была очищена от регулярных войск гетмана. 15 декабря Балбачан переехал со своим штабом в Полтаву. Отсюда он мог неотрывно руководить и группой атамана Загродского (Ковяги) и группой полковника Палия (Конотоп). Дивизия спрожупанников под командой Палия была направлена Петлюрой в распоряжение Балбачана повидимому в конце ноября.

Атаман Палий проводил усиленную мобилизацию, объявленную еще 21 ноября.

В Сосницком уезде формировался полк Тараса Шевченко; Ромнах—один полк; в Конотопском уезде—1-я резервная Стрелецкая дивизия.

О ходе формирования этой дивизии доносилось (11 декабря):

„Фастов, начальнику резерва полковнику Шаповалу. Конотопком уезде мобилизованные казаки разбиты по частям: первый полк—1 109, третий полк—436, четвертый—684, артиллерийской бригаде—451, конных—201, инженерной—244, нестроевых—21, в штабе дивизии подофицеров—187, разных служащих—124, в распоряжении уездного комиссара—32, караульной команды охраны военного имущества—20, санитаров эвакуационного госпиталя—11, всего 3 529, в штабе 1-й стрелковой казачьей дивизии офицеров—32. № 23806. Войсков. нач. Ворона“.

В мелких стычках с гетманским отрядом ген. Литовцева, который, судя по сводке гетманцев, занял 6 декабря Бахмач и угрожал Конотопу, полковник Палий легко одерживал верх. Беспокойство за Киев заставило гетманцев очистить Черниговщину. Но еще к 10 декабря их штаб сообщал:

„Главноначальствующему на Черниговщине. Секретно, разведывательная к 24 часам 9 декабря. Гомельском уезде без перемен. Районе Клинцев, посаде Ардон до тысячи червоноказаков при 6 орудиях, замечено появление китайцев (!). Противник накапливается деревнях Смолевичах—Гнилуши—Ардон—Унеча. Крестьяне охотно примыкают к большевикам. Район Новозыбкова—по агентурным сведениям, спешно чинится взорванный у Робчика мост; бронепоезда не замечено. В Унече—три батальона Бахмутского повстанческого полка, прибывшего из Зернова, командир полка Щорс, командир IV батальона, оставшегося в Зернове, полковник Крапивянский, в батальонах по 150—200 человек, дисциплина слабая, патроны без толку расстреливаются. В Унече—база, где по заявлению ее начальника Тищенко имеется 15 пулеметов. 6/XII германцами совершенно уничтожен железнодорожный мост через реку Ревну, восточнее Семионовки. Новгород-Северск занят вторым Новгородским советским пехотным полком, численностью до 700 человек при 4 орудиях и пулеметах. По слухам предполагается дальнейшее продвижение на Костобобр. Мост через реку Ревну взорван. Еленка и Солово Стародубского уезда заняты противником. Согласно телеграммы 41 германского корпуса Глухов и Шостка будут эвакуированы немцами 10/XII. 6/XII из Шостки прибыл делегат повстанцев, предложивший услуги петлюровцев по борьбе с бандами. угро-

жающими и их войскам. Делегат нами официально принят не был. Германский комендант заявил делегату, что не допустит повстанцев к Глухову ближе чем на 15 верст. В северной части Путивльского уезда идет усиленная борьба с большевистскими бандами, наводняющими уезд при полной индиферентности немцев, несмотря на обращение к ним представителей правительства. Настроение гарнизона Путивля твердое, всякие активные попытки петлюровцев встретят должный отпор. Внутренний фронт—в районе Крут идет бой отряда с наступающими от ст. Плиски и Британ сичевиками, имеющими артиллерию, пулеметы. Немцы в Нежине приняли охрану города на себя. Выслана совместно с немцами из Нежина разведка на Британы. Разведкой нашего отряда в Муравейке на Британы установлено, что вчера ночью в Вересочи было до 40 сичевиков, расклеивавших объявления о приходе сюда петлюровцев и о предстоящей мобилизации. Настроение крестьян благожелательное сичевикам. Разведка подтверждает занятие сичевиками Верхневки—Прохоры. По непроверенным сведениям от железнодорожников сичевики двигаются по направлению Нежина. 02036. Наштакор 5 Котельников".

Эта сводка хотя и путает название частей (Богунский полк назван Бахмутским), но дает довольно точную картину нашего продвижения в Черниговщину и свидетельствует о стремлении петлюровцев действовать совместно с гетманцами против нас. Она отмечает также ту дружественную связь, которая существовала между гетманцами и немцами. Кроме того сводка указывает на борьбу с сичевиками в Нежинском районе.

К 14-му Нежин, Ромны, Лохвицы, Прилуки, Кролевец, Борзна, Глухов и Шостка были заняты петлюровцами.

Положение в Чернигове оставалось неопределенным.

К середине декабря Ахтырка и Сумы были также закреплены за петлюровцами. Тогда же Балбачан распорядился объединить командование Сумско—Белогородским участком. Командующим был назначен атаман Давидович (со штабом кажется в Грайвороне).

Мобилизация, проводимая петлюровцами по всей левобережной Украине, шла, судя по целому ряду перехваченных нами телеграмм, довольно успешно [1]. Сверх упомянутых выше частей атамана Палия (дивизия сирожупанников и 1-й резервной) и частей VII корпуса (1-й Запорожской и Харьковской—Слободской) в Левобережьи действовали также части VI Полтавского корпуса. Петлюровцы не смогли овладеть штабом этого корпуса, но они подчинили себе почти все его формирования. К началу декабря петлюровцам удалось заложить в Ромненском и Прилукском уездах кадры трех полков. В Полтавской же губернии была сформирована Корсунская бригада, которая, совместно с полком Химешко (500 штыков и бронепоезд) вела наступление из Яготина на Киев и из Золотоноши на Черкассы. 15 декабря эти части преградили у Золотоноши путь германским эшелонам, сосредоточенным на линии Таловая—Звенигородка, до 4000 чел. Несколько сотен из частей Полтавского корпуса были направлены 15 же

[1] Наш ревком дал лозунг — являться на мобилизацию, дабы получить оружие...

декабря из Полтавы к Лозовой, в поддержку Павлоградскому полку, дравшемуся с красными повстанцами.

Энергичную деятельность петлюровцы развивали и в Правобережьи. Еще в августе в этот район был направлен атаман Григорьев с задачей подготовки вооруженного восстания. Судя по перехваченным нами обширным, и как всегда невероятно хвастливым его телеграммам Петлюре, Григорьев к началу декабря будто бы организовал 117 мелких отрядов, поднявших в ноябре по призыву Директории восстание.

Получив приказ Петлюры взять Николаев, Григорьев повел быстро наступление к этому городу, одновременно стремясь удержать за петлюровцами Екатеринослав и захватить Херсон. В Екатеринослав он будто бы послал один казачий полк и сотню Ткаченки.

Петлюровский бюллетень сообщал, что 6 декабря полк сичевиков занял Долгинцево и Веселый Кут, а затем Долинскую и что „к 7 декабря весь Криворожский бассейн очищен от противника".

10 декабря Григорьев телеграфирует из Явкино, что у него до 4 000 сабель, 200 „гренадер" и пехоты.... („точнее сообщить телеграфно нельзя..."), что его кавалерия у Раздельной, Лоцкино и Грейгово, часть ее пошла в обход Николаева (в самом Николаеве у него будто бы два тайных отряда) и что им уничтожен офицерский отряд.

10 декабря в 9 верстах от Николаева, у ст. Водопой, произошел бой, в результате которого петлюровцы (500 штыков, 1 орудие) разбили отряд добровольцев (до 60 чел. при бронепоезде, 4 пулеметах и 2 орудиях) и заняли Водопой.

По договору с немцами Григорьев 13 декабря вступил в Николаев. 15-го он телеграфирует в Фастов, что прибывший из Севастополя (9 декабря) английский крейсер („Консербери") держит город под орудиями и его команда захватила два броневика. По сообщению Григорьева находящиеся в Николаеве немецкие части (около 6 000 чел.) совершенно небоеспособны, большое количество складов с миллиардным имуществом некому охранять, настроение „повсюду большевистское", немецким колонистам роздано оружие. Вознесенск у „левых", в Херсоне—„анархия", офицерские банды, вышедшие из города, держат его под обстрелом, и против них выслан отряд.

Однако Григорьеву вскоре пришлось по требованию немцев (давление союзников из Одессы) покинуть Николаев. В конце декабря он послал немцам (в Николаев) следующий ультиматум:

„Я, атаман Григорьев, от имени партизанов, которыми я командую, и восставшего против ига буржуазного народа по чистой совести заявляю вам, что здесь у нас на Украине вы являетесь слепым оружием в руках нашей буржуазии, что вы не демократы, а предатели всей европейской демократии. Если вы в четыре дня пешком не покинете Николаев, ст. Долинскую и ст. Знаменка, начиная с 12 часов дня 31/XII нов. ст., то ни один из вас не увидит своей родины. Вы будете уничтожены, как мухи, по первому мановению моей руки. Перевозочных средств мы вам не дадим. Вы имели до-

статочно времени для того, чтобы уйти, не сказав нам—до свиданья. Мы смотрим на вас как на заклятых врагов, но из человеколюбия даем вам 4 дня для выступления из мест своего расположения".

22 декабря Григорьев сообщает, что прижал к Днепру остатки VIII корпуса (из Екатеринослава), в общем до 1 000 чел. (еще 18 декабря добровольцы были выбиты из Кичкаса и отошли к Никополю), и что им заняты Воронцовка и Грушевка.

Из Елисаветграда сообщали, что с середины декабря там прочно обосновались петлюровцы. В городе до 2 000 пехоты и 200 кавалерии. Отмечен ряд столкновений с немцами при попытке их разоружения. В уездах производится мобилизация. Мобилизованные из Елисаветградского и Александровского уездов, собравшись в Елисаветграде, самовольно избрали Совет солдатских депутатов и постановили разойтись и собраться вновь только по постановлению этого Совета. Совет вскоре постановил явиться мобилизованным не позже как 24 декабря.

14 ноября Директория (из Белой Церкви) призвала к восстанию против гетмана. Основной и единственно оформленной воинской силой, на которую в тот момент опиралась в киевском районе Директория, являлся полк сичевых стрельцов (из галичан), расположенный в Белой Церкви (около 1 500 штыков). Директория рассчитывала также на поддержку железнодорожной военной охраны, которая была при гетмане учреждена по всем железнодорожным линиям и находилась под влиянием „совета железнодорожников" во главе с А. Макаренко и гнс. Осецким, примкнувшим к Директории. (Наиболее оформленным из этих частей был полк железнодорожников в Киеве.) При первой вести о восстании, к которому призывала Директория, против гетмана поднялись массы деревенской бедноты (наши ревкомы направляли под знамена Директории повстанцев для получения оружия и для совместных действий вплоть до свержения гетмана).

Силы гетмана в Киеве не превышали 5 000 штыков. Боеспособность его частей была ничтожной. Скоропадский, поддержанный французским генеральным консулом в Одессе, направил все усилия на то, чтобы побудить германцев, которых в Киеве было до 20 000, выступить активно против петлюровцев.

Направленный из Киева германский отряд был разбит петлюровцами под Мотовиловкой. Но немцы заявили, что не допустят вступления петлюровцев в Киев. 14 же ноября Петлюра издал приказ, который гласил, что если германцы не будут соблюдать нейтралитет, то их разоружать и не пропускать.

В конце ноября мы получили из Киева следующее письмо:

„25 ноября 1918 г. в 12 часов по полудни.

ВЦККПУ, копия ЦКРКП через товарища Пятакова.

„За 19—25 события развивались следующим образом: группа повстанческих отрядов, действуя на линии Святошино—Жуляны с 8—10 тыс. увеличилась до 25—30 тысяч. К основному ядру из сичевиков во главе с Петлюрой

постепенно присоединились не только вольные партизанские отряды, но и отряды, организованные нашим Ревкомом. Нами были даны общие директивы—наши отряды присоединяются к группе Петлюры, но сохраняют свою организованную самостоятельность (свой внутренний распорядок, начальников и пр.). Для военной работы (связь с нашими отрядами, формирование и пр.) Обл. Ревкомом командировано особое представительство из двух товарищей, для агитации направлена группа агитаторов. В течение 21—24 эта группа отрядов ведет наступление на добровольческие части, расположенные в районе Днмиевки—Поста Волынского. Неоднократно повстанцам удавалось теснить офицерские отряды, но в общем обе стороны сохранили свои прежние позиции на расстоянии 8—10 *км* от города. Утром 24 повстанцы начали обход расположения неприятеля со стороны Пуща-Водица. Вначале им удалось продвинуться к городу на 5 *км*, но затем пришлось отступить на прежние позиции. Немецкий „нейтралитет" превращается в содействие белогвардейцам. Командование с согласия президиума германского совета выдало добровольцам тяжелые орудия с немецкой прислугой. В городе с 21 на 22 было назначено выступление, но так как обстоятельства сложились неблагоприятно, то оно отложено на неопределенное время. Совместно с нашими силами должны были действовать части, стоящие на стороне самостийников. Они согласуют свои действия с нашими, подчиняются общим распоряжениям нашего штаба, но сохраняют свою самостоятельность и имеют свой штаб. Нами было поставлено основное условие: в случае захвата города временной властью объявляется наш Ревком. В настоящее время окончательно выяснилось, что выступление в городе возможно лишь при условии продвижения фронта к самому городу. Нами предпринят ряд подготовительных мер организационного порядка (коменданты в районах, учет рабочих и пр.). В области положения следующее: вся Киевская губерния очищена от гетманских властей и войск. Советская власть в Радомысльском, Сквирском у. в Ржищеве, Триполье, Каневе; в Волынской губернии положение неопределенное. Житомир в руках белогвардейцев. Новгород-Волынский занят самостийниками, сведений о действии наших отрядов нет. О Подольской губернии сведений нет. Западная часть Черниговской губернии движением затронута слабо, в Остерском уезде наши отряды восстанавливают Советскую власть. О Полтавской губернии имеются лишь непроверенные сведения—в Кременчуге „безвластие", под Полтавой бой. Об остальных губерниях сведения у вас должны быть.

Об Одесском районе можем сообщить, что наши выступить в ближайшем времени не в состоянии. Нами постоянно рассылаются курьеры по области, а также и в крупные города других областей. Общие директивы, рассылаемые нами по области,—спешная мобилизация наших сил, захват власти, организация власти на местах, меры по объединению и связи между советскими органами в захваченных районах.

Осведомляйте нас непрерывно. Ваше полотно не разобрали. В Одессу переслали. Шлите деньги, кроме посланных. Информируйте о пограничной полосе и фронте. В два часа 25 фронт Петлюры отодвинулся в районе Святошино на три версты; в районе Поста-Волынского на семь верст. Идет артиллерийская стрельба. Подписали: Юрко-Самуил.

Андрей".

Петлюра добился с немецким командованием негласного соглашения, на которое намекает разосланная 30 ноября от его имени по всем железным дорогам инструкция. В ней запрещается вступать с немцами в переговоры, так как все вопросы с ними уже выяснены. Там, где немецкие эшелоны не соблюдают нейтралитета, надлежит задерживать их и не давать им, даже за деньги, продовольствия. Если немцы силой возьмут паровозы, разбирать пути.

Перемирие, заключенное Петлюрой с германцами, весьма встревожило гетманское правительство. Совет министров Скоропадского объявил это перемирие недействительным и обратился к генеральному консулу Франции Энно за поддержкой.

Энно из Одессы отвечал (29 ноября); „Уведомьте главное немецкое командование и немецкий совет солдатских депутатов, что Антанта желает усилить существующее (гетманское) правительство, так как желает прежде всего порядка и спокойствия. Никаких сношений с Петлюрой. В случае противодействия и неисполнения требований—репрессивные меры против немцев“. И далее: „Передайте оберкомандованию и Совету немецких солдат, что державы согласия ни в коем случае не допускают вступления войск Петлюры в Киев. Все попытки Петлюры или его войск в этом направлении будут рассматриваться как враждебные действия по отношению к державам Согласия“.

Побудить этими нереальными угрозами германцев к активному противодействию петлюровцам было конечно невозможно. Если германцы и сопротивлялись вступлению Петлюры в Киев, то только из опасения, что этим сорвется их эвакуация. Они ведут по всей Украине ряд мелких стычек с петлюровцами и добиваются от петлюровцев (3 декабря) согласия на отвод петлюровских войск на 20 *км* от основных центров (Полтавы, Харькова).

Гетман хотя и мечтал о подходе антантовских войск, но пока ему приходилось рассчитывать только на свои силы. Силенок этих было недостаточно. 1 декабря петлюровцы заняли Житомир, захватив 7 орудий и 5 пулеметов. Через неделю они тесно блокировали Киев.

Мечты, питаемые пышными обещаниями благожелательных представителей Антанты, расцветали буйным пустоцветом на страницах киевской печати. Вот далеко неполный ряд этих сообщений, дошедших до нашего штаба:

„28 ноября из Румынии к Киеву спешно двинуты румынские войска под командой французских офицеров“.

3 декабря—„В Киев ожидаются две дивизии союзников“.

5 декабря—„Оргеевский, Измайловский, Аккерманский, Кишиневский, Белицкий и Сорокский уезды Бессарабской губернии заняты англо-французскими войсками. Хотинский уезд—румынами. В Могилеве-Подольском—румынская и французская кавалерийские дивизии, выступившие в Жмеринке. Из правительственных источников сообщают, что Жмеринка занята двумя полками румыно-сербов. Ожидаются еще войска, под командой Бертело“.

8 декабря—„Союзные войска вышли из Салоник и ожидаются

в Одессе 10-11 декабря. В Салониках идет усиленная погрузка французских и греческих дивизий. Ожидающиеся войска решено в Одессе долго не задерживать, а немедленно отправить их на Украину, для поддержания порядка".

Одновременно, чтобы повлиять на решительность союзного командования, совещание в Киеве всех буржуазных партий, возглавленное „Советом государственного объединения", направило через того же Энно в Версаль призыв поспешить на борьбу с анархией в России, иначе скоро даже и на Рейне вырастет интернациональная „большевистская армия"...

Скоропадского лихорадило. Слишком медлительный граф Келлер был заменен новым главкомом князем Долгоруковым. Долгоруков разражался грозными приказами, обещающими расстрел всем, не сдающим оружие и нарушающим порядок: 9 декабря в Киеве началась мобилизация 1889—1898 гг. Рабочие промышленных предприятий были от нее освобождены. Мобилизация носила определенно классовый характер и все же протекала плохо. Буржуазные сынки уклонялись от исполнения своего классового „долга". На Подоле толпа рабочих даже прогнала приемочную комиссию и сорвала явку.

11 декабря французский консул Энно дал радиограмму:

„Державы Согласия поставили себе целью бороться против большевиков. Вследствие этого отряды Добровольческой армии в Киеве должны почитаться военными отрядами, находящимися под командою их (союзников) начальников. Отряды Добровольческой армии должны сохранить свое боевое оружие. Если же они были обезоружены, оружие должно быть немедленно им возвращено. При соблюдении этих условий отряды Добровольческой армии должны соблюдать в отношении украинской Директории полный нейтралитет. Прибытие в Киев последует после того, как я вступлю в сношение с командованием Союзных сил, находящихся в пути. После же моего прибытия отряды добровольческой армии примут участие в борьбе против большевиков и будут двинуты на Одессу для дальнейшего следования в армию генерала Деникина. Считаю необходимым напомнить, что армия генерала Деникина пользуется поддержкой материальной и моральной держав Согласия".

Гетман понимал, что поддержка его союзниками весьма ненадежна. Он знал и ту цену, которой следовало оплатить перемену отношения союзников к Директории. Уже 10 декабря Энно сообщал: „Если петлюровцы хотят, чтоб союзники с ними разговаривали, то они должны немедленно прекратить военные действия и приняться за подавление большевистских выступлений". Такое же заявление Энно сделал и представителям Директории, которые вели с ним в Одессе переговоры. Вот уж о гонении на большевиков меньше всего следовало упрашивать Петлюру. Даже в момент самой горячей борьбы с гетманцами петлюровцы повсюду показали себя явными врагами большевизма.

Директория не стала дожидаться благословления французского консула на вступление в Киев. Она продолжала нажим на германцев. 9 декабря она предложила железным дорогам пропускать бес-

препятственно только обезоруженных немцев, а 10 декабря объявила германцам, что считает перемирие, заключенное с ними 2 декабря, конченным.

12 декабря в Киеве собрался Всеукраинский съезд советов германских солдат, на котором повидимому обсуждалось положение, сложившееся в связи с решением Директории. Германцы решили договориться с Петлюрой. Договор был заключен 12—13 декабря. Петлюровцы обязались содействовать скорейшей эвакуации германцев, а германцы—передать излишнее военное имущество петлюровцам и допускать их беспрепятственно во все украинские города, в том числе и Киев. Предусмотрены были даже такие детали: „здание украинского державного банка охраняется немецкими солдатами, украинские части охраняют жизнь и имущество граждан, центральный телеграф, телефон и места заключений“.

Киев был сдан 14-го, а 15 декабря гетманский министр путей сообщения Линдеберг опубликовал следующую телеграмму: „Из Киева управл. Юго-Зап. № 6 40. Всем по линиям желдор. Украины сообщаю для сведения содержание телеграммы представителя Союзных держав Энно: Уведомите главное немецкое командование и немецкий Совдеп в Киеве, что державы Согласия поддерживают существующее правительство, желают прежде всего спокойствия и порядка. Ввиду этого они не могут допустить, чтобы до прихода их войск немцы занимали отрицательную позицию при наличии угроз со стороны войск Петлюры и элементов беспорядка в Киеве и в стране. Державы Согласия могли бы еще менее допустить заключение перемирия между немцами и Петлюрой и еще менее разглашения его условий, если только это перемирие не сделано по меньшей мере на основании строгого сохранения воюющими войсками соответствующих позиций и при условии, если была учреждена контрольная комиссия с представительством теперешнего правительства в Киеве, которая наблюдала бы за точным исполнением этого перемирия. В своем сообщении правит. Держав Согласия я подчеркиваю особо пункт уже заключенного перемирия, касающийся оставления немцами войскам Петлюры складов оружия и амуниции, находящихся в разных местах страны. В случае оставления в силе уже заключенного перемирия, я буду просить мое правительство принять все необходимые репрессивные меры против немцев“.

18-го Энно из Одессы направляет Директории такую радиотелеграмму:

„Генерал Бертело, командующий союзными военными силами на юге, телеграммой от 16 декабря, за № 260, полученной 17 декабря, сообщает мне следующее. Прошу вас передать главарям большевиков, а также Петлюре и Винниченко, что я их делаю лично ответственными за всякое враждебное выступление и всякое стремление нарушить спокойствие в стране“.

Петлюра действовал, не смущаясь этою угрозою.

13 декабря он издал приказ по железным дорогам Украины, которым предписывалось обеспечить выполнение плана германского ко-

мандования на перевозку германских войск в Германию и предлагалось комендантам станций и комиссарам, не вмешиваясь в распоряжение железнодорожной администрации, следить, чтобы не было проезда „контрреволюционеров и большевиков", требуя в случае надобности вооруженную силу для их задержания.

Таким образом Петлюра сбросил маску,—открыто рвал с красными повстанцами, которые в Киевском районе шли вместе с ним против гетмана.

14 декабря была дана новая телеграмма об эвакуации немцев, согласно которой для эвакуации немцев назначалось до 12 поездов; в телеграмме упоминалось о необходимости создания дружелюбных отношений между украинскими и немецкими частями и указывался порядок передачи немецкими комендантами украинским охраны складов и учреждений, а также и железнодорожной охраны.

В тот же день из Киева пришло сообщение:

„После того как между Директорией Республики и немецким командованием и Совденом было заключено соглашение, со стороны Директории последовало предложение гетманскому правительству немедленно сдать Киев без боя. Но предложение не увенчалось успехом. Гетманское правительство, рассчитывая очевидно на офицерские отряды во главе с кн. Долгоруковым, решило защищать Киев. Под Киевом между республиканцами и гетманцами произошел бой. Гетманцы потерпели поражение и отступили. Среди вступавших в Киев республиканских войск царило приподнятое настроение. В него вступило только 15 000 чел., т. е. такое количество войск, которое не превышает немецкий Киевский гарнизон. Остальные войска стоят под Киевом".

Представление было разыграно; оказано будто бы сопротивление и даже бой... Между тем в действительности Скоропадский согласился сдать Киев без боя.

Им было дано следующее извещение:

„Всем, всем, всем, по учреждениям Украины, всем войсковым частям и учреждениям.

Я, гетман всей Украины, в течение 7½ месяцев все силы положил на то, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она очутилась. Бог не дал мне сил справиться с задачей; ныне, ввиду сложившихся обстоятельств, руководствуясь исключительно желанием видеть Украину счастливой, от власти отказываюсь. Киев 14 декабря 1918 г. Павел Скоропадский".

Только небольшие отряды белогвардейцев на свой риск и страх попытались дать отпор петлюровцам, вступавшим беспрепятственно в Киев.

Директория сообщала:

„14 декабря в 3½ ч. толпы киевского демократического населения со слезами радости на глазах и революционными песнями встречали первые отряды украинских республиканских войск. После радостной встречи при беспрестанных криках „слава" торжественное шествие продвинулось по Фун-

дуклеевской улице на Крещатик; манифестация увеличивалась демократическим населением без различия национальности, что и делало еще более торжественным праздник победы демократии. Но случилось нечто странное и преступное: русские офицерские банды гетманского правительства, несмотря на то, что правительство гетмана тогда уже капитулировало перед революционными войсками, вышли из Проездной улицы и открыли стрельбу по радостно настроенной манифестации. Одновременно была открыта стрельба по манифестации из пулеметов с крыш домов по Крещатику, из окон квартир, буржуазия бросала бомбы. Погибли взрослые манифестанты и малые дети. Решительными мерами была прекращена позорная провокационная бойня. Одновременно некоторые добровольческие банды начали разгром складов на Галицком базаре. Ночью темными элементами были сделаны попытки погрома на Подоле. Такою двойной провокацией окончило свое существование реакционное правительство гетмана и его черносотенная офицерская добровольческая армия".

Силы, которыми располагает Петлюра под Киевом, нами точно не были установлены. От Гребенки—Ромодана наступали к Киеву части Запорожской дивизии (номер неизвестен)—Корсунская бригада и полк Хименко; через Нежин отряды сирожупанников Палия, от Фастова—Черноморская и 1-я дивизия сичевых стрельцов. 2-я Днепровская казачья (атамана Данченко) 16 декабря после боев у Борисполя—Дарницы вошла в Дарницу. В петлюровскую армию влилась также 1-я дивизия IV корпуса, изменившая гетману (Сердюская дивизия, сохранившая некоторую верность гетману, 17 декабря была частью расформирована).

Этот перечень не исчерпывает всех сил Петлюры. Имелись сведения, что к 16 декабря в Киеве и под Киевом было сосредоточено до 30 000 войск.

17 декабря командир осадного корпуса Коновалец назначил в Киеве временный Совет комиссаров с председателем Чеховским. 18-го были объявлены распущенными все ревкомы, закрыты все газеты кроме бульварных „Последних новостей" и официозов.

Особые заботы конечно вызывали большевики. По указанию Петлюры 16 декабря замначштаба Тютюнник приказывает вести строгое наблюдение „для предупреждения проникновения в ряды украинской армии и штабы враждебных элементов". Петлюра 18 декабря издает длинный приказ о борьбе с „анархией", заявив, что беспощадно подавит агитацию против Директории и попытку захвата власти.

18 же декабря Коновалец запрещает в Киеве устную и письменную агитацию против независимости и объединения украинских земель против правительства Директории, главного командования и войск Украинской республики. Запрещается также агитация, „намеревающаяся внести рознь—смуту в единство фронта воинских частей", запрещена деятельность партий и организаций, имеющих в виду бороться в той или иной форме с украинским движением, отдельные лица и организации, действующие вопреки этому приказу, „будут подвергаться ответственности по законам военного времени".

Одновременно Директория приняла перед союзниками независимый вид. 19 декабря она публикует ноту, адресованную державам Согласия, в которой, заявляя союзникам, что не призывала их войска на Украину, просит объяснить цель пребывания этих войск на Украине.

Тут же Директория расшаркивается по отношению к РСФСР. Устами официального УТА она сообщает, что все украинские политические партии находят желательным сохранить дружественные отношения с Советской республикой.

Таковы были внешние акты. На деле Директория ведет провокационный поход на советы, закрывает границы Украины и противодействует провозу хлеба и сахара к северу.

Рабочие массы Киева тем временем усиленно организовывались. Уже 18 декабря Бюро по организации рабочего совета в Киеве выпустило следующее обращение: „Рабочий совдеп организуется. Выбирайте немедленно своих представителей. Перед Советом стоят громадные задачи. Он должен явиться органом, вокруг которого сомкнут свои боевые ряды рабочие массы Киева и поведут свою дальнейшую упорную борьбу за восстановление полновластного Совета. Все под наши знамена. Все за дружную работу. Выбирайте только последовательных борцов за пролетарскую революцию".

В результате выборов Совет оказался на 75 процентов большевистским. Конечно это пришлось не по нутру Директории. 23 декабря помещение Совета было разгромлено петлюровскими войсками. 24-го, несмотря на сопротивление меньшевиков, Киевский совет профессиональных союзов провозгласил однодневную забастовку протеста. Однако петлюровцы не угомонились. Они не допустили заседаний комиссии по созыву Совдепа.

Так действовало „социалистическое" правительство Винниченки.

Еще к концу декабря Петлюре не удалось договориться с союзниками. Даже с немцами, с которыми он договорился, последовал целый ряд конфликтов. Например в Харькове 17 декабря был предъявлен ультиматум немцам—восстановить прежние позиции. 19 декабря в Екатеринославе украинский штаб предъявил немцам ультимативное требование сдать все оружие русского образца. В тот же день, у Ромодана петлюровский бронепоезд обстрелял германские эшелоны, а на ст. Елисаветград эшелон германцев, требуя своей отправки на Знаменку, открыл стрельбу по петлюровскому караулу и выбил его со станции. В это же время произошел бой между петлюровцами и немцами (до 1 000 чел.) в Александровске. К 22 декабря петлюровцы разоружили немцев в Виннице, Казатине, Жмеринке. В Житомире это им не удалось. К 22 декабря на линии Харьков—Ворожба застряли 11 германских эшелонов, у Бахмача 7, у Конотопа 4 и у Ворожбы 4.

К концу декабря немцев как силу, способную играть активную роль в борьбе на Украине, приходилось окончательно скинуть со счетов. Гетманцы также успешно ликвидировались петлюровцами.

Петлюровцы оставались одни лицом к лицу с нами. В их резерве, в Крыму и на побережьи накапливались добровольцы и союзники.

Особенное значение приобретали события, происходившие в Одессе, так как Одесса становилась основной базой десантных операций Антанты и одновременно являлась и штаб-квартирой интервенции.

19 декабря буржуазные газеты, захлебываясь от восторга, приветствовали прибытие первых войск Антанты. Прибыли 3 линейных французских судна. 23 ноября французский генеральный консул Энно в интервью возвестил скорое прибытие союзных войск.

27 ноября прибыл английский контрминоносец. 30 ноября—английский крейсер. 2 декабря—из Тирасполя отряд сербов и броненосец „Мирабо", с особой французской миссией во главе с капитаном Ланжероном для подготовки размещения французского десанта. 3 декабря происходит высадка польского легиона. 6 декабря прибывают английский дредноут „Сюперб" и итальянский крейсер.

7 декабря петлюровцы, заняв Раздельную и затем ст. Выгоду, предъявили ультиматум о сдаче Одессы. 11 декабря они заняли ст. Одесса Главная. Добровольцы отошли в порт. По договору петлюровцев с французским генеральным консулом Энно, петлюровцы вступили в город, в котором была выделена „французская зона" (порт, Николаевский бульвар и т. д.). Комкор 3 Бискупский сдал штаб без борьбы, и командующим корпусом стал петлюровец — атаман Филатьев.

16 декабря в штаб III корпуса в Одессе явился французский квартирьер лейтенант Бойе с просьбой об отводе к утру 17 декабря квартир для прибывающего пятитысячного десанта, в состав которого входили части иностранного легиона. Первый отряд десанта следовал на семи больших транспортах из Салоник и в 21 часу 16 декабря, по официальным сведениям, находился у Цареградского маяка (36 миль от Одессы). Эти сведения дополнялись газетами. „В нескольких днях пути следом идут еще десять транспортов. Дальнейший подвоз будет производиться в течение двух-трех недель беспрерывно. Всего ожидается к высадке до ста тысяч. На днях в Одессу прибудут представители высшего союзного командования. В ближайшем будущем в Одессу прибывают транспорты из Галаца с десантом ген. Бертелло."

Действительно 17 декабря на 4 транспортах, предшествуемых эскадрой из 3 миноносцев и дредноута „Эрнест Ренан", прибыл французский десант до 3 000 штыков из состава 156-й пех. дивизии. С французским десантом приехал и ген. Амет, главнокомандующий французскими морскими силами у Дарданелл. В тот же день командующий 156-й дивизией назначил ген.-губернатора Одессы деникинца—ген.-майора Гришина-Алмазова.

Сейчас же по назначении Гришина-Алмазова добровольцы, опираясь на поддержку польского легиона и французский десантный отряд, напали на петлюровцев. После довольно сильного боя петлюровцы очистили Одессу. 20 декабря они закрепились у Дачной, выд-

винув к Одессе бронепоезд и разобрав путь. Телеграфно из Одессы от 21 декабря сообщалось, что ночью прибыли новые транспорты французских войск—в общем до 8 000 чел. с сильной артиллерией.

На рейде стояли 3 французских дредноута, итальянский крейсер и несколько английских и французских миноносок. Носились упорные слухи, что союзники намерены переправить в Черноморские порты не менее 3 французских и 3 греческих дивизий. Предполагалось, что это может быть выполнено ими в течение двух месяцев.

Ген. Бертелло опубликовал в одесских газетах заявление, что союзники высаживают войска в „Южной России“, чтобы прекратить гражданскую войну и восстановить порядок“.

В рабочих массах Одессы росло революционное возбуждение. Однако меньшевики срывали революционную борьбу, опираясь на ЦБ профсоюзов и исполком совета старого созыва. Назначавшиеся забастовки проходили недостаточно дружно, пленум совета не собирался, несмотря на требования представителей фабрик и заводов. Большевики провели выборы совета при бойкоте меньшевиков. Добровольцы, опираясь на французов, объявляют город на осадном положении. Вооруженные дружины большевиков по постановлению Военного ревкома в ночь на 20 декабря покидают Одессу. 21 декабря добровольцы произвели повальные обыски, отбирая у населения Одессы оружие.

ГЛАВА ПЯТАЯ (карта 2, 3).

Призыв из Харькова. Наступаем по всему фронту. Вступаем в Харьков. Борьба с анархией и Петлюрой (Мерефа, Люботин). Запоздалое наступление главкома. Нет директив о Донбассе. Наша забота о Донбассе. Организационная работа. Самозащита командукра. Серьезные сведения о намерениях союзников и добровольцев. Мы настаиваем на «оккупации» Украины.

Петлюровцы спешно стягивали силы к Харькову. 28 декабря через Полтаву прошел из Киева в Харьков 3-й Запорожский полк (2-й стоял в Селещине на охране складов).

Из Харькова сообщали нам:

„Среди буржуазии паника страшная. Все поезда Киев—Севастополь берутся с боем. Немцы тоже бегут из города, платя огромные деньги за то, чтобы к их эшелонам прицепили паровозы. Вечером город погружается в абсолютную темноту. Нет электричества, трамвай не работает. Скоро может прекратиться работа водопровода. Вчера уехали в Киев все иностранные консульства. Жители с минуты на минуту ожидают большевиков. Озверевшие петлюровцы хватают и расстреливают без всякого суда и следствия всех, на кого будет указано, что он коммунист или советработник. Ежедневно на Холодной горе расстреливаются ими десятки рабочих. Не доверяя массам, петлюровские главковерхи отменили в Харьковщине призыв 7 лет с 1891 г. по 1898 г. Это совпало с резким наступлением петлюровцев на харьковских рабочих и с переговорами петлюровцев с деникинцами о совместных операциях против большевиков. К 20 декабря в Харьков из Дебальцева прибыла делегация из представителей Добровольческой армии и немецкого командования... Делегация промышленников Харькова и Донбасса обратилась к Деникину с просьбой понудить через союзников германское командование взять на себя охрану всего угольного района и содействовать формированию отрядов Добровольческой армии. Часть делегации выехала в Константинополь для непосредственного контакта с союзным командованием.

В настоящее время в Харькове находится только петлюровская охрана в количестве 200 человек из бывших солдат для несения караульной службы. Караулы стоят при штабе Балбачана, комендатуре, тюрьме и военных складах.

С 28/XII организована городская самоохрана из горожан от 18 до 47 лет для охраны города от 20 до 6 час. ночи. Самоохрана вооружена 200 винтовками. Город не освещается, трамваи не ходят. Всю ночь идет редкая стрельба. Очень часты уличные грабежи и налеты на магазины и квартиры.

Налетчики бывают в петлюровской форме. Купцы грузят вагоны, буржуи бегут из города. Рабочие подавлены арестами и расстрелами.

До 30/XII в городе стояли 800 петлюровцев—молодых солдат. При них несколько пулеметов и немного легкой артиллерии. Петлюровцы вели занятия (4 часа в сутки) по строю и стрельбе. Кроме них отряд добровольцев в 400 чел. из офицеров, студентов и юнкеров. В настоящее время обе эти части находятся на фронте. Раньше их выступили на фронт—полки Дорошенка, Харьковский—Слободской и конная батарея, прибывшая в Харьков из Ковяг с 15 на 20 декабря. Через Харьков на фронт прошли также Павлоградский полк, пришедший из района Лозовой, и полк серожупанников. В последнее время каждый день проходили в Харьков по шесть эшелонов из Киева и Полтавы в общем (с тремя тысячами солдат).

Немцев в Харькове мало, между ними много коммунистов. Они спешно грузятся для отъезда через Сумы на родину. Военных операций на фронте с нами не ведут.

В Харькове и уезде объявлена мобилизация призыва 19 и 20 годов. Призывные, явившиеся на сборные пункты 30 и 31 декабря, были распущены по домам впредь до особого распоряжения. Вновь мобилизованные петлюровцами молодые и бывшие солдаты большей частью отказываются итти сражаться против большевиков и заявляют себя сторонниками советской власти. Главными и активными силами петлюровцев являются солдаты бывших гайдамацких полков и добровольческий отряд. По слухам ожидается прибытие из Киева до восьми офицерских гайдамацких рот гетмана Скоропадского".

Кроме того наша разведка установила, что в Сумах находится петлюровский отряд (300 чел.), прибывший 26/XII из Харькова (командир Аваский) и состоящий преимущественно из гимназистов и реалистов. Отряд ожидал пополнения из Харькова. В Сумах и уезде производилась мобилизация офицеров, прапорщиков и вольноопределяющихся (от 18 до 30 лет). Мобилизация дала 200 офицеров и 500 солдат; 27 декабря все мобилизованные были отправлены через Конотоп. В Сумах же находилось до 200 немцев при 3 пулеметах и конной батарее на позиции вблизи станции. Около города стоял отряд гайдамаков (338 чел., 2 пул.). Гайдамаки заключили соглашение с петлюровцами[1]. Город охранялся 50 офицерами, несущими караульную службу при банке и военном складе. Фактическим хозяином города являлись немцы. В городе безработица, грабежи. 250 солдат стоявшего в Сумах немецкого 35-го полка выехали на родину. Перед отъездом они произвели широкую реквизицию скота, фуража и хлеба. Оставшиеся немцы служили на жаловании у местной буржуазии. На сахарном заводе Харитоненко находилось до миллиона пудов сахара.

В Белополье около 500 немцев и батарея (4 орудия), на станции 150 немцев; на Роменском шляху в 3—4 верстах от города Сумы рыли окопы.

Немцы продолжали эвакуироваться. 25 декабря они очистили Ни-

[1] Речь идет о гайдамаках Скоропадского.— *Ред.*

китовку (центр Донбасса) и сосредоточились в Лозовой. Никитовку заняли красновцы. 30 декабря немцы передали петлюровцам Селещинские артиллерийские склады. К концу декабря в Белополье находилось 2000 германцев, в Ворожбу прибыли из Сум 200 германцев 98-го полка, там же стояла часть 424-го полка. На ст. Ворожба скопилось 3 эшелона с двумя гаубицами и частями 217-го, 17-го и 211-го полков.

Под давлением нашей угрозы (22 декабря в Харькове мы грозили в случае нелойяльности немцев повести партизанскую войну) немцы открыто не проявляли симпатий к петлюровцам.

Между тем петлюровцы лихорадочно готовились к сопротивлению. Они издавали основательно разработанные приказы по мобилизации, сопровождаемые угрозой военнополевым судом всем, кто „будет задерживать организацию республиканской армии“. Но вообще на левобережьи положение петлюровцев было критическим. Атаман Палий, на которого петлюровские газеты возлагали огромные надежды, посылал отчаянные призывы своему непосредственному начальству (телеграммы эти благодаря товарищам железнодорожникам попадали к нам в то же время, что и к Балбачану). Одна телеграмма гласила:

„Из Конотопа от 25 декабря. Кременчуг шт. арм. лев. бер. Украины Балбачану. Положение по всей Черниговской и части Полтавской губерний, какие входят в район моего командования, с фронта очень тревожно, а внутреннее состояние еще тревожнее. Вверенными мне войсками занята железнодорожная линия от Нежина до Кролевца и изгнаны различные комиссары, образовавшиеся при большевиках. Главари этих банд, какие называют себя анархистами, в последние дни дошли до того, что открыто хотели разбить штаб армии и ст. Конотоп. Предводители из местного населения, которое не твердо для подавления большевистского движения, и большая часть его заражена большевистским духом. Из Киева мне сообщают, что получена телеграмма, якобы уже погружена и отправлена вторая черноморская дивизия, которая должна занять фронт Новгород-Северск—Белополье. Но пока еще дивизия не прибыла. По прибытии будет обязательно отправлена по маршруту прифронтовой линии. Стрелковая Казачья дивизия имеет перейти на правый берег Днепра“.

На следующий день Палий доносил:

„Положение в районе вверенных мне войск в Черниговской и Полтавской губерниях тревожно, особенно в прифронтовых полосах от Гомеля, Новгород-Северска, Кролевец, Глухов, Путивль, Ромны и Лохвицы. С каждым днем число большевистских агитаторов увеличивается, к которым пристает анархический элемент местного населения из молодых людей, в большинстве рабочих. В районе Короча, который занят большевиками, эти банды, грабя население, идут в направлении Конотопа. Кролевец еще пока в наших руках, но отрезан. По телеграфу командир стрелкового полка доносит, что в его гарнизоне до 600 солдат, но в бой с большевиками они вступать не хотят. Такое же настроение солдат и в других частях, которые отказы-

ваются итти против своих, как они заявляют, братьев. В самом Конотопе положение тоже нетвердое и тревожное. Уже 2-й день идет железнодорожная забастовка рабочих депо. Поезда от Ворожбы до Бахмача совсем не ходят. Нет ли сейчас каких-нибудь верных частей для налаживания порядка. Забастовка началась из-за ареста 4 большевиков, которые назвали себя анархистами и угрожали разбить бомбами штаб. На станции Конотоп сейчас вследствие забастовки собралось много пленных и другого анархического элемента вместе с бастующими рабочими в несколько тысяч человек, бродят возле станции и хотят итти к тюрьме освобождать арестованных. Гарнизон Конотопа из республиканских войск отказывается итти разгонять толпу. Мною приняты меры, чтобы на охрану власти в Конотопе встали немцы. Если такое настроение продлится и дальше, то возможно, что не сегодня-завтра появятся большевики из своей совдепии и, совместно с туземцами, восстановят советскую власть, заарестовавши всех офицеров штаба и полков. Минуть всего этого нашим войскам и войскам республики из местного населения, как я доносил, невозможно. Необходимо принять меры из центра, ибо занятие Черниговской и Полтавской губ. большевиками грозит как Киеву, так и правому берегу".

Таково было положение на Харьковщине к этому моменту. Ввиду сложившейся обстановки мы решили развить стремительное наступление к Харькову, оставив у Сум—Белополье только погранчасти, а в Рыльске—формирования Беленковича, нацеленные на Полтаву.

Для исполнения приказа о сосредоточении всей 2-й дивизии в Харьковском направлении пришлось предпринять энергичные меры.

Наш натиск встретил серьезный отпор под Казачьей Лопанью. Одно время казалось, что мы будем потеснены. Но повстанцы, одушевленные близостью Харькова, откуда их призывали на подмогу удушаемые рабочие, дрались отлично и сломили лучшие, отборные из „старшин" части Запорожской и Слободской дивизий Петлюры.

В 2 часа ночи 2 января внезапно из Белгорода вызывают к прямому. Лента Юза гласит:

„ЦК украинских коммунистов сообщает из Харькова: Первого января начинаем выступление. Сообщите ваше распоряжения и намерения. Немцы берутся задержать украинские войска, заняв совместно с нами вокзал. Действуйте решительно, напролом. Украинские войска очень ненадежны, перед смелостью отступают. Линия Лозовая—Екатеринослав в наших руках. Если прорваться через Харьков, то в наших руках окажется Донецкий бассейн. Сообщите о ваших планах". Подписи членов бюро—Эпштейна и т. д.

Тотчас же ответ: „Действуйте решительно. Мы наступаем". Дается ряд боевых приказов:

Начвосо — задерживать все движение Курск—Харьков и везти только военных; командиру 7-го советского полка Бочкину—немедленно ехать к Харькову на соединение с дивизией; начвосо—немедленно направить в Вольфино 60 вагонов для погрузки 7-го полка; командующему Суджанским участком сообщалось, что 7-й полк направлен в Харьков и что участок поступает в подчинение Беленковичу; нач-

восо т. Фуфрянскому экстренно направить бронепоезд к ст. Слатино, составив его из двух ремонтировавшихся в Курске поездов. По поводу бронеавтомобилей, стоявших в Орле, мы обратились в РВСР с просьбой дать хотя бы три из них; начальнику 1-й советской дивизии Локотошу и Беленковичу по прямому проводу сообщена была обстановка и даны задачи: Локотошу—вести наступление в известном ему направлении, а Беленковичу—захватить Путивль, Ворожбу и Сумы и двигаться на соединение с Коцюбинским.

Повстанцам Полтавщины дана директива:

„Юрию Коцюбинскому, 19 г. 3 января, Белгород. В Харькове восстание рабочих. Сейчас наши части ведут наступление у Дергачей. Советские украинские войска в 20 *км* от Чернигова. В районе—Глухов, Рыльск—Коренево, Суджа сформированы кадры запасной дивизии, под руководством Беленковича, до 3 000 штыков, с 15 пулеметами и 200 сабель. Орудий нет. Беленковичу дано предписание занять Сумы, Ворожбу и итти на соединение с вами. Крайне важно при существующей обстановке, чтобы вы по меньшей мере помешали продвижению неприятельских войск от Киева к Харькову и Конотопу. Само собой разумеется, если ваши силы позволяют, следует поднять немедленно восстание в Полтавщине, захватив Ромодан и Кременчуг. Держите с нами постоянную связь, специально в штаб армии направляйте через Белгород. К вам от нас направляется т. Крапивянский. С товарищеским приветом Реввоенсовет Украинской Советской армии“.

Главкому послана телеграмма (копия—т. Сталину), в которой, изложив записку Бюро ЦК из Харькова, докладывалось:

„Учитывая сложившуюся обстановку, Реввоенсовет Украинской армии постановил начать решительное наступление на Харьков в поддержку восставшим рабочим. По последним сведениям наши части в 20 *км* от Чернигова. В Полтаве готовится восстание. Линия Харьков—Ворожба нами перерезана в Басах. По направлению к Харькову мы сосредоточиваемся в исходное положение в 15 *км* от предместья Харькова. Противник из Золочева отброшен к Богодухову. У Чугуева идет бой повстанческих отрядов с петлюровцами. Просим санкции отданного распоряжения. Просим предписать Глаголеву оказать в случае нужды нам поддержку. Просим об оружии, броневиках. Броневые поезда № 2 и № 9, чинящиеся в Курске, нами соединены в один из неповрежденных частей: из девятого взят паровоз, из второго—состав. Этот поезд двинут в Белгород, остальные части спешно ремонтируются. Просим оставить нам эти бронепоезда. Из Харькова двинемся согласно общего вашего плана. Пред. РВСР здесь. Ему доложено. Распоряжение не отменено“.

Не дожидаясь ответа командира, выехал к Белгороду, оставив начальнику штаба Ауссему записку, в которой просил его понаблюдать за доставкой на Харьковский фронт всего необходимого и за исполнением т. Беленковичем предписания выступить к Полтаве с наличными кадрами, не дожидаясь конца формирования; немедленно направить в Белгород 7-й полк, снабдив его в Курске всем необходимым, и подготовить к отправке туда же штаб, оставив в Курске

представителей отделов оперативного и связи, отдел же снабжений оставить до распоряжения; проследить за получением обещанных РВСР бронепоезда и броневиков.

В свою очередь член РВС т. Затонский сообщал по прямому в Мирополье:

„Правительство Украины, Аверину, копия ЦК Жуковскому. Нами дан приказ действовать решительно. Предупреждена ли Полтава. Передайте Харькову, что мы их поддержим. пускай действуют. Важно сохранить мосты, послан броневик. Что касается трудового конгресса, то это та же Рада. Никаких соглашений. Уездные собрания использовать как митинги, где это возможно. Таково мое мнение. Пятаков и Квиринг не вернулись и известий от них нет. Артем вчера уехал также в Москву. Еще раз напоминаю. Передайте в Харьков о предпринятом общем наступлении, мосты важнее всего. У нас сил достаточно. Предупредите Коцюбинского—пускай подымается, загораживает путь от Киева и помогает Беленковичу прорваться на соединение через Сумы—Ворожбу“.

Кроме того т. Затонский послал следующую телеграмму:

„Кремль, Сталину, копия Пятакову. Сегодня получил депешу от членов ЦК из Белгорода: 12 января... Конгресс построен совершенно так же, как и раньше строилась Рада. Там было 312 крестьян, 150 солдат и 100 от рабочих. Выборы такие же бестолковые при отсутствии Советов и разделении на курии. Отказ от демократических принципов свидетельствует о слабости Директории и невозможности опереться на союзников. Мое мнение—никаких соглашений. Войска петлюровцев разбегаются, крестьяне бунтуют и самочинно строят советы. Надо бить Балбачанчиков по черепу, в Раду не итти, сельские и уездные собрания использовать для выступления и демонстрации, проводить резолюции о поддержке советской власти. Главное—надо не упустить момента. Убедите Главкома, что занять Харьков и Екатеринослав не так уж вредно... Факт тот, что остановить наступление уже никто не в силах, энтузиазм в частях громадный. № 24/оп. В. Затонский“.

В 20 час. 2 января (в Белгород, поезд 701) штаб 2-й дивизии сообщил: „Наши части подходят к Харькову. В Харькове слышна орудийная канонада“, утром 3 января—„Мы вступили в город“.

В 15 ч. 27 м. 3 января РВС украинской советской армии дает из Белгорода следующую телеграмму:

„Серпухов, главком Вацетису, председателю Реввоенсовета республики, Москва, Кремль, парком Сталину, Козлов командюж, Волоконовка командгруппы Кожевникову. После упорных боев под Казачьей Лопанью, Слатино, Грайвороном и Золочевым петлюровцы очистили Харьков. Советские украинские войска вступают в город. Наши потери до трехсот убитых и раненых. Настоятельно ходатайствуем перед Реввоенсоветом Республики о слиянии с нами группы Кожевникова. Это во всех отношениях безусловно необходимо. Основная директива будет проводиться строго. Настаиваем также на необходимости единства командования на нашем фронте, включая Курск“.

Одновременно с этим начштаба Ауссему дается предписание готовиться к выезду в Харьков, куда отправить все наличие оружия и снарядов, оставив в Белгороде половину ручных гранат и патронов; выслать в Белгород Быка для постановки санитарного дела и категорически предписать Беленковичу немедленно выполнить указанную ему задачу.

К 17 час. 3 января вагон Реввоенсовета, прицепленный к бронепоезду № 2-9, въезжал в освобожденный от петлюровцев Харьков.

Торжественная встреча. Радостное свидание с прежними соратниками, особенно с руководителями железнодорожников Харьковского узла во главе с т. Игнатенко.

4 января в 9 часов происходил парад войскам, принятый представителем правительства т. Затонским, в присутствии командарма. Днем—пленарное заседание Харьковского Совдепа. Выступили: т. Затонский (от правительства), командарм, комендант города т. Кин, представитель германского солдатского совета т. Фишер и представители разных рабочих организаций. Вечером—торжественная встреча председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины т. Пятакова.

Власть в городе временно перешла к девятке ВРК, выделенной Совдепом. Еще 3 января из харьковской тюрьмы были освобождены политические.

С занятием Харькова на нас навалилась туча тяжких забот. Уже в 23 часа 3 января коменданту города Харькова т. Языкову было предписано:

1. Выдвинуть сильные заставы с пулеметами на Волчанское шоссе с целью недопущения в город грабительских банд.

2. Занять ст. Харьков-Товарную и ст. Харьков—Балашовской железной дороги сильным караулом с двумя орудиями на площадке и не пропускать от Купянска никаких воинских эшелонов без разрешения Реввоенсовета. (В Купянске объявились левые эсеры с Рындиным и Саблиным во главе. Кроме того были сведения, что в Чугуеве находятся еще петлюровцы.)

3. Предупредить по возможности всех комендантов станций и дежурных по станции линии Харьков—Купянск, что пропуск эшелонов к Харькову без особого разрешения не допускается, и проходящие без такового эшелоны будут встречаться артиллерийским огнем.

4. Занять ст. Основу и выходы на Купянское шоссе заставами.

На следующий день дополнительно приказано:

„Охрана Харькова поручается 5-му полку пограничной охраны и местной рабочей милиции. От 5-го пограничного полка выслать батальон с эскадроном кавалерии к Люботину, выдвинуть часть к Богодухову. Части, выдвинутой в Богодухов, войти в связь с частями, занимающими ст. Басы. Маслову и Беленковичу дать приказ установить с нами связь“.

Тов. Кину, заменившему, по соглашению с харьковскими товарищами, Языкова (командир 5-го пограничного полка) ночью 4 января в качестве ближайших заданий ставилось „объявить город на военном

положении“, принять меры против налетов, меры относительно банд со стороны Чугуева; указать войскам, чтобы „не было никаких самовольных обысков, реквизиций; установить комендатуру; разъяснить железнодорожникам, что охрана на линии подлежит им; никаких ревкомов; организовать конский запас“.

Тов. Бобыреву (начальнику дивизии) утром 4-го предписывалось:

1. Продолжать стягивать все части дивизии в Харьков, оставив строевые роты в Грайвороне и Золочеве до смены их надежными частями местного формирования.

2. Батальон Михайловского и роту особого назначения 7-го советского полка передать в распоряжение т. Павла Дыбенко, назначаемого начальником отдельного отряда.

3. Два батальона пятого полка под начальством т. Шмидта и 1-й кавалерийский полк Червонного казачества без батареи выделить в отдельный отряд под общим командованием т. Примакова (этому отряду придан и бронепоезд № 2-9).

4. 5-й Погрохранный полк передать в распоряжение коменданта г. Харькова т. Кина для охраны города.

5. Остальные части дивизии: три батальона 6-го полка, три батальона 8-го полка, батарея на площадках, конная батарея полка Примакова, два эскадрона кавалерийского полка остаются в качестве общеармейского резерва. С этими частями занять юго-восточную окраину г. Харькова в сторону Купянска и Изюма, в частности станции Харьков-Товарная и Харьков—Балашовской железной дороги, ст. Основу, ст. Мерефу и выход из города по Купянскому шоссе для обеспечения за нами Северо-донецкой ж. д., занять ст. Змиев и вести разведку на Изюм.

6. 7-й полк, по его прибытии в Харьков, поступает в состав общеармейского резерва.

7. Батальон интернационалистов оставить в г. Белгороде в распоряжении коменданта г. Белгорода.

Отряд Дыбенко (только что прибывший матросский бронепоезд № 8 с 4 75-*мм*, 4 37-*мм* орудиями, 17 пулеметами и 150 шт. прикрытия; батальон Михайловского и рота особого назначения 7-го полка) был выделен с задачей: занять Лозовую, связаться с нашими в Павлограде, войти в связь с Махно, вести разведку к Славянску и Полтаве.

Тов. Беленковичу предполагалось продолжать спешную подготовку к выполнению присланных директив. При уходе 7-го полка сменить части в Вольфино, подкрепить наши части в Басах, и войти в связь с частями, занимающими Богодухов.

Одновременно телеграммой предписывалось Локотошу (1-я дивизия): „Продолжать наступление на Чернигов, сосредоточив все части в Новозыбкове; в тылу оставлять лишь местные формирования и части полка Батрацкого. Держать связь с Западным фронтом через Гомель и группой Беленковича в Рыльске. Разведку вести на Бахмач“.

Командующим был дан начштаба Ауссему ряд заданий по установлению телеграфной и телефонной связи Харьков—Купянск, Купянск—Белгород и со Славянском и по организации тщательной разведки; указывалась потребность в картах—3- и 10-верстках; предписывалось установить действительное положение в Константинограде, Екатеринославе и в Одессе (как петлюровцами держится фронт у Одессы и между Одессой и Киевом), узнать о десанте в Одессе и выяснить положение в Крыму и на путях к Донецкому бассейну из Дона и Кубани. Из ответов начштаба Ауссема было видно, что большая часть этих заданий выполнена.

Серьезнейшие затруднения возникли в Харькове в связи с наплывом разных банд.

В Харьков почти одновременно с нашими передовыми частями вступил под командой Чередняка повстанческий отряд около 1 000 человек при 2 орудиях, наступавший со стороны Волчанска, где он натворил много безобразий. Этот отряд самовольно занял гостиницу Гранд-отель и, вывесив над нею черный флаг, начал производить обыски и „реквизиции" (попросту—грабеж).

Реввоенсоветом Украины было дано следующее распоряжение:

„Коменданту г. Харькова т. Языкову. 3 января № 18, Харьков. Предписывается Вам с получением сего взять батальон пятого советского полка и разоружить находящуюся в Гранд-отеле банду Чередняка, арестовав всех ее главарей. Реввоенсовет Антонов".

Почти тотчас в Реввоенсовет явились двое парней с таким документом:

„Удостоверение". Харьковская группа анархистов удостоверяет, что предъявители сего тт. Факторович и Николай командируются к тов. Антонову, для выяснения вопросов о ликвидации конфликта с отрядом „Чередняка". Секретарь Майер".

Мы не пошли ни на какие уступки. Отряд Чередняка был разоружен без одного выстрела, несмотря на „грозные" приготовления его к сопротивлению. Главари арестованы и отданы под суд за безобразия в Волчанске (не помню, чем кончился этот суд.) Оружие и личный состав переданы в распоряжение губвоенкома.

Эти энергичные действия сразу подтянули все части. В городе установился образцовый порядок. Большую помощь оказали также немцы. Германские части хотя и не выполняли своего обещания задержать петлюровцев в Харькове, но оказали нам большую услугу, продолжая нести (с нами) караульную службу в городе. Этим они позволили направить основные силы на развитие боевых операций под Харьковом.

...Помню высокоторжественный день 12 января—похороны жертв петлюровского террора в Харькове (21 рабочий). Весь трудовой город провожал их в могилу—на площадь Революции с Холодной горы. Рядом с нашими пестро одетыми частями стояли серыми четкими шеренгами германцы. Представители германского солдатского совета выступали вслед за нами с речами протеста против преступлений петлюровцев и с приветом советской власти,

Германцы вскоре эвакуировались через Брянск—Гомель[1].

...Затруднения, с которыми мы столкнулись в городе, не помешали нам продолжать военные действия. Их пришлось предпринять в двух направлениях—Мерефском и Люботинском.

По сообщению нашей агентуры, к вечеру 4 января Мерефа—Лозовая находились в руках противника. В Мерефе имелось 1 000 петлюровцев, броневик с орудием. На пути в Лозовую—эшелон с двумя аэропланами и автомобилями.

На станции Лихачево—кавалерия. В Лозовой—6 эшелонов без орудий и броневик. Противник наступает на Павлоград, занятый красными партизанами. Наша задача—связаться с повстанцами в районе Павлограда, чтобы занять у Синельникова исходное положение для действий к Екатеринославу. Эта задача сама по себе представлялась легко осуществимой. Выполнение ее было возложено на особый отряд т. Павла Дыбенко.

У Люботина положение оказалось серьезным. Наша разведка установила, что здесь сосредоточились главные силы атамана Балбачана (части Слободской и Запорожской дивизий) с многочисленной артиллерией и бронепоездами.

Рассчитывая на то, что мы связаны занятием такого крупного центра, как Харьков, Балбачан 4 января неожиданно повел стремительное наступление от Люботина, в главном направлении к Дергачам, грозя нам в тыл и отрезать нас от Белгорода. Вначале ему удалось потеснить части 2-й дивизии под Харьковом. Тов. Бобырев проявил изрядную растерянность. Некоторый переполох охватил порученцев штаба фронта („попали в пузырек“).

Командующий немедленно распорядился остановить у ст. Дергачи эшелоны 7-го полка, шедшие в Харьков, а 8-му полку, направлявшемуся через Грайворон к Богодухову, ударить во фланг противника[2].

---

[1] Германское главное командование (в Киеве) пыталось всячески помешать тем доброжелательным отношениям, которые устанавливались между нами и германскими солдатами, и затруднить проезд германских частей из Харьковского района через Гомель. 26 декабря оно телеграфирует гомельскому совету германцев: «Никоим образом не допустите договора 20-й, 35-й и 47-й германских дивизий с большевиками. Сегодня отправляется в Гомель поезд с войсками Директории. С их помощью немецкие войска должны очистить город и железную дорогу от большевиков. Дивизиям надлежит очистить город и предотвратить наступление советских войск. Советам солдатских депутатов необходимо принять эти меры в целях защиты единственного пути возвращения на родину» (в обход Польши). Под воздействием этой телеграммы 27 декабря немцы разорвали заключенный с нами договор о сдаче нам Гомеля. В ответ единодушно забастовали железнодорожники гомельского узла. Паровозы были сброшены с рельс, в нескольких местах взорваны мосты. Немцы уступили, но 2 января Гомель был занят нашими войсками. Эвакуация немцев прошла беспрепятственно.

[2] «Нач. Харьковского гарнизона т. Бобыреву, 19 г. 4 января.

Согласно известной Вам телеграмме командующего т. Шмидта, немедленно примите меры к обеспечению правого фланга вашей группы. Тов. Шмидту предпишите—немедленно частям 8-го полка стягиваться к Ольшанам, откуда войдя с нашей группой в связь, ударить во фланг противника. Все части держите в боевой готовности и наблюдайте все подступы к Харькову. О принятых

Мы пытались использовать для подкрепления правого фланга группу т. Шмидта и отряд т. Саблина, который прибыл 4 января из Купянска через Чугуев, где он разбил небольшой заслон петлюровцев. Однако этот отряд оказался крайне переутомленным.

Выделенный в Лозовском направлении отряд Дыбенко 6 января разбил противника (250 сабель, 150 штыков, несколько орудий) у Мерефы, захватив орудия, винтовки и огромные склады. В связи с этим командующий писал П. Дыбенко:

„Войдите в связь с Павлоградом—там наши. В Лозовой вчера было до 2000 петлюровцев без орудий, броневая площадка с пулеметами. На ст. Барвенково 4 января было 400 добровольцев, намеревавшихся итти на Лозовую. Славянск—ничей. Линия Харьков—Змиев—Изюм в руках наших повстанцев. Внимание в сторону Славянска—шлите разведку. В Константиновке наши. Подход больших сил от Славянска невозможен. В Константинограде значительные силы повстанцев. Пошлите туда связь и договоритесь о действиях. В Лозовой наш надсмотрщик телеграфа. Вызовите его. Его пароль 11, Ваш—15. Если скажете 15, он ответит 11, значит свой, и спрашивайте у него, что делается".

Но неожиданно стали поступать настойчивые сообщения о движении значительных петлюровских сил как раз от Константинограда к Мерефе. Командующий фронтом не решился поэтому форсировать продвижения Дыбенко в Екатеринославском направлении (к тому же хотелось предварительно развить наступление к Полтаве—Кременчугу), и для прикрытия Мерефы был выдвинут 6-й полк со взводом артиллерии.

Наша сводка к 21 час. 7 января сообщала об успехах и на участке Беленковича. „После ожесточенного боя,—гласила она,—нами занят город Сумы, причем захвачены 4 орудия, 2000 винтовок и т. д.".

Однако в Полтавском направлении противник еще не был сломлен. К вечеру 6 января он дважды пытался перейти в наступление на участке Максимовка—Мерчик. Нашей контратакой противник был отбит, оставив пленных, 3 эшелона и 2 броневых площадки. Нами были заняты ст. Мерчик, Максимовка и Старый Мерчик. И наши части продолжали теснить неприятеля, который в панике отступал на Борки и Валки, бросая по дороге оружие. Наш бронепоезд обстрелял артиллерийским огнем Борки. В Люботине было взято большое количество вагонов и 42 паровоза. В Мерефе захвачены большие склады интендантского, инженерного и артиллерийского имущества, в том числе 2 восьмидюймовки, 7 легких и 2 горных орудия, 85000 снарядов и большое количество патронов.

К 7 января мы могли вздохнуть свободнее. К этому же времени подоспели серьезные изменения в положении нашей армии.

4 января от главкома в ответ на наши упреки в отсутствии нам поддержки была получена весьма длинная телеграмма (полученная

мерах немедленно донесите. Особенно наблюдайте за Мерефским направлением. Постоянно сноситесь с караулом. Командующий Советской армией Украины Антонов».

почему-то 24 декабря), копии Ленину, Троцкому, Сталину. Вот содержание этой телеграммы:

„В вашем докладе на имя Троцкого, Сталина и мое вы пишете, что Революционный Военный Совет Украинской Советской армии поставлен в исключительно неблагоприятное положение, совершенно несовместимое с теми задачами, разрешения которых властно требует от него общая стратегическая и политическая обстановка на Украине. Так как украинской армии вы еще не сформировали, то никаких стратегических задач ей и не могло быть дано. Стратегические задачи на Украине настолько обширны, что для разрешения их требуется несколько армий, что по силам лишь войскам РСФСР; поэтому тем 3—4 полкам, формирование которых вами еще не закончено, мною никогда и не ставилось стратегических задач, а давались задачи чисто тактического характера. Одной из таких задач являлось действие против железной дороги Бахмач—Гомель, и эта задача вами не выполнена. В пункте первом вы пишете, что район действий Революционного Военного Совета Украинской Советской армии не определен, что разграничительная линия как со стороны южного, так и со стороны западного фронта не установлена. Я вам несколько раз пояснял, что украинского боевого фронта пока нет. В пункте втором вы пишете, что распоряжением от 19 декабря группа Курского направления передана в ведение товарища Кожевникова и что будто за этим не последовало никаких дальнейших указаний ни о частях войск, которые надлежало передать Кожевникову, ни об управлении этой группой, ни о районе ее действий. Ваше заявление не отвечает совершенно действительности, а указывает лишь на то, что вы совершенно не интересуетесь тем, что делает ваш сосед. Товарищу Кожевникову точно указано, какие войска входят в его группу; эти войска уже находятся в его ведении, а прежде входили в вашу группу. Командующим этой группой назначен товарищ Кожевников и при нем имеется Революционный Военный Совет; район действий этой группы самым точным образом указан, кроме того эта группа передана тогда же в состав Южного фронта. Все это своевременно сделано и странно, что вы не поинтересовались установить связь с Кожевниковым. В пункте третьем вы пишете, что никаких директив Совет так называемой украинской армии от главкома не имеет. Это совершенно неправда, и меня крайне удивляет, почему вы пишете такие вещи. Вам ясно указано заняться формированием украинских регулярных частей на основании существующего у вас штата. Это и есть директива для вас и пока этого достаточно, так как никаких регулярных частей у вас не было. Кроме того в Серпухове мною вам было указано, что украинские войска с начала наступления на Дон должны действовать в направлении на Чернигов и севернее Киева, чтобы приковать войска Петлюры к району Днепра. Об этой моей директиве в вашем докладе от 28 декабря ясно говорится в следующих словах: „для черниговской группы директива преподана согласно особой директиве Главкома". Разве это не говорит за то, что мною вам была дана директива? В пункте четвертом вы пишете, что Революционный Военный Совет украинской армии совершенно не посвящен в общие планы главкома относительно Украины. Это заявление еще раз подтверждает, что вы недостаточно серьезно относитесь к тем указаниям, которые я вам даю. В Серпухове я вам изложил

весь план наших действий на юге, в частности против Дона, а равно разъяснил вам наши действия после победы над донским казачеством. Я даже нарисовал и показал на карте всю стратегическую схему будущих моих предположений, никаких тайн по поводу этих действий от вас, как от командующего украинскими войсками, у меня не было. Вы пишете, что Революционный Военный Совет украинской армии не посвящен в мои планы. Если это действительно так, то ваша обязанность была изложить Реввоенсовету то, что мною было передано вам по этому поводу. Далее в том же пункте вы пишете, что будто на запрос об обещанной главкомом для Харьковского направления Курской бригаде последовал ответ от 24 декабря, это эта бригада имеет особое назначение в связи с общим наступлением. Также в Серпухове вам было разъяснено, что Курская бригада имеет отношение к действиям против Дона, и никаких разговоров о действии Курской бригады в Харьковском направлении не могло быть. Далее, в том же пункте, вы пишете буквально следующее:

> „Революционный Военный Совет украинской армии совершенно не знает, может ли он рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны центра". Я считаю, что эта фраза попала в доклад по недоразумению, так как мною вам неоднократно пояснялось, и вы с этим вполне согласились, что наши пути к Украине идут через Дон, значит, когда придет время, то в разрешении украинского вопроса примут участие все необходимые для того силы Красной Советской армии. Кроме того мною было вам конкретно указано о назначении 9-й дивизии, 4-й дивизии, равно и перебрасываемой на юго-западный район 8-й дивизии. Если после этого Революционный Военный Совет украинской армии еще пребывает в недостаточной ясности, то вы, как командующий этой армией, обязаны были разъяснить это членам Революционного Военного Совета, а если это и вам не было достаточно понятно, вы должны были меня еще раз переспросить. В пункте пятом вы пишете следующее: „Нет абсолютно никаких указаний относительно того, откуда должно происходить снабжение украинских войск".

Это заявление ваше составляет совершенно недопустимое явление, так как вам известно, что украинские формирования получают все виды снабжения от южного фронта (телегр. № 356 от 6 декабря). Если все предметы снабжения не доставляются согласно вашим требованиям, то вам известно, что это происходит оттого, что не имеется в наличности тех предметов, которые необходимы для снабжения армии. По мере изготовления снабжение будет производиться на общем основании. В пункте шестом вы пишете: „Наши запросы о вооружении, о броневых поездах, о броневиках и т. д. остаются без всякого ответа". И это ваше заявление не отвечает действительности. Вам должно быть известно, что вооружение выдается по мере его накопления и в распоряжение ваше отпущена с тульского завода тысяча винтовок. Что касается бронового поезда, то он будет назначен для вас, когда будут удовлетворены другие более насущные потребности. Что касается броневиков, то в Московских мастерских для украинской армии изготовляются специальные бронированные платформы. Далее в том же пункте вы пишете:

„Решение Революционного Военного Совета относительно совместного совещания Главкома с Правительством и Революционным Военным Советом Украины, предполагавшегося 21 декабря, не было приведено в исполнение, и единодушный запрос советского украинского правительства относительно этого совещания остается без ответа".

И это ваше заявление не соответствует действительности, так как еще не было случая, чтобы с моей стороны последовал бы отказ на ваше пожелание приехать в Серпухов для личных переговоров, наоборот, мною было неоднократно указано, что в Серпухове согласно постановлению Революционного Военного Совета Республики должен быть постоянно один из членов Реввоенсовета украинской армии для информации и тесной связи по поводу наших действий на юге вообще, но это последнее до сих пор не выполнено. В вашем докладе от 28 декабря вы говорите о подготовке будущих операций в следующих словах: „Наш Реввоенсовет находится в постоянной связи с повстанческими организациями Украины, которые в настоящее время усиленно тяготеют к Екатеринославу и Харькову", и далее: „ввиду этого производится спешное сосредоточение всех наличных сформированных частей, кроме Черниговской группы, в Харьковском направлении и подготовляется удар на Харьков". И далее в том же вашем докладе от 28 декабря, доставленном мне 30 декабря, вы доносите мне как факт, что, ввиду провокационного поведения немцев и белогвардейцев и в намерении отвлечь внимание красновцев от приготовлявшегося удара на Миллерово, вами предпринято наступление к Белгороду, который взят 20 декабря, и что оттуда передовые части продвинулись на 30—40 *км* к Харькову, и что в боях под Белгородом вы потеряли 12 убитых и 11 раненых, и что потери германцев и белогвардейцев несравненно выше. Ваше наступление, предпринятое вами совершенно без моего ведома, есть не более и не менее, как акт самочинных действий, и вашими действиями вы теперь именно привлекаете внимание красновцев в направлении на Миллерово, что нам может принести только вред, ввиду того, что ваши действия слишком преждевременны. На совещании с представителями Рабоче-крестьянского правительства Украины 29 декабря в Серпухове выяснилось, что вами принято решение движения на Харьков и далее в район Екатеринослава, а между тем 30 вы запрашиваете меня о том, что делать вам дальше после занятия Белгорода. Подобный образ действий ваш я не могу назвать иначе, как непродуманным. Если же вы решились самостоятельно открыть военные действия против Украины в направлении Белгород—Харьков—Екатеринослав, то вам надлежало раньше, чем дать приказ о наступлении на Белгород, подумать о том что вы будете делать и как действовать после занятия Белгорода. Кроме того на том же совещании 29 декабря в Серпухове выяснилось, что в Черниговском направлении вы не будете в состоянии выполнить полученную от меня директиву, ввиду того, что все формирования вами сосредоточены в Харьковском направлении. Ввиду вашего запроса о том, что делать дальше, приказываю вам выполнить нижеследующее: 1) Во что бы то ни стало удержать Белгород, 2) сосредоточить войска для выполнения моей директивы относительно действий украинских формирований в Черниговском направлении, 3) держать связь с Кожевниковым. Прошу на будущее время принять к сведению, что

[1] Записки о гражданской войне, т. III.

за все оперативные действия вы отвечаете, как командующий, а поэтому все донесения по поводу предпринимаемых операций вам надлежит делать мне от своего имени, а не от имени Революционного Военного Совета украинской армии или Украины, как вы иногда пишете. № 771/оп Главком Вацетис, член Революционного Военного Совета Республики Аралов. Верно: Генерального Штаба Данилов".

Эта телеграмма не вполне правильно характеризовала существующее положение. Тем не менее не это заслуживает в ней внимания.

Особого внимания заслуживает следующее место телеграммы главкома: „Стратегические задачи на Украине,—писал он,—настолько обширны, что для разрешения их требуется несколько армий, что по силам лишь войскам РСФСР, поэтому тем 3-4 полкам, формирование которых Вами еще не закончено, мною никогда и не ставилось стратегических задач, а давались лишь задачи чисто тактического характера". Таким образом главком полностью признается в неисполнении предписания правительства о наступлении на Украину к двадцатым числам ноября. Характерно также то пренебрежение, с которым главком относился к нашим украинским формированиям. Мы подчеркиваем это, ибо через короткое время от наших украинских частей главком требовал не только разрешения стратегических задач на Украине, но и спасения положения на Южном фронте.

Из приведенной телеграммы так же ясно, что главком намерен был предпринять серьезные действия „против Украины" только по окончании „Донской операции". Он был даже против занятия нами Белгорода и допускал закрепления петлюровцев в районе, очищаемом германцами. Единственной реальной, по его понятию, силой в нашем районе являлась так называемая Курская бригада, которая однако предназначалась главкомом „для Дона".

На пространное послание главкома командукр отвечал 5 января:

„Ваша телеграмма № 3 получена мною в Харькове 4 января. Мною послано вам одиннадцать докладов, каждый день посылаются оперативные сводки и очень часто разведывательные сводки, из которых должно быть ясно:

1. Слабость петлюровских войск, находящихся в процессе первичной организации.

2. Быстрый рост повстанческих сил на Украине.

3. Успешность формирования советских украинских полков—15 полков, из которых некоторые доведены до штатного состава и абсолютно все в смысле боеспособности стоят гораздо выше как петлюровских частей, так и почти всех известных мне рот Чрезполков, Продполков, Рабочих полков, входящих в состав наших действующих армий.

Продолжают утверждать, что после предписания Вашего о передаче командования группой Курского направления Кожевникову никаких общего характера директив украинской армии вами преподано не было и что о подлинном предназначении бригады 9-й дивизии я узнал только из данной вашей телеграммы.

Категорически заявляю, что переданное вам кем-то сведение об уводе

мною частей с Черниговского направления неправильно и что директива ваша: захват линии Бахмач—Гомель, указанная вверенной мне 1-й украинской дивизии, точно выполнена. Значительная часть дороги Бахмач—Гомель занята 1-й украинской дивизией. Связь с Кожевниковым, поскольку возможно поддерживается, но, ввиду крайней ее затруднительности, прошу распорядиться своевременным информированием меня о преподанных ему директивах.

Докладываю, что по занятии Харькова частями 2-й Украинской советской дивизии предприняты меры к преследованию отступающих к Полтаве и к Лозовой петлюровцев и к движению на Полтаву и Екатеринослав, на соединение с повстанцами, подготовившими восстание в Полтавщине и уже овладевшими Екатеринославом, Павлоградом и Синельниковым. Немцы в Харькове готовы передать нам значительную часть оружия и уже передали небольшое количество имевшихся у них русских винтовок и пулеметов. Мы в обмен обещали им содействие к проезду в Германию, они помогают нести караульную службу в городе. Сегодня днем нами разоружен полуторатысячный отряд анархиста Чередняка, причем забрано у него два орудия. Ощущается крайний недостаток во всякого рода снабжении, без чего закрепить и развить достигнутый успех представится невозможным. Движение в Донецкий бассейн начнется тотчас же, как только соответствующие операции будут предприняты т. Кожевниковым. Еще раз докладывая, что не только принцип объединения командования войск, связанных единством задачи, но и самое существо операции против Дона, властно требует слияния группы Кожевникова с так называемой Украинской Советской армией, испрашиваю зависящих распоряжений".

Зато полемика с главкомом неожиданно разрешилась тем, что в тот же день 5 января была получена телеграмма из РСФСР об организации Реввоенсовета украинского фронта в составе: командующего Антонова, членов РВС по назначению Украинского правительства при начштабе Глаголеве. Реввоенсовету передавался весь штаб резервной армии.

Предписывалось: „В ближайшее время положить начало Украинской регулярной армии, сведя различные повстанческие отряды в одну стрелковую и одну кавалерийскую дивизию".

Эта директива была уточнена главкомом телеграммой 6 января, по которой:

1. Разграничительной линией между Украинским и Южным фронтами назначались: Елец—Ст. Оскол—Купянск, все пункты включительно для Украинского фронта, между Украинским фронтом и Западной армией: река Сож и линия Гомель—Овруч, все пункты включительно для Украинского фронта.

2. В состав фронта входили: а) все наличные украинские отряды, которые, как уже было указано, сводились в одну стрелковую и одну кавалерийскую дивизии согласно существующим штатам; б) одна бригада 9-й стрелковой дивизии; в) части пограничной охраны в пределах фронта.

3. Ближайшей целью Украинский фронт получал: продвижение до левого берега реки Днепра с захватом главнейших пунктов и переправ (Екатеринослав, Кре-

менчуг, Черкассы, Канев, Киев). Для выполнения указанных задач предлагалось использовать наличные украинские отряды, части пограничной охраны, новые формирования и бригады 9-й дивизии.

4. Штаб фронта—Орел.

5. Штабу фронта организовать связь влево с отрядом Кожевникова вправо с 8-й стрелковой дивизией.

6. На всей территории Украины должны быть широко использованы действия партизанских отрядов и политическая работа.

7. При разведке обратить особое внимание на Черноморское побережье (Одесса, Николаев, Херсон, Севастополь, Бердянск), а также на район Каменец-Подольск—Жмеринка.

8. Штабу фронта немедленно приступить к организации тыла, согласно особым указаниям, данным Полевым штабом.

9. Штабу фронта разработать проект укрепления важнейших пунктов Курска, Брянска, Орла и представить его в кратчайший срок главкому.

Эта директива не содержала ни слова о наших задачах в отношении Донбасса. Эти задачи целиком возлагались на Южный фронт.

Одновременно с приведенной директивой ЦК партии получил также следующую телеграмму (расшифровалась она неполностью): „Ввиду того, что восьмая армия начала успешное продвижение, необходимо, чтобы... повстанческое движение... отдельных отрядов энергично помогало нам в районе Донецкого бассейна, на линии железной дороги Миллерово—Новочеркасск и захватило отдельные части этой дороги, не давая возможности подвозить с юга резервов. Особенно важно захватить станцию... Лихая и действовать от этой станции и в сторону Царицына".

Реввоенсовет Украинского фронта не мог не считаться с этой директивой и не попытаться ей содействовать. Однако тут произошло прискорбное столкновение с руководящими партийными товарищами. Без ведома Реввоенсовета, украинский ЦК направил в Донбасс группу товарищей для действия в тылу Добровольческой армии, причем им были даны конкретные указания относительно взрыва мостов и порчи путей. Командующий резко протестовал (13/I) против таких несогласованных действий. „Этот случай,—указывал он,—не единичен. Несмотря на состоявшееся еще 21 ноября постановление Укр. ЦК и правительства о том, чтобы все вооруженные силы, действующие на Украине, вошли в оперативное подчинение Реввоенсовету Украинского фронта, повстанческие отряды усиленно удерживались и удерживаются в обособленном от Реввоенсовета положении. Секретариат ЦК не считает своим долгом содействовать связыванию этих отрядов с нашим командованием. И неоднократно повстанческим отрядам даются членами ЦК директивы, о которых никакого понятия не имеет командование украинскими войсками".

Командующий требовал передачи всех связей с повстанцами одному из членов Реввоенсовета, через которого и должны направляться директивы командования. Кроме того он просил „подтвердить пов-

семестно, что в районе действий украинских советских войск все повстанческие отряды прекращают свое существование и вливаются в регулярные советские украинские полки. Равным образом прикрываются всякие оперативные штабы".

Такое положение подкрепляло наши указания главкому о необходимости подчинить нам части отряда Кожевникова, возложив на нас и задачу активных операций в Донбассе. Очевидно Южный фронт главные надежды возлагал на центральный удар, а не на фланговый охват. Этим он предоставил противнику возможность окрепнуть в Донбассе.

Мы сознавали неправильность такой стратегии. И хотя мы не получили никаких директив от главкома в отношении Южного фронта кроме указания держать связь с Кожевниковым, мы на свой страх немедленно по занятии Харькова предприняли активные операции к Бахмуту (об этом сказано ниже), и вообще неоднократно, не дожидаясь указаний РВСР, оказывали активную поддержку Южному фронту, не переставая добиваться от РВСР активных поручений для себя в этом районе.

Однако все это отнюдь не помешало впоследствии главкому сваливать на нас ответственность за неудачи Красной армии на Южном фронте.

Отсутствие заданий не лишило нас чувства ответственности за положение в Донбассе. Тотчас же по прибытии в Харьков командование, помня о необходимости поддержать действия Южного фронта, предприняло шаги к закреплению связи с революционными повстанцами Донбасса.

По данным повстанческих ревкомов (к 7 января) Донбасс был очищен петлюровцами. 2 и 3 января петлюровцы в 17 эшелонах проехали через Изюм на Харьков. Ввиду занятия нами Харькова 4 их эшелона добрались только до Балаклеи—Змиева, завалили здесь пути и на 300 подводах направились к Полтаве.

Вслед за петлюровцами в Изюм вступили добровольцы, но почти тотчас же на подводах двинулись к Барвенково и Краматоровской. К 5 января в Барвенково находилось 300 добровольцев. Славянск оставался без власти. 4 января в 5 час. утра в Бахмут вступили добровольцы (около 100 чел.), объявив мобилизацию за 11 лет. Приказы подписывались „начальником отряда Добровольческой армии" ген.-майором Май-Маевским.

В Юзово с конца января находилось 1 000 добровольцев, в Дебальцеве с конца декабря—до 600 добровольцев, в Луганске к 25 декабря—полк с артиллерией, в Никитовке—с 28 декабря до 400 добровольцев с батареей.

Ст. Попасная, занятая 4 января отрядом добровольцев (35 чел.), 6 января была отбита повстанцами (отряд Клеменко). Ст. Яма, Лиман, Родаково, Камышеваха—в руках рабочих. В Яме—штаб повстанцев (т. Чаплин, до 600 чел.). 4 января на Никитовку, Константиновку—Дружковку проехал отряд (80—100 сабель, броневик) добро-

вольцев, в январе этот отряд расположился в Барвенково. В 12 верстах около Краматоровской произошел бой добровольцев с Махно.

7 января мы писали в Изюм командующему повстанческими отрядами т. Чаплину:

„Привет из Красного Харькова. Бои вблизи Харькова еще идут. Только что неприятель разбит у ст. Мерефа, захвачены орудия и винтовки. Бой у Люботина продолжается, мы одерживаем верх.., Павлоград—Синельниково в руках повстанцев. Просим организовать разведку на путях в Донбасс из Дона и Кубани. Данные разведки нам сообщите. Оружие сколько можем дадим. Организуйтесь по-регулярному—рота, три роты—батальон".

9 января т. Чаплину было передано следующее распоряжение: „Сведите все отряды в батальон трехротного состава под названием III батальон 11-го советского Украинского полка. Комполка т. Саблин, заместитель Спиваков. Штаб полка—Змиев".

10 января нами направлен на Змиев батальон т. Михайловского, долженствующий стать I батальоном 11-го полка.

При нашей поддержке ожили красные повстанцы Донбасса. Уже к 8 января к югу от Славянска ими взяты Дружковка, Краматоровская и Ступки.

Однако поступившие дополнительные сведения заставили насторожиться в отношении Изюмовского Ревкома и тт. Ступакова, Саблина. Командующий фронтом писал (13 января) т. Ауссему, назначенному командующим Харьковской группой:

„Из последних сообщений тт. изюмцев усматривается: 1) В Изюме ревком оборонческий—надо его помочь разогнать и забрать 40 000 денег, переданных нами в полк; 2) скорее послать в Изюм Текеджанца с его штабом; 3) Спивакова в звании командира не утверждать, Саблина держать при себе, командирами назначить по указанию Текеджанца [1]; 4) скорее (как только дам вам знать, что едет к вам полк от 9-й дивизии) батальон Михайловского переведите в Изюм; 5) позаботиться о формировании в Изюме 6-го кав. полка.

Это в первую очередь;

6) Добейтесь, чтобы все штабы в районе действия наших войск прекратили свое существование.

P. S. В Изюме надо дать для батальона т. Чаплина (III батальона) патронов, пулеметных лент и машинку для набивки лент и запасных частей к винтовкам. Надо организовать санитарную летучку в этом направлении".

К 18 января первоначальные цели, поставленные нами в Бахмутском направлении, были достигнуты: совместно с частями Кожевникова были заняты Бахмут и железнодорожный узел Попасная; захвачено несколько орудий, много пулеметов, бронепоезд и т. д.

---

[1] Тов. Текеджанц прибыл к нам из Воронежа с несколькими военными специалистами, имея лестные аттестации. Нашим отделом формирований после ознакомления с его подготовкой он был намечен на должность комбрига. Его бригада должна была состоять из 11-го почти сформированного полка, 12-го, для которого имелся кадр из различных интернационалистических отрядов, и 6-го кавалерийского полка, для которого также имелся некоторый кадр.

В Екатеринославском направлении, как уже отмечено, группа Дыбенко, разбив противника у Мерефы, развила быстрое наступление к Лозовой—Павлограду. Однако неожиданно пришли сведения, что противник накапливает значительные силы от Константинограда к Мерефе. Эти сведения подтвердились политразведкой. (8 января т. Эпштейн сообщал, что в этом направлении действуют не только гайдамацкие, но и галицийские, т. е. наиболее стойкие, петлюровские части). Нашей разведке было предписано проверить эти сведения, и тотчас же были приняты меры охраны—дано упомянутое выше предписание 6-му полку со взводом артиллерии занять ст. Мерефу и наблюдать дорогу на Константиноград (6-й полк был затем заменен 5-м полком пограничной охраны с предписанием занять Староверовку и разведать направление на Константиноград. 6-й полк передавался в распоряжение П. Дыбенко, штаб которого находился на ст. Лихачево, близ Лозовой.

Конечно командованию не следовало принимать столь значительных мер для предотвращения явно проблематичной опасности.

Более точно наши задачи для Харьковской группы указывались в приказе т. Ауссему от 13 января при назначении его командующим Харьковской группой.

„Разграничительные линии с участком Беленковича, подчиненным нашему фронту: Готня—Баромля—Гадяч (для вас исключительно); с группой Кожевникова, подчиненной 8-й армии (Южный фронт), Купянск—Лиман (для вас включительно). Беленкович занял Басы, Сумы, Белополье и занимает Ворожбу. Кожевников ведет наступление к магистрали Владикавказской железной дороги, занял Старобельск—Лисичанск. Ваши ближайшие задачи—овладеть Полтавой, ст. Лозовая и поддержка фланга группы Кожевникова диверсией к ст. Лихая (по возможности). В ваше ведение переходят 5, 6, 7, 8 пехотные полки 2 дивизии, все ее конные и артиллер. части, 15 район погрохраны, 11 Сов. Укр. полк, все интернац. части в Харькове и все части нового формирования.

При продвижении к Лозовой надлежит обеспечить направление Константиноград—Мерефа, в каковом возможно наступление значительных неприят. сил. При движении к Полтаве важно наблюдать за левым флангом и обеспечить направление от Ахтырки—Лебедина к Богодухову—Люботину. Важна разведка—к Опошне—Гадячу.

Относительно формирования частей особые указания будут даны Военным Отделом Укр. правительства. Вам надлежит не допускать расстройства частей дивизии простым включением к ней повстанческ. отрядов, эти отряды надлежит инспектировать и вливать после этого в наличные части. Никаких самостоятельных отдельных штабов и отрядов не допускать (обратите особенное внимание на Донецкий бассейн, где десятки отдельных штабов дезорганизуют дело). Добейтесь от политич. партий, чтоб никаких военных заданий не давалось повстанцам помимо вашего ведения.

Обратите особенное внимание на санитарное состояние в армии и на ее снабжение.

Бронированный поезд, действующий в направлении к Лозовой, по занятия ст. Лозовой направьте в распоряжение т. Кожевникова.

Донесения дважды в штаб фронта г. Орел".

В 23 часа 11 января начальнику штаба фронта Глаголеву было предписано: „Необходимо в самом срочном порядке совершить условленную переброску".

(Речь шла очевидно о переброске одного полка 9-й дивизии в Харьков и 2 полков в Белгород.)

Еще 1 января мною переданы Артему проекты положения о Реввоенсовете и Военном отделе, а также записка о ближайших заданиях для Военного отдела. Около 10 января взаимоотношения командования с Военным отделом определились в следующем виде:

Военный отдел обязан снабжать и укомплектовывать людьми и лошадьми армии фронта, доставляя предметы снабжения в указанные командованием фронта пункты; в отношении формирования частей Военный отдел входит в соглашение с РВС фронта. Командование сформированными частями принадлежит исключительно командующему фронтом, которому подчиняются все части, находящиеся в фронтовой полосе; в нефронтовой полосе части подчиняются начальнику гарнизона. Караульные части формируются округом без участия фронта.

По отношению к Военному отделу нами были тогда же высказаны в качестве ближайших заданий следующие пожелания:

1. Желательно введение представителя от Реввоенсовета в Харьковский губвоенком (по вопросам формирования, комендатуры и пр.).

2. Фабзавкомы производят учет от 19 до 40 лет в три дня и в следующие три дня представляют все сведения в районные комендатуры губвоенкома.

3. Мобилизация унтерофицеров, родившихся в 1891—1898 гг. включительно, и организация 6-недельных командных курсов.

4. Допускать к службе местных офицеров без поручительства нельзя (в Белгороде концентрационный лагерь).

Однако Военный отдел показал чрезвычайно малую склонность к положительной работе. Если что-либо и было сделано для формирования регулярных частей на Украине, то прежде всего усилиями самого фронта, а затем энергией отдельных губернских военных комиссаров, как было например в Харькове и Полтаве (т. Зусманович).

Большая работа была развернута лишь по приезде направленной начальником Высшей военной инспекции т. Подвойским группы военработников во главе с т. Ягода. Тов. Подвойский в письме от 1 января дает им всем (Юдовскому, Иоффе, Семенову, Николаеву, Куликову, Мазуркевичу) весьма лестные аттестации. Подвойский рекомендовал утвердить эту группу, как „Высшую военную инспекцию при Украинском правительстве" (Ягода был прислан временно).

Отправленные на Украину еще 1 января, они прибыли в Харьков уже по взятии его нами и поступили в распоряжение Военного отдела Украинского правительства.

В составе Украинского правительства вскоре произошли изменения: его председателем был избран Х. Раковский.

Эти изменения прошли вне внимания командукра—он работал на фронте, подготовляя взятие Киева. К тому же времени подоспели сведения и о широко подготовленной союзниками интервенции на Украине.

Почти тотчас же по занятии нами Харькова начоперод сообщил, что к нему явился бывший его сослуживец С. с предложением своих услуг в качестве военного разведчика. По словам этого С. он находился некоторое время в Добровольческой армии, но по контузии освобожден от фронтовой работы и состоит в деникинской контрразведке. Просит дать ему правдоподобные, не вредные нам сведения о наших частях и намерениях и взамен этого передал и обещал передавать в будущем сведения, за достоверность которых ручается.

Скачков горячо рекомендовал подполковника С., которого знал как активного социалиста-революционера, но „вполне добросовестного человека".

Вот основная часть сообщений С. (от 9 января).

10 декабря в Екатеринодар приехал представитель союзников ген. Пуль с штабом в составе 26 человек. Штаб подобран из молодых офицеров и по внешнему виду может составить ядро штаба фронта. На банкете, данном в честь союзников Кубанской радой, ген. Пуль произнес программную речь. Он объявил, что союзники прибудут в Россию для борьбы с большевиками и восстановления „Единой России". Вождем „Единой России" он назвал ген. Деникина. Кубанскую раду приветствовал очень холодно и вскользь.

К 21 декабря был выработан план совместного наступления союзников, добровольцев и красновцев на большевиков. По этому плану предполагалось к марту месяцу перебросить всех добровольцев в северные порты Черного и Азовского морей, высадить там же союзнический десант в количестве около 100 000 чел. и начать наступление по трем направлениям на центральный район.

Первое направление с главной базой в Одессе, Херсоне и Николаеве,—через Вознесенск—Киев—Калугу на Москву.

Второе—с главной базой в Севастополе по южной дороге на Харьков—Курск—Москву.

Третье—с главной базой в Мариуполе на Купянск—Воронеж—Рязань—Москву.

Левый фланг должен прикрываться группой румынских и французских войск, продвигающихся на север от Яссы—Кишинев. Правый фланг обеспечивают донцы, которые, заняв Царицын, продвигаются на Балашов—Пензу.

С Северокавказской большевистской армией покончат кубанцы собственными силами, оттеснив ее по двум направлениям—в море и в Астраханские степи.

В авангарде по каждому из трех направлений пойдет по одной добровольческой дивизии.

Первая дивизия под начальством ген. Казановича высадится в

Одессе. Она состоит из пехотного сводного гвардейского полка (4 батальона), формируемого в Екатеринодаре, и офицерского ген. Маркова полка (4 батальона). При дивизии артиллерийская бригада из трех батарей 4-орудийного состава. Остальные 2 полка дивизии пока не определились.

Вторая дивизия из Крыма под начальством ген. Боровского в составе Корниловского полка (4-батальонного состава, скомплектованного преимущественно из офицеров и пополняемого в Екатеринодаре) и Гренадерского полка, находящегося в стадии формирования. При ней артиллерийская бригада из трех батарей 4-орудийного состава.

Третья дивизия из Ростова под командой ген. Дроздовского в составе—2-го стрелкового офицерского полка 3-батальонного состава, Амурского полка, состоящего из пленных красноармейцев (3-батальонного) и артиллерийской бригады из трех батарей по 4 орудия.

Кавалерия добровольцев—2-й конный офицерский полк.

Резерв—4-я дивизия, состоящая пока из одного Ставропольского офицерского полка (в стадии формирования), и одна артиллерийская бригада (3 батареи по 4 орудия, две 42-лин. гаубицы и одно 6-дм. орудие).

К марту дивизии предполагается довести до полного состава (около 24 000 штыков в каждой), а при наступлении развернуть в корпуса. Пополнением должны были явиться добровольцы Кубанской армии, составлявшие 20% ее состава, офицеры, прибывающие за последнее время в большом количестве с Украины, а также офицеры, юнкера и вольноопределяющиеся, мобилизуемые в занимаемых во время продвижения местностях. Краснов обещал выделить в помощь Добровольческой армии одну пятую наличного состава своей армии и всех перелетевших к нему авиаторов с их аппаратами. Кадром инженерных частей должны были послужить три инженерных кубанских добровольческих роты.

Для осуществления этого плана прибывшими из Кубани добровольцами (800 чел.) и отрядом зуавов (1 000 штыков) занята Одесса [1].

В Крым и Мелитополь прибыли до 2 тысяч добровольцев, выставивших заслон в Мелитополе в 800 штыков и произведших мобилизацию офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся. Все города Крыма заняты отрядами добровольцев, которые, взяв власть в свои руки, не вмешиваются в местные гражданские дела. В Севастополь прибыл десант английской пехоты, охраняющий совместно с добровольцами город.

По третьему направлению добровольцы спешат прочно занять большевистски настроенный Донецкий бассейн, для чего сменяют [2]

---

[1] Неправильно. В Одессе были местные добровольческие формирования, начавшие организовываться там еще в период господства немцев (см. Деникин «Очерки русской смуты», т. V). — *Ред.*

[2] Выражение «сменяют» не совсем правильно. С уходом немцев донская казачья армия оказалась не в состоянии обеспечить себя с запада (со стороны Украины). Добровольческие части в Донбасс прибыли по просьбе ген. Краснова и в основном попадали в районы, не занятые его частями. — *Ред.*

своими отрядами квартировавших там казаков. Ими занята Юзовка (отрядом в 1000 чел.), Еленовка, Волноваха и Мариуполь (отрядом в 2000 чел.) и ряд других узловых станций. В настоящее время они движутся незначительными отрядами на Бахмут.

Подробные сведения были даны и о положении на Кубани.

На Кубани предполагается демобилизация старших годов и сформирование из оставшихся молодых казаков двух дивизий. Первая дивизия имеет фронт на восток и займется очисткой Терской области, вторая—фронтом на северо-восток—займется оттеснением большевиков в Астраханские степи.

Предполагается, что донцы, взяв Царицын и Камышин, соединятся с восточной армией.

При составлении плана операций предполагалось наличие существовавших в то время дружественных и совместно работающих против большевиков гетманских войск. Тем не менее ввиду изменившихся условий план операций союзников не отбрасывался, но только усложнялся. Вместо 100 000 европейцев, предполагавшихся к отправке в экспедицию, должны быть присланы 10 000 или более сенегальцев, тюркосов и прочих колониальных войск для поддержки наступления на Советскую Россию [1].

Ген. Деникин в „Очерках русской смуты", т. IV, свидетельствует с чрезвычайной убедительностью, насколько реальными представлялись руководителям белого движения планы интервенции союзников. Уже на совещании в Яссах (в ноябре 1918 г.) интервенция была предопределена. Ген. Щербачев, выполняя поручение Деникина, вступил в сношения с ген. Бертелло (в Бухаресте)—„главнокомандующим союзными силами в Румынии, Трансильвании и на юге России" и заручился обещанием направить „для оккупации Юга России" 12 французских и греческих дивизий, причем союзники обещали быстро занять Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейном. Сообщая в середине ноября об этом решении союзников Деникину, Щербачев прибавлял, что считает их исключающими необходимость его поездки в Париж. Деникин же рассказывает о приезде ген. Пуля (IV том, стр. 36—40) и свидетельствует о том, что его штабом был разработан план „совместной с союзниками кампании" против большевиков. Согласно этому плану для интервенции испрашивалось от союзников 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий.

7 декабря Деникин телеграфно просил французское командование о немедленной присылке в район Харькова и Екатеринослава „хоть бы двух дивизий". В ответ ему сообщили, что одна дивизия высаживается в Одессе.

---

[1] Часть этих сообщений представлялась на первый же взгляд сомнительной благодаря их слишком большой точности (откуда мог хотя бы и бывший штаб-офицер одиночка-разведчик знать такие подробности) и явному преуменьшению сил Добровольческой и Кубанской армий и степени их оформленности.

Для ближайшего к ним района—Донбасса сведения С.[1] были более подробны, но не вполне совпадали с данными нашей агентурной разведки, по сообщениям которой в 20 числах декабря на Воронежский фронт направлены из Ростова 6-й и 8-й казачьи полки; в самом Ростове находятся в конечной стадии формирования 76-й, 77-й, 78-й и 79-й донские казачьи полки и четыре пластунских полка; мобилизация продолжается, артиллерии незаметно; в Таганроге находятся гвардейский казачий атаманский полк и около 1 000 обучающихся новобранцев.

По данным повстанческих ревкомов (к 7 января) в Донецкий бассейн вышли из Ростова к 28 декабря части 3-й дивизии полковника Дроздовского, прибывшие из Кубани (за болезнью Дроздовского дивизией командовал Май-Маевский).

Состав дивизии: конвой (сотник князь Муратов, правый глаз завязан)—до 200 текинцев, инженерная рота—40 человек, 2-й офицерский полк—600 человек, 2-й конный офицерский полк—400 человек (из них 200 хороших кавалеристов), Суворовский полк—1 000 штыков и 3 бронепоезда („Вперед за родину", „Доброволец" и невыясненного названия) без орудий, одна 4-орудийная легкая батарея и три 6-дюймовки.

Штаб, конвой, один из поездов и часть Суворовского полка направились в Мариуполь. Другие части дивизии продвинулись передовыми частями до Никитовки и Константиновки (80—100 чел.).

Разведчик С. внес поправки в эти сведения, указав, что Донецкий бассейн занят 3-й пехотной дивизией Добровольческой армии; дивизия эта выдвинулась из Ростова[2] со штабом в Юзовке. В ее составе: 3-й офицерский пехотный полк, 2 легких батареи, одна гаубичная, 3-4 бронепоезда с 2 орудиями на каждом и небольшой отряд кубанских казаков. Задача этой дивизии—оборонять Донбасс от Махно и большевиков. Штаб 3-го офицерского полка—в Горловке. В Бахмуте—рота этого полка, бронепоезд с одним орудием, одно орудие—на позиции. Диспозиция полка известна нам была в точности через того же разведчика С.

То, что сведения С. противоречили данным нашей особо доверенной разведки (в отношении сил Добровольческой армии и в частности сил 3-й дивизии, занявшей Донбасс), заставило командующего украинской армии насторожиться. Особому отделу в секретном порядке (вне ведома штаба) было предписано установить тайное наблюдение за С. и его родственниками в Харькове. С тем чтобы попытаться использовать нового разведчика, С. были переданы некоторые „не подлежащие оглашению" документы и т. п. и даны указания о желательных для нас сведениях.

К этому времени вопрос о непосредственной интервенции союзников мы не могли считать окончательно отвергнутым.

---

[1] Интервенция была предопределена уже в декабре 1917 г. Между Англией и Францией были разграничены зоны на юге России, где должны были действовать их войска. — *Ред.*

[2] Была переброшена в Донбасс из-под Ставрополя.— *Ред.*

Печать английских и французских империалистов продолжала вопить о необходимости уничтожить „большевистскую гидру".

Во Франции и в Англии шла серьезная борьба вокруг вопроса об интервенции.

У нас получилось впечатление, что союзники переносят центр борьбы с нами на снабжение белых контрреволюционных сил, чтобы доставить им техническое превосходство над Красной армией. Вместе с тем приходили сведения о попытках интервенировать „чужими руками": разжигались аппетиты поляков, сербов, греков, румын и даже германцев. Мы узнавали также о предстоящей высадке в портах Черного моря нескольких греческих дивизий кроме польских и сербских легионов, о скоплении румын в направлении к Бендерам и т. д.

В воззвании нового германского правительства к народу (15 января) проскальзывают нотки лакейской угодливости в отношении Антанты (это шло рядом с ликвидацией спартаковцев). Разделение земель между национальностями на Востоке может быть только делом мирной конференции. Против аннексионистских вожделений поляков наша страна нуждается в защите, в которой народ ей не откажет. Не менее настоятельную задачу составляет защита наших границ против новой русской военной деспотии, которая хочет навязать нам с помощью вооруженной силы свои собственные анархические порядки и зажечь новую мировую войну, ареной которой должна стать наша родина. Большевизм—это смерть мира, свободы и социализма".

Наша печать разъяснила („Правда" 11 января):

„Спартаковцам удалось проникнуть в тайны переговоров шейдемановского правительства с союзниками (заседание немецкого командования по перемирию в Спа). Оказывается Фош две недели уговаривал и требовал, чтобы немецкое социалправительство двинуло свои войска против России... Союзники учитывают, что без помощи своих прежних врагов, вроде Румынии. Австрии и Германии, им будет чрезвычайно трудно вести сколько-нибудь успешную борьбу с советской властью. Они хотят разгромить большевиков чужими руками... Хотя соглашения о совместных военных выступлениях еще не было достигнуто, но берлинское правительство уже само приступило к военным действиям против России. В Берлине начала создаваться особая „железная дивизия" для борьбы с большевизмом, а представитель германской власти в Прибалтике (Винниг) стал организовывать добровольные боевые дружины[1] для борьбы против советских войск. Шейдемановцы, припертые к стене спартаковцами, публично сознались в своих замыслах против Советской России и в своей жалкой угодливости союзникам".

Одновременно с этим в Польше, где Пилсудский оживлял старую мечту оголтелых шляхтичей—„от моря до моря", была объявлена всеобщая мобилизация.

---

[1]-Речь идет о германском добровольческом корпусе ген. фон-дер-Гольца, возникшего не без содействия Антанты и принявшего участие в борьбе против нас совместно с белолатышской армией.—*Ред.*

Между тем украинская Директория затеяла настойчивые переговоры с союзниками, вымаливая их помощь против „большевиков“. Кое-что об этих демаршах просачивалось и в печать.

„В Париже,—говорилось в „Правде“ 15/I,—организовалась украинская национальная Рада для ознакомления держав согласия по украинскому вопросу. Она обратилась к французскому правительству с просьбой признать Директорию и об оказании украинскому правительству существенной помощи в борьбе с большевиками, об отсрочке массовой высылки российских и украинских пленных в Германию и Австро-Венгрию и о немедленной командировке на Украину легиона, сформированного из украинцев и находящегося сейчас во Франции на работах“.

Велеречивые обращения Директории к „трудящимся“ Украины ни в малейшей степени не обманывали нас, так как мы знали, что эти господа, украинские мелкобуржуазные националисты, великолепно смогут договориться с крупными хищниками Антанты, хотя бы за счет видимой независимости Украины.

Поэтому, направляя в РВСР полученные от С. сведения, мы настаивали на серьезной поддержке начатого нами наступления.

Главком как будто бы внял этим призывам. В Орле в штабе украинского фронта, куда командующий выехал к середине января, начальник штаба Глаголев, только что вернувшийся из Ставки, сообщил, что главком ожидает от наших войск, подкрепленных бригадой 9-й резервной дивизии, создания линии прикрытия для развертывания на левобережьи по максимальному варианту—восьми, по минимальному—четырех регулярных дивизий Красной армии (насколько помню 3-й, 4-й, 9-й и 2-й кавалерийской).

Мы решили ходатайствовать, чтобы немедленно перевести кадры 2-й кавалерийской дивизии в район Чугуев—Змиев—Балаклея для спешного доформирования (это предложение, вызванное опять-таки заботой о Донбассе, было выполнено лишь к маю). Мы ходатайствовали также о немедленной переброске дивизий, предназначенных для развертывания на левобережьи (по минимальному варианту) с тем, что эти дивизии доформировывались усилиями местных военкоматов. Но мы не всюду встретили сочувственный отклик. Напротив, выяснилось, что в части ответственных украинских работников живут серьезнейшие сомнения в целесообразности „оккупации великорусскими частями“ Украины.

Кроме того нам казалось, что переговоры между представителями киевской Директории и правительством РСФСР, начавшиеся в Москве, могут создать обстановку, способную окончательно сорвать план главкома. Между тем именно в это время в политике союзников в отношении „России“ произошел поворот, который особенно настойчиво, по нашему мнению, требовал форсировать наступление. 23 января радио из Лиона сообщало:

„Союзники приглашают все организованные группы, существующие фактически или стремящиеся к осуществлению политического господства вое-

ного контроля, где бы эти группы ни находились—будь то в Сибири или в пределах Европейской России, какою она была в период, предшествовавший закончившейся теперь войне, за исключением Финляндии и Польши — прислать своих представителей, по 3 от каждой группы, для предварительных переговоров на Принцевы острова в Мраморное море, где они будут приняты представителями союзных держав. Союзники предусматривают однако, что тем временем между всеми приглашенными группами будет заключено перемирие и что в этот промежуток времени будут отозваны все военные силы, направленные против народов тех территорий, которые находятся вне границы Европейской России, какими они были до начала войны, а также против Финляндии или тех народов или территорий, автономия которых предусматривается в 14 пунктах, легших в основу нынешних мирных переговоров, и что всякие наступления, военные действия будут прекращены. Прибытие представителей к 15/II 1919 г.".

23 января нами было направлено в Совет обороны и РВСР следующее обращение:

„В поведении наших руководящих учреждений по отношению к Украине оказывается еще до сих пор столько колебаний, что нам, непосредственным работникам по восстановлению в ней Советской власти, приходится серьезно опасаться за будущее этой работы.

Эти колебания повидимому обусловлены тем преувеличенным значением, какое придает наш центр национально-сепаратистским тенденциям на Украине. Но в ее рабочей среде их совершенно нет; в крестьянстве они в громадной степени изжиты за эти месяцы жестокой оккупации, когда „своя" национальная власть показала вполне явственно свое реакционное обличье. Для громадного большинства украинского крестьянства „самостийность" и панская кабала стали синонимами, и Советская армия, помогающая сбросить начисто эту кабалу и по существу, социально, ни в чем не посягающая на самобытность Украины, встречает самый радушный прием со стороны ее крестьянских масс. Последняя тень недружелюбия, если бы таковая оставалась в некоторых слоях украинских хуторян по отношению к войскам „Московии", отпадает по выяснении, что эти войска пришли отразить угрозу краю со стороны уже занимающих Черноморское побережье войск союзного империализма.

Но может быть Петлюра и Винниченко также склонны и более нас способны поднять трудовую Украину против нашествия союзников, и мы сможем добиться от них без особенных усилий той экономической поддержки, которая необходима истощавшему северу?

Петлюра и Винниченко совершенно не помышляют о борьбе с Антантой; они мечтают о соглашении с нею, о выторговывании от нее некоторой призрачной самостоятельности ценою прямого предательства Советской республики. Представленные ими промежуточные слои слабокапиталистической Украины обнаруживают и на этот раз свою межеумочность, свою дряблость, свой страх перед диктатурой пролетариата и свое почтительно собачье смирение пред обликом победоносно шествующего империализма. И уже сейчас, в своих порой совершенно искренних мещанских иллюзиях о воцарении демократической идиллии в „Самостийной" Украине они попадают в полон

к националистам ярко капиталистической окраски. Истинными господами положения в Киеве является не „Директория", а такие определенные реакционеры, как Балбачан и Коновалец, опирающиеся на сичевиков—открытых громил—и других галичан, обостривших свое национальное чувство в борьбе с притязаниями польского молодого задорного „демократического" империализма.

Против Советской власти они объединяются с недавними „врагами", с добровольцами. (Приказ Балбачана перед оставлением Харькова; борьба в Екатеринославе.) И если для сегодняшнего дня слух об аресте Директории Коновальцем и о провозглашении в Киеве гетманства оказывается неверным, то лишь потому, что розовенькие мечты украинских соглашателей ничуть не мешают крепкой работе украинских империалистов.

В Киеве уже все сделано к торжественному приему „освободительных" войск Антанты, остановка только за этими войсками.

Нам не с кем „соглашаться" на Украине. Тут можно итти или на капитуляцию или на отчаянное сопротивление. Здесь есть или злейшие враги наши, накапливающие силы для решительного натиска на нас, или наши друзья, уже ведущие бой с общим нашим врагом.

Всякое колебание тут—величайшая политическая ошибка.

Вопрос о скорейшем приобщении Украины к Советской власти является глубоко жизненным для самого существования Российской Советской Республики. Голодный север должен опереться на плодоносный юг.

Пора перестать играть в прятки. Никого этим не проведешь, а только своей нерешительностью обнаружишь свою слабость и упустишь чрезвычайно благоприятный момент.

Надо торопиться. Надо до наступления весны серьезно закрепиться по крайней мере в левобережной Украине, чтоб иметь надежду отразить натиск союзников от Черноморского побережья.

Остается только месяц до предположенного союзниками начала их наступления.

Украинские советские полки уже достигают линии Днепра. Надо их подкрепить, чтобы они могли завершить эту свою работу и выдвинуться к побережью, дабы затруднить противнику предстоящее развертывание его сил.

Необходимо ввести на Украину несколько дивизий из центральной России. Этим закрепится Советская власть на Украине, доформирование этих дивизий в богатых продовольствием местах быстро закончится (оно сейчас замирает в центрах от недостатка продовольствия).

А если бы эти силы понадобились в ином месте, их конечно можно было бы вызвать, для чего определенное их количество должно оставаться в распоряжении не Украинского фронта, а главкома.

Итак предлагаю:

1. Немедленно признать Временное рабоче-крестьянское правительство Украины и провозгласить оборонительно-наступательный союз с ним против всех врагов Советской власти.

2. Немедленно двинуть предназначавшиеся для украинского фронта дивизии на Украину.

3. Провести и на Украине нашу военноокружную систему, приобщив на деле всю Черниговщину к Орловскому округу, и выделить Харьковский округ из Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерний. Никаких особых украинских военных отделов и главных штабов. Дело военной организации Советской Украины берет на себя Реввоенсовет Российской Республики". (№ 49 лкп.)

В ответ от главкома были получены срочные задания по укреплению районов Орла—Курска—Белгорода и Брянска. Эти последние предписания обусловливались, очевидно, сообщениями агентуры об обширных замыслах Антанты.

Задача, поставленная нашим частям, формулировалась так: „создать прочное прикрытие для развертывания регулярных частей российской армии. Развертывание предполагается закончить к середине февраля и произвести в районе между р. Днепром и железной дорогой Киев—Ворожба, Ворожба—Харьков (включительно)".

Одновременно с оперативной в штабе украинской армии шла серьезная организационная работа. Одним из первых явился приказ против дезертирства на Украину с иных фронтов, который гласил, что среди добровольцев—выходцев из России, вступающих в ряды украинских войск, немало дезертиров. Всем начальникам частей предписывалось не принимать на службу лиц, не имеющих увольнительных билетов, а арестовывать их для предания суду за дезертирство.

В приказе от 25 января говорилось об организации курсов для подготовки делопроизводителей по строевой и по хозяйственной части и фронтовой школы командного состава и специалистов.

Приказ от 26 января содержал копии приговора Ревтрибунала, показывающие серьезность борьбы, которую вели с преступностью в рядах Красной армии.

В приказе от 27 января была объявлена новая разграничительная линия между Украинским фронтом и Западной армией.

В приказе по фронту даны были инструкции по направлению пленных, запрещена реквизиция кровных лошадей, давались указания о пользовании экстренными поездами, о „поездах снабжения" и т. п.

ГЛАВА ШЕСТАЯ (карта 5).

Действия 1-й дивизии в Черниговщине (до 24/I).

Штаб 1-й повстанческой дивизии с большим трудом выполнял наши предписания о переброске части сил дивизии к Льгову—Курску и о переформировании дивизии в бригаду. Поэтому решено было сместить начдива Крапивянского, отозвав его в распоряжение Реввоенсовета группы, а Локотошу поручить командование дивизией (предписание от 1 декабря). Ему 2 декабря было приказано особую повстанческую дивизию свести в штатную бригаду; из избытков личного состава образовать запасный батальон, который расположить на линии Брянск—Гомель или Брянск—хут. Михайловский соответственно району вновь образованной бригады. Кроме этого ему сообщалось об изменении данной 2 ноября директивы и указывалось удовлетвориться общим наблюдением и войсковой разведкой в направлении Брянск—Гомель, главное же внимание обратить на организацию революционных сил в Черниговщине и на захват указанных в директиве станций. Предписывалось также лиц, виновных в неотправке частей бригады Примакова, арестовать и направить в Реввоенсовет для придания суду.

Дополнительно Локотошу послано особое письмо, подписанное всеми членами Реввоенсовета и обещающее ему, после переформирования дивизии в бригаду, более ответственное назначение.

Ко времени направления т. Локотоша в 1-ю дивизию дислокация ее была следующей:

1. Нежинский батальон (2 роты пехоты—310 штыков, 80 сабель, 6 пулеметов, 2 орудия), штаб—Стародуб.

2. Богунский полк (3 батальона—1 100 штыков, 100 сабель, 15 пулеметов, 3 орудия), штаб—Клинцы.

3. Таращанский полк (2 батальона—400 штыков, 150 сабель, 20 пулеметов, 2 орудия), штаб—Еленка.

4. Новгород—Северский полк (600 штыков, 80 сабель, 35 пулеметов, 4 орудия), штаб—Костобобр.

5. Батальон Шестакова (400 штыков, 6 пулеметов, бронеплощадка), штаб—хутор Михайловский.

Сводка по 1-й дивизии от 5 декабря сообщала, что в районе Клинцов в Гомельском направлении наши части подошли к деревне Ардон и предъявили немцам ультиматум об очищении Клинцов к 14 час., но ответа не получили. В Стародубском районе наши части заняли село Еленка и продвигаются в сторону села Воронок. На

Новгород-Северском направлении нами занят без боя город Новгород-Северск. (Таким образом наша директива о занятии Новгород-Северска была упреждена.)

Вскоре после своего прибытия в штаб 1-й дивизии Локотош прислал (7 декабря) подробное донесение о состоянии 2-й дивизии и о принятых им мерах.

„1. Дивизия находится в самом растрепанном, неорганизованном и беспорядочном состоянии. Настроение у большинства бандитское, отсутствует порядок и организация, отчетность как материальная, так и денежная аховски налажена... 1-я бригада будет доведена до штатов в эти три-четыре дня... Я сейчас же отозвал, как несоответствующих своему назначению, некоторых политических работников, а взамен послал 50 чел., которые показали свою работу в смысле упорядочения и прекращения грабежей, а также вербовкой добровольцев, которые прибывают большими партиями от 80 до 300 человек, из них исключительно старые опытные солдаты... у меня имеется еще полк. Поэтому я прошу сохранить звание дивизии, которая в самом непродолжительном времени будет мною доведена до штата. Сейчас прибыл в Стародуб Военный комиссариат, и мы на заседании Ревкома постановили объявить мобилизацию людей и лошадей согласно декрета Совета Народных Комиссаров.

Я это в спешном порядке устроил потому, что здесь было принято за обычай объявлять таковую полковыми и даже батальонными командирами, что я уже запретил под строгой ответственностью командного состава.

Здесь имеются запасы муки и сахара, которые желательно как можно скорее направить в голодные наши края. Узкоколейка идет от села Осколки 9 верст от Стародуба, мосты долго не исправлялись за отсутствием бдительности со стороны военных властей. Я для ускорения выслал команду. В городе осадное положение, буржуазия, захватив ценности, под прикрытием немцев бежала; немцы вообще хитрят, дают буржуазии вывезти и тогда сами оставляют район. Я отдал распоряжение до этого не допускать и во что бы то ни стало теснить.

Новгород-Северск занят нами 4 декабря в 14 час. дня, где то же самое по прибытии я навел порядок, расстреляв 7 человек бандитов на месте преступления.

Расположение частей следующее: Новгород-Северский полк—в Новгород-Северске, Нежинская рота в Еленке сегодня занимает покидаемый немцами Воронок. Таращанский полк сегодня в 6 час. утра выслал по направлению к Белому Колодезю пересечь железнодорожный путь между Клинцами и Новозыбковым, предварительно взорвав мост. Богунский полк, охватив с северо-западной стороны Клинцы, жмет их. По занятии узлов Новозыбков-Воронок эта линия освобождается, и части, оставив пограничников, сведу в Климов Робек для полнейшего приведения в боевой порядок. Денежную отчетность я не принимаю, ибо на сумму более одного миллиона нет оправдательных документов, а с 1 декабря завел формально дело, за которое несу ответственность. Для принятия и ревизии прошу немедленно прислать опытного представителя, и я здесь составляю ревизионную комиссию по проверке. По направлению Гомель—Бахмач мною уже приняты меры. Брянск

очень много саботирует в соединении и передаче депеш. Прошу вашего давления на Брянск".

Энергичная борьба т. Локотоша подтвердилась поступавшими к нам копиями его приказов.

В первом же своем приказе он вызывает на совещание 8 декабря в Стародуб (штаб дивизии) командиров Богунского полка Щорса, 1-го Таращанского — Боженко, Новгород-Северского — Черняка, Нежинского батальона—Насмеяна и Шестакова. Обещает предавать военному суду за незаконные реквизиции, за насилие и грабеж—расстреливать на месте без суда. Военный суд—за самочинные мобилизации людей и лошадей. 6 декабря он объявляет о переименовании особой повстанческой дивизии в 1-ю советскую украинскую дивизию (а не бригаду)[1].

8 декабря Локотошем было объявлено в приказе об учреждении при штабе дивизии отдела формирований вместо „Мобилизационного". Дивизия не имела хозяйственной части, аккуратной выплаты жалованья не производилось, не были известны склады, да и вообще никаких списков полков не существовало.

Все это Локотош заводит с первых же дней своего командования. Им была назначена срочная ревизия всего имущества дивизии и ее частей. С 9 декабря начато формирование кавалерийского полка (командир Петренко) из штабного эскадрона Таращанского полка и т. д. Нежинская рота (батальон) вливается в Таращанский полк, „реквизиционная рота" при отделе снабжения—в Богунский полк.

Характерно воззвание т. Локотоша при его приказе от 9 декабря.

„ТОВАРИЩИ КРАСНОАРМЕЙЦЫ
1-й СОВЕТСКОЙ УКРАИНСКОЙ ДИВИЗИИ!

Вступая в командование дивизией в такое для каждого из нас революционера ответственное перед европейской революцией время, я обращаюсь к вам, честные бойцы за освобождение трудящегося беднейшего класса от гнета помещиков, банкиров, царских генералов и тому подобной сволочи, кровососов, с призывом сознательной борьбы с нашими вековыми насильниками. Мы, товарищи, взяли власть от них, этим мы им заявили, что устройство нашей жизни принадлежит по праву бедняку-крестьянину и рабочему. Но давайте же, товарищи, не позорить самих себя самочинными реквизициями, грабежами, насилиями и др. бесчинствами, ибо мы представляем из себя не царскую армию гнета и насилия, а Рабоче-Крестьянскую Красную армию труда, которая должна стремиться к достижению светлой коммунальной жизни всего пролетариата. Поэтому-то, товарищи, если есть слу-

---

[1] Мы хотели добросовестно выполнить приказ главкома и свести все повстанческие части в одну штатную девятиполковую дивизию, и Локотош должен был переименовать свою дивизию в 1-ю бригаду 1-й Советской украинской дивизии. Однако, выяснив вскоре чрезвычайную тягу пополнений в эти бригады, мы согласились на предложение Локотоша — сохранили название дивизии как за его бригадой, так и в отношении «2-й бригады 1-й украинской дивизии».

чайно попавшийся в нашей пролетарской семье преступный элемент, то ему здесь не место; пусть эти банды очистят ряды честных революционеров, ибо они своими дерзкими поступками не возвышают Рабоче-Крестьянскую Красную армию, а наоборот позорят. У нас теперь, товарищи, имеются политические комиссары, к которым надлежит вам обращаться за всеми справками политического характера. Требуйте от них газет и литературу, организуйте ячейки коммунистов, а в селах—комитеты бедноты, требуйте от своих непосредственных начальников, чтобы вам читались все приказы, и тогда жизнь среди вас будет носить совершенно иной характер. Нужно помнить, товарищи, что мы есть революционная армия, в которой обязательно должен быть революционный дух, дисциплина и порядок, ибо без всего этого мы будем не что иное, как кучка беспорядочных людей. За все наши нетактичные деяния отвечаете вы, но в первую очередь весь командный состав, с которого будет спрашиваться по всей строгости Военно-Революционного Суда.

ИТАК, ТОВАРИЩИ, ЗА ДЕЛО СОЗНАТЕЛЬНО ВПЕРЕД, С ДЕВИЗОМ: ИЛИ ЖИТЬ СВОБОДНО, ИЛИ УМЕРЕТЬ В БОРЬБЕ.

Оставим навсегда все старые, дезорганизующие нашу семью, личные счеты. ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ КРАСНАЯ СЕМЬЯ!

Командир 1-й Советской Украинской Дивизии *И. Локотош.*

Приказ прочесть во всех ротах и командах".

По получении первого доклада т. Локотоша ему было отвечено (10 декабря):

„Вопрос о восстановлении названия дивизии—по инспекции вашей бригады. Избыток людей направляйте для обучения в запасный батальон в Стародуб, подготовляя кадры для других полков дивизии. Отбросьте старые названия, должны быть только „первый и второй советские украинские пехотные полки". Иначе требовательные ведомости приниматься не будут. Эти ведомости направляйте через начальника снабжения бригады к нам в Реввоенсовет.

Сохраняйте аппарат управления дивизий и выделите особые команды связи и инженерную часть.

Напрасно канителились с немцами. Этак Новозыбков займете через 2 недели. Это направление мало интересно для нас. Выполняйте точно предписание. Стремитесь сосредоточиться в направлениях на Городню—Чернигов и Сосницы—Чернигов, предложив полку погрохраны перейти туда.

Новгород-Северскую группу усильте. Наблюдая за противником в Шостенском заводе, в д. Воронеже, и мешая эвакуации этого завода, постарайтесь занять Сосницу и укрепиться в ней.

Подтяните командующего бывшим Н. Северским полком Черняка, чтобы не посылал донесения помимо вас, и укажите, что все необходимое ему будет получать через вас.

Сообщите, каковы результаты предписанного вам расследования о неисполнении предписания Реввоенсовета о переброске бригады Примакова в Курск...

Наши должны были вступить в Гомель 10 декабря. Повторяем—сосредоточить ваше внимание на путях к Чернигову—Бахмачу. Ваша задача боевая, а не административная",

14 декабря в дивизию прибыл политком т. Панафидин, который тотчас о прибытии в дивизию телеграфировал начальнику политотдела нашего совета:

„Части раздеты, три месяца не получают жалованья, что служит источником нежелательных явлений. Клинцы заняты нами. Войска встречены местными рабочими с красными знаменами“.

18 декабря Локотош сообщал:

„Мною заняты Шостка—с. Поповка—с. Жадов—Погорельцы—Семионовка—Н. Робек—Климов и Буда-Лакомая; главное головное направление Городня—Чернигов—Соснпца—Бахмач—Чернигов“.

20 декабря Локотошу было предписано:

„Наши повели с севера наступление на Гомель. Ускорьте продвижение в указанном направлении“ (в шифровке перед тем указано направление Городня и Соснпца).

„К 24 декабря мы, согласно сообщений Локотоша, дали РВСР следующие сведения о дислокации его бригады (штаб Стародуб):

К 24 декабря мы, руководствуясь сообщениями Локотоша, дали РВСР дислокацию его бригады, указав, что пехотный советский Украинский полк—1 200 штыков и 21 пулемет с приданными полку батареей и 2 эскадронами—имеет штаб в г. Клинцах; передовые части полка—у Новозыбкова и Еленки. 2-й пехотный советский Украинский полк—1 200 штыков и 55 пулеметов с приданными полку 2 батареями и 2 эскадронами имеет штаб в Новгород-Северском“.

25 декабря мы извещали в оперсводке, что по линии ж. д. Унеча—Гомель нами занят г. Новозыбков, а в районе Городня—деревни Фаевичи, Шумаловка, Орлюковка, Погорельцы, Жадов, Орловка, Семеновка, Клишки, Воронеж.

25 декабря Локотош сообщал, что на юг от Новозыбкова обнаружены до 200 гайдамаков, а к югу от Новгород-Северска частями его бригады занята Чеплеевка и что принимаются все меры к указанному продвижению в направлении на Городню и Соснпцу.

О положении в Гомельском районе 25 декабря было получено сообщение т. Молотова-Таращанского (из Узы) [1].

„Немцы в Гомеле нарушали договор до вхождения наших войск. Ревком был арестован. Также и гомелевский немецкий совет выражал полную поддержку Директории и Петлюре, обещал прислать свои войска. Мною в Гомеле нелегально формируется штаб. Батальон сводится за Гомелем по направлению к Бахмачу для противодействия гетмановцам. Для противодействия формирую два батальона в Узе. На-днях еду в Калиновскую, где также имеется широкая возможность формирования. Необходима помощь деньгами в самый кратчайший срок. Прошу телеграфно выслать разрешение формировать бригаду и назначение командиром. По получении назначения смогу официально приступить к работе в контакте с Мануильским и Раковским, здесь находящимися“.

---

[1] Этот товарищ был еще в ноябре послан нами в Гомельский район для организационной военной работы.

23-го из Воронка сообщали:

„В Клинцах наши части встречены с хлебом-солью, с оркестром. Наши солдаты держали себя великолепно. Избран Ревком. В Новозыбкове освобождены из тюрем политические арестованные офицеры. Дружины гетмана сложили оружие. Немцы занимаются распродажей казенного имущества. Наша делегация возвратилась из Новозыбкова в 20 час. вечера. Немецкий дивизионный Совет взрыв мостов объясняет несоблюдением нами клинцовского договора о расстоянии между нашими и германскими войсками. Дивизионный совет состоит в большинстве из офицеров. В 106-м германском полку организована группа, протестующая против взрыва мостов, вынесшая недоверие дивизионному совету. В группе 300 человек. Ими передано нам 2 пулемета и 8 000 патронов. Они ведут работу по выборам Совдепа. Комиссия по выборам готовит квартиры и торжественную встречу нашим войскам. При отходе немцы гарантируют целость путей под угрозой с нашей стороны разоружить их. Всюду великолепное настроение в наших частях. Население выбирает советы. Германцы отрицательно относятся к петлюровцам. Наши части занимают дорогу и села-деревни без препятствий, штаб переехал в Семеновку. Настоятельно необходимо обмундирование, отсутствие его вызывает много нехорошего. Голод—письменный. Особо срочно, во что бы то ни стало работников, иначе создается невозможное положение. Темные элементы и политически безграмотные проходимцы налетели всюду и морочат голову населению. Мы ежедневно занимаем десятки сел, посадов, деревень. В имении князей Долгоруких „Велики Тополи" остались художественные ценности, картины кисти Айвазовского и других, в том числе старинных мастеров, в высшей степени ценная библиотека. Боимся расхищения.

Политком 1-й дивизии Панафидин" [1].

Этот же товарищ сообщал, что в Глуховке петлюровский полк перешел на нашу сторону, арестовав своих офицеров.

К 30-му Локотош занял район Городни, 600 петлюровцев перешли здесь на нашу сторону, захвачено 17 пулеметов.

По сводке к 21 час. 1 января в районе Новозыбкова нами были заняты ст. Злынка и Закопытье и сс. Камень и Злынка. Одновременно занят Гомель.

Таким образом задание главкома создать угрозу железнодорожному направлению Харьков—Гомель, чтобы воздействовать на немцев в Гомеле, было выполнено 1-й дивизией уже к 1 января. Дивизия заняла исходное положение для наступления к Чернигову—Бахмачу.

1 января пришел ряд телеграмм из Семноновки, где находился штаб 1-й дивизии.

Одна из них гласила:

„В Клинцах имеется полк особого названия, под командой Батрацкого, находящийся в подчинении Подвойского. Прошу распоряжения о занятии другим полком Новозыбкова и в последующем выяснить назначение этого полка".

---

[1] Недостаток обмундирования в 1-й дивизии был действительно вопиющим. В Богунском полку были случаи замерзания часовых на посту... И несмотря на это, в наших частях царил великий революционный подъем.

Мы немедленно запросили т. Подвойского и командующего резервной армией Глаголева о подчинении полка Локотошу или по крайней мере предписания полку занять Новозыбков, чтобы освободить от гарнизонной службы наши части, занимающие линии Закопытье—Кузьминичи—Городня.

Следов какого-либо ответа на эту просьбу не сохранилось.

В начале января политическая инспекция произвела обследование частей 1-й дивизии. Она признала необходимым: 1) образовать комячейки по ротам, 2) подтянуть политработников для борьбы с бесчинствами, 3) срочно переформировать 2-й советский (Таращанский) полк, главным образом I батальон, в котором особенно много элементов, склонных к бандитизму, 4) урегулировать снабжение; использовать возможности развить военаготовку в освобождающихся местностях (в Клинцах—шинелей, в Семионовке—сапог и т. п.).

К 21 час. 8 января была занята Сосница. Кавалерия преследует противника, бегущего к Бахмачу. На юго-восток от Сосницы нами заняты дд. Н. Млины и Кербатовка. 12 января взят Чернигов...

Чтобы подтолкнуть 1-ю дивизию к энергичному наступлению на Киев, а также с целью содействовать упорядочению ее тыла, командукр в сопровождении Вишневецкого—комиссара штаба фронта, выехал вечером 18 января на Черниговщину через Брянск—Гомель.

В Брянске и Клинцах происходил ряд совещаний с местными работниками. 19 января было сделано обращение к Украинскому правительству о содействии возобновлению работ на заводах Черниговской и Могилевской губерний.

В Клинцах губвоенкому было предписано направить караульный батальон в Чернигов. В Гомеле командир 4-го украинского полка (отбившийся от Западной армии) направлялся в Чернигов в распоряжение начальника 1-й дивизии.

20 января в первом часу ночи происходил разговор с начальником штаба 1-й дивизии Фотиевым и затем с начальником дивизии т. Локотошем. Из этого разговора выяснилось следующее:

„Положение на фронте—части дивизии справа остановились и ожидают конца операций. Ст. Бахмач сегодня была в наших руках, но благодаря перевесу артиллерии у противника мы вынуждены были оттянуть свои передовые части к главным силам к ст. Чесноковка, тем не менее перед отходом на ст. Бахмач-Киевский нашими частями разбит и разогнан эшелон противника.

В Конотопе еще держатся до 600 петлюровцев (из состава Черноморской дивизии). В Бахмаче—800 чел. при 18 оставленных немцами орудиях с пулеметами. Из Нежина по направлению к Киеву движутся эшелоны петлюровцев. Нами занят Батурин, ст. Чесноковка, Городня и Красное по шоссе на Киев. Кролевец взят еще 16 января.

При занятии Чернигова захвачены нами: 2 трехдюймовых орудия, 2 радиостанции, 40 грузовиков, 4 бронеавтомобиля (из них 2 исправных), авиационный отряд—6 аппаратов, один в полной исправности, винтовок 5 000, пулеметов Кольта 30, много шашек, седел, шанцевого инструмента, снарядов. Захвачен штаб V корпуса—коман-

дир корпуса расстрелян. Чернигов был занят 1-м полком со стороны Городня, 2-й полк, шедший с восточной стороны, немедленно занял село Голудово, участвовало еще 2 кав. эскадрона, один с западной стороны города, другой занял ст. Чернигов и главное шоссе, идущее на Киев. Противник панически бежал до Козельца, преследуемый и уничтожаемый нашей кавалерией. В Вересочи захвачены 4 пулемета и 150 пленных, которые изъявили желание служить в наших рядах. В Кролевце взяты 4 пулемета, пленные и много снаряжения, которое берется на учет".

Утром 20-го командукр прибыл в штаб 1-й дивизии в Городне. В штабе относительный порядок, но лишь по внешности. Подробное ознакомление с работой штаба.

Днем прибыл из Чернигова Локотош. Командукр прочел ему следующее внушение (по записке, переданной начдив с глазу на глаз).

„Согласно докладам представителей советских властей Черниговщины и представителя ЦУС Военного Отдела Украинского правительства вы и ваш штаб позволили себе целый ряд поступков, роняющих доброе имя советской армии и дезорганизующих общую советскую работу. Во-первых штаб 1-й дивизии производит самостоятельно мобилизацию. Ставится вам также на вид совершенно недопустимый, практикуемый в частях дивизии, способ укомплектования последних. Оно у вас производится путем немедленного включения в ряды дивизии сдающихся петлюровцев и примыкающих добровольцев из населения. Прием первых возможен только после тщательного отбора среди них подлинно трудовых и боеспособных элементов, каковой отбор следует производить в тылу действующих войск. Различные повстанческие отряды и добровольцы могут быть включаемы в части только после тщательной проверки их боеспособности и организации из них определенных войсковых единиц. Крайне запустив свой аппарат снабжения, штаб довел полки дивизии до необходимости питаться „подножным кормом", т. е. путем реквизиций и прямым грабежом.

Раз навсегда запомните и вашим подчиненным внушите: мобилизации могут быть производимы лишь через соответствующие советские органы или через представителей советской власти; никакие самовольные „реквизиции" недопустимы; лошадей должно получать лишь чрез довольствующие органы; заготовки по твердым ценам совершаются чрез агентов правительства, представителем которого в крае является т. Лапчинский.

Довольствие совершается по определенной красноармейской норме. Полки не должны иметь с собою довольствия более чем на 4 дня, отдел снабжения дивизии—более чем на 8 дней. Избыток довольствия сверх этой нормы должен быть сдан центральному органу снабжения фронта по его указанию.

Командирам полков и штабу 1-й дивизии напоминается также, что захватываемая частями воинская добыча отнюдь не может являться собственностью данного полка или дивизии. Всему захваченному должен вестись строгий учет как имуществу нашей советской республики. Распоряжаться этим имуществом могут только лишь центральные органы. Присвоение полками в собственность боевого имущества является тяжким преступлением

перед общим делом, предательством в отношении своих братьев, поставленных в худшие условия, не имеющих оружия, не могущих поэтому дать надлежащий отпор обнаглевшей буржуазии и ее слугам.

Лишь в самых исключительных случаях и лишь с ведома и согласия представителя центрального довольствующего учреждения может быть удержано тою или иною воинской частью за собой захваченное у врага оружие".

Локотош обязался исправить замеченные при самом поверхностном знакомстве с работой его штаба недочеты. Конечно т. Локотош ссылался на недостаток подготовленных работников, отсутствие регулярного снабжения частей из центра и т. д.

Затем Локотошу была прочитана также следующая записка.

„Из оперативного отчета, представленного начальником штаба вверенной вам дивизии, выясняется:

1. Крайняя разбросанность частей дивизии, отнюдь не вызываемая обстановкой и преподанными вам директивами, а) разграничительная линия с участком Беленковича вам указана и она представляет хутор Михайловский—Конотоп (для вас исключительно); б) в директиве вам предписано сосредоточить основные силы в направлении на Бахмач.

2. Размещение частей показывает отсутствие определенности в намерениях командования или наличие неумения держать части в руках—первый полк разбросался на протяжении 100 *км*, второй полк—на таком же протяжении, части перепутаны, что крайне затрудняет командование ими, роты первого полка перемешаны с ротами второго полка. Отдельные части действуют, видимо, без взаимной связи, без определенного нацеливания.

Штабы полков отстоят на громадном расстоянии от своих частей (на 30—100 *км* штаб 2-го полка).

Все это необходимо немедленно упорядочить.

Если еще не поздно, то надлежит штаб 4-го полка, усилив его из штаба 2-й бригады, передать временно в подчинение I батальона 2-го полка в Борзне и I батальона 3-го полка в Батурине для действий против Бахмача.

Остальным частям 3-го полка наступать на Конотоп. Против группы противника в Бахмаче действовать не только ударом от Чесноковки и Городище, но и обходом от Борзны к Красиловке—Варваровке, взрывая железнодорожные пути; кавалерией, обходя правый фланг противника, действовать в разрез железной дороги Бахмач—Ромны.

Первый полк сосредоточить на путях от Чернигова к Киеву, направив разъезды к Остеру—Козельцу. Второй полк, кроме первого батальона, сосредоточить в направлении к Нежину, к которому пока вести лишь разведку.

По ликвидации Конотопа и Бахмача, действуя в связи с т. Беленковичем (в Ворожбе), расчистить путь от Ворожбы до Бахмача.

Приняв в свое командование сформированные Беленковичем части, спешно подвести их к Бахмачу, откуда развить наступление к Нежину, в связи с давлением второго полка с севера.

Первый полк продолжает тщательно разведывать пути к Киеву и, по вступлении в Чернигов караульного батальона и Украинского полка из

Гомеля, в зависимости от результатов разведки, выдвинется на линии Остер—Козелец, занимает прочно основные узлы путей, продолжая разведку путей к Киеву и дороги Козелец—Марковцы.

Приложенные штабом соображения о походе к Киеву представляют фантазию (двухсотверстные походы небольшими отрядиками без взаимной связи), обнаруживающую в их творце независимо от прочего... отсутствие сознания своей зависимости от общего положения фронта.

Вашей дивизии пока дана ограниченная, хотя и чрезвычайно важная задача, сводящаяся к захвату подъездной из Курска к Киеву магистрали и к занятию исходного положения в Черниговщине. Эта задача еще вами далеко не выполнена, и наступление к Киеву сможет последовать лишь по ее исполнении и сосредоточении достаточных для этого сил. Сил вашей дивизии совершенно недостаточно. Штабом фронта предназначены для наступления к Киеву значительно большие воинские массы, о порядке движения которых будете своевременно уведомлены".

Эта записка была составлена еще 20-го. Локотош дал удовлетворительные разъяснения по ее первому пункту. Указания относительно Бахмача отпали, так как Бахмач был уже взят.

20-го в 23 часа из штаба дивизии мы телеграфировали в Орел—Москву: „Черноморская дивизия Петлюры разбита. Бахмач нами занят сегодня в 10 час. Наступление продолжается".

Разговор с Локотошем заставил комфронтам дать следующие дополнительные указания:

„а) Вести внимательно разведку в Киеве и в тылу по направлению к Одессе и Кишиневу.

б) Молотову (он у Мозыря с сформированным им полком) даны будут инструкции бить на Коростень.

в) Караульный батальон в Клинцах плохо сорганизован, вряд ли пригодится в Чернигове. Полк Чижика в Гомеле будет вам направлен. Беленковичу предписано присоединить сформированные части к вашей дивизии. Вы их довооружите.

О броневом поезде распоряжение сделано.

Впоследствии усилить правый фланг дивизии, подтянув к нему всю первую бригаду".

Оперативная директива, преподанная 20 января Локотошу, гласила:

„а) Частями, подчиненными Западному фронту, в составе одного пехотного полка с броневым поездом, занят Овруч и ведется наступление на Коростень. Вблизи действуют разрозненные отряды повстанцев, общей численностью до 2 000 человек, сводимые ныне в 20-й Советский Украинский полк под руководством т. Молотова-Тарашанского (с которым сноситься через командира 151-го полка в Жлобине).

Частями соседней с вами первой бригады 3-й Украинской Советской дивизии заняты ст. и гор. Путивль, войска харьковской группы ведут бой за овладение Полтавой и продвинулись к Синельниково.

6) Вашей ближайшей задачей является обеспечение за нашей армией магистрали Курск—Дарница и подготовка данных для атаки Киева.

Вам надлежит: 1) прочистить дорогу от Бахмача до непосредственной связи с первой бригадой 3-й Советской Украинской дивизии, 2) овладеть Нежином, 3) занять частями первой бригады исходное положение на линии Остер—Козелец, 4) по возможности продвинуться по магистрали к Дарнице, 5) вести непрерывную разведку как подступов к Киеву, так и самого Киева и его ближайшего тыла.

Для дальнейшего наступления к Киеву вам будут приданы части, ныне находящиеся в ведении т. Беленковича, и один из броневых поездов. Порядок передачи этих частей будет указан особо. Об атаке Киева будет особое предписание. Связь держите с частями Западного фронта, занявшими Овруч, и с т. Беленковичем (через Коренево). Оперативные и разведывательные сводки направляйте дважды в день (к 9 и 21 часу) в штаб Украинского фронта, г. Орел".

Мы однако не ограничились этими наставлениями и указаниями. Хотелось приободрить и т. Локотоша и штаб дивизии, проявивши немало энергии, выдержки и стараний. Поэтому перед отъездом из Черниговщины мы дали в приказе по фронту (22 января) следующий отзыв о 1-й дивизии:

„Революционный военный совет армий Украинского фронта посетил расположение первой советской украинской дивизии.

С радостным волнением Реввоенсовет свидетельствует, что первая дивизия полна живой бодрости, неугасимого революционного порыва, что ее ряды надежно сплочены революционной дисциплиной—святою солидарностью трудящихся.

Реввоенсовет счастлив также свидетельствовать, что штаб дивизии проявляет глубокую преданность делу и неусыпное внимание к нуждам красноармейцев.

Преодолевая все трудности боевого похода в морозную пору, плохо одетая, разутая, 1-я дивизия, разбив наголову вероломного врага, освободила землю Черниговщины от панской кабалы; 1-я дивизия стоит уже у порога Киева—главного гнезда предателей и душителей свободы трудового народа Украины. Недалек день, когда перешагнет она этот порог. И тяжела будет палачам свободы ее рука.

Привет, привет и поклон славным сынам крестьянства и рабочих, вставшим на защиту святой свободы. Вечная слава победной Первой Советской Украинской дивизии".

В Гомеле был дан еще ряд оперативных указаний. Послана шифровка командованию Западного фронта о наших намерениях с просьбой действовать к Овручу—Коростень и т. д. Отправлена шифровка Беленковичу, предлагающая поддержать Локотоша, несмотря на незаконченность формирования.

В Гомеле же произошло свидание с т. Молотовым-Тарашанским и был дан приказ ему (от 22 января):

„Вам поручается по сформировании из повстанческих частей от-

ряда действовать на пути сообщения Киева с Галицией и Одессой, войдя в связь с повстанческими отрядами южных уездов Киевской губ. Желательно прервать в спешном порядке сообщение Киева с тылом как железнодорожное, так и почтово-телеграфное. Регулярным частям, находящимся в районе Овруча и Домбровиц, предлагается оказывать товарищу Молотову содействие в исполнении возложенной на него задачи и в связи с указанным движением т. Молотова действовать непосредственно в тыл Киева".

22 января из Гомеля телеграмма:

Орел штаб фронта Глаголеву.

„В связи с нашими успехами в Киеве паника и междуусобие. Первая дивизия наступает к Дарнице. Спешно вытребуйте бронепоезд Полупанова и бригаду поддержки".

В этой поездке мы уделили также много внимания вопросам организации тыла и снабжения Красной армии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ (карты 2 и 5).

Директория саморазоблачается. Гонения на советы. Погромы. Предательство национальных интересов трудовой Украины. Военные силы Директории. Борьба за Киев. Взятие Киева.

Директория, овладев Киевом, быстро разоблачила себя.

Левая ее рука подписывает 23 декабря пышноречивую декларацию, обещавшую закрепление помещичьей земли за крестьянством, отмену всех реакционных мер гетмана, обеспечение внешней независимости Украинской народной республики и установление в ней трудовой власти согласно свободному решению „трудового конгресса" (Съезда депутатов от крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции); правая же рука Директории громит рабочие организации, устанавливает свирепую цензуру, наполняет тюрьмы большевиками и „боротьбистами", насаждает на местах власть реакционных комиссаров и тайком ищет поддержки антантовских империалистов.

В состав созданного 26 декабря Совета народных министров во главе с Чеховским (украинский социал-демократ) входило 5 украинских социал-демократов, 4 украинских социал-революционера, 3 украинских социалиста-самостийника, 4 украинских социал-федералиста, 3 беспартийных, 1—от поалей-ционистов.

Кабинет явно антисоциалистичный. В дополнение к декларации кабинет выпустил особое заявление о том, чтобы совдепы не смели претендовать на власть. За январь был издан ряд мелких законов. Исключение представлял земельный закон и закон о созыве „Трудового конгресса". Первый почти дословно повторял земельный закон центральной Рады. Законом о созыве „Трудового конгресса" Директория пытается противодействовать какому-либо росту органов революционной диктатуры. На этом „Трудовом конгрессе" представители пролетариата должны были потонуть в массе относительно отсталого крестьянства (78 рабочих депутатов на 374 крестьянских), кроме того особое представительство получают находящиеся под петлюровским влиянием железнодорожный и почтово-телеграфный съезд (20 и 10 делегатов); националистическая интеллигенция получает 33 места.

В самый день издания Директорией высокоторжественной декларации командир Осадного корпуса Коновалец подписывает приказ (№ 35), подтверждающий его прежнее распоряжение о запрете всякой противоправительственной пропаганды и кончающийся угрозой:

„все подобные агитаторы, которые явятся в казармы, лагери и другие места расположения войск, будут немедленно расстреляны без суда и следствия на месте своего преступления". 2 января Петлюра (приказ № 18) сообщает, что ведется злодейская агитация против Украинской народной республики и Директории „людьми наезжими", которые, мол, хотят „накинуть нам московское ярмо и отнять добытую нами землю и волю"; Петлюра приглашает изгонять таких людей за пределы Украины, проверять документы у подозрительных, и если обнаружатся фальшивки, то считать владельцев их шпионами и поступать с ними соответственно...

Германцев Директория расценивает наравне с „большевиками"; все „московские" рабочие и все евреи объявлялись врагами УНР. Гонению подвергались даже украинские эсеры. (Балбачан приговорил к расстрелу эсера Шишкаря, и тот, раненый, случайно спасся). Развернулась волна еврейских погромов. Во второй половине января появилось воззвание „Центрального комитета помощи пострадавшим от погромов", в котором сообщается о погромах в Овруче, Бердичеве, Житомире, Летичеве, Черняхове, Коростышеве, Горностайполе, Ровно, Чуднове, Александрии, на Волыни, в Дожбровицах, на ст. Бобринской, в Бахмаче, Фастове, Сарнах, Коростене.

В ответ на контрреволюционную деятельность атаманов и на насаждение Директорией реакционнейших „комиссаров" (губернаторов и окружных начальников) украинский пролетариат и деревенская беднота Украины подняли знамя революционной борьбы.

Хотя сельские съезды в декабре (21—24 декабря в Киеве, 29—30 декабря в Ровно, 21—23 декабря в Умани и т. д.). еще высказывали доверие Директории, но уже тогда в их резолюциях звучали требования радикальных социальных реформ и создания „трудовой власти". 4 января селянско-рабочий окружной съезд в Золотоноше заявил, что берет на себя всю полноту власти, отменяет частную собственность на землю, объявляет отделение церкви от государства и организацию армии на классово-трудовых началах. 14—15 января Исполнительный комитет всеукраинского совета селянских депутатов („Спилки") совместно с представителями губернских советов становится во враждебную Директории позицию. Он отмечает, что Директория не только не выполнила своих обязательств в отношении социальных реформ и не создала на местах таких органов управления, опираясь на которые могла бы провести эти реформы, но напротив создала на местах органы, смешанные с буржуазными элементами, а в центре такое же правительство, враждебное революционно-классовому движению и увенчанное военной диктатурой. Так как Харьковская, Полтавская, частью Черниговская и Екатеринославская губернии уже свергли власть Директории, установив подлинно трудовую власть, то в этих условиях „Трудовой конгресс" осужден на бездействие. Поэтому Исполнительный комитет „Спилки" требует от Директории: 1) передачи власти на местах советам селянских и рабочих депутатов, „сложившимся на основе пропорциональности и значения этих классов в нынешней революции", 2) передачи власти

в центре объединенному съезду этих советов, 3) до созыва последнего власть должна перейти к Исполнительному комитету „Селянской спилки".

Обострявшаяся классовая борьба приводит к шатаниям и расколам в рядах украинских „социалистических" партий. Вслед за расколом украинских эсеров та же участь постигает украинских социал-демократов. На VI съезде (10—12 января) „незалежники", примкнув к советской платформе, отделились от большинства, руководимого Поршем и Винниченко. Последние на этом съезде произнесли явно погромные речи и провели резолюцию о необходимости борьбы с „реакционным наступлением не только Антанты, но и Советской России". Следом вышло воззвание этого съезда с лозунгами: за гражданский мир, за всеобщее избирательное право и против отколовшихся „незалежников".

Выборы в „Трудовой конгресс" проводились под большим нажимом местных ставленников Директории и в тот момент, когда добрая половина Украины уже открыто стала под знамя советской власти. На конгресс были приглашены с решающими голосами также 65 представителей от национальной Рады Галиции, ярко буржуазно-националистически окрашенной.

Конгресс, открывшийся 23 января празднованием объединения Украинской народной республики с Западной Украиной, с первых своих заседаний взял явно контрреволюционный тон. Под неистовый крик атаманов о войне с Россией принимается (28 января) резолюция доверия Директории, и ей поручается осуществлять власть до следующего конгресса, который должен быть избран на основе всеобщего избирательного права. На основе этого же всеобщего избирательного права должны избираться местные органы, которые будут работать в контакте с назначаемыми правительством „комиссарами". Объявляется борьба одинаково против всех вторгающихся войск— и советских, и польских, и антантовских.

Немногочисленные „незалежники" и другие левые делегаты заявили о неправомочности конгресса и сложили с себя ответственность за его решения.

Директория, сделав вид, что она готова к борьбе с антантовской интервенцией, немедленно по занятии Киева вступила в переговоры с представителями Антанты о „помощи против большевиков". В конце декабря она заявила „народам всего мира", что принимает на себя выполнение всех обязательств бывшей России в соответствующей пропорции.

Однако, когда 18 декабря добровольцы, руководимые французским командованием, выкинули петлюровцев из Одессы, Директория направила в Одессу для переговоров генералов Грекова и Матвеева (отменного черносотенца). Греков вскоре вернулся в Киев. Газеты сообщали, что соглашение с Антантой „на мази". Нашей одесской разведке удалось раздобыть и доставить товарищам в Киев текст договора, подписанного будто бы в Одессе ген. Грековым и Матвеевым с одной

стороны и представителями Антанты с другой. Киевцы распространили его в особой летучке накануне открытия „Трудового конгресса". Этот документ гласил:

„1. Директория Украинской народной республики входит на федеративных основах в состав единой и неделимой России, которая возрождается.

2. Директория УНР составляет коалиционное правительство, которому и передает все права.

3. УНР обязуется всеми силами бороться против большевиков, которые находятся в пределах республики.

4. УНР отдает в распоряжение специально учрежденного штаба все войска для активного наступления против большевиков Великороссии.

5. Все вооруженные отряды республиканских войск должны быть объединены и подчинены общей организации.

6. В оперативном отношении республиканские войска подчиняются специальным штабам.

7. Оперативный штаб формируется в следующем составе: а) представителя союзного командования ген. д'Ансельма; б) одного представителя добровольческой армии—ген. Гришина-Алмазова; в) одного представителя польских легионеров—полк. Дзевановского.

8. В вышеозначенный штаб входит представитель украинских республиканских войск—начальник штаба ген. Матвеев.

9. В местах, занятых республиканскими войсками, допускается беспрепятственное формирование добровольческой армии.

10. Все заложники и бившиеся в отрядах добровольческой армии офицеры, юнкера, казаки и пр. немедленно увольняются с правом беспрепятственно переехать, куда они захотят.

11. Осадный корпус атамана Янива, блокирующий Одессу, немедленно отводит свои отряды к ст. Раздельная Юго-западных жел. дорог.

12. УНР принимает энергичные меры к недопущению конгресса трудящихся.

13. УНР обязуется не допустить на ее территории Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

14. Союзное командование обязуется допустить представителей УНР на мирную конференцию.

15. Союзное командование всеми силами будет поддерживать УНР в ее борьбе с большевиками путем доставления боевых припасов.

Вышеозначенный договор должен быть контрассигнирован Директорией УНР в десятидневный срок.

Подписали: ген. д'Ансельм, ген. Борнус, кап. Ланжерон, адмирал Балле, ген. Гришин-Алмазов, контрадмирал Ненюков, полк. Антонович, полк. Дзевановский, ген. Греков, ген. Матвеев, секретари: Серкаль и Пильц".

По общему своему тону, по подписям и по отдельным пунктам подлинность этого договора представлялась нам весьма сомнительной. В лучшем случае это был плохой пересказ действительно заключенного соглашения. Но что соглашение было заключено, об этом „Трудовому конгрессу" поведал сам ген. Греков, который 25 января на заседании конгресса заявил, что Директория приняла требования

Антанты: 1) снять блокаду с Одессы; 2) возобновить железнодорожное сообщение Киев—Одесса, 3) дать возможность установить связь между отрядами войск Антанты на юге, передав в ее распоряжение железную дорогу Аккерман—Одесса—Николаев.

Фактически это была уступка Антанте всего Черноморского побережья... Была ли это единственная уступка и какой ценой она оплачена? Вслед за миссией генералов Директория направила в Одессу миссию политиков — галичан Назарук и Остапенко. Мы не знали тогда точно о чем они договаривались с ген. д'Ансельмом. Но не было сомнений в смысле этих переговоров—Директория искала в Антанте союзника против украинских рабочих и крестьян.

Все это не мешало однако Директории делать вид, что она ищет соглашения с Советской Россией против интервентов и белогвардейцев.

После опубликования в „Известиях ВЦИК“ (24 декабря) заявления советского правительства об аннулировании Брест-литовского договора, представитель первого правительства Директории Чеховский сделал в Москву по радио запрос (31 декабря)—чем вызвано наступление советских войск на Украину. Тов. Чичерин вполне резонно ответил, что наступают не войска советской армии, а украинские войска, что на деле на Украине растет восстание, вызванное контрреволюционными мероприятиями Директории.

3, 4 и 9 января Чеховский дает ряд новых радиотелеграмм, жалуясь, что на Украину нападают „латыши и китайцы“, что их руками Москва намерена захватить Украину, дабы ее ограбить и „ввести на ней такой строй, какой желателен русскому правительству“; власть же на Украине принадлежит, мол, и будет принадлежать „украинскому трудовому народу“, а не одному „городскому рабочему классу“, который-де представляет всего 4% населения и состоит „в значительном количестве из русских пришельцев“; Директория не допустит такой узурпации власти, нашествию „латышей и китайцев“ даст отпор, но, миролюбивая, она „предлагает правительству Российской республики в продолжение 48 часов дать ответы на следующие вопросы: 1) согласно ли правительство Российской республики прекратить военные действия против Украинской республики и ее трудового народа? 2) Если согласно, то обязуется ли немедленно вывести свои войска из территории Украины? Со своей стороны Директория заявляет, что при выполнении последнего условия правительство Украины готово приступить к мирным переговорам и товарообмену. Уклонение от ответа или умолчание до 24 часов 11 января Директория угрожала расценивать „официальным объявлением войны“.

Народный комиссариат иностранных дел РСФСР отвечал на эти радиотелеграммы Директории 5, 6 и наконец 10 января. В ноте 5 января НКИД указывает на несоответствие действительности сведений, сообщенных Директорией: никаких войск Советской России на территории Украины нет; „военные действия ведутся между войсками директории и войсками Украинского советского правительства“; восстание украинской бедноты вызвано политикой Директории (отме-

чены действия Балбачана; обращение к союзникам за помощью против революционных масс Украины и т. п.); „грубой клеветой“ является обвинение Советской России в покушении на самостоятельность Украины; советское правительство будет ждать „фактических доказательств“ перемены политики Директории—прекращения борьбы против трудящихся масс Украины и решения отстаивать ее свободу против грозящего ей наступления англо-французского и американского империализма. При этих условиях, „мы с удовольствием примем в Москву вашего представителя“.

Дополнительно в радионоте от 6 января т. Чичерин отмечал созыв Директорией так называемого трудового съезда как попытку „сфальсифицировать подлинную волю украинских рабочих и крестьян“.

Эти же вопросы затрагиваются и в разъяснениях Чичерина и Х. Раковского, данных Ю. Мазуренке 6 января в Москве.

В ответ на ультиматум Директории от 9 января советским правительством была отправлена радионота (10 января): повторяя высказанное раньше, советское правительство вместе с тем приглашает делегацию УНР прибыть в Москву.

Директория послала во главе с С. Мазуренко делегацию, которая заявила в Москве, что Директория якобы за советскую власть на Украине (но на принципе „трудовых советов“), за экономический договор с Россией и за военный союз с нею против добровольцев и Антанты; но она просит прекратить наступление на Украину и признать УНР с ее властью, установленной „Трудовым съездом“.

Однако еще в начале переговоров Директория под давлением атаманов объявила 16 января войну Советской России. Немедленно был взят вполне определенный курс на соглашение с Антантой против „большевиков“ (миссия О. Назарука и Остапенко). Одновременно направлены делегации к державам Антанты, причем в их составе находились самые правые элементы украинских социал-предательских партий.

24 января Директория провозгласила объединение УНР с Западной Украиной (Галицией). Этим усиливалось и без того преобладающее контрреволюционное буржуазно-националистическое влияние галичан в политике Директории.

Объединение УНР с Западной украинской республикой закрепляло реакционно антисоветский курс Директории. Но вместе с тем оно осложняло ее военное положение,—приходилось считаться с новым врагом—с поляками.

Военные силы Директории, противостоявшие нам, быстро таяли под нашим натиском. По данным нашей разведки, в начале января в Гомеле находился полк сичевиков (номер неизвестен), в Чернигове—3-й полк сичевиков (700 штыков) и самооборона (350 штыков), в Конотопе—полк черноморцев с 5 пулеметами и батальон смерти, прибывший спешно из Киева; в Конотопе же стояли небоеспособные части, формирующиеся из мобилизованных 3-й стрелковой дивизии (многие разбежались, остальные настроены „большевистски“);

в Кролевце—местные гайдамаки и полк черноморцев с 4 орудиями (спешно направлены из Киева).

После боев под Кролевцом (в середине января) и занятия нами Чернигова, Конотопа и Бахмача, на Черниговском направлении со стороны противника действовали под общей командой полк. Рогульского до 5 000 пехоты (дивизия сичевиков) и 500 сабель (1-го сичевого конного полка).

К тому же времени по занятии нами Полтавы нам противостояли в направлении Полтава—Киев под командой атамана Сушко до 4 000 штыков (3 пехотных полка, один из которых сичевой) и 400 сабель (Лубенского конного полка); в направлении Кременчуга—остатки войск Балбачана под начальством Думина, всего до 4 100 штыков (4 полка). В самом Киеве, к 20-м числам января было сосредоточено до 8 000 штыков—в 1-й дивизии сичевиков 3 полка—(3 300 штыков), полк синежупанников (1 700 штыков), части формируемого железнодорожного корпуса (2 300 штыков) и особые охранные отряды (неизвестной численности).

Формирование корпуса железнодорожно-технических войск было объявлено 16 января. Командиром корпуса назначался атаман Хилецкий. Корпус формировался из железнодорожников, призванных, „по декретам“ 12 и 13 декабря, опубликованным телеграфно 11 января.

Овладев положением в Киеве, Петлюра решил формировать 5 корпусов. В его руках сосредоточилось управление I, II, III, IV и VII корпусов, остальные остались верны гетману и были ликвидированы.

29 января штабквартира Петлюры дала следующее извещение о потребностях для доформирования этих корпусов:

„Старшин-галичан для командиров пех. полков—2 батальонных командиров—10, сотенных—50, для артиллерийских частей—10 батарейных командиров, для 4 конных дивизий—6 сотенных. Также 30 подстаршин. (Вместо них будет выделено в галицийские части вдвое больше старшин из корпусов.)“.

Это требование говорит о неуверенности петлюровского командования в кадре своих войск. Обменом комсостава на галичан Петлюра стремится укрепить свои малонадежные части. Требование было послано в Станиславов генеральному секретариату и подписано начальником генерального штаба атаманом Мельником.

Другие приказы говорят о попытках учета бесчисленных петлюровских частей и их реорганизации.

Так приказ за № 413 от 31 января указывает:

„В настоящее время на фронтах оперирует много сотен куреней, часто очень незначительных, что затрудняет командование боем одному начальнику... Главнокомандующий приказал все мелкие части свести в полки, а полки в дивизии в составе трех пеших, одного конного и одного артиллерийского полков. По реорганизации Восточный фронт атамана Коновальца будет иметь три девизии в направлениях Чернигов, Полтава и Кременчуг; в резерве в

Киеве—две дивизии. Группа атамана Гулия—две дивизии в направлениях Екатеринослав и Никополь, группа Оскилько—три дивизии в направлениях Коростень—Сарны—Владимир-Волынск с резервами, сосредоточенными в Волыни. Группы Омельяновича Павленко надо также преобразовать в дивизии и иные части, в зависимости от числа штыков. Полки должны быть по возможности не меньше 900 штыков. Командирам групп дивизии предоставляются права командиров сводных дивизий".

Для пополнения формируемых частей в конце января объявляется всеобщая мобилизация. Призыв назначается на 10 февраля 1919 г. и в первую очередь по Волынской, Подольской, Киевской и Херсонской губерниям.

Дислокация основных штабов к концу января была такова: в Киеве находился штаб Осадного корпуса (Коновалец); Ровно—комгруппы атаман Оскилко (комкор IX действующего) и комкор VII; в Ходорове—комгруппы атаман Стецура; в Могилев-Подольском—атаман Кириенко; в Раздельной—атаман Григорьев (в то время установил уже с нами связь); в Житомире—комкор I; в Виннице—комкор II; в Баре—комкор X действующего; в Елисаветграде—атаман Гулий. Кроме заложенных гетманом имелся еще Осадный корпус Коновальца и действующие в Галиции IX и X корпуса.

Штабу Осадного (он же „сичевых стрельцов") корпуса, находящемуся в Киеве, были подчинены части, действующие в левобережной Украине; дислокация штабов формирующегося особого железнодорожного корпуса, IV корпуса, дивизии сирожупанников и 1-й дивизии сичевых стрельцов в Киеве (к концу января): ст. Гребенка—Полтавская группа (полковник Сушко), ст. Бровары—Черниговская группа (полковник Рогульский). Штабу сичевиков подчинялся также запорожский корпус (штаб Умань), действовавший в Екатеринославском направлении.

Перехваченные нами в этот период сводки петлюровских штабов пестрели сообщениями о разложении войск Директории. 31 января атаман Гулий назначается командующим в районе Бобринской с подчинением ему полка имени Петлюры и там находящихся частей Запорожского корпуса. Задача—подавление восстания. В тот же день из штаба III Херсонского корпуса сообщалось, что Ямпский полк обезоружил в м. Балте Балтский полк „за большевистское анархическое направление". Сводка от 1 февраля гласила: „Настроение в 55-м и 59-м полках нехорошее, казаки братаются с врагом и посылают делегации...". „Уездный комендант Канева разбил у Ходорова банду Зеленого и наступает на Ржищев".

Центральное информационное бюро при Директории сообщало от 31 января.

„Умань, Звенигородка, Черкассы. Смела. Бобринская заняты красным казачеством с военноревоюционными комитетами во главе. В Ржищеве сложился военревком Киевщины, провозгласивший свержение Директории и ее членов „вне закона" и призвавший к организации советской власти. Этот же Ревком провозгласил переход всей помещичьей, кулацкой, монастырской и

церковной земли в распоряжение советов крестьянских депутатов. Всем вооруженным казакам, стоящим за советскую власть, явиться в штаб 1-й Днепровской дивизии (Ржищев). Состав военревкома: Боровой-Майоров, Стороженко (Громов, Лотусяк).

Из Екатеринославщины—положение с моральной стороны скверное. Казаки равнодушны к призыву бороться с большевиками, а часто сочувствуют и дезертируют. Крестьянство можно разделить на две части: пассивное и активное. Активные сочувствуют и идут за левыми течениями—украинскими большевиками. В м. Умань—неудачная попытка совершить большевистский переворот".

И на правобережьи и на левобережьи положение Директории рядом официальных документов рисуется как критическое. Повсюду происходят восстания под знаком советской власти. Расшатанные войска Директории незначительны и катастрофически тают в боях с нами. Лишь галицийские и то немногие части, которые располагали солидным галицийским кадром, сохраняли боеспособность. Однако главная их масса была скована с поляками, развивающими наступление на Галицию. Это заставляет Директорию лихорадочно торопиться с заключением военного союза с Антантой против украинской революции ценой продажи Украины.

Обстановка явно требовала от нас стремительного наступления, чтобы довершить разложение петлюровских сил, добить их кадры, сорвать соглашение Антанты с Директорией.

Вернувшись из поездки в Черниговщину, командфронтом отдал следующий оперативный приказ:

§ 1.

„1. Противник, разбитый у Бахмача и Полтавы, отходит в направлениях на Киев и к югу.

2. Войскам фронта подготовиться к дальнейшим операциям против Киева, Кременчуга и Екатеринослава.

а) 1-й Украинской стр. дивизии сосредоточиться в районе Нежин—Остер—Козелец—Бобровицы, ведя разведку в районе Остер—Васильков—Таращa—Переяславль—Бобровица. К дивизии присоединить 9-й и 10-й украинские стр. полки и 5-й кав. полк, находящиеся в распоряжении т. Беленковича, коим сосредоточиться в районе Бахмач—Круты—Прилуки, ведя разведку в районе: Круты—Бобровица—Переяславль—Городище—Прилуки.

б) Харьковской группе в составе 2-й Украинской стр. дивизии, 11-го стр. полка, Интернациональных частей и придачных к ним технических частей действовать в направлениях на Кременчуг и Екатеринослав, наблюдая левофланговыми частями Донецкий бассейн. Район разведки: Полтава—Кременчуг—Николаев—Херсон—Мариуполь—Таганрог—Бахмут—Лозовая.

в) Резерв фронта: 1-я бригада 9-й стр. дивизии: расположиться—управлению бригады, 74-му и 75-му стр. полкам, управлению арт. дивизиона и двум батареям в Харькове, 73-му стр. полку и одной батарее в Белгороде, 3-му округу пограничной охраны—расположиться в районе Кролевец—Конотоп—Ворожба—Белополье—Путивль со штабом в Конотопе.

3. Всем частям фронта возможно скорее перейти к штатному составу, влив повстанческие части и мелкие формирования в ряды дивизии.

4. Интернациональные части свести в бригаду штатного состава.

5. 20-му украинскому стр. полку действовать в направлении на Коростень—Бердичев—Казатин.

§ 2.

В дополнение к § 2 приказа № 2 от 15 января с. г. объявляю для руководства, что разграничительной линией между украинскими и южными фронтами назначена линия: Елец—ст. Оскол—Купянск—Бахмут—Новониколаевская на берегу Азовского моря.

Все пункты исключительно для Украинского фронта.

Основание: телеграмма наштареввоенсовета республики от 17 января за № 680".

Обстановка требовала скорейшего сосредоточения сил на подступах к Киеву. Но начдив I сообщал, что никаких сведений о подходе к нему на соединение частей, сформированных т. Беленковичем, он не имеет. Тогда командующий украинской армией выехал лично в район Беленковича, чтобы подтолкнуть исполнение приказа.

Тов. Беленкович, направленный в Рыльско-Суджанский район еще в конце ноября, должен был оформить различные партизанские отряды, осевшие в этом районе, в штатную бригаду. При нем находился небольшой штаб и кадр, вывезенные им из-под Царицына при переформировании 10-й армии. Из опыта гражданской войны (т. Беленкович с первых дней революции работал, как организатор Красной гвардии на Украине, а затем на Кубани с Жлобою) Беленкович вынес глубокое убеждение в крайней вредности партизанщины, не соглашался принимать командной должности над неоформленными частями. Реввоенсовет направил его в Рыльск в качестве „начальника формирований", подчиненного в строевом и хозяйственном отношениях Военному отделу правительства. Беленкович застал в своем районе крайний сумбур формирований и чрезвычайную чересполосицу командования.

Здесь находились и пограничные части, подчиненные Орловскому округу погрохраны, и части 9-й резервной дивизии, подчиненные штабу Резервной армии (Курск), и повстанческие отряды, тяготевшие к штабу 1-й и 2-й украинских дивизий.

Хутор Михайловский, занятый нами 19 ноября, вначале находился вне района действий Беленковича. Туда нами был направлен с заданием формировать кавалерийский полк, партизан Гребенко, прорвавшийся с небольшим отрядом в нейтральную зону из оккупированной Украины [1].

---

[1] Гребенко отличился в партизанской борьбе с немцами в Таращанском районе и у Белой Церкви, затем походом на левобережье на соединение с Крапивянским, поднявшим неудавшееся восстание в Черниговщине. Особенно упорный бой вел он на р. Голтве, но прорваться к Крапивянскому ему не удалось — *А. О.*

Стремление Беленковича подчинить себе партизанские отряды и реорганизовать их в штатные воинские единицы встретило отпор со стороны партизан. Особенной недисциплинированностью отличался Павелин, командир „третьего украинского полка“. Он предпринял на свой страх и риск атаку Глухова и был разбит петлюровцами. Только 14 декабря благодаря переходу к нам его гарнизона Глухов был занят Павелиным.

Наша инспекция, работавшая в частях 1-й дивизии и в Глуховском районе, в конце декабря внесла между прочим следующие предложения: 1) прекратить неумелые действия „отдела формирования“ т. Беленковича (назначение „несоответствующих лиц“, например в Глухов Цинулчика, самовольно проводящего мобилизацию лошадей в Кролевце, где Беленкович внес большую путаницу, в результате которой 3-й и 4-й Глуховские полки покинули этот участок, ссылаясь на свою подчиненность Беленковичу, хотя начальник 1-й дивизии имел указание из центра об их подчиненности ему); 2) усилить боевую дисциплину в этих частях (3-й Глуховский полк предпринял самовольно наступление на Глухов и был разбит, командир попал в плен); 3) заменить командира 3-го полка Павелина за неподчинение центру, демагогию и истеричность.

Направленный т. Артемом для инспекции т. Казюра телеграфировал из Глухова (30 декабря) о чересполосице в командовании на участке Путивль—Терещенская—Кролевец и рекомендовал в качестве начальника боевого участка именно Павелина.

31 декабря Казюра опротестовывал назначение командиром запасной бригады т. Логинова как невоенного и отмечал продолжающийся разброд в командовании. Логинов настаивал на влитии в бригаду „4-го советского украинского полка“, подчиненного (до окончания формирования) Беленковичу. С большим трудом удалось уладить этот вопрос. Вместо Логинова Казюра рекомендовал комбригом Павелина (Логинов—бывший подпоручик, толковый работник, испытанный коммунист).

Серьезное внимание приходилось уделять Кролевцу. По сведениям к 1 января туда прибыл отряд Черноморской дивизии противника, который повел наступление, отбитое частями нашей 1-й дивизии, причем было захвачено 2 пулемета и 100 винтовок. Кроме того нами была взята деревня Кридки (в 40 *км* к западу от Воронежа), причем захвачено было 25 пленных.

Одновременно с боевым оживлением в Харьковском направлении такое же оживление отмечается и в Сумско-Кролевецком районе. Распоряжения, отданные командовавшему этим участком т. Маслову (Беленкович упорно отказывался принимать оперативные приказы Реввоенсовета Курской группы), ставили задачей наблюдение за противником и прикрытие нашего продвижения к Харькову. Беленкович должен был спешно закончить формирование запасной бригады, чтобы по занятии нами Харькова выйти на соединение с повстанческими силами Полтавщины, руководимыми Ю. Коцюбинским.

1 января, отразив атаку противника (2 роты пехоты и 1 эскад-

рон) из Сум, мы заняли Басы, а 3 января—Алтыновку (к Конотопу) и Сновскую.

6 января к югу от Глухова отряд гайдамаков (в 200 штыков и 75 сабель с артиллерией) напал на наши заставы в районе Петуховка. Одна застава, вынужденная отойти, соединилась с другой, перешла в контратаку и, разбив гайдамаков, заняла прежнее положение. Противник, бросая раненых, бежал. К вечеру 8 января было занято Белополье и отражена контратака петлюровцев в районе Сум. 10 января взяты с боем Сумы, причем захвачено 11 пулеметов... Беленкович всерьез расшевелился... К этому времени ему была дана разграничительная линия с 1-й дивизией: хутор Михайловский—Конотоп включительно.

Он фактически принял под оперативное командование все части, расположенные в районе от указанной линии до района действий 2-й дивизии.

Вечером 24-го командующий украинской армии выехал из Орла через Курск в Ворожбу—Сумы. С Беленковичем легко договорились. Попрежнему отказываясь принимать на себя лично оперативное командование организуемыми им частями, категорически заявив, что продолжает считать себя только начальником формирований и поворчав на то, что ему не дают закончить организационную работу, столь успешно ведущуюся им, Беленкович обязался исполнить приказ от 24 января, хотя и оговорил задержку его исполнения на несколько дней из-за недостаточной снабженности организованной им бригады.

25-го мы прибыли в Конотоп. Здесь скопление подозрительных пассажиров. Дан нагоняй начвосо за допущение пассажирского движения. Заведующему артиллерийской частью Резервной армии предписано: „осмотреть все артиллерийские склады и выяснить наличное артиллерийское имущество".

Инспектор пехоты Украинского фронта Иванов (бывший ген.-майор) проинспектировал 3-й украинский полк. В результате этого инспектирования Беленковичу было дано следующее предписание:

„Тов. Беленковичу, начальнику формирований украинской советской армии 1919 г. 26 № 57 Л. К. Гражданин Павелин, командующий 3-м повстанческим советским полком, обвиняется в ряде поступков, несовместимых со званием командующего красноармейской частью, позорящих это звание. Приказываем вам, назначив временного заместителя Павелину, Павелина арестовать и препроводить под конвоем в трибунал Украинского фронта в г. Орел, направляя туда же все данные по делу Павелина и выделив для ускорения следствия особую комиссию, которой следовать указаниям трибунала фронта".

Одновременно в Революционный трибунал фронта было заявлено:

„Гражданин Павелин привлекается по обвинению: 1) в неисполнении предписаний начальника (материал у начальника формирований т. Беленковича в Сумах); 2) в захвате народного достояния в собственность своего полка и в распродаже этого достояния (материал частью у Беленковича, частью у конотопского Ревкома); 3) в

опозорении части Советской армии—будучи захвачен в плен, разыграл из себя делегата и от имени полка подписал договор о сдаче полком оружия и обязательство склонить к этому другие советские части; оставленный за него заложником один матрос петлюровцами был расстрелян".

Тут же познакомились с любопытной фигурой—Бибик Гр. С., „начальник летучего отряда Конотопской боевой революционной дружины по охране МКВ ж. д.". Пристрастие к громким названиям и партизанству уже в те времена было архаическим пережитком. Вначале этому весьма боевому инициативному и честному железнодорожнику (в его отряде 150 штыков и 4 пулемета на площадке) командующий украинской армии выдал мандат, гласивший, что ему поручается охрана железной дороги—от прежней демаркационной линии у хутора Михайловского до конечных станций, освобожденных от противника по МКВ ж. д, но вскоре мандат этот был опротестован начвосо и поэтому отобран.

Узнав, кажется, в Ворожбе, что путь свободен, мы проехали в Бахмач. Но еще из Конотопа мы получили прямой провод на Чернигов и из штаба 1-й бригады 1-й дивизии нам передали:

„Занят Остер. Батальоном 1-го советского полка 1-й украинской дивизии взято местечко Семиполки 40 *км* северо-восточнее Киева, где противник был обойден с тыла и разбитый бежал в Рудню, преследуемый нашей конницей. Рудня также занята, взято 400 пленных, 8 пулеметов, много винтовок и телефонного имущества. Восстанавливается связь по железной дороге ст. Бобрик—Нежин—Круты. Занят Козелец, и части подвинулись километров на 12 вперед. Кавалерия заняла Носовку и разобрала путь. Вероятно сегодня будет ликвидация Нежина, с ним нет ни телефона, ни телеграфной связи. Вчера штаб Таращанского полка был в Веркиевке".

В Бахмаче взятие Нежина подтвердилось, но одновременно с этим выяснилось сосредоточение значительных сил противника у Прилук. Поэтому Локотошу было предписано:

„Дополнительно к преподанной Вам директиве о сосредоточении в исходное положение в районе Остер—Козелец—Бобровицы—Нежин, разведке подступов к Киеву и доформировании частей дивизии, Вам предписывается, ввиду накопления неприятельских сил у Прилук и задержки в продвижении частей 1-й бригады 3-й дивизии, действовать в направлении к Прилукам для ликвидации неприятеля. При этом Вам надлежит согласоваться с действиями подчиненного начформирования Беленковичу (штаб Сумы) т. Маслова, наступающего от Лохвицы к Пирятину".

Кролевец был взят нами только к 17 января. К этому времени, считаясь с положением на путях к Киеву, мы предложили т. Беленковичу спешно направить сформированные им части через Конотоп на соединение с 1-й дивизией.

Нажим наш в Конотопском направлении значительно облегчил бы работу 1-й дивизии в направлении Нежин—Бахмач. Конотоп был занят еще 19 января. 20-го 2-я дивизия взяла Полтаву. 21 января,

сообщая Беленковичу из Гомеля об успехах 1-й дивизии, мы повторили предписанное—направить в распоряжение начальника 1-й дивизии все сформированные части. Это предписание подтверждено в приведенном выше приказе по фронту от 24 января.

К 27 января Локотош занял линию Остер—Козелец. Железная дорога от Курска до Бобровицы находилась в наших руках. Ромны—Лохвицы—тоже.

В ответ на сообщение о наступлении на Киев 29 января Локотошу была послана шифровка взять из Конотопа 3-й запасный полк и обещаны подкрепления через 3—4 дня от Беленковича.

Беленкович, находившийся в Сумах, получил предписание: „Локотош начал атаку Киева. Все находящиеся в вашем распоряжении боеспособные части шлите немедленно поездами в Бровары в его распоряжение".

Одновременно в штаб Западного фронта была послана просьба о поддержке нашего наступления на Киев ударом на Коростень.

Через несколько дней штаб Западного фронта ответил: „Достаточных сил для энергичного наступления не имеем. Сарны нами взяты, и мы преследуем противника, отступающего на Ровно. Чтобы занять Коростень наличными силами, сделано распоряжение комбригу третьей стрелковой дивизии войти в связь с правофланговыми частями Укрфронта".

Командиру 4-го украинского полка Чижикову, все еще колебавшемуся, была дана в Гомель телеграмма: „без рассуждений, иначе—суд, отправиться в Бровары, в распоряжение Локотоша".

Ауссему (командующему Харьковской группой) предписывалось направить бронепоезд № 9 через Сумы в Бровары к Локотошу и передать в его распоряжение 7-й и 8-й полки с батареей. Этим частям погрузиться в Кременчуге для экстренного следования через Ромодан к Яготину.

1 февраля в 13 час. между командующим украинской армией и т. Локотошем по прямому проводу происходил следующий разговор:

„Антонов: (Харьков): Скажите, что нового?

Локотош (Нежин): В 12 час. 55 мин. 31 января петлюровцы при двух тяжелых орудиях, четырех легких, одном конном полку и около четырех тысяч пехоты повели наступление на село Свитильню к югу от ст. Бобрик, где находился II батальон 2-го полка при двух орудиях. Наши не дрогнули и, несмотря на его артиллерийский и пулеметный огонь, перешли в контратаку и обратили противника в паническое бегство к Гоголеву, где он оставил много убитых и раненых, пулеметы и одно легкое орудие. Ведется усиленная разведка. Противник группируется у Бровары, которая нашими передовыми разведочными частями оставлена. По линии железной дороги и над деревней Бобрик ежедневно летает неприятельский аэроплан. В Киев мною выслана усиленная разведка. Часть ее возвратилась с представителями рабочих организаций, которые обещают поддержать нас, т. е. сделать восстание при наступлении наших войск. Они сообщают, что в Киеве началась эвакуация как казенных

учреждений, так и буржуазии. На правом берегу Днепра противником установлено сто двадцать орудий разного калибра. Мной высылается по железной дороге полк. Прошу поторопить занятие Пирятина Масловым, так как мне необходимо снять 3-й полк и отправить под Киев. 3-го числа из Чернигова выступает в Семиполки кавалерийский полк, который уже в полной боевой готовности.

Антонов. Через два-три дня буду у вас. Все, что можно, делается для усиления вас. Приготовьте точный оперативный доклад за время, прошедшее с нашего последнего свидания, с копиями разведывательных сводок и ваших оперативных распоряжений. Продолжайте сосредоточение и усиленно наблюдайте ваши фланги. Заручитесь точными планами расположений правительственных учреждений, всех складов, войск. Помните указания о необходимости обхода. Броневой к вам вышел. Авиаотряд будет выслан.

Ночью 1 февраля командующий украинской армии совместно с т. Щаденко, членом Реввоенсовета фронта, выехали в штаб т. Беленковича (Локотош сообщал, что связи с ним не имеет и ничего об его действиях не знает). С Беленковичем мы разъехались: он направился в Харьков.

По докладу начальника штаба т. Горбунова дислокация частей следующая: штаб бригады т. Маслова—Ромны; 3-й пехотный полк (командир Кайранский)—занял г. Пирятин; 9-й пехотный полк (командир Богатский) и 3 орудия в районе Лохвицы; 5-й кавалерийский полк, сформированы 3 эскадрона (командир Михлик)—в Ромнах; 4-й пехотный полк (командир Курский) и 5 орудий—в Конотопе (готов отбыть в Бровары); в Сумах—12-й район погрохраны, 2-й пехотный полк и отделы, обслуживающие штаб формирований. Никакого содействия военкоматы не оказывают; ни одного краскома от них, продукты имеются только на день и на наличный состав. Тем не менее настроение красноармейцев отличное.

Уездная Чрезвычайная комиссия вмешивается в чисто военные распоряжения.

Кроме того начальник снабжения сообщил ряд фактов о препятствиях, которые формирование Красной армии встречает со стороны местных военных учреждений.

Беленькович прибыл в Сумы 2 февраля. После разговора с ним, Глаголеву в Харьков было сообщено: „Из штаба Беленковича получил сведения об исполнении Масловым предписания. Следует настаивать на исполненииАуссемом нашего первого варианта переброски" (сосредоточении 7-го и 8-го полков к Яготину).

Отправке на фронт частей Беленковичу препятствовала их недоснабженность. В результате крупного столкновения с губвоенкомом, ссылающимся на распоряжения Военной инспекции и т. д., пришлось дать соответственную телеграмму Наркомвоену в Харьков; Беленковичу же было предписано: „Противник в значительных силах сосредоточивается для обороны подступов к Киеву у ст. Дарница—ст. Бровары. Наша 1-я дивизия стягивается в районе Остер—Нежин. 2-я дивизия, заняв Полтаву, выдвинула передовые части к ст. Ереськи,

овладела Кременчугом. 7-й и 8-й полки и 1-я батарея из ее состава переходит в Ваше ведение. Эти части грузятся в Кременчуге для направления через Ромодан к ст. Гребенка и далее к Яготину.

Вам надлежит: 1) взять под охрану линию железной дороги от Ромодана до Яготина, от Ромодана и Гребенки к Бахмачу, наблюдая направления на Черкассы и Киев; 2) вверенные Вам части в самом спешном порядке сосредоточить в районе Нов. Басань—Барышевка, Березань, для действий против противника соответственно дальнейшим указаниям.

По прибытии к Яготину и Березани, необходимо разведать возможность переправы через Днепр".

Этим приказанием отменялось распоряжение отдать Локотошу все боеспособные части (только один полк из Конотопа пошел прямо в Бровары) и Беленковичу давалась самостоятельная задача—сосредоточиться в исходное положение в районе Яготине и выяснить возможность переправы через Днепр. Ему же подчинялись части, выделенные 2-й дивизией.

Управление вверенной Беленковичу группы предписано формировать по штатам дивизии.

2 февраля в 20 часов мы с т. Щаденко выехали к Локотошу.

Тем временем наше наступление под Киевом развивалось. В ночь на 1 февраля была отражена вторичная атака противника к ст. Богодуховка. При преследовании захвачено 120 пленных, 2 пулемета и много винтовок. 1 февраля нами были заняты станция и село Бровары.

По показаниям пленных, под Броварами на стороне петлюровцев сражались: части 1-го и 2-го Черноморских полков (сильно потрепанные в предыдущих боях), Белоцерковский, 1-й Киевский и 1-й стрелецкий (сичевики) пехотные полки, 1-й партизанский кавалерийский полк, 2 легких батареи и 2 тяжелых орудия. Велено было держаться „до последнего". В подкрепление выдвинут затем и 3-й полк сичевиков.

2 февраля противник повел усиленную разведку шоссе Киев—Бровары. Его бронепоезд даже пытался подойти к Броварам, но был отогнан нашей артиллерией. Локотош решил немедленно атаковать в этот день Киев. Он сообщал:

„Нами заняты Бровары, наша тяжелая артиллерия обстреливает Киев, части спешно поездами сгруппировались вокруг Киева по имеющимся точным сведениям от бегущих в нашу сторону рабочих в Киеве царит паника. Штаб дивизии передвигается сейчас в Нежин".

В 2 часа 3 февраля командующий украинской армии т. Щаденко прибыл в Нежин.

Из доклада Локотоша выяснилось:

1. Численный состав дивизии—9,034 штыков, 875 сабель, 430 артиллеристов, 86 сапер, 264 службы связи, 13 шоферов и 2 746 лошадей.

2. Дислокация: I батальон 1-го полка—в селах: Пуховка, Зазимье и Погребы; II и III батальоны 1-го полка с одной легкой батареей, 2 тяжелыми орудиями и бронепоездом—в Броварах; I батальон 2-го полка—в Княжичах, II батальон—в Александровке, III—в Бо-

рисполе, тут же легкая батарея и эскадрон, в с. Гоголеве—2 эскадрона; 3-й и 4-й полки в эшелонах на пути от Ични через Бахмач—Нежин к Броварам. 3-й полк должен был по прибытии в Бровары занять двумя батальонами Княжичи и одним—Борисполь. 4-у полку, высадившись в Бровары, занять линию Оскорки—Позднякн, войдя в связь с 2-м полком в Дарнице, и подготовиться к форсированию Днепра. Задача—стремительно занять Саперную Слободу одним батальоном, остальными частями полка с кавалерией отрезать железнодорожную линию у с. Жилян.

Эти распоряжения Локотоша нами были одобрены. Кроме того политкомиссару дивизии передавались привезенные нами из Харькова политработники—Антонюк, Корнак, Колосов, Моргунов и Рождественский.

11-му пограничному полку в отмену распоряжения (следовать из Нежина в Конотоп для формирования в пограничную бригаду) предписывалось войти в подчинение т. Локотошу; командующему Харьковской группы—поторопиться с переброской бригады 2-й дивизии в Черкассы—Борисполь. Штабу в Орел тогда же предписание—ускорить переброску 3-й дивизии (шла в район Черниговщины в резерве главкома) и 9-й резервной (шла в Харьков—Екатеринослав в наше распоряжение).

После осмотра нежинских артиллерийских складов было дано распоряжение немедленно приступить к эвакуации в Карачев всех трехдюймовых затворов, запасных частей и принадлежностей к орудиям разных калибров и конской амуниции.

4-го утром выехали в Бровары. По дороге много брошенного военного снаряжения, в частности тракторных девятидюймовых орудий... В Броварах производился осмотр частей 1-го полка. Подорванный кашель плохо обмундированных красноармейцев заглушал краткую приветственную речь командующего украинской армии. Заявление, что мы возьмем Киев и покажем подлинную советскую доблесть, было покрыто дружным радостным „ура". Познакомились с командным составом дивизии. Щорс—командир 1-го полка (бывший штаб-капитан), суховатый, подобранный, с твердым взглядом, резкими четкими движениями. Красноармейцы любили его за заботливость и храбрость, командиры уважали за толковость, ясность и находчивость.

Командир 2-го Таращанского полка Боженко—из рабочих киевского арсенала—тип партизанского атамана „батько", коренастый, тяжеловатый, но хитрый и рачительный хозяин, у которого красноармейцы всегда будут и обмундированы и сыты. Части у него довольно дисциплинированы, но сам он весьма трудно поддается дисциплине. Военного образования не имеет, в карте разбирается плохо и с трудом ориентируется в общей обстановке. Но его полк слепо, безотказно пойдет за ним, куда „батько поведет".

Во время нашего разговора с командирами, Локотошу неожиданно сообщили, что замечено сосредоточение неприятельских сил у

Барышевки. „Обходят,—вэметнулся Боженко,—сейчас бегу к своим молодцам“.

Удерживаем его, разъясняем. „Куда им обходить, петлюровцам не до того, бегут из Киева. А в Барышевке, повидимому остатки, отступающие из-под Гребенки“.

Начдив получает предписание:

„Установить связь с Масловым, выслав разъезд в Яготин с предписанием, в каком укажите, что согласно моему распоряжению 9-й полк и артиллерия переходят временно в Ваше ведение, что Маслову надлежит взять во фланг противника, группирующегося у Барышевки. Об исполнении мне срочно сообщите. Вообще Вам необходимо установить конную почту с Масловым.

Связь у Вас с полком совсем не налажена“.

4 февраля Локотошу был дан приказ:

„Неприятельские силы в Киеве находятся в разложении. Некоторые приготовления к обороне заметны на Печерской горе, где расположена батарея в 6 орудий у железнодорожного моста через Днепр. Незначительные силы противника занимают Дарницу, более значительное накапливание замечено у Барышевки, куда очевидно отошли части, отступившие из-под Гребенки.

Части нашей 17-й дивизии запарм наступают от Овруча к Коростеню 9-й Советский Украинский полк с батареей наступает от Пирятина к Яготину, за ним в расстоянии перехода следует 10-й Советский Украинский полк, затем 7-й и 8-й полки с одной батареей, закончившие вчера днем погрузку в Кременчуге. Эти части составляют группу Беленковича, которому предписано быть к 7 февраля с главными силами у Батурина и оказать вам поддержку. Беленковичу ныне приказано 9-й полк с батареей передать временно в ваше распоряжение.

Всем разрешается в полной мере использовать 11 подрайон погрохраны.

П р и к а з ы в а ю на рассвете 6 февраля атаковать и взять Киев.

Сосредоточение частей дивизии в исходное положение для атаки произвести в ночь с 5 на 6 февраля.

Против неприятеля у Барышевки выделить части Маслова и необходимый заслон от второй бригады вашей дивизии.

При занятии Киева надлежит: 1) принять меры к перерыву железной дороги Киев—Сарны и Киев—Фастов; 2) установить связь с нашими в Овруче (Коростень); 3) преследовать противника, не давая ему сгруппироваться на ближайших подступах к городу; 4) именем Реввоенсовета Украинской Советской армии объявить город на осадном положении, приняв на себя обязанности начальника гарнизона и немедленно назначив коменданта города“.

Тогда же Беленкович получил подтверждение: „Вам мною предписано к 7 февраля с главными силами быть в Борисполе. Маслову я лично передал немедленно наступать к Борисполю. Будете преданы суду, если это не было немедленно выполнено. В Барышевке сгруппировалось до тысячи петлюровцев с орудиями. Их надо ликвидировать. Из Яготина пришлите донесение. Непременно войдите в конную связь с Локотошем. Об исполнении срочно донести“.

7 февраля от Беленковича из Ромны поступило донесение (от 5-го).

„Положение на участке группы за истекшие сутки без перемен. Данные Вами мне задания получил и приступил немедленно к выполнению. Части выступили, вслед за ними выезжаю на участок".

5 февраля от Вацетиса получена телеграмма о присылке железнодорожного полка для охраны железной дороги левобережья. Вацетису было сообщено:

„В наших руках Киев, Черкассы, Кременчуг, Екатеринослав, Александровск. Обстановка вполне допускает развертывание намеченных к таковому на Украине регулярных дивизий".

В Москву послано следующее извещение:

„Наши войска вступают в Киев, очищенный петлюровцами. Преследование противника, отступающего в направлении Фастова, продолжается. Власть в городе в руках исполкома Совдепа во главе с т. Бубновым. Необходима спешная присылка дельных работников. Эвакуация Киева проводилась петлюровцами две недели. Много ценного имущества ими вывезено. 5/II—18 часов".

Итак, хотя мы готовились атаковать Киев только 6-го, мы вступили в него уже 5-го...

Петлюра решил сдать Киев без боя. Утром 5-го в Бровары прибыла под флагом Красного креста делегация Исполкома, которая и сообщила, что город петлюровцами очищен. Одновременно мы узнали об этом и от разведчиков, направленных в город.

К ночи 5-го Локотошу было предписано:

„Противник поспешно отступает по направлению к Фастову—Казатину—Виннице. В пяти верстах от Киева первого несколько его эшелонов потерпели крушение, путь исправляется под прикрытием незначительных пехотных частей.

Приказываю: 1) Немедленно двинуть конницу для перехвата пути отступления частям, задержавшимся у места крушения эшелонов. 2) Из остальных частей дивизии выделить несколько батальонов в гарнизон Киева, принять меры к обеспечению связи с нашими в Овруче, не допустить сосредоточения неприятельских сил на ближайших подступах к Киеву (до села Василькова). 3) При размещении частей руководствоваться необходимостью в ближайшие дни их двинуть к ст. Фастово, о чем будет особое распоряжение".

Таким образом это предписание вторично отмечает необходимость не допустить сосредоточения неприятельских сил поблизости Киева, Локотош его не выполнил так же, как не был своевременно выполнен перехват кавалерией противника у Киева на месте крушения его эшелона. Указание разместить и использовать части так, чтобы быть готовым к скорому возобновлению наступления, выполнено не

точно. Не выполнено также установление связи с частями западной армии.

Между тем Беленкович все еще медлил. 6 февраля в 11 часов он телеграфировал из Лубен, что половина состава частей 2-й бригады 2-й дивизии невооружена, комсостав ее не вполне надежен, в частности командир 7-го полка Бочкин (Бочкин пытался арестовать комъячейку и политкома за „превышение власти"); „поэтому беру свои регулярные части, приступаю к выполнению. Погибну, но сделаю все, что могу".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ (карта 1).

Вступаем в Киев. Организационная работа в Киеве. Борьба за Наркомвоен Украины. Первая встреча с Григорьевым. Наркомвоен Н. И. Подвойский берется за работу. Инспекционная поездка командукра. Соглашение с Наркомвоеном о формированиях на Украине. Разнобой между Наркомвоеном и командованием. Политработа в частях (март).

В 10 час. утра 6 февраля основные силы 1-й дивизии вступили в Киев. У здания Думы их приветствовал исполком киевского комитета во главе с т. Бубновым. Вечером того же дня происходило в здании городского Оперного театра первое, после годичного перерыва, заседание Киевского совета. С речами выступали Бубнов, командующий украинской армией и другие.

Командукр говорил: „Ваши приветствия принимаю, как представитель Красной советской украинской армии. Эта армия плоть от плоти, кровь от крови украинского трудового народа. Она воистину—вооруженная рука рабочих и крестьян Украины. Она—надежная, готовая всегда наносить удары их врагу, сильная рука. На связи с трудовым народом Украины, на подчиненности его интересам основана ее железная дисциплина. Не прежняя казарменная, мертвая дисциплина, а сознательное самоограничение во имя интересов своего класса, яркое сознание святой солидарности людей плодотворного труда—вот какова эта дисциплина, железная спайка армии революции. Не как внешний завоеватель, наступивший пятой на грудь побежденного народа и навязывающий свою наглую волю, не так вступили мы в столицу Украины. Это—сыны Украины возвращаются к родному очагу, к своей родимой матери, сбивают с нее цепи рабства и сливаются с нею в объятии родственной любви. Да, наш родной очаг был разорен и был опозорен. Когда в прошлом году штыками рабоче-крестьянского восстания была свергнута изменническая центральная Рада, она укрылась под крыло германского империализма и под его прикрытием вернулась на берега Днепра. Как лакею, отслужившему свою службу наглому барину, германские хищники дали затем Раде пинка и на ее место поставили гетмана. Лисью власть Петлюр и Винниченок, стремившихся сохранить устои буржуазного рабства на Украине, хотя бы ценою ее порабощения иностранному капиталу, сменила волчья власть генералов и помещиков. Но вновь поднялись волны рабоче-крестьянского восстания. И вслед за гетманом Скоропадским

сносят в помойную яму и презренных соглашательско-предательских болтунов. „Подлинно украинская и подлинно трудовая приходит власть советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Ей отдает почет Красная армия Украины, ей дает клятву быть верной ее приказам, быть достойной ее руководства. Власти советов на Украине привет и слава".

Одновременно с парадами проводится большая организационная и боевая работа. Первые заботы уделяются воинским частям.

Расположиться им пришлось не в казармах, а по обывательским квартирам, так как казармы были оставлены петлюровцами в совершенно разоренном виде. Размещение проверено инспекцией пехоты.

В 13 часов 8 февраля в Гранд-отеле происходило заседание исполкома с командованием и приехавшими членами Временного правительства—Скрыпником, Затонским, Коцюбинским и Пятаковым. На этом заседании, на которое из военных были приглашены—комфронта, Щаденко, Локотош, Шорс и Панафидин (военком 1-й дивизии), производился обмен приветствиями, заслушивался краткий доклад комфронта и председателя исполкома. На более „тесном" совещании обсуждались вопросы наших взаимоотношений.

Была принята следующая предложенная нами резолюция:

„Собеседование командиров, политработников дивизии с Реввоенсоветом и представителями Рабоче-крестьянского правительства обнаружило полное единство взглядов в отношении задач, стоящих перед тылом и фронтом: 1) армия страдает недостатком снабжения—необходимо не только спешно наладить планомерную работу военного комиссариата, но и немедленное удовлетворение потребностей армии; 2) армия страдает отсутствием организованных резервов—необходима организация запасных частей, вполне обученных; 3) части дивизии должны быть вооружены и вообще снабжены одинаково, согласно штатам и обязаны правильной и постоянной отчетностью; 4) тыл должен дать политработников для армии; 5) командный состав до самых верхов должен быть призван к близкому, товарищескому общению с воинскими частями; 6) командиры должны организовать регулярные и плановые занятия с частями, части должны быть технически доформированы.

Красная советская армия Украины идет тесно с Советской властью и ее органами, она всемерно ей содействует, но она вправе требовать и полного содействия себе со стороны советских учреждений. Она призывает советские учреждения Киева к самой энергичной работе по укреплению армии и к беспощадному искоренению контрреволюционеров, в чем обещает ей полное содействие.

Красная армия обращает внимание советского правительства на полную неналаженность совласти в тылу и призывает все силы направить на скорейшее налаживание этой власти".

В этот же день была получена телеграмма о награждении 1-го и 2-го полков—телеграмма гласила:

„Постановлением правительства от 7 февраля Богунскому и Таращанскому полкам вручается за геройские и доблестные действия против врагов рабочих и крестьян почетные красные знамена. Ко-

мандирам этих полков за умелое руководство и поддержание революционной дисциплины в вверенных им частях вручается почетное золотое оружие. Богунский и Таращанский полки сохраняют свои наименования".

В Киеве боевым темпом проводилась самая широкая организационная работа. В первые же 2 дня взяты на учет все запасы продовольствия, снабжения и топлива. Кроме того приводятся в порядок средства связи и передвижения, начат срочный ремонт казармы, создана борьба со спекуляцией, подтверждается, что ввоз в Киев продуктов свободен, двинута выпечка хлеба для гарнизона, производится осмотр всех складов, берется на учет все складское имущество, проверяются починочные, ремонтные мастерские и устанавливается строгий контакт с советскими органами.

Одновременно по распоряжению РВС фронта в Киеве производятся поголовные обыски. При этом наблюдается образцовый порядок. Ни малейших эксцессов. Никаких жалоб не поступало. Обнаружено много скрытого оружия и задержано не мало подозрительных лиц.

Члены РВС фронта лично обошли помещения, где разместились наши части, побывали в арсенале, артскладе и в главнейших мастерских.

На ряде совещаний с губернскими работниками проработаны основательно вопросы снабжения войск, военных заготовок и т. д.

Пришлось заняться также вопросом о военнокомиссариатской работе.

11 февраля была послана телеграмма в Харьков народному комиссару военных дел с предложением пока не организовывать окружного военкомата, а ограничиться организацией киевского губернского комиссариата.

На основании тщательной инспекции частей (в инспекции принимали некоторое участие и мы с т. Щаденко) Локотошу 10 февраля были указаны установленные при инспектировании недочеты в деле снабжения частей и их обучения и предписано немедленно принять меры к их устранению.

10 же февраля заслушивается характерный доклад командира 11-го пограничного полка. Полк выступил из Брянска в составе 465 чел., в настоящее время численность его 690 чел. Командир полка отмечал большую текучесть состава, за три недели выбыли и дезертировали 180 чел., а прибыло 400 чел.

11 февраля дается задание прибывающему из Лисок железнодорожному полку взять охрану линии Харьков—Киев (через Полтаву), сменив стоящие здесь регулярные части.

11—12 февраля в Киев начали прибывать части отряда Беленковича. 12-го производилась инспекция 5-го кавалерийского полка (ком. Цунчик), обнаружившая его недооформленность.

Серьезную работу намечено провести через губвоенкомат. 14 февраля губвоенкому т. Кривошееву было предписано: „Принять от командира I артиллерийского дивизиона при 2-й Советской Украинской дивизии излишнее артимущество и приступить к формированию

легкого артиллерийского дивизиона. Принять из артсклада четыре 48-линейных гаубицы и сформировать гаубичную батарею для 1-й дивизии; спешно сформировать легкий артиллерийский парк первой очереди; принять от начдив 1 запасные части и свести их в запасный батальон: принять от начдива 1 и от комбриг Беленковича инструкторские школы, свести их вместе и производить в них занятия по инструкторской программе; развернуть коммунистический батальон в штатный полк; довести 11-й подрайон подохраны до штатов с приданием полковой пулеметной команды в 12 пулеметов и поротных пулеметных взводов; формировать для 1-й дивизии четыре минометных команды по шесть минометов".

15 февраля командир 1-й дивизии получил распоряжения, касающиеся проведения в частях резерва ежедневных занятий, причем особое внимание предлагалось обратить на боевую подготовку и дающиеся указания о пополнении частей дивизии комсоставом, об упорядочении работы хозяйственного аппарата в частях, о распределении пулеметов, о создании в дивизии минометных команд и т. п.; предписывалось также уравнять все части дивизии в отношении спабжения довольствием и довести их до штата; особое внимание предлагалось уделить третьему и четвертому полкам—произвести в них основательную чистку от ненадежного элемента и подучить их.

В это время происходили оживленные переговоры по прямому проводу с Харьковом, 14-го оттуда сообщали (т. Юдовский):

„Тов. Подвойский приехал в Харьков три дня тому назад и ознакомился с аппаратом существующего Наркомвоен. Сейчас предстоит решать ряд принципиальных организационных вопросов, относительно которых т. Подвойскому желательно переговорить с т. Антоновым; во-первых вопрос объединений аппаратов снабжения фронта и тыла, выяснение потребностей фронта; во-вторых вопрос о сведении и придании боеспособности частям тыла. Сейчас предстоит окончательно вырешить вопрос об организации центрального управления Наркомвоен Украины".

Лично т. Подвойский телеграфировал:

„Прошу немедленно в самом срочном порядке прислать в Харьков докладчика с цифровым материалом, выясняющим нужды фронта в отношении комплектования личным составом, вооружением, снабжением, продовольствием и политическим обслуживанием армии, также с указанием мероприятий, которые по мнению РВС фронта могли бы быстро способствовать разрешению удовлетворительно этих нужд".

В действительности Наркомвоен уже развернул значительную и полезную работу.

Около этого времени т. Юдовский сообщал, что в Харьковской, Черниговской и части Полтавской губерний организованы военные управления, которые приступят к формированию очередных стрелковых бригад, согласно приказу и штатам № 202, просил распоряжения о прекращении самовольных формирований в городах, где производятся местные плановые формирования, так как параллельные форми-

рования только ослабляют друг друга, и о строжайшем запрещении захвата военного имущества.

В Киеве 16 февраля командующий фронтом имел по прямому проводу разговор с т. Подвойским (Харьков) по вопросам организации военного аппарата и подбора работников для него, а затем в этот же день выехал из Киева в Харьков. По дороге был дан ряд распоряжений (по эвакуации конотопских складов и т. д.), и происходила беседа с властями Полтавы. Из Орла послана была телеграмма о переходе штаба в Харьков. Главком согласился на перевод в Харьков только оперативного и политического отделов штаба фронта.

18 февраля в Харькове происходил ряд совещаний с главой правительства, с Наркомвоен и т. д. В этот же день произошло свидание с атаманом Григорьевым. Низкорослый, коренастый, круглоголовый, с почти бритым упрямым черепом, серым лицом. Одет в тужурку военного покроя и штатские брюки на выпуск. Хотя Григорьев на вид невзрачен, но чувствуется, что он себе на уме и властен. Он болтлив и хвастлив. Яркими красками расписывает свои „победы", говорит, что у него 26 отрядов, в которых будто бы 15 000 человек. Дает самые противоречивые сведения об их вооружении. С благословения X. Раковского пытается требовать сохранения прежней организации его отрядов и их известной самостоятельности.

Моим категорическим директивам он неохотно подчиняется. В результате был издан приказ по фронту № 17 от 18 февраля:

„Предписывается т. Григорьеву свести свои отряды в бригаду штатного состава (приказ РВС РСФСР № 220) с наименованием ее Заднепровской украинской советской стрелковой бригадой. Бригаде сосредоточиться в районе: штаб бригады—Александрия (Херсонской губ.).

1-й Заднепровский советский стр. полк — Александрия,
2-й » » » » — В. Александровка,
3-й » » » » — З. Капры.

Прочим частям—по усмотрению командующего бригадой т. Григорьева. Бригаде войти в подчинение командующему Харьковской группой.

Частям т. Григорьева, действующим в районе Звенигородки Ольвиополя и на Фастовском направлении, войти в подчинение начальнику 2-й Украинской советской стрелковой дивизии, впредь до окончания сосредоточения последней в Киевском районе".

Одновременно мы договорились с народным комиссаром военных дел о немедленном направлении в бригаду Григорьева известного количества краскомов и политработников.

Независимо от Григорьева в Харьков прибыл в то же время другой партизан правобережья—Кацура, отряды которого действовали в районе Черкасс—Бобринский. Кацура—чигиринец, на вид кадровый унтер, строевой выправки, малой интеллигентности. С ним разговор был еще короче. Он легко согласился войти со своими частями в

подчинение начальнику Украинской стрелковой дивизии (в ней его отряды оформлены в регулярный полк—Чигиринский).

Это распоряжение закреплено в том же приказе по фронту (№ 17).

Обстоятельны были переговоры с народным комиссариатом военных дел.

Для оформления 4 пехотных дивизий мы располагали к 15 февраля следующими силами:

1) В 1-й дивизии (1-й, 2-й, 3-й и 4-й пехотные полки)—9 000 штыков, 144 пулемета; 2) во 2-й дивизии (5-й, 6-й, 7-й и 8-й полки)—8 000 штыков, 90 пулеметов; 3) в отдельной бригаде Беленковича (9-й, 10-й и 21-й полки)—2 300 штыков, 20 пулеметов; 4) в Заднепровской дивизии—в 1-й бригаде—11 000 штыков, 25 пулеметов; во 2-й бригаде—3 000 штыков и 10 пулеметов; в третьей—3 000 штыков, 10 пулеметов (всего—17 000 штыков, 45 пулеметов); 5) 2-я отдельная бригада (Такенджанца)—3 500 штыков; 6) бригада пограничной охраны—3 000 штыков, 60 пулеметов; 7) части 9-й дивизии (73-й, 74-й, 75-й и 79-й полки)—5 000 штыков, 100 пулеметов.

Ввиду необходимости торопиться с штатным оформлением наличных частей мы по соглашению с народным комиссариатом военных дел решили пока переорганизовать:

1. Части первой группы—в 1-ю советскую украинскую стрелковую дивизию в составе 9 полков и в отдельную бригаду в 3 полка.

2. Части второй группы—во 2-ю советскую украинскую стрелковую дивизию (Заднепровскую) и также в одну стрелковую бригаду.

3. Формировать в Курске 2 полка для 9-й дивизии.

4. Местные формирования и не вошедшие части передать губкомиссариатам для переформирования в местные батальоны.

Ожидаемая численность переорганизованных таким образом дивизий и бригад: в 1-й дивизии—17 000 штыков; во 2-й—17 500—18 000 штыков; в 1-й бригаде—4 500 штыков; во 2-й бригаде—4 000 штыков; в 9-й дивизии—9 000 и пограничной—3 000, а всего 55 000 штыков (3 отдельные бригады в ближайшем будущем свести в трехбригадную дивизию).

Пополнение перечисленных частей до штатного состава произвести путем призыва (мобилизации). Пока создаются для приема призываемых 6 запасных батальонов, но число батальонов будет постепенно увеличено до одного на каждый действующий полк, т. е. до 36.

При первой дивизии имелось 2 кавалерийских полка, сформированных на 50% (при 600 сабель); при 2-й и 9-й—по одному полку, при бригаде 1-й дивизии—один (600 сабель) и один дивизион при пограничной охране в стадии формирования; итого 6 кавалерийских полков, в средней численности каждый до 600 коней. Кроме того при каждом стрелковом полку имелись конные команды различной численности (от 60 до 200 коней). Всего имелось 5—6 тысяч всадников.

Артиллерия 1-й дивизии состояла из 1½ легких дивизионов, одной трети тяжелого дивизиона и одной конной батареи. При 1-й отдельной бригаде находился только кадр для артиллерийского формирования (5 орудий).

Артиллерия 2-й дивизии не поддавалась учету и состояла из разнокалиберных, главным образом немецких орудий (77-*мм*, 105-*мм* и 122-*мм*) примерно по одному взводу. При 9-й дивизии—$2\frac{1}{2}$ легких дивизиона, $\frac{1}{2}$ дивизиона мортирного, $\frac{2}{3}$ тяжелого дивизиона, одна зенитная батарея. Итого: 4 легких дивизиона (48 орудий 76-*мм*), 1 дивизион тяжелый (12 орудий 105-*мм*), $\frac{1}{2}$ дивизиона мортирного (6 орудий 152-*мм*) и 5 орудий 76-*мм*. Не имеющих упряжи и конского состава—4 зенитных 76-*мм* орудия и примерно 20 разных (77-*мм*, 105-*мм* и 122-*мм* германских).

Для формирования артиллерийских частей округам в спешном порядке даны задания. В перечисленные артиллерийские части не вошли формируемые местными военными органами в Полтаве батарея Либкнехта и Розы Люксембург (дано задание Высшей военной инспекции проинспектировать) и конная батарея.

Таким образом для полной реорганизации частей фронта и штатного состава необходимо было доформировать 8 легких артдивизионов, $3\frac{1}{2}$ мортирных, $3\frac{1}{3}$ тяжелых, $2\frac{3}{4}$ противосамолетных и 1 конный дивизион.

Предстоящие формирования предполагалось выполнить в несколько очередей: 1) в кратчайший срок—Управления легких дивизионов по одной батарее в каждом для 2-й дивизии; 2) в трехнедельный срок: а) для 1-й дивизии—1 легкий дивизион, управление и одну мортирную батарею, управление и две батареи тяжелого дивизиона, б) для 2-й дивизии—3 легких батареи, управление и одну мортирную батарею, управление и одну тяжелую батарею, в) для 9-й дивизии—дополнить имущество на 3 гаубичных взвода согласно особой ведомости; 3) в шестинедельный срок: а) закончить формирование легкой артиллерии в 1-й, 2-й и 9-й дивизиях, б) добавить по одной мортирной батарее в 1-й и 2-й дивизиях, в) добавить по одной тяжелой батарее в 1-й, 2-й и 9-й дивизиях; 4) в 3-месячный срок закончить формирование мортирной и тяжелой артиллерии; 5) в 4—6-месячный срок закончить остальные артиллерийские формирования. Что касается формирований противосамолетных батарей, то оно будет целиком зависеть от наличия 76-*мм* орудий образца 1900 года.

В связи с артиллерийским формированием встал вопрос о создании минометных и бомбометных команд для пехотных полков. Для этого имелись при 9-й дивизии и в г. Судже школы, куда необходимо было каждые 6 недель подавать материальную часть на две команды.

Инженерными частями была обеспечена только одна 9-я дивизия, в прочих частях имеющиеся команды по малочисленности, отсутствию организации и отсутствию специалистов нельзя было принимать в расчет.

Таким образом следовало сформировать: 6 саперных рот, 6 рот связи, 2 инженерных батальона, 2 батальона связи и 2 инженерных парка. Формирование это намечалось произвести в следующей постепенности:

1) В 3-недельный срок шесть саперных рот и в месячный срок шесть рот связи для бригад 1-й Украинской заднепровской дивизии;

2) в 6-недельный срок управления (штабы) батальонов связи для тех же дивизий и при них по одной телеграфно-телефонной роте, полевой радиостанции, мотоциклетному и самокатному взводу; при штабах батальонов—взводы конных ординарцев; 3) в тот же срок—два штабных инженерных батальона с управлениями дивизионных инженеров, при каждом по одной саперной роте и дорожной мастерской; 4) в 2-месячный срок закончить формирование батальонов инженерных и связи; 5) в 4—5-месячный срок закончить формирование инженерных парков для трех дивизий (в том числе для 9-й).

Если полное формирование упомянутых частей станет затруднительным, предполагалось недоформировать: а) прожекторные роты, имея взамен их по прожекторному взводу в каждом батальоне, б) команды подслушивания в батальонах связи, сформировав одну такую команду для всего фронта, в) в радиотелеграфных ротах не иметь легких радиостанций, однако желательно иметь хотя бы по одной на каждый батальон связи.

Сверх этой работы непосредственно для действующей армии, Наркомвоен наметил обширную программу работ по новым формированиям Предположено было создание двух новых стрелковых дивизий с соответствующими артиллерийскими и инженерными войсками и одной кавалерийской дивизии. Стрелковые дивизии предполагалось развернуть из ныне находящихся в пути на Украину кадров 3-й Интернациональной дивизии. При развертывании штаб этой дивизии должен докомплектоваться и обратиться в штаб 3-й стрелковой украинской дивизии; одно бригадное управление должно переформироваться в штаб 4-й стрелковой украинской дивизии; каждый из шести полков 3-батальонного состава—развернуться в стрелковый полк. С призывом по мобилизации 6 возрастов, остающиеся 2 полка той же дивизии (18 рот)—переформировываться в 18 запасных батальонов для подготовки маршевых рот укомплектования. Кроме того предполагалось вновь создать 5 управлений бригад. Для чего вновь формируемой кавалерийской дивизии намечалось: 1) призвать по мобилизации бывших казачьих урядников, вахмистров, наездников, 2) организовать повторные классы подготовки командного состава, 3) призвать на службу бывших кавалерийских офицеров и 4) создать ремонтное депо для подъездки лошадей.

Артиллерийские дивизионы должны были развертываться из расчета взвод в батарею, последовательно по мере получения и исправления материальной части, причем на первое время приходилось отступать от нормальной организации артиллерийских дивизионов и для этого: а) отказаться от противосамолетных батарей, б) дать на каждую дивизию временно по одному легкому и одному тяжелому дивизиону. Инженерные формирования (кроме батальонов связи) должны были производиться во вторую очередь после окончания этих формирований для фронтовых дивизий. Во вторую очередь должна была формироваться также часть тыловых учреждений дивизий.

Указанная работа производилась военными комиссариатами на местах. К середине февраля сконструировался Харьковский окруж-

ной комиссариат и организовался Киевский, к которому отходила Черниговская губерния, временно приписанная к Харьковскому округу. Харьковский окружной комиссариат был сформирован полностью за исключением окружного совещания инспекции. Наиболее крупными работами комиссариата являлись: учет 2 359 бывших офицеров и 574 военных чиновников; регистрация 6 083 чел., подлежащих всеобщему обучению, и учет 2 015 лошадей. Было приступлено к спешному ремонту казарм и взятию на учет пригодных для расквартирования войсковых частей помещений. Заготовлено и отпущено для потребностей войск 500 *т.* дров и около 35 *т.* угля. Так как центр тяжести мобилизации по учету и сбору военного имущества лежал на губернских и уездных комиссариатах, то народный комиссар по военным делам прилагает все усилия к скорейшему сконструированию этих учреждений, для чего было снято с работ в центре и вызвано на Украину свыше 200 опытных работников. В 35 инспекционных комиссиях, сформированных для ближайшего контроля и руководства уездными и губернскими комиссариатами, одну треть должны были постоянно составлять работники высших военных учреждений. Для обеспечения формирующихся частей командным составом предпринимались следующие меры: 1) дано распоряжение о взятии на учет всех бывших офицеров, 2) разрабатывалось положение о создании резерва командного состава при окружных комиссариатах; 3) созданы пехотные и артиллерийские курсы командного состава; кроме того, в дороге находились кадры школ: пулеметных из Петергофа, инженерных сил из Орла, артиллерийских из Петрограда и кавалерийских из Твери; 4) 28 февраля открывались высшие повторные курсы для расширения военного кругозора командиров рот, батальонов, полков и бригад; 5) сформированы низшие школы пулеметчиков и минометчиков в Курске, приступлено к формированию таких же школ в Судже и создана повторительная инструкторская в Киеве для бывших унтерофицеров на 200 человек; 6) приступлено к созданию кадров инструкторов для всеобщего обучения по 96-часовой программе (проэкзаменованы и распределены по должностям 70 инструкторов) и создается школа инструкторов, сотенных, взводных и отделенных; 7) даны указания округам по подготовке мобилизации и составлению плана формирования и развертывания войсковых частей управлений и учреждений.

Запасы военного имущества на Украине были огромны, но находились в хаотическом состоянии; $^{9}/_{10}$ из них требовали ремонта и исправления.

В Киеве было учтено следующее имущество (цифры с округлением): шинелей старых до 1 000 000, гимнастерок—40 000 шт., белья—50 000—80 000 пар; сапог (требующих починки)—50 000 пар; сбруи—3 000 комплектов; орудий до 100 шт.; винтовок (неисправных)—18 000 шт., винтовок (исправных)—3 500 шт.; патронов разных систем до 17 000 000 шт.; пулеметов (исправных)—более 100 шт.; ружей-пулеметов Шоша 1 170 шт.; десятки тысяч пудов санитарного имущества и 300 автомобилей.

В Конотопе было учтено:

2 653 винтовки (требующие ремонта); до 40 пулеметов и очень много неисправной упряжи; в Чернигове 1 587 винтовок разных образцов и небольшое количество прожекторного имущества.

Так как огромное количество военного имущества, оружия, патронов, упряжи, обмундирования и т. п. находилось в руках населения, то очередной задачей Наркомвоена явилась необходимость возвратить это имущество военному ведомству.

Для этого воспрещалась купля-продажа предметов военного имущества, население обязывалось под угрозой предания суду и конфискации обнаруженного военного имущества сдать оружие в кратчайший срок за уплату и особые карточки на преимущественное право приобретения мануфактуры. Ответственность за хранение оружия без соответствующих разрешений распространялась и на домовые комитеты. Губвоенкомам дано предписание отбирать у пленных и беженцев обмундирование военного образца и заменять его штатской одеждой. Воспрещен был обмен военного обмундирования на штатское у населения. Для успешного проведения этих мер было испрошено содействие Совнархоза по проведению мобилизации штатского платья и образованию складов из собранного при губернских и уездных военных комиссариатах.

Большая часть военного имущества требовала ремонта, и поэтому необходимо было создать при губвоенкомах починочные мастерские и поднять интенсивность работы в уже существующих.

Если исходить из числа 450 000 чел. (сюда входили и запасные батальоны, дающие пополнения), которые должны были составлять намечаемую украинскую армию и местные войска, исключая из этого числа 55 000 наличного состава фронта, 5 000 ожидаемых кадров, до 15 000 чел. мелких партизанских отрядов, разбросанных по территории, то потребность набора покрывалась призывом примерно 350 000—400 000 чел.

Эту мобилизацию, считаясь с необходимостью затраты некоторого времени на подготовку предметов довольствия для призываемых, расквартирование и пр., намечалось произвести в три очереди, призывая в каждую два-три возраста, начиная с младших из проходивших службу в старой армии (возрастов, родившихся в 1897 г. и старше), и не проходивших службы старших возрастов (родившихся в 1898 и моложе до 1900 включительно). Причем первая категория должна была направляться непосредственно в фронтовые части командами после краткосрочного повторительного курса (одна-две недели), а вторая—зачисляться в запасный батальон и во вновь развертываемые дивизии на 8-недельный срок и по окончании подготовки отправляться в части в составе маршевых рот в первом случае и со своими частями во втором. Специалистов (артиллеристы, саперы, наездники, бывшие унтерофицеры и т. д.) призывать сразу 5—6 возрастов, а бывших офицеров—всех поголовно до пятидесятилетнего возраста.

В отношении комплектования конским составом, Наркомвоен дол-

жен был разработать в спешном порядке положение о военной конской повинности.

Необходимо было также создать ремонтные депо и обеспечить их опытными наездниками.

23 февраля Наркомвоендслу был представлен составленный Глаголевым краткий доклад о наших пожеланиях по формированию:

„Для успеха наших операций необходимо бить противника тем, чего у него нет: петлюровцы слабы конницей, против них желательно направить прочно организованные конные массы; красновцы имеют довольно слабую пехоту и относительно слабы техническими средствами, особенно полевой артиллерией. Посему желательно: а) в первую очередь—создать в Киевском районе не менее бригады конницы с конной батареей и отборным стрелковым батальоном; в районе Харьковской группы спешно доформировать мортирную батарею (отдельную), прибывшую из Москвы, и закончить формирование 9-го мортирного дивизиона и хотя бы одного стрелкового полка 9-й дивизии; б) во вторую очередь—создание еще одной конной бригады; в) одновременно с сим необходимо вести работу по формированию (в тылу) складов, артиллерийских и инженерных частей, как изложено в сношениях, переданных вам начальником штаба армий украинского фронта.

К изложенному надо добавить, что в настоящее время украинский фронт должен рассчитывать только на свои собственные силы, так как: а) прибывающая из России 3-я стрелковая дивизия состоит только из слабых кадров и совершенно не имеет артиллерии; б) западная армия, по заявлению командующего ею, настолько слаба, что может только вести разведку и в) второочередные полки 9-й стрелковой дивизии (77-й, 80-й и 81-й) и ее 3-й артдивизион пока находятся в 25% составе и закончат формирование до 50% не ранее чем в трехнедельный срок“.

Был также решен с Подвойским вопрос о политработе: политотделы армий фронта преобразуются в политсекторпаты при реввоенсоветах с учетно-распределительным и информационным отделами, ведающими всей политработой. как и военной, в действующей армии; политотдел Наркомвоендела берет на себя доставку литературы и политработников через Реввоенсовет (20 февраля во главе политсекретариата РВС фронта встал т. Басов; его штаб: 2 помощника, 1 порученец, 2 делопроизводителя, 2 машинистки).

Наметка всей этой огромной работы предполагала прежде всего достаточную авторитетность Наркомвоена. Между тем в последнем чувствовалось двоевластие.

По нашим телеграммам председатель РВС Республики обращал на это внимание Раковского. Он телеграфировал:

„Несколько заявлений с Украины, в том числе от Подвойского и Антонова, свидетельствуют о крайней неопределенности в управлении Наркомвоен, в частности неопределенности положения Подвойского. Это создает практическое затруднение для меня в сношениях с украинским военведомством. Настоятельно прошу разъяснить, каковы взаимоотношения Подвойского и Межлаука. Кто из них ответственен за военное ведомство в целом. С своей

стороны позволяю себе высказать, что Подвойский обладает опытом большого масштаба. Межлаук был лишь комиссаром губернии, назначение его комиссаром армии не дало благоприятных результатов, что затруднило назначение его комиссаром округа.

За подписью управляющего делами Грановского мною получена жалоба на действия группы войск Курского направления, которые роняют будто бы авторитет Советской власти и пр. Причем телеграмма предлагает назначить политкомов РВС со стороны украинского правительства. Допускаю, что отдельные части группы ведут себя неподобающе, несомненно, что в Украинской армии таких частей не меньше. Группе дано задание продвинуться на Ростов—Новочеркасск через Донецкий район, почему назначение комиссаров Украинским правительством не вызывается обстоятельствами дела. Члены РВС группы—старые надежные партийные товарищи, проводящие политику общей Советской власти. Так как на украинских властях лежит огромная задача приведения в порядок партизанских и полупартизанских войск, то считаю, что им незачем обременять себя задачей упорядочения группы, входящей в состав южного фронта... 18/2 № 656".

Взаимоотношения между различными органами военного ведомства были тогда весьма неопределенны. Например на заседании украинского правительства, без предварительного извещения Реввоенсовета фронта, не говоря уже о согласовании с ним, был внесен разработанный высшей военной инспекцией законопроект положения о ней, а штаб фронта получил его уже только „к сведению" (между тем второй абзац предписывает выполнить все распоряжения высшей военной инспекции частям фронта; § 10 дает право устранения лиц командного состава на фронте, § 13 требует безусловного подчинения и т. д.).

Таким образом высшая военная инспекция ставится выше Наркомвоена.

К организационной работе, проведенной с Наркомвоенделом, относится и установление разграничительной линии между фронтом и тылом (приказ по фронту от 26 февраля за № 26). Разграничительной линией между прифронтовой и тыловой полосами района армий фронта объявляется р. Днепр от Гомеля до Екатеринослава включительно и далее линии Екатеринослав—Синельниково—Чаплино—Изюм.

Большая организационная работа была проделана в штабе фронта. Между прочим пришлось позаботиться и о летном составе этого штаба.

23 февраля в Орле командукр получил записку, отмечающую печальное состояние штаба, подобранного Глаголевым: „штаб, мол, из бывших офицеров, бюрократов и формалистов, которых коробит слово „товарищ". Даже все уборщики, вестовые, телефонисты—кадеты, гимназисты и другая буржуазная сволочь. Особенное внимание обратить на Порке и Фокка". Тогда коменданту штаба т. Вишневецкому было предписано проверить вместе с особым отделом личный состав штаба и заменить ненадежных (проведенные впоследствии обыски у штаб-

ных дали скверные результаты; кое у кого были найдены компрометирующие документы, погоны и т. д.).

24 февраля нам пришлось вести из Орла переговоры с штабом РВСР по поводу места для штаба фронта. Костяев настаивал на переходе нашего штаба в район Ворожба—Льгов. Мы отвечали, что на нас кроме задачи закрепления на Днепре, лежат также задачи ликвидации угрозы слева и организации армий. Последняя тесно связана с работою Наркомвоендела. „Правофланговое направление забыто не будет (значит, главком предлагал нам помнить и о западе) и отсюда даже легче работать в этом направлении". Поэтому мы настаивали на переходе штаба фронта в Харьков. Главком согласился.

Тогда же был решен вопрос об охране железных дорог. Начальник обороны железных дорог Республики предписал 23-му железнодорожному полку охранять участок от Брянска по линии Гомель и Пинск с одной стороны и Гомель—Бахмач—Ромодан до Полтавы исключительно с другой; 55-му железнодорожному полку от Курска 2 до Киева исключительно и от Курска по линии Белгород до Харькова исключительно; полку Яковлева—весь Киевский узел и линию по мере продвижения войск в сторону Казатина, а также от Киева до Полтавы исключительно; 1-му железнодорожному украинскому полку от Харькова до Полтавы включительно, всю Северодонецкую линию, а также со станции Харьков в сторону Екатеринослава-Долинская по мере продвижения войск.

С 27 февраля по 1 марта командукр находился в Киеве, где производилась проверка отданных ранее распоряжений и подготовка операций против остатков войск Директории.

1 марта командующий фронтом выехал из Киева в Харьков, захватив с собою вагон винтовок.

В Харькове отдается ряд мелких распоряжений, 3 марта поступает записка т. Ткалуна о результатах инспектирования им работы военных сообщений фронта. Заключение неблагоприятно:

„В управлении начвосо нет специалистов—передвиженцев; большая часть сотрудников не соответствует своему назначению; на дорогах нет топлива, число больных паровозов весьма значительно, ремонт их идет чрезвычайно медленно, беспорядок в требованиях подвижного состава. Революционного контроля нет. Необходима основательная ревизия дел всего Управления.

55-й железнодорожный полк не получал жалованья с декабря. В частях железнодорожной охраны 1-го украинского полка не ведется никакой политработы. С 23 февраля начвосо формировал еще 58-й Киевский и 59-й Екатеринославский железнорожные полки".

4 марта комфронта в сопровождении т. Берзина выехал в штаб Харьковской группы (Лозовая).

С дороги на имя предсовнаркома Раковского, наркомвоендела Подвойского (копия Всеукраинской чрезвычайной комиссии Шварцу и Всеукраинской прифронтовой чрезвычайной комиссии Воронину) была послана характерная телеграмма следующего содержания:

„В районе фронта, но на расстоянии двухсот, трехсот *км* боевой

линии, с середины февраля объявились отряды фронтовых чрезвычаек, вооруженных до зубов русским оружием, бесчинствуют по поездам, озлобляют зря местное население. Совершенно необходимо произвести ревизию этих „богатырских" застав и подчинить их местному командованию. Комрев один сможет держать их под наблюдением и ввести надлежащую дисциплину. Мною подтверждено распоряжение команд группы Скачко о перевооружении их винтовками „Гра" и пулемета „Льюиса".

Отделы штаба Харьковской группы (комгруппы выехал на фронт) были внимательно проинспектированы, начштаба жаловался на недостаточность снабжения. В частности с 17 января по 3 марта получены из окружного артиллерийского управления всего 7 млн. патронов вместо требовавшихся 28 млн., 9 000 трехдюймовых снарядов вместо 19 000 и т. д. Вовсе не получено снарядов в 102-*мм*, 122 и 152-*мм* орудия.

Командукру было подано заявление, подписанное 20 сотрудниками штаба группы, с жалобами на то, что старое офицерье затирает, обращается грубо и т. д. Комфронт указал особому отделу на необходимость усилить наблюдение за штабом Харьковской группы и сообщать обо всем подозрительном (в нашей военной молодежи было в то время слишком много спецеедства, чтобы можно было немедленно принимать решительные меры по поводу подобных весьма неконкретных заявлений).

5 марта прибыли в Екатеринослав. Штаб дивизии Дыбенко произвел самое благоприятное впечатление. Состоялся ряд совещаний с хозяйственниками и партсовещание для улажения недоразумений между местными властями и Дыбенко.

Решено было немедленно приступить к разоружению (обыски и т. д.) определенных районов города и к стратегическому переселению (занятие важных в стратегическом отношении зданий вполне надежными элементами). Впоследствии Раковскому, Подвойскому и ЦК украинской компартии было подано следующее заявление:

„В Екатеринославе на совещании, устроенном мною из представителей Исполкома отдела военных заготовок, председателя совнархоза, Губвоенкома, представителя железнодорожного узла и особой комиссии по смотру военных заводов, в присутствии тов. Берзина, состоящего по особым поручениям при Главкоме Вацетисе, было непреложно установлено, что:

1. Нарекания на штаб Дыбенко и на самого Дыбенко неосновательны: между местными учреждениями и Дыбенко существует деловой контакт; самовольные реквизиции прекращены (под суд отдан начснаб Табачников), требования от дивизии направляются по форме; история с 30 вагонами угля, захваченными будто бы Дыбенко, оказалась сказкой.

2. Усилиями Дыбенко была поднята производительность шахт в Гришино и по свидетельству Совнархоза поддержано освещение города.

3. В городе и на вокзале его усилиями налажен образцовый порядок (в полном контакте с подлежащими властями).

4. Установлено, что все обвинения против Дыбенко, просто вздор и сплетни.

В более узком заседании (представителя от Исполкома и председателя совнархоза) категорически установлено, что Дыбенко и его штаб не только не потакали левоэсерству и махновщине, но вели и ведут с ними самую решительную борьбу.

В разговоре со мной Майзель указал, что выражение „в штабе Дыбенко темные личности" принадлежит тов. Аверину и относится между прочим к некоему Росинскому. Установлено что Росинский не состоит в штабе, а нанят как сапожник по специальности для заведывания починочной мастерской. Установлено также, что анархо-синдикалист Петровский никогда не был прикомандирован к штабу и не допущен к работе в армии.

Нашим осмотром (в присутствии тов. Берзина) штаба Заднепровской дивизии выявлен образцовый порядок и энергичная работа штаба.

В кампании, поднятой против Дыбенко, усматриваю попытку сведения личных и узко „фракционных" счетов с Дыбенко со стороны местного помпадура Аверина. Категорически настаиваю на прекращении этой травли, лишь разжигающей вражду между армией и советскими работниками гражданского ведомства, столь близоруко питаемую нашими „фракционерами" и имеющую некоторое основание в полнейшей импотенции местных совнархозов, предком и их руководителей" (8 марта 279/лк).

Из Екатеринослава командукр направился в Александрию (штаб 1-й бригады Заднепровской дивизии). Григорьева здесь не застали. Начснаб бригады—упитанный молодец с „хитринкой". По словам секретного сотрудника, оставленного особым отделом для наблюдения за штабом „армии": „Пока ничего особого подозрительного. Пьянство, грабеж, отдельные левоэсеровские выпады..."

Недостатка в инспекционных комиссиях из центра не было. Но люди в них мало авторитетны.

Комиссия Высшей военной инспекции (22 чел.), пробывшая в Александрии 4 дня, не оставила начснабу бригад никаких деловых указаний (заявление не только начснаба, но и уездного военкома). Она ограничилась проверкой складов имущества, отбитого бригадой у „кадетов" и „самостийников". Среди этого имущества оказалось между прочим свыше 15 000 палаток, свыше 3 000 шинелей, несколько тысяч комплектов белья, большое количество шанцевого инструмента, конской упряжи, до 4 000 пудов сахару, 80 ящиков табаку, значительное количество обозных двуколок и т. п. Характерно полное отсутствие запасов обуви.

В первую неделю марта в склады Заднепровской бригады (Григорьева) было также принято большое количество продовольствия (свыше месячного запаса).

По артснабжению на складах бригады оказалось до 100 вагонов различных снарядов, но полное отсутствие патронов. Войска Григорьева вооружены 10 000 трехразрядных винтовок Делоне-Бельвиль; патроны к ним на исходе. Для бригады оставлены краскомы—Фельдман, Рославлев и Купчиков. Губвоенкому предписано взять на учет

автоимущество и выделить из него все необходимое для организации грузовой и броневой колонн.

6 марта—в Смеле (штаб 2-й дивизии). Под руководством начштаба Барабаша отделы штаба работают исправно. Отчетливо действует и телеграфно-телефонная связь.

Штаб 1-й бригады находится уже в Белой Церкви. Штаб 2-й—в поле, 3-й—в Кременчуге, где бригада эта доформировывается.

Командукр подтвердил свой приказ—продолжать продвижение дивизии к Фастову, прикрывая левый фланг отрядом Ткаченки—Урсулова (Урсулов—командир Вознесенского „полка"—заверял, что у него 2 500 штыков, 4 эскадрона и батарея. Ткаченко, командовавший одним из отрядов Григорьева, протестовал против самодурства „атамана" и был изъят из подчинения Григорьеву, подчинен штабу 2-й. Ему поручено свести „полк" Урсулова и остальные отряды в Помошной—Вознесенске в один регулярный полк).

6-го—в Кременчуге, где инспекция частей второй особой бригады (т. Покуса).

Лично комфронт произвел смотр 15-му и 16-му стрелковым полкам.

15-й полк производил хорошее впечатление, казался уже подготовленным к бою, численность его—2 600 чел., из них 500 невооруженных. При полку—8 пулеметов, 2 бомбомета и 1 миномет. В полковом цейхаузе изрядные запасы белья (особенно зимнего), но совершенно отсутствуют обувь и шинели. Продовольственные запасы ничтожны. В полку действуют культурно-просветительные комитеты, ячейки и военнореволюционный трибунал. Комсостав из кадровых унтерофицеров или фельдфебелей.

В 16-м полку до штатного состава нехватало 2 663 чел. (налицо—712). Командный состав—из старых унтерофицеров или низших офицеров. Вооружение разнокалиберное—249 русских винтовок, 499 австрийских, 112 итальянских, к последним—ни одного патрона. Кавалерийский дивизион был также далеко не сформирован.

На складе в Кременчуге обнаружены 4 морских 75-*мм* орудия, 1 300 снарядов к ним. Сооружается бронепоезд с этими орудиями. Начснабу было немедленно предписано раздобыть 1 000 зарядов для 75-*мм* орудий, а начснабу фронта—выдать бригаде 2 000 винтовок и 20 пулеметов.

7 марта в Полтаве производился осмотр предназначенного на пополнение бригады Покуса украинского полка им. Тараса Шевченко. Командир полка Живодеров—моряк в кожаной куртке, бородатый и увешанный оружием. Полк не доформирован (около $^2/_3$ нехватает до штата), однако имеет музыкантскую команду. Вооружение—румынские винтовки, но на складе есть и австрийские и французские; пулеметов 5; австрийских патронов более 1 млн. к 500 винтовкам, а румынских—50 000 к 2 000 винтовкам. В 3 ротах 9 комячеек и полковое коммунистическое бюро.

Живодеров умолял сохранить полк и не расформировывать его. Комфронт согласился, как и на передвижение полка для доформирования в Екатеринослав, в распоряжение Дыбенко.

Отдел военных заготовок при Кременчугском совнархозе работал из рук вон плохо, хотя наша инспекция установила полную возможность немедленной организации швальных и сапожных мастерских. Поэтому комфронт лично предписал завотделу в течение 2 дней начать выпуск сапог и шитье шинелей, угрожая в противном случае преданием суду революционного трибунала.

В результате этой поездки комфронта направил в надлежащие инстанции ряд заявлений (с несколькими десятками конкретных предложений), из них стоит отметить следующее обращение к Наркомвоенделу: „Необходимо ускорить перевооружения всех запасных частей, резервных, а также и железнодорожных, продовольственных и всяких отрядов ЧК. Необходимо издать обязательное предписание о сдаче всеми гражданами, советскими служащими в том числе, не причитающегося им по штату оружия с заменой для имеющих право носить оружие, но работающих не на фронте, казенных револьверов—браунингами, 3-линейных винтовок—винтовками Гра и берданами. О последующем прошу известить. Передаю копию полученной от комгруппы киевской Мациевского телеграммы: „Доношу что для вверенных мне частей невозможностью [1] получить от Киевского Губвоенкома лошадей, вооружения, снаряжения и т. п. Между тем части, находящиеся в распоряжении губвоенкома тылу [2] разными способами удовлетворяю [3]. Прошу Вашего содействия на Окрвоенком и Губвоенком". Прошу соответствующего распоряжения. Полагаю, что надлежит вообще преподать всем Окрвоенкомом и Губвоенкомом, что они должны вообще в первую очередь работать для нужд действующей армии".

В Харькове происходят совещания по вопросам формирования и снабжения армии (в частности, по созданию запасов технических средств связи). Из докладов обнаруживается полнейший разнобой в работе военных и „штатских" учреждений, крайняя халатность учреждений совнархоза и т. д. При обилии всевозможных материалов военные заготовки не сдвинуты с места.

Командукр предоставил 10 марта Раковскому с копиями Пятакову и Подвойскому следующую записку:

„Из докладов с мест и личных наблюдений вижу—отделы военных заготовок совнархозов до сих пор или вовсе не приступили к работе или ведут ее бегом на месте.

По создании Чрезком по снабжению армии дело не подвинулось.

Попрежнему: 1) работа совнархозов и в области специальных заготовок остается мертвенной; 2) планомерности в этой работе попрежнему нет; 3) никаких мер к добыче необходимого для производства сырья не делается; производится через пень-колоду только ремонт.

Необходимо:

1) предать суду всех председателей отделов военных заготовок совнархоза по обвинению в саботаже обороны республики; 2) привлечь к верховной

---

[1], [2], [3] Так в подлиннике. — *Ред.*

ответственности чрезвычайную комиссию по снабжению армии, не принявшую мер к обузданию саботажников и до сих пор не выполнившую никакой положительной работы; 3) подчинить отдел военных заготовок Наркомвоен.

Приложение: некоторые данные о положении вещей".

На одном из упомянутых выше совещаний между прочим было принято пожелание: 3-ю украинскую советскую дивизию, кадры которой прибыли вслед за Подвойским, не развертывать, а использовать для всеобщего обучения, расположив их в Киеве, Харькове и Черниговской губ. (всего до 400 чел.). Кадры трех легких дивизионов и тяжелого (в Нежине) использовать для организации необходимых частей в действующей армии. Организовать 18 запасных батальонов для подготовки маршевых рот.

Харьковского окружного комиссара мы просили „не браться сразу за многое, а создать хоть одну батарею, не размахиваться на 3 дивизиона".

Сделаны также распоряжения и запросы организационного порядка: 1) о развертывании бригады пограничной охраны в дивизию, 2) штабам дивизии и отдельных бригад предписано было послать по 4 инструктора на полк на повторные курсы комсостава, открывшиеся в Харькове 10 марта; 3) опротестовано пред. РВСР назначение политкомиссаров на Украину без согласования с Наркомвоен Украины или Реввоенсоветом фронта.

Обращено внимание т. Свердлова на возможность вывоза в центр сена из Мелитопольского уезда (свыше 16 000 *т*) и посланы к Дыбенко т. Балтышкин и др.

Одновременно с этим Наркомвоену подана была следующая записка:

1. „О мобилизации".

Необходимо немедленно объявить мобилизованными военнообязанными всех состоящих на военной службе. Весной на полевые работы могут быть отпущены командирами полков с согласия комиссаров лишь те, кто является единственными работниками в семье (но в количестве, не превышающем до 10% полка, и на срок 6 недель).

Мобилизация должна быть проведена, но не за 5 лет, как проектируется—вооружить будет нечем (мобилизовать можно пока один-два года).

2. О запасных частях.

Совершенно неприемлема для командования точка зрения наркомвоен,—снабжению в первую очередь подлежат части, идущие на пополнение, плохо снабженные отводятся с боевой линии. Мы не ведем окопной войны, ведем войну широкоманевренную. Наши части, держащие боевую линию, хоть и плохо снабжены, но хорошо обстреляны. Вырывать их из боевой линии и заменять их маршевыми ротами из необстрелянных и несколотившихся в бою частей совершенно недопустимо. Против подобной политики наркомвоена протестуем самым решительным образом. Настаиваю на том, чтоб прежде

всего доснабжены были действующие войска. Вполне правильно настаивать на слиянии тыла с фронтом, но это лишь при условии, что „тыл“ не съест „фронта“.

3. *Формирования.*

Точно так же совершенно неприемлемо: а) разрабатывать план формирования без соглашения с командованием (о 1-й бригаде 4-й коммунист. дивизии); б) передвигать повстанческие части без ведома командования (приказ Харьковского окрвоенкома от 25 февраля за № 48 о переводе из Золотоноши в Прилуки двух полков Богунского).

Категорически настаиваю: 1) на точном сговоре относительно формирований и 2) на том, что бывшие повстанческие части все находятся в ведении командования и переходят в ведение окружных и прочих военкомов лишь с согласия командования.

4. *О переизбытке централизации.*

Округа дают себе крайне скверно знать: 1) затруднен перевод денег (в Кременчуге, Екатеринославе, Павлограде, Полтаве не имеют денег), 2) снабжение затруднено—ответ длителен, использование имущества, имеющегося в местных складах, почти невозможно (в Кременчуге например так и не приступили к мойке грязного белья и т. д.), центр. кварт. управление—нельзя ничего делать на месте[1]. Необходимо децентрализовать денежный и снабженческий аппарат, чтобы устранить волокиту. Вообще не вижу решительно никаких оснований для существования округов, кроме умножения инстанций и ужасающей волокиты.

5. *О маршевых ротах.*

Маршевые роты должны быть вполне обмундированы и вооружены, обучены и доведены до штатного состава. Предпочтительнее сводить их в батальоны и направлять в действующую армию именно батальоны.

6. *Специальные части.*

Необходимо одновременно с запасными батальонами организовать запасные команды связи, пулеметных и конных разведчиков, выделяя в них преимущественно людей, получивших специальную подготовку.

7. *Бронепоезда.*

Для обеспечения основных железнодорожных узлов необходимо не менее 15 бронепоездов. В распоряжении армии есть № 8 (чинящийся), „Грозный“ (отбитый у петлюровцев), бронепоезд, подбитый нами под Фастовым (чинится в Киеве), и две броневые площадки. Необходимо спешно чинить и сооружать бронепоезда.

---

[1] Так в подлиннике.— *Ред.*

8. Артиллерийские заготовки.

Нужны замки к трехдюймовым орудиям и немного к шестидюймовым, лафеты и передки также. Есть тела 37-*мм* орудий Гочкиса (в Селещинских складах) без лафетов.

9. На № 327.

Формирование „морских и речных баз", при теперешнем разложении моряков, несвоевременно. Следует сформировать лишь команду для двух подводных лодок (системы „Щука"), поручив это формирование т. Дыбенко".

10 марта в Совнарком была подана записка комфронта по продовольственному вопросу. Она характерна своим отрицательным отношением к чрезвычайным мерам по выкачке хлеба и тем, что рекомендует организовать товарообмен (когда товаров почти не было).

Эта записка гласила:

„Борьба со спекуляцией и прочими проявлениями неизжитых в области торговли капиталистических форм не может ограничиться развитием чрезвычаек и компродов. Необходима планомерная работа, направленная к уничтожению частной торговли. Отправными пунктами в этом отношении должны явиться:

1. Укрепление потребительских обществ, носящих общий (не закрытый) характер, субсидирование их необходимыми суммами для выкупа мелких торговых заведений, экспроприации крупных и планомерное использование аппарата этих последних (многие из частных торговых заведений могут быть просто обращаемы в филиальные отделения кооперативов, а их владельцы—в служащих кооперативов).

2. Организация контроля советской власти над кооперацией, как ступень к полному огосударствлению кооперации (потребительская кооперация превращается в орган продкома).

3. Принудительная организация всех потребителей (каждый гражданин обязан быть приписан к кооперативу своего района).

4. Организация советских образцовых хозяйств, свободных земледельческих коммун и пригородных огородов (принудительный труд безработных, солдат и в некоторых случаях рабочих).

5. Немедленный приступ к организации натурального товарообмена с деревней (земледелец может получить мануфактуру и т. д. не за деньги, а лишь в обмен на хлеб, скот и т. д.), исключение для крестьян, не имеющих по свидетельству местных советских властей запасов.

6. Ряд оборонительных мер: провозглашение спекулянтов и мешечников „врагами народа", привлечение местных властей к борьбе со спекуляцией и мешечничеством, принудительное возвращение к ценам, бывшим до вступления советских войск на Украину".

К 15 марта мы договорились с Наркомвоеном о формированиях:

I. В двухнедельный срок.

1) 13-го стрелкового полка (для 2-й украинской дивизии) в Золотоноше (из партизан Богунского); 2) крымской бригады (3 пехотных

полка); 3) пяти легких артдивизиона, три отдельных легких батареи; 4) одного гаубичного дивизиона и 2 гаубичных батарей; 5) двух тяжелых артиллерийских дивизионов; 6) инженерных частей для Крымской бригады, прожекторного отделения, понтонного батальона, 4 железнодорожных рот и 1 авиаотряда.

II. В месячный срок:

1) 4-й украинской стрелковой дивизии (все ее пехотные части); 2) одной бригады (2 полка) в кавалерийскую дивизию и 5 кавалерийских дивизионов; 3) 3 легких артиллерийских дивизионов (для 4-й дивизии); 4) двух конных батарей для кавалерийской дивизии; 5) гаубичного и тяжелого дивизионов (для 4-й стрелковой дивизии); 6) инженерно-технических частей (для 4-й стрелковой дивизии); 7) обозов для 4 стрелковых дивизий, а также для пограничной дивизии и Крымской бригады.

В месячный же срок должны были быть сформированы: Киевским округом два запасных полка (для 1-й и 2-й дивизий), один запасной полк для пограничной дивизии; Харьковским округом—два запасных полка, запасной батальон (для Крымской бригады) и запасной конный дивизион (для кавалерийской дивизии); кроме того: 3 запасных эскадрона, 5 запасных легких батарей, 1 гаубичная запасная батарея, 2 тяжелых запасных батареи, запасной инженерный и запасной батальон связи.

1 марта в Харькове открывался партсъезд. Отвлеченный непосредственной работой, командукр ограничился кратким словом о положении на фронте и нуждах армии. Была принята соответствующая резолюция.

На последовавшем съезде советов Наркомвоен представил обстоятельный доклад. Кроме общих замечаний о принципах организации вооруженных сил УССР, доклад давал характеристику стратегического положения на Украине, отмечая: 1) полное разложение петлюровских частей и переброску на Украину галицийских войск (правительство „Голубовского" прекратило войну с Польшей), 2) военнополитический договор Директории с Антантой и обязательство Директории первой создать в годичный срок 300-тысячную армию, подчиненную французскому командованию, 3) сосредоточение союзных войск в Бессарабии и в Черноморских портах, 4) растущее накопление сил Добровольческой армии в Донбассе.

Записка Наркомвоендела докладывала также о предпринятых им организационных работах, отмечая между прочим завершившееся оформление Харьковского и приступ к организации Киевского окружного комиссариата. Из проведенных Харьковским окружным комиссариатом работ отмечаются мероприятия по учету бывших офицеров, учет конского состава, создание 35 инспекционных комиссий, организация курсов командного состава, работы по всеобучу. Записка отмечает обнаружение больших запасов интендантского имущества после занятия Киева, в связи с чем возбужден вопрос об организации починочных мастерских при всех губвоенкоматах.

В отношении ремонта военного имущества записка сообщает о

необходимости возможно скорее пустить в ход организующиеся в Полтаве, Мерефе и Екатеринославе ремонтные мастерские; для ремонта артиллерийского имущества создаются мастерские в Харькове, артбазы в Харькове и Мерефе. В записке приводилось количество обнаруженных запасов вооружения и боеприпасов: в Киеве—3 000 пулеметов, большей частью требующих ремонта; в Харькове и Екатеринославле—18 000 винтовок, тоже неисправных; 110 000 снарядов разных калибров; 103 990 гранатных станков и т. д.

Организационная задача,—указывалось в записке,—развернуть в ближайшее время 7 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии (всего до 625 000 людей и 250 000 лошадей).

Программа Наркомвоен была обширна и рассчитана на весьма длительный срок. Но она мало считалась с реальной обстановкой. Строить приходилось под огнем и только из материала, находившегося под руками. Лучший материал отправлялся на фронт, к тыловым учреждениям относились с пренебрежением, хотя ненормальность этого положения как будто ясно сознавалась, судя по следующим заключениям:

„Нами должен быть учтен трагический опыт армии царского периода, боеспособность которой к моменту Февральской революции была в техническом отношении парализована чудовищной разрухой снабжения. Это происходило оттого, что бюрократические округи, на которые была разбита страна, были совершенно не связаны с фронтами, и фронтам приходилось рассчитывать подчас лишь на свои собственные силы и заниматься грабежами. Такая ошибка не должна быть повторена нами. В настоящее время вся территория Советской Украины должна быть разделена не на округа, а на фронты с распределением частей тыла в отношении обслуживания ближайшего фронта. В тылу этих фронтов желательно создание центральной базы, на которой должны быть сосредоточены главные склады“.

В действительности между „тылом“ и фронтом складывался и закрепился перманетный конфликт.

Взаимоотношения Наркомвоен и украинского командования начали портиться уже во второй половине марта. Столкновения шли по нескольким линиям и прежде всего вызывались вопросами снабжения. Естественной тенденцией фронтовых частей являлось сохранять за собою воинскую добычу и укрыться от точной отчетности. Тыловые воинские учреждения законно стремились быстрее взять на учет „трофеи“ и установить строгую планомерность снабжения. Но в то же время они легко забывали о потребностях фронта и часто в первую очередь снабжали тыловые гарнизоны и формируемые ими части.

Вот характерная в этом отношении записка Майзеля (председателя учетной комиссии для Заднепровской дивизии):

„Сделать мне ничего не удается. С первого же шага я встретил препятствие в лице штаба Дыбенки. Решительно всякое военное имущество он забирает. Все склады он опустошил. Отдел военных заготовок заказывает

сапоги, но прежде чем они готовы, приходят из штаба Дыбенки с оружием и все забирают. Дыбенко сам захватил ведомости в отделе снабжения Губвоенкома и теперь требует, чтобы ему выдали почти все, имеющееся в отделе снабжения. Уголь, предназначаемый для города, он забирает. Он образовал свои склады. Раз в Губвоенком прислали требование на 25 000 сапог. Отчетности кажется в штабе не ведется. Заведывающий отделом военных заготовок говорит, что солдаты продают на базаре обмундирование. Я беседовал с начальником штаба Заднепровской дивизии Петренко и Петровским. Что дивизия удерживает весь фронт, что она сражаясь формируется, что солдаты все голые, босые, что если они будут ждать упорядочения и разрешения из центра каждый раз, то им придется бросить фронт. Когда я им указал, что кроме них есть другие, что предполагаются большие формирования, они ответили, что близится весна, опасность увеличивается и ждать новых формирований слишком долго, тем более, что они могут дать более 60 000 добровольцев. Или мы будем своими средствами и способами снабжать армию, или уберите ответственный командный состав и тогда откроется фронт—вот что мне сказали. Положение очень плохое. Ни о каком учете не может быть и речи. Все, что будет в зоне их действий, они заберут“.

Таков голос снабжающих органов (часть заявлений т. Майзеля по проверке оказалась неверной).

Конечно можно было бы привести десятки жалоб от фронтовых частей на тыловые учреждения, не выдающие обмундирования, продовольствия, вооружения.

25 марта мы писали Нарковоенделу:

„У нас было условлено, что действующие части будут сопровождаться представителями уезд- и губвоенкомов, которые на месте участвуют в учете и выделении необходимого войскам имущества. Это при известном такте устранило бы все недоразумения и произвольные захваты“.

Тов. Подвойский тотчас же дал необходимое предписание по своему ведомству.

Вторым обостряющим моментом явилось отношение к формируемым частям. Наркомвоендел не доверял фронтовикам, считая их зараженными партизанщиной и т. д. Он забывал при этом, что в восстание против гетмана и в борьбу с Петлюрой втянулись добровольно конечно лучшие в революционном отношении элементы. Строить регулярную Красную армию следовало, опираясь именно на них. Необходимо было уделить им максимальное внимание, профильтровать их кадры и подготовить (хотя бы на повторных курсах и т. д.) и в первую очередь снабдить всем необходимым.

Чувствовавшееся со стороны Наркомвоена пренебрежение к нашим фронтовикам и чрезмерная критика „партизанщины“ не могли не вызывать постоянного раздражения последних. Впрочем это была общая ошибка наркомвоенов Украины и РСФСР.

Особенно часто происходили столкновения из-за недостаточной размежевки компетенции Наркомвоен и командования. Боевая страда

требовала полной централизованности в распоряжении всем военным аппаратом (фронтовым и тыловым) и всеми военными ресурсами. Между тем на Украине было военное двоецентрие и поэтому неизбежно происходили заскакивания с обеих сторон в не свою область. В горячке боевой работы командование сносилось непосредственно с военкомами, подтягивало и предъявляло им различные требования. Органы Наркомвоендела в свою очередь, особенно через Высшую военную инспекцию и политотдел, дергали военное командование.

Например, в конце марта командукр указывал политсекретарю укрфронта т. Басову:

„Повсеместно политработники армии обращаются с докладами в политотдел наркомвен, при этом даже не шифруют своих телеграфных донесений. Это абсолютно недопустимо. Сделайте немедленно соответствующее распоряжение ко всем политработникам с указанием, что понесут революционную ответственность за такое поведение".

В свою очередь политсекретарь фронта докладывал об отношении Наркомвоендела к политработе фронта:

„Все требования, если удовлетворялись, то совсем в минимальной форме, нисколько не удовлетворяющей действительной потребности. По нашему же требованию дать работников на ответственные должности комиссаров политуправление за весь период своего существования дало 22 коммуниста, из коих, по моему мнению, ни один не может занять ответственной должности... Наши же инспектора как оставшиеся за штатом политуправления Наркомвоен вместо того, чтобы дать им работу по фронту, направлены для работы в тылу. Необходимо или нам снова развернуться в политотдел фронта или при политуправлении Наркомвоен организовать обособленную секцию для работы по фронту. Мною также для выполнения требований с мест было запрошено у политуправления Наркомвоен 16 кандидатов для назначения на ответственные должности политкомов дивизий, бригад и полков. Удовлетворения не получено. Дальше, всеми своими действиями политуправление вместо поддержки работы политсекретариата дезорганизует работу, как-то: посылая своих работников на фронт без моего ведома и само непосредственно назначая политкомов".

При этом т. Басов дал длинный список не выполненных требований на политсостав и литературу. Картина получалась удручающая...

На основании этих сообщений политсекретаря фронта командукр писал Наркомвоену, что достаточной заботы по снабжению литературой и политработниками политуправление Наркомвоена не проявляет и направляет к нам политработников без согласования.

Политуправление Наркомвоена в ответ на эти упреки указало, что под конец марта на фронт посланы: 774 ротных библиотеки (всего 130 000 экз. книг), кроме того 70 000 экз. книг отдельно; выпущено 26 500 листовок, плакатов и т. п., ежедневно посылается 16 000 экз. различных газет; политработников направлено 38, на курсах находится еще 150; никаких самовольных назначений не было. Но конкретные указания т. Басова этим не опровергались.

Ряд столкновений произошел в разгар петлюровского натиска

на Киев. Данные нами т. Сорокину полномочия по железным дорогам были оспорены Наркомвоеном.

Народный комиссар по военным делам писал:

„Народный комиссариат по военным делам Украины просит вас не давать никому полномочий, затрагивающих прерогативы Наркомвоена. В случаях, когда это кажется вам необходимым, надлежит обращаться в Наркомвоен, где вам несомненно будет оказана быстрая и всемерная помощь. Иной способ действий безусловно недопустим, может оказаться только вредным. Действия бандитические и применение вооруженной силы там, где это не вызывается исключительными обстоятельствами или крайней необходимостью, с точки зрения Наркомвоена ни в каком случае недопустимы".

В ответ было сообщено:

«1. На № 61746/к. Положение нисколько не облегчилось. Непосредственный нажим на Киев сменился нажимом на Бердичев, за которым возможен удар на Жмеринку. Кроме того повсеместные восстания. Полномочия Сорокина нельзя сейчас урезать, а надо расширить. Нельзя возвращаться к порядку, который нас чуть было не погубил. Нужно взяться за дороги и расчистить их от саботажников. Тов. Сорокин бывший Наркомпуть Сев. Кавказа вполне в курсе дела.

2. На 61753/к. Прошу определенных указаний, какие «бандитические меры» применялись когда и кем из подчиненных мне лиц. Расследование будет назначено.

3. 13-й полк из неоформленных частей Богунского просил я сформировать в 2 недели. Эти 2 недели прошли. Ничего почти для полка не было сделано. Дорабатывается на фронте в походе.

Наши части. Политсекретариатом фронта 17 марта был представлен доклад о политическом положении в частях украинского фронта.

1-я дивизия имела: 1) коммунистические ячейки, 2) театральную секцию, 3) подвижной театр, 4) библиотеку, 5) трибунал.

1-й пехотный полк чувствовал большой недостаток в литературе и политработниках.

В 2-м пехотном полку организованы ротные коммунистические ячейки, которые однако еще ничем себя не проявили ввиду постоянного передвижения полка; культурно-просветительной организации нет, хотя соответственная работа ведется; в литературе и политработниках большой недостаток.

В 3-м полку имелась ячейка сочувствующих, которая работала слабо. Открыт красноармейский клуб и при нем читальня. Культурно-просветительная работа за недостатком литературы и политработников поставлена неудовлетворительно. С прибытием посланных в полк инструкторов можно ожидать перелома в хорошую сторону.

В 4-м полку приступлено к организации ячеек трибунала и культурно-просветительной сети; число сочувствующих растет; ощущается недостаток в литературе в политработниках, оружии и обмундировании.

В 5-м полку 2-й дивизии организованы коммунистические ячейки, полковой трибунал, ротные школы грамотности и библиотеки; ощущается недостаток в литературе и политработниках.

В 6-м пехотном полку организован Ревтрибунал, коммунистические ячейки и культурно-просветительные секции. Однако недостаток литературы и политработников сильно препятствует политработе.

В 7-м полку политический уровень несколько ниже, чем в других, замечается значительный подъем политической работы; организован трибунал и организуются ячейки по ротам.

В 8-м пехотном полку коммунистические ячейки во всех ротах. Число сочувствующих увеличивается. Командный состав в большинстве коммунисты;

культурно-просветительная работа затрудняется передвижениями; ощущается недостаток в литературе и политработниках. Настроение революционное и боевое.

1-я батарея имеет ячейки (действительных членов 16 и сочувствующих 47), организован Ревтрибунал и организуется товарищеский суд; организован клуб с читальней и библиотекой; о школах грамотности сведений нет.

Ввиду состояния политработы испрашивалось:

1) для Киевской группы 15 политработников, «знающих украинский язык, но без еврейского акцента», 13 полковых библиотек, школьных пособий (20% неграмотных в 1-й дивизии, 50% во 2-й), литературы злободневной до 20 000 экз., популярной крестьянской до 1 000 экз., 2) для Харьковской группы до 20 политработников, 20 полковых библиотек, школьных пособий на 5 школ и литературы в том же количестве, как и Киевской группы. Кроме того политсекретариат просил наладить издание в каждой дивизии ежедневной газеты.

По отчету Высшей военной инспекции, ее комиссии обследовали за март все части фронта и тыла. Комиссия по обследованию частей харьковского гарнизона дала следующие замечания.

Караульный полк при комендатуре г. Харькова численностью в 1 349 человек имеет коммунистическую ячейку, организованную 2 дня тому назад (коммунистов 3, сочувствующих до 70 человек). Из-за постоянных утомительных караулов красноармейцы не в силах посещать собрания школы грамоты, литература отсутствует. Агитация левых эсеров имеет влияние.

Количество первого Харьковского караульного батальона при Губвоенкоме (644 чел.) состоит из 8 коммунистов и 30 сочувствующих. Литературы нет, школы не организованы, клуба тоже нет, политком бездействует.

Первый Харьковский советский запасный батальон. Ячейки не имеет. В батальоне 5 коммунистов. Устраиваются митинги, проводятся лекции, организуются школы грамоты. Заметно враждебное отношение к командному составу.

Ячейка основного инженерного полка состоит из 3 коммунистов, 72 сочувствующих. Есть школа, получаются, хотя и в недостаточном количестве, литература и газеты.

В 1-м советском стрелковом полку.

Организуется ячейка. Отсутствуют политработники и литература.

В общем комиссия отметила почти полное отсутствие в Харьковском гарнизоне политической работы.

Инспекционная комиссия № 2 в Киеве проинспектировала перед отправкой на фронт 2-й и 5-й кавалерийские советские украинские полки.

2-й полк получал ежедневно 250 экземпляров газеты «Киевский коммунист» и «Известия». Школа грамоты еще не налажена, политком полка производит политические беседы 2-3 раза в неделю.

Таково же положение и в 5-м полку, в котором однако функционирует культурно-просветительная комиссия.

Первый киевский коммунистический полк.

Школ не имеет. Беседы проводятся полковым и ротными политкомами. Библиотека есть, газет получается достаточно, открывается клуб.

В 15-м пограничном стрелковом полку.

75% (790 чел.) грамотных. Школа, библиотека, клуб отсутствуют. Газеты не получаются, беседы не ведутся. Нравственный облик полка кроме учебной команды удовлетворительный, дисциплина также.

Было также выяснено, что по всему пути прохождения 2-го Таращанского и Богунского полков и 1-й советской дивизии проводилась энергичная антисемитская агитация. Особенный успех имеет она у политически темных украинцев, которых натравливают на ЧК.

Антисоветской литературы в прифронтовой полосе распространялось очень мало.

В Белоцерковском уезде за отсутствием опытных руководителей, газет и литературы работа подвигается весьма слабо, и местной партийной организацией ничего не сделано по проведению на фабриках и заводах выборной кампании в совет.

Несмотря на отсутствие комячеек, настроение гарнизона вполне удовлетворительное.

14 марта политинспектор отправился с ротой в Таращу для ликвидации контрреволюционного выступления гарнизона, спровоцированного анархистами. Гарнизон был разоружен и арестовано 17 человек. В городе установился полный порядок. Оказалось, что выступление было спровоцировано недопустимым поведением членов местного ревкома и уездвоенкома, которые ссорились с этим привели советский аппарат к развалу.

22 марта обнаружилось плачевное состояние культурно- и агитационно-просветительного дела в Васильковском уезде из-за отсутствия бумаги, агитаторов и декретов правительства на местах. В частях и на заводах комячеек нет.

В Казатинском уезде обследован политотдел 1-й украинской советской дивизии. Культурно-просветительных комиссий в частях нет. Вся культурно-просветительная работа производится комячейками полков. Школ грамотности и клубов нет, однако библиотеки имеются во всех полках.

При штадиве находится хорошая типография (поезд в 6 вагонов), которая выпустила брошюры и сборники песен, розданные каждому красноармейцу При сотрудничестве красноармейцев издается газета «Красная правда» (3-4 раза в неделю), которая охотно читается и расходится на фронте в количестве до 10 000 экземпляров. Предполагается издание еженедельника, трактующего более серьезные программные вопросы.

Настроение гарнизона Канева, состоящего из 1-й роты формируемого караульного батальона, хорошее. Ввиду дальности уезда от железной дороги в нем пополняются темные уголки с остатком петлюровщины, а то крестьяне никакой власти не признают.

Инспекционная комиссия в № 5, работавшая в Черниговской губернии, установила, что 3-я стрелковая украинская дивизия (гарнизон) Чернигова находится в зачаточном состоянии формирования. Красноармейцы, за весьма малыми исключениями, политически неграмотны, дисциплина невысокая.

Красноармейцы Конотопского советского стрелкового полка сознательны, политико-моральное состояние и дисциплина хорошие.

Большинство красноармейцев караульного батальона при Губвоенкоме политически неграмотны.

В кавалерийском отряде при губчека политико-моральное состояние красноармейцев и дисциплина на должной высоте.

В школе унтерофицерских курсов курсанты политически неразвиты. Инспекционная комиссия № 6 обследовала с 4 по 24 марта военнополитический аппарат и части Полтавской губ. Уездный агитпросвет работает не энергично. Имеются три агитатора-организатора и один инструктор, которые разъезжали по волостям, деревням и организовали комячейки, клубы, читальни и школы. Литературы мало; ввиду активности кулачества Полтавщины и контрреволюционной деятельности левых эсеров вести коммунистическую работу и пропаганду имеющимися силами очень трудно.

Полк имени Тараса Григорьевича Шевченко состоит из политически темных крестьян - повстанцев. Командир полка тов. Живодеров, человек грубый и политически безграмотный. Настроение полка бодрое, революционное, но недружелюбное в отношении евреев.

В Полтавском караульном батальоне, состоящем из немцев, чехов, евреев, мадьяр, румын, великороссов, украинцев и китайцев, партийная и культурно-просветительная работа поставлена хорошо.

Части 1-го кавалерийского дивизиона разлагались кучкой анархически и антисемитски настроенных элементов.

Румынский революционный полк комплектовался из добровольцев румын. При полку 4 агитатора. Большинство красноармейцев. Настроение революционное. Партийная культурно-просветительная работа ведется усиленно.

13-й запасный батальон состоит главным образом из крестьян-повстанцев.

Вследствие скверного расквартирования самочувствие красноармейцев было подавленным.

Начальник курсов красных офицеров — сочувствующий, сын крестьянина. Политком товарищ Глебов — развитой, способный работник. Число курсантов 396 чел. Общий облик их не внушает доверия, все они бывшие унтерофицеры. Среди них есть кулаки. Коммунистов всего 2-3.

Большая инспекционная работа была проделана в начале марта в частях Григорьева и в середине марта в остальных двух бригадах Заднепровской дивизии, в том числе и у Махно.

Приблизительное представление о политической работе во 2-й дивизии дает доклад ее политкома т. Минца (конец марта). В этом докладе отмечается:

«В каждой батарее и роте созданы коллективы коммунистов. До смешного малое количество литературы. Политотдел в настоящее время создает школы грамоты с курсом социальных наук в кратком объеме. Таковые уже имеются в штабной роте, 1-м и 5-м полках. При штабе 2-й дивизии организована типография, выделена редакционная коллегия, которая подбирает материал для издания «Известий Реввоенсовета 2-й дивизии» и ежемесячного литературного сборника произведений красноармейцев. Мы создали «военную школу» младшего командного состава, создаем военно-политическую школу. На ряду с преподаванием военных наук разных родов оружия будут проходить по сокращенной программе социальные науки. В области искусства: 1) литературно-художественный поезд с хором, труппой и двумя оркестрами, который должен обслуживать дивизию, 2) передвижной театр, 3) создание в каждом полку и батарее литературно-драматических кружков. Литературно-художественный поезд состоит из вагона-клуба, библиотеки, читальни, вагона для собраний, лекций и т. д. (там же музей) и ряд других вспомогательных вагонов... имеются духовой и струнный оркестры. Дабы вливать в части вполне сорганизованные боевые единицы, все они пропускаются через маршевые роты при штабе дивизии, где получают обмундирование и проходят в течение двух недель военную подготовку и ускоренный курс по специально выработанной программе; лекции читаются ежедневно.

В области создания советской власти на местах политкомами и политработниками организовано много комбедов, ревкомов и совдепов (около 100). На всем пути следования штаба дивизии политотделам устраиваются 2 раза в неделю концерты-митинги.

На местах ведется усиленная работа по строительству советской власти. По просьбе и ходатайству перед комиссариатом внутренних дел к дивизии прикомандирован специальный инструктор, усиленно рассылаемый по деревням и селам. Ведется работа по организации рабочих в профессиональные союзы, по организации учащейся молодежи.

При политотделе образована с утверждения председателя армейского трибунала т. Виллера следственная комиссия. Из тех ежедневных лекций, которые читаются для тт. красноармейцев, предположено создать «Партийную школу грамоты».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ (карты 2, 3, 4, 6).

Взятие Полтавы, Екатеринослава, Кременчуга. Накопление противника в Донбассе. Даем подкрепление Юж-фронту. Пренебрежение основной задачей — организационной. Тщетные попытки добиться активных заданий по Донбассу. Положение в Крыму. Наше наступление к Таганрогу. Волноваха и Мариуполь заняты. Наступление в Крым.

Харьковская группа действовала в трех направлениях: Полтавском—Кременчугском, Синельниково—Екатеринославском и Бахмутском.

В директиве командующему группой Аусcему от 13 января командир ставил ближайшей целью „овладение Полтавой, Лозовой и поддержку правого фланга группы Кожевникова диверсией к ст. Лихая (по возможности)".

К этому времени на Полтавском направлении 2-я дивизия, сломив сопротивление значительных сил противника (2 400 штыков, 200 сабель, 12 орудий) у Люботина, вошла в соприкосновение с противником на ст. Кочубеевка (здесь находились 2 неприятельских эшелона по 400 штыков в каждом, бронепоезд и отряд кавалерии в 150 сабель). Правый фланг 2-й дивизии прикрывали повстанческие отряды, действовавшие в районе Гадяч—Зеньков—Лохвицы. На левом—в Н. Водолагу—был выдвинут 15-й район погрохраны, имевший задачей занять Староверовку и наблюдать дорогу к Мерефе от Константинограда, где по упорным сведениям партразведки скопились серьезные неприятельские силы.

Действовавший в Екатеринославском направлении отряд П. Дыбенко, легко сломив сопротивление противника у Мерефы, подходил к Лозовой, имея штаб в Лихачево (13-го взята Беляевка в 42 *км* от Лозовой).

В Бахмутском направлении—в Изюме только что был сформирован из различных повстанческих отрядов 11-й украинский полк; туда же направлен батальон Михайловского, развертывавшийся в полк, и полк Интернационалистов. Противник (передовые части 3-й добровольческой дивизии) накапливался в Никитовке—Бахмуте.

15 марта на запрос командукра командующий Харьковской группой отвечал:

„На Екатеринославском направлении дела обстоят недурно. Прорыв сделан, петлюровцы, которых в Лозовой было около 10 000, ушли на Полтаву и только часть их решилась походным порядком проби-

ваться на Екатеринослав. Надеемся их по дороге ликвидировать. Еду завтра в Лозовую и Павлоград для того, чтобы прибрать к рукам все тамошние отряды. Сейчас там имеются следующие. На линии Лозовая — Синельников стоят екатеринославские коммунистические полки и отряды—до 4 000 чел. под общей командой Колосова. Махно стоит на юге от Синельниково с 5 000 чел.; штаб в Гуляй-Поле. На линии Гришино—Чаплино имеется около 2 000 чел. под командой Петрова и Орлова[1]... Бронированный поезд отправлен к Кожевникову, а в Лозовой сформирую новый. Захвачена площадка и бронированный (хотя и примитивно) паровоз. В Донецком районе пока ничего серьезного не делалось. Сегодня все три батальона 2-го полка соединятся, передаю полк Михайловскому, и тогда можно будет начать что-нибудь. Совсем плохо обстоит дело в Полтавском направлении. Ленговский... не сумел выкинуть назначенных Бобыревым Сорокиных и других проходимцев, и это мне пришлось делать самому. В результате торчания Ленговского в штабе и хозяйничания разных Сорокиных получилось, что части столпились в Коломаке с приказом не двигаться с места, в то время как не только Искровка, но и Кочубеевка были свободны. Я приказал двигаться прямо на Полтаву, отбросив все хитроумные маневры. Восьмой полк идет через Опошню, а Примакову велено попытаться, если не поздно, отрезать Петлюру от Кременчуга... В Харькове что-то невозможное творится... только тормозят все. Огромные склады сукна, кожи, белья, холста, которые мы нашли и передали ЦУС, последний, оказывается, сдал в Совнархоз и все по сию пору лежит запечатанным. Я сегодня приказал принять склады... и организовать шитье обуви и обмундирования. В городе грабежи, пьянство, разгул, которые начинают захлестывать армию. Тороплюсь с выводом своих частей и прошу разрешения перенести и штаб в Славянск или Павлоград. Интернациональный полк вооружаю германскими винтовками, так как потерял надежду на получение русских. Рухимович после двухнедельного молчания признался, что их охрана, рабочий полк и пр. им не подчиняется, сдавать винтовок не желает, а реальной силы у них нет... Прошу обратить внимание на 9-ю дивизию. Имеются определенные указания на чисто белогвардейский характер командного состава. На массу, какую мы в настоящий момент имеем на Украине, такая публика произведет отвратительное впечатление и я боюсь, что мы многое потеряем“.

17 января штаб укрфронта получил из штаба РВСР сообщение, что к Полтаве направлены из Киева значительные подкрепления—галицийские части. Одновременно подтверждалось, что задача активных операций в Донбассе целиком возлагается на Южный фронт.

В связи с этим 17 января командукр телеграфировал командующему Харьковской группой:

„Желательно одновременно с Лозовой ударить на Константиноград. По вступлении в связь с Махно оставить на южном напра-

[1] Численность указанных отрядов преувеличена.

влении заслон, обратив главные силы на Полтаву. Части 2-й дивизии стремитесь скорее вновь соединить".

Кроме того 17-го послано Ауссему следующее письмо:

„Мануильский сообщает, что в Киев прибывают галицийские полки, из которых значительная часть направляется будто бы к Полтаве. Разбросанность наших частей надо сократить. В южном направлении пока ограничиться прочищением дороги к Махно, отряды которого надо переорганизовать в полки 13-й, 14-й и т. д., закрепиться прочно в Лозовой, Павлограде, опираясь на эти полки. Шестой полк повернуть на Полтаву (в телеграмме Вам писал о желательности одновременно с Лозовой бить на Константиноград) и по возможности погранохранный. Сделать это спешно в эшелонах. Надо убедиться, что Лозовая прочно за нами, прежде чем двигать от нее броневой к Полтаве. Разведка от Константинограда к Новомосковску обязательно предшествует. Направление в Донецкий бассейн для нас не активно. Демарклиния с Кожевниковым установлена Купянск—Бахмут—Никитовка—Н. Николаевское (30 *км* к востоку от Мариуполя) для нас включительно.

В Тулу надо немедленно послать приемщика, своего, надежного—на имя армии там 4 000 винтовок".

Встречающееся в этом письме выражение „направление в Донбасс для нас не активно" было навеяно настроениями и сведениями „Ставки". В действительности—продвижение по линии: Бахмут—Никитовка для осуществления заданий по стыку с Южфронтом должно было потребовать громадных усилий.

Развитие операций Харьковской группы тормозил целый ряд обстоятельств (так начштаба группы т. Кассер пишет в своей телеграмме 19 января):

„О создавшихся невозможных отношениях между штабом и органами городского самоуправления. Требования, несмотря на имеющиеся огромные запасы в складах города, не удовлетворяются, отказы носят грубый, притязательный характер, несоответствующий ни положению, ни тому взаимоотношению между советскими органами, каковое должно бы существовать. Радиостанция за отсутствием горючих и смазочных материалов прекратила функции; гарнизон за отсутствием продуктов и обмундирования голодает и раздет. Все это нервирует массу солдат. Не установлен порядок подчиненности органов, и на этой почве происходят инциденты оскорбительного и самоуправного порядка".

2-я дивизия, скованная слухами о накоплении противника в Константинограде и Полтаве, почти бездействовала. Как следует из письма Ауссема, пришлось заменить комдива 2 т. Ленговским при начштаба т. Барабаше (сербский офицер, прекрасно сражавшийся на Украине во время борьбы с немцами в марте—апреле 1918 г.).

Сводка группы от 20 часа 19 января сообщала о занятии нашими войсками ранее оставленной нами ст. Константиновки, ст. Часов Яр и ст. Бахмут, а затем и самого города, на улицах которого произошел ожесточенный бой из-за упорного сопротивления офи-

церских добровольческих дружин. В конце сводки сообщалось о взятии нами после ожесточенного боя Полтавы и о преследовании разбитого противника.

Дополнительно сообщалось о продолжающемся преследовании противника, о занятии повстанческими отрядами Константинограда и о развивающемся в Павлоградском районе наступлении на ст. Синельниково.

В Полтаве были захвачены бронепоезд, 2 броневика, шесть 76-*мм* и одно 152-*мм* орудий, 25 пулеметов и т. д.

Сводка к 12 часам 21 января сообщала о занятии к западу от Полтавы линии Супруновки и к югу—дд. Терешки, Кумышанцы, Зенцы и о подходе наших частей на линии Полтава—Константиноград к ст. Селещино, причем противник отступает, портя железнодорожные пути.

В Константинограде неожиданно оказались не неприятельские, а сочувствующие советской власти отряды... Таким образом наша разведка позорно оскандалилась.

21 января 9-й полк занял Лебедин—Ахтырка, причем была установлена прямая связь с повстанцами в районе Гадяч—Опошня. Разбитый под Полтавой, противник отступал в двух направлениях: к Ромодану (к 25/I здесь сосредоточилось до 3000 штыков и 4 батареи) и Кременчугу (до 3000 штыков, 300 сабель, 12 орудий и 1 бронепоезд).

Командукр телеграфировал Ауссему (21 января шифром): „Локотош наступает к Дарнице—Киеву. Вам надлежит, по взятии Полтавы, преследовать слабыми силами, прочно занять Кременчуг и с Криворожьем войти в связь. От Павлограда наступать к Новомосковску и удар—на Екатеринослав главными силами второй группы. Но раньше повстанческими частями подтянуться к Александровску, где закрепиться, наблюдать Крым, установить связь с повстанцами в Никополе и Криворожьи; по возможности замкнуть кольцо повстанцев вокруг Екатеринослава, тогда—удар. Надо наблюдать Мариуполь и пытаться выйти к Гришино и Доле. Но здесь серьезных операций не развивать“.

Но Дыбенко, вошедший в связь с партизанским отрядом Махно, атаковал Екатеринослав, не дожидаясь завершения указанного маневра. 21 января он занял Синельниково, 23-го партизаны Махно вошли в Александровск.

Наконец 27 января после сильного боя был взят Екатеринослав. В этом бою особенно отличился 6-й советский полк, форсировавший р. Днепр под сильным неприятельским огнем.

Однако 2-я дивизия застряла на путях к Кременчугу. 27-го 8-й полк занял Лещиновку и мост через р. Ворсклу, 1-й полк червонного казачества—Морозовку, 7-й полк—Новые Сенжары. Одновременно батальон повстанцев занял Ереську.

На сообщения командующего группой об успехах, командукр отвечал (27 января):

„Надо было занять Кременчуг раньше Екатеринослава. Усилъто

преследование у Екатеринослава к Кориетовке и нажим к Кременчугу. Поспешите вернуть шестой полк в дивизию. В Донецком бассейне, тревожа противника, этим помогайте соседям. Держите связь с Масловым, который идет к Пирятину—Гребенке от Лохвицы. Локотош занял Остер—Козелец—Ножин—Ичню".

Ауссем реагировал очень резко и пространно (ответ не сохранился). Командфронтом отозвался:

„Предписания даются для исполнения, а не как тема для полемики. Вам надлежало снестись с повстанцами в Криворожьи, дать им инструкции, например, захват узлов в Апостолово—Кривой Рог. Шла речь о них, а не о вашем продвижении в этот район. Читайте внимательно предписания".

Ауссем немедленно ответил:

„Занятие Кременчуга запоздало во-первых по причинам, изложенным в письме, именно по допущенным ошибкам командного состава; во-вторых по плохому снабжению дивизии, смогшей хоть немного обмундироваться в Полтаве, в то время как группе Дыбенко это удалось сделать еще в Мерефе; в-третьих более сильному сопротивлению и более значительным силам качественно (галичане) и количественно: от Полтавы ушло к Кременчугу пятьдесят эшелонов и на Киев девятнадцать. В-четвертых отсутствие сведений от действующей правее нас группы, что одновременно с повторными сведениями о переброске противником значительных сил и притом высокого качества от Киева заставило выдвигать часть полтавской группы в заставы в сторону Киева. Продвижение в направлении берега Днепра считаю опасным ввиду создающейся угрозы с юга, где наблюдается накопление сил добровольцев и кубанцев и где противник начинает определенно проявлять активность. Технические силы его весьма велики. В Донецком бассейне оперируют пять бронированных поездов. Еду в Екатеринослав лично убедиться в обстановке".

В 22 час. 28-го из штаба группа нам сообщала:

„На полтавском направлении нашими войсками занято м. Белики, что в 10 *км* севернее Кобеляки. По направлению от Кобеляки—усиленные поиски разведчиков. Наши части повели наступление на город и от Кобеляки; продвижение частей замедляется сильной порчей полотна жел. дор. На Екатеринославском направлении наши части преследуют отходящего противника: заняты Горяиново—Диевка".

Командукр торопил Ауссема с занятием Кременчуга еще и потому, что стремился скорее создать достаточно мощную группировку для овладения Киевом. Были разработаны два варианта переброски 2-й бригады 2-й дивизии в западном направлении: от Кременчуга по Правобережью, вдоль железнодорожной линии Знаменка—Фастов, или через Ромодан—Гребенку к Яготину, на соединение с бригадой Маслова, под общее командование т. Беленковича, чтобы переправиться через Днепр у Черкасс (может быть у Канева) для удара опять-таки на Фастов.

Как уже сказано, командукр склонился ко второму варианту переброски, стремясь к наибольшему сосредоточению частей.

Кременчуг был занят Ауссемом 1 февраля; к этому же времени повстанцы заняли ст. Знаменка. Но выполнение приказа командукра о переброске 2-й бригады к Яготину замедлялось из-за отсутствия на месте паровозов. Только к 6 февраля эти части вытянулись в эшелонах к Гребенке. 7 февраля Беленковичу было предписано передать их в прежнее подчинение, а с остальными своими силами следовать в Киев, занятый нами 5 февраля.

Таким образом директива главкома о занятии и реправ на Днепре и поддержке правого фланга Кожевникова в Донбассе, отданная 17 января, была выполнена к 6 февраля. Вскоре по нашей просьбе (от 15 и 19 февраля) главком дополнил ее разрешением ликвидировать группировку Петлюры у Фастова—Винницы. По отношению к Донбассу главком ограничился требованием направлять в распоряжение Южфронта подкрепления. Мы выдвинули в Бахмутском направлении кроме бригады т. Текенджанца (11-й и 12-й полки и дивизион артиллерии), также бригаду 9-й дивизии, взвод гаубиц и один бронепоезд.

Была дана новая разграничительная линия с Южфронтом — Славянск—Волноваха—Мариуполь (для нас исключительно). Группе Ауссема пришлось вести активнейшие операции, пребывая в далеко неоформленном состоянии. Более или менее оформлена была только 2-я украинская дивизия (начдив т. Ленговский). По сведениям к 30 января 5-й полк (командир т. Шмидт) этой дивизии имел 1 842 штыка, 60 сабель, 25 пулеметов; 6-й полк (т. Кисель) — 1 659 штыков, 229 сабель, 20 пулеметов; 7-й полк (т. Бочкин) — 833 штыка, 50 сабель, 15 пулеметов; 8-й полк (т. Ахметов) — 890 штыков, 57 сабель, 21 пулемет; 1-й полк червонного казачества (т. Примаков) — 249 штыков, 380 сабель (лошадей нехватило), 8 пулеметов. Дивизия имела три батареи двухорудийного состава и конную батарею Зюки (4 орудия). К ней был также прикомандирован бронепоезд № 9. Всего в дивизии — 5 523 штыка, 576 сабель, 89 пулеметов, 10 орудий и 1 бронепоезд.

Успешно оформлялась 2-я бригада 3-й украинской дивизии (комбриг т. Текенджанц). Ее состав: 11-й полк (командир т. Чернов)—1 220 штыков, 120 сабель, 9 пулеметов; 12-й украинский полк (т. Михайловский) — 1 200 штыков, 100 сабель, 8 пулеметов; 1-й Екатериноштадтский (немецкий) полк (т. Фуке) — 1 100 штыков, 1 миномет, броneотряд (3 бронеавтомобиля с 9 пулеметами и 1 орудием) и 2 артиллерийских взвода. Всего в бригаде — 3 520 штыков, 220 сабель, 18 пулеметов 3 бронеавтомобиля и 4 орудия. Штаб бригады — в г. Славянске. Бригада действовала в Донбассе в поддержку правого фланга группы Кожевникова.

Третья колонна — группа П. Дыбенко (штаб группы — Екатеринослав). Кроме 6-го полка 2-й дивизии в группу входили: 15-й погрохранный полк (командир т. Языков) — 1 200 штыков, 90 сабель, 12 пулеметов и 2 орудия (приданы); матросский отряд (т. Лепетенко) при бронепоезде № 8 (175 штыков и 4 орудия); батальон особого назначения (комбат Карнерко) — 200 штыков; штабная рота — 70 штыков; 13-й полк (Топчин) — 1 570 штыков; 14-й пехотный полк (т. Подпотов) — 595 штыков и 2 орудия; 13-й и 14-й полки были сформированы из жителей Павлограда. Кроме того в группу входили партизанские отряды: железнодорожников — 60 штыков, Зубкова — 40 штыков, Петрова — 25 штыков, Карпенко — 310 штыков, Махно — 1 090 штыков и 3 000 невооруженных. Всего в группе т. Дыбенко имелось 7 269 штыков, 319 сабель, 32 пулемета, 10 орудий, 1 бронепоезд. Однако более половины этих сил было неоформлено.

Партизанские отряды действовали в районе Гришино—Гуляй-Поле. Остальные части Дыбенко — в Екатеринославе и на охране подступов к нему. 13-й и 14-й полки доформировывались в Павлограде. Находящиеся в резерве армии, в Константинограде 3 «полка» (всего 1 700 штыков и 300 сабель, 8 пулеметов) переформировывались в 17-й и 18-й пехотные полки. В Харькове находились 1-й Московский, Казанский и Орловский интернациональные отряды—300 штыков, отряд имени Яшвили (т. Бомбровский) — 400 штыков, 8 пулеметов; армянская рота — 118 штыков, артиллерийский дивизион (формировался в составе 3 батарей).

Всего в Харьковской группе состояло 17 000 штыков, 1 386 сабель, 135 пулеметов, 34 орудия, 3 бронеавтомобиля и 2 бронепоезда. Организационное состояние группы было явно хаотичным. Несуразно большой размах формирований не соответствовал ни кадрам, ни вооружению. Поэтому Ауссему категорически предписывалось следовать приказу по формированию от 24 января, сведя все повстанческие отряды в 3 пехотных (включая 11-й и 12-й полки бригады Текенджанца) и один кавалерийский полки, а интернациональные части оформить в 3-полковую интернациональную бригаду (включая 1-й немецкий полк у Текенджанца), выделив кадр для легкого дивизиона. Так как в районе Суджи-Сумы (Беленкович) были уже оформлены 9-й и 10-й пехотные полки, для формирований Ауссема намечались 11-й, 12-й, 13-й и 14-й пехотные полки. Пришлось также считаться с тем, что 15-й погрохранный полк увяз в Екатеринославе, и не настаивать на его отправке в район Конотоп—Ворожба, где предполагалось сосредоточить все пограничные части для формирования из них бригады.

Приведенные данные о составе частей Харьковской группы свидетельствуют, что организационная задача являлась здесь основной. Выполнить ее было возможно только при дружном содействии военному командованию со стороны всех партийных и советских учреждений. В действительности рядом с нашими штабами продолжали сепаратно действовать штабы повстанческих ревкомов, производившие собственные формирования, а советские учреждения саботировали снабжение наших войск из складов, захваченных нами у противника и переданных в распоряжение соответствующих советских органов.

Под влиянием разногласий, имевших место в составе советского украинского правительства, и отсутствия поддержки со стороны „тыла" командующий Харьковской группой 24 января подал в отставку. Командукр при личном свидании с Ауссемом в Харькове уговорил его остаться на своем посту, но вслед за этим последовал ряд столкновений с Ауссемом из-за упорного неисполнения им оперативных приказов (неотправка броневика № 8 под Киев, оттяжка в передаче под Киев 2-й бригады 2-й дивизии). Неожиданно 5 февраля пришла телеграмма, извещающая командукра о решении командующего Харьковской группой отойти под натиском неприятеля к Лозовой. Это решение оправдывалось гибелью бронепоезда № 9 под ст. Дружковка, отступлением бригады Текенджанца, отброшенной от Константиновки, Дружковки и Часового Яра, медлительностью 74-го полка, вызванного в подкрепление Текенджанцу из Белгорода и застрявшего в снегах, а также тем, что в Славянск удалось направить только 75-й полк, которого „недостаточно".

Командукр немедленно ответил Ауссему:

„Реввоенсовет Украинской армии объявляет в приказе по фронту строжайший выговор командующему Харьковской группой Ауссему

за проявленное малодушие. Выдвинутые им в телеграмме 43 факты нисколько не оправдывают его заключение. Указанный отход в данных условиях являлся бы преступлением".

И дополнительно:

„Харьков. Командгруппы Ауссему.—Примите лично решительные меры к немедленной отправке из Кременчуга частей и броневика под Киев. Нужны туда толкачи. Предупредите, что комиссары и командиры будут преданы суду за задержку. Ссылка на активность противника в телеграмме 44 и тому подобное—постыдна. Не раскисайте. Первая бригада посылается в гарнизон, сможет подучиться. На месте задерживать ее бессмысленно. По отношению к вашему доформированию и снабжению меры принимаются".

11-го пришлось принять отставку т. Ауссема и временно заменить его начальником штаба группы Скачко. Таким образом общая неоформленность воинских частей Харьковской группы усиливалась кризисом командования. Между тем обстановка требовала активных действий по всему фронту.

Силы противника перед фронтом украинской армии не были сломлены: Петлюра еще держался у Фастова и Винницы. Его Запорожский корпус действовал на Правобережьи. Группа атамана Оскилки могла создать угрозу Житомиру—Коростеню. В портах побережья союзники накапливались. Директория вела с ними переговоры о военном союзе. Одновременно Антанта усердно мирила галичан с поляками, чтобы освободить галицийские части для борьбы с „большевиками". В Крыму накапливались добровольческие кадры, спешно шло формирование новых частей Добровольческой армии, и ее передовые отряды энергично действовали в Александровск—Синельниковском направлении.

Наши незначительные и почти неоформленные части, связанные разрешением непосредственных задач Украинского фронта, не могли уделить достаточного внимания иным задачам. Между тем добровольцы продолжали накапливаться в Донбассе. Здесь развернулись две добровольческие дивизии, а в районе Пологи появились первые кубанские конные части. Определившийся разгром нашего Северокавказского фронта сулил дальнейшее усиление противника на Украинском и Южном фронтах. Так как Южный фронт проявлял чрезвычайно мало внимания основному для него направлению—через Донбасс к Таганрогу, мы должны были торопиться с ликвидацией Петлюры на Украине и овладеть Черноморским побережьем, чтобы развязать себе руки для борьбы за Донбасс.

Этой последней задачи мы не только не забывали, но настойчиво добивались от главкома директив к активным операциям в Донбассе. Однако главком попрежнему отказывал в подобных директивах и всю задачу в Донбассе для нас сводил к передаче в распоряжение Южного фронта тех или других воинских частей.

В директиве главкома от 6 февраля указывалось, что помимо укрепления переправ на Днепре и разведки в Правобережьи мы должны ввиду появления значительных сил противника против правого

фланга группы Кожевникова оказать содействие этой группе и немедленно выслать в район Донбасса в направление Бахмут—Никитовка, бригаду пехоты с двумя батареями.

Телеграмма № 139 от 7 февраля вновь требует: „закрепиться на Днепре, вести разведку и выдвинуть в распоряжение 13-й армии в район Бахмута бригаду с батареей". К Бахмуту были немедленно направлены из нашего резерва 74-й пехотный полк с батареей из Белгорода, 15-й пограничный полк со взводом гаубиц из Харькова (первый впрочем завяз в снегах и был заменен 75-м полком—тел. № 147 штаба Украинского фронта) и батальон железнодорожников. 9 февраля Украинскому фронту была полностью передана 9-я резервная дивизия (6 полков), но почти все ее оформленные части уже действовали в Донбассе, в районе Южного фронта.

В тот же день главком указывал:

„1) Бригада с 2 батареями, передаваемая с укрфронта для действий на правом фланге группы Кожевникова, передается временно в распоряжение Южфронта; 2) разграничительной линией между Южфронтом и Украинским назначается: Купянск—Славянск—Волноваха—Мариуполь, все пункты для Южного фронта включительно; 3) все части укрфронта (не разобрано)... должны оставаться в том районе до овладения нами Донецким бассейном".

10-го пришли разноречивые сообщения—от Раковского из Полтавы и от штаба Харьковской группы. Раковский сообщал:

„Положение под Славянском критическое. Срочно распорядитесь подкреплением".

„В Бахмутском направлении,—сообщал штаб Харьковской группы,—наши части начали успешное продвижение вперед..."

Сводка от 8 февраля сообщала о неудаче наступления противника под Константиновкой (нами захвачено 2 пулемета). Но уже 12-го главком потребовал передачи Южфронту, кроме бригады Текенджанца, также и бригады 9-й резервной дивизии (единственной, сформированной в дивизии и составляющей последний резерв).

Новый командующий Харьковской группой Скачко главное внимание думал уделить Донбассу. Вскоре после своего назначения, 14 февраля, он докладывал об образовании Донецкой группы под начальством комбрига Онищенко, которая имеет задачей содействовать Кожевникову в овладении Донецким бассейном; для достижения единства командования группа в оперативном отношении подчиняется указаниям Кожевникова; состав группы Онищенко—одиннадцатый, двенадцатый, семьдесят четвертый, семьдесят пятый, три батальона пятнадцатого подрайона и повстанческий батальон, именующий себя восьмым Интернациональным полком; три батареи девятой дивизии, один взвод немецкой легкой, два взвода немецкой тяжелой и три орудия на двух бронепоездах. Группа Онищенко занимает фронт Рутченково, Красная Горка, Железная, село и станция Городовка, Новоселовка, Часов-Яр, Деконская.

(В телеграмме № 60 Скачко отвечает командующему фронтом, что задача—содействовать Кожевникову ударом по направлениям Кра-

маторская—Никитовка и Гришино—Ясиноватая дана группе Онищенко согласно указаниям командующего фронтом.)

Кроме группы Онищенко на Южном фронте с нашей стороны действовали и части Махно.

В сводке от 8 февраля о действиях Махно сообщается о занятии ст. Пришибы и ст. Михайловка 60 *км* южнее г. Александровска. И в Бердянском направлении—16-м полком ст. поселок Пологи 20 *км* южнее Гуляй-Поле, причем захвачены орудия, броневик, винтовки и пулеметы.

К юго-востоку от ст. Пологи отряд Махно атаковал добровольцев у сел Воскресенка и Конские Раздоры. На Мариупольском направлении, южнее ст. Желанной, в 20 *км* юго-восточнее ст. Гришина действовали сильные фуражировочные отряды казаков. 12 февраля отряд Махно занял село Басань юго-западнее ст. Пологи. Юго-восточнее ст. Пологи Махно атаковал добровольцев и занял села Воскресенку и Конские Раздоры, а также ст. Магедово.

В сводке по 13-й армии к 20 час. 16 февраля сообщалось о занятии в районе Гуляй-Поле 16-м и 17-м полками (бывший отряд Махно) местечка и ст. Орехово, дд. Новоукраиновка—Новоселица, причем нашим огнем разбит броневик.

Сводка от 18 февраля сообщала, что на Мелитопольском направлении в районе ст. Пришибы полки Махно продвинулись по линии Большой—Такмак и ст. Цареконстантиновка, Пологи; на Гришинском направлении наш бронепоезд 17 февраля обстрелял ст. Очеретино. 17 же февраля отряд добровольцев силою до батальона пехоты и 150 всадников под прикрытием бронепоезда повел наступление на Красную Горку и потеснил наши части, но нашей контратакой при поддержке бронепоезда противник был выбит.

Наши действия представляли серьезную угрозу флангам противника в Донбассе.

Одновременно с этим мы, в поддержку частям Южного фронта, ведшим упорное наступление с севера, сдерживали добровольцев из Крыма, натиск которых по существу был связан с операциями в Донбассе.

Судя по оперативному приказу по „группе Курского направления", от 15 февраля к 20 февраля уже предполагалось овладеть районом Донецкого бассейна, захватив железнодорожные узлы—Доля, Иловайское, Дебальцево, Колпаково и Первозвановка. Силы противника представлялись надорванными. В состав группы (впоследствии 1-й армии) входили—3-я сводная, 4-я и 9-я „действующая" дивизии. Ее соседом являлась 8-я армия, 1-я Московская и 12-я дивизия, которая находилась уже в 45 *км* от ст. Кавылкино на линии железной дороги Царицын—Лихая.

Положение в этом районе к 20 час. 16 февраля по официальной сводке рисуется в следующем виде: После боя за Бахмут противник укрепляется в районе Никитовки, где у него четыре бронепоезда. На Беловодском участке, после боев 14—15 февраля, наши части к вечеру 15-го занимают линию: Ларионов—Деркульский—Плешаков от

ст. Красновка Рогалик, имея резерв—Александров—Завязковский. 15-го наше наступление приостанавливается.

В оперативном приказе по 13-й армии (группа Курского направления) от 15 февраля дана следующая оценка общего положения на Южном фронте: „Отходя на фронт 8-й и 9-й армий, оказывая сопротивление в районе Шептуховка—Миллерово, противник в данный момент сосредоточил главное усилие на линии фронта 4-й дивизии и частей 9-й стрелковой, что в районе Бахмут—Славянск, упорно противодействуя нашему продвижению в районе Донбассейна и переходя в контрнаступление по всему фронту Луганск—Бахмут. В районе и восточнее Луганска—7-й, 8-й, 11-й каз. полки и под сомнением 9-й, 12-й и 13-й каз. полки при 2 легких батареях и 2 бронепоездах".

Непосредственно против 13-й армии были сосредоточены: 8 пехотных полков, 3 пехотных батальона, 10 конных полков, 2 конных сотни, 10 батарей (32 легких и 6 тяжелых орудий), 3 бронепоезда и пластунская дивизия. Из этих частей собственно в Донбассе противник имел 2 пехотных дивизии в составе: 7 пехотных полков, 2 пехотных батальонов, 1 конной сотни, 7 батарей, 3 бронепоездов. Все эти силы были сосредоточены на фронте до Авдеевки. (Остальные силы противника действовали в районе Луганска.)

В сводке 13-й армии условно отмечается тоже наличие у ст. Иловайской трех конных полков (повидимому конная кубанская дивизия, противопоставленная Махно) и не учитываются неприятельские силы, находящиеся по Мариуполь—Иловайской линии.

Таким образом в Донбассе едва ли было более 6000 пехоты и 1000 сабель противника. Во всяком случае силы противника были незначительны, мало организованы и переутомлены боями на Кавказском фронте. Все это как будто позволяло без труда, решительным натиском в направлении к Мариуполю—Таганрогу (или Волноваха—Иловайская), в поддержку 13-й армии, овладеть Донбассом. Но мы тщетно добивались подобного задания от центра. Сомнительно, следовало ли его продолжать добиваться. Не следовало ли попросту сговориться с командующим 13-й армии и на свой риск предпринять решительные операции в Донбассе.

К февралю штаб РВСР считал Донскую армию противника находящейся в „полном развале" (разведывательная сводка № 5/р). Таким образом командующий Южным фронтом получил полную возможность усилить Курскую группу частями 8-й и 9-й армий. Однако это не было во-время сделано. Мы дали противнику время укрепиться в Донбассе и создать здесь опорный пункт для развития наступления к северу и западу.

Конечно Украинский фронт не мог выделить сколько-нибудь значительные силы в Донбасс, а потому он отдал почти все свои части не украинского формирования. Он не мог также пренебречь угрозой реорганизации сил Петлюры союзниками, вырисовывавшейся на Черноморском побережьи. Кроме того украинские части, выросшие из крестьянского восстания против оккупантов и кулацко-по-

мещичьей реставрации, едва ли сохранили бы боеспособное состояние после переброски в Донбасс, в район весьма отдаленный от их очагов, над которыми еще висела петлюровско-антантовская угроза (в то время мы не располагали настолько дисциплинированными частями, чтобы перебрасывать их по своему усмотрению).

Но и на месте, в районе действий Махно, было достаточно сил для организации целой армии. Громаднейшим упущением являлось то, что мы так мало поработали над реорганизацией боевых сил Гришин-Гуляйпольского района.

Победные реляции штаба РВСР нас не успокаивали, и мы делали для Донбасса значительно более того, что требовалось директивами главкома.

В стремлении быстрее покончить с собственно „украинскими“ задачами, чтобы освободиться для общестратегических мы готовились к решительным действиям по захвату Черноморского побережья и ликвидации сил Петлюры. И то и другое представлялось нам вполне осуществимым наличными силами Украинского фронта.

В этом стремлении поскорее покончить с чисто „украинскими“ задачами для перехода к задачам общестратегическим мы даже указывали командующему Харьковской группой: „не увлекайтесь Донбассом“.

Это же указание было дано в ответ на следующий оперативный план комгруппы (18 февраля):

„Через неделю будет совсем готова третья бригада второй дивизии в составе 2 пехотных полков, силою шесть тысяч штыков, вооруженных итальянскими пятизарядными винтовками, конного дивизиона от триста коней и одной гаубичной батареи в четыре орудия. В связи с этим предполагаю произвести перегруппировку: 1) семьдесят третий полк присоединить к своей бригаде в Гришино для действий в направлении Ясиноватая, усилив тем группу Донецкого бассейна и доведя ее до состава восемнадцати батальонов при двадцати одном орудии, 2) Махно передвинуть влево и дать ему участок Волноваха—Чумаково (второе на линии Ловягино—Федоровка), 3) Дыбенко двинуть вперед и дать ему участок Чумаково—Пиргип—Гальбштадт—Пришиб—Орлянск—Балки, 4) вторую дивизию в составе трех бригад выдвинуть вперед, дав ей участок; для шестнадцатого полка Долгинцево—Кривой Рог—Долинская, для конного дивизиона третьей бригады: передовые посты в Николокозельское—Казанке, для шестого полка: Знаменка—Хировка—Елисаветград, для первого конного червонного казачества: Новоукраинка—Адабаш, для пятого полка: Сигнаевка—Цветково—Смела. Оставшиеся свободными седьмой и восьмой полки, после приведения в порядок и пополнения, пустить по линии Цветково—Корсун—Мироповка—Белая Церковь, для угрозы в тыл противнику, стоявшему в Фастове. Под прикрытием выдвинутой вперед второй дивизии отряды Григорьева отвести в Черкасы—Чигирин—Александрия—Кременчуг—Верхнеднепровск—Екатеринослав для переформирования в две бригады, ибо по последним сведениям Григорьев имеет шесть тысяч неорганизованных партизанов. Одновременно мобилизовать местное население для окопных работ и укрепить все передовые пункты, занятые частями второй ди-

визии, и подступы к Днепру, устроив солидные тетдепоны у Черкас, Кременчуга, Екатеринослава и Александровска и укрепив места возможных переправ у Верхне-Днепровска. В качестве армейского резерва взять подходящую сейчас из Курска вторую бригаду девятой дивизии, ее легкую артиллерийскую бригаду и девятый мортирный дивизион, сосредоточив их в районе Екатеринослава. Штаб группы перевести в Екатеринослав. Намеченный план, по моему мнению, создает наиболее устойчивое оборонительное положение и дает возможность при наступлении противника продолжительное время задерживать его на правом берегу Днепра и дать нам время прочно укрепиться на Днепре. Намеченный план представляю на ваше благоусмотрение и утверждение. План составлен в предположении, что седьмой и восьмой полки нужны фронту для действий западнее Черкас; в случае, если этой надобности нет, то тогда одна из бригад второй дивизии будет оставлена в армейском резерве, который в этом случае достигнет силы двух бригад и сможет сразу же прочно занять основную оборонительную линию по Днепру".

Скачко сильно преувеличивал успешность формирований 3-й бригады 2-й дивизии, которая была на ⅔ не снабжена, слабо дисциплинирована и вовсе не обучена; он сам подтверждал это в телеграмме № 230 от 27 февраля. Он не учитывал также невозможность вырвать в тыл отряды Григорьева, втянувшиеся в бои и далеко недисциплинированные. Принимая слишком всерьез директиву закрепления на Днепре, Скачко отказывался от каких-либо активных операций к Черноморскому побережью, недооценивал возможной активности Петлюры в Киевском и Черкасском направлениях и совсем напрасно мечтал о закреплении за нами 9-й дивизии, сформированные части которой нам пришлось вскоре по требованию главкома отдать Южному фронту. Из этой дивизии нам оставили только 79-й полк, несший караульную службу в Екатеринославе. И сам Скачко настаивал на передаче 73-го полка и мортирного взвода из 9-й дивизии в группу Онищенко, и эти части были около 22 февраля направлены на Южный фронт.

Командующий фронтом разрешил штабу группы перейти в Екатеринослав, а штабу Дыбенко—в Александрию, дав указания создать ударную группу для Одесского направления; Григорьева, подкрепив его полком им. Шевченко (из Полтавы), направить на Херсон—Николаев; отряды Ткаченко—к Вознесенску; вторую дивизию сосредоточить на правом берегу для действий к Цветкову—Шполе и далее к Белой Церкви на соединение с 1-й дивизией, против основных сил Петлюры.

С отходом группы Онищенко к Южному фронту, нач. 2-й дивизии к Киевской группе, в распоряжении командующего Харьковской группой, в конце февраля, остались только части Махно, бригада, сформированная из павлоградцев (Дыбенко) и отряды Григорьева. По предписанию командукра все эти части должны были быть сведены в одну девятиполковую дивизию. Это задание являлось исключительно трудным и от успешности его зависела прочность левого фланга Украинского фронта и возможность операций в поддержку Южному фронту.

Однако мы не располагали ни достаточными кадрами, ни нужным количеством подготовленных политработников, ни достаточными запасами снабжения, чтобы разрешить успешно такую задачу.

Вот заключение особой комиссии Высшей военной инспекции, работавшей во второй половине марта в частях Махно:

„Общее положение Екатеринославской губернии печально. Острый продовольственный кризис. Безработица. Заводы стоят. Рабочие, ожидавшие, что советская власть пустит заводы, сильно недовольны; антисемитская агитация. Анархоантисемитская агитация разлагает части гарнизона. Благодаря брожению в частях, общее положение в уездах неустойчивое. Даже 80-й полк 9-й дивизии, прибывший из России, разложился. Коммунистические организации в уездах очень слабы. Работа их в деревню почти не проникла, благодаря этому партизанское подпольное движение, встретив активный центр в группах анархистов „Гуляй-Поле", подпало под их руководство и влияние. Части „Батьки-Махно" крепко пропитаны духом и тенденциями бесшабашного вольного Запорожья. Настроение частей революционное, боевое, бодрое. Сильные духом, они маленькими отрядами победоносно двигаются под огнем противника. Кулака и деклассированного элемента в бригаде много, сильно развит антисемитизм. Сам „Батько" в каждом еврее, даже красноармейце, видит шпиона, что разнуздывает массу; мародерство в части сильное. Анархисты шефствуют. Столица „Гуляй-Поле" для анархистов самое свободное место в мире. Туда стекаются все униженные и оскорбленные в России анархисты. Всего в бригаде активных вожаков до 100 человек. Рабочий клуб, газета (ругающая „комиссародержавие" парей Ленина и Раковского)... Крестьянство трудовое прислушивается к анархическим боевым вольным лозунгам, но при усиленной работе коммунистической партии оно было бы за нами. Анархический штаб под видом выборности командного состава проводит своих людей—ставленников Махно. Среди командного состава все же есть порядочные люди, сторонники коммунизма. Красноармейцы темны и, ругая комиссаров, называют себя большевиками. Наши политкомы при Махно больше играют демонстративную. чем политическую роль. Следует отметить, что недостатки интендантского снабжения пополняются реквизициями и мародерством.

Несколько умаляет пыл Махно штаб Дыбенко. Так, бездельничающий штаб Махно был заменен Дыбенко другим с коммунистом-специалистом тов. Озеровым во главе. Вообще в последнее время Махно и его наиболее сознательные товарищи будто склонны больше считаться с представителями центральной советской власти. Но ввиду того, что анархический „дух разрушения" очень силен в махновцах—трудно поверить искренности полного подчинения Советской власти.

Во многих частях командный состав выборный и, просто не обладая технической подготовкой и опытом, совершенно не соответствует своему назначению. Махно иронически отрицательно относится к политкому. Его бригада находится в периоде сформирования, чем и объясняется отсутствие дисциплины. В некоторых частях замечается пьянство, к искоренению которого приняты самые решительные меры. Связи между отдельными частями нет почти никакой, благодаря чему нет возможности координировать цен-

ствия отдельных отрядов: наступление ведется отдельными разрозненными группами по их личной инициативе.

В последнее время на фронте стала налаживаться культурно-просветительная работа, устраиваются митинги, собрания, лекции, концерты, школы грамотности. Началась чистка командного состава, арестован из начальников отряда Махно Дербенджи. Тормозом является недостаток сознательных и энергичных коммунистов и отсутствие коммунистической литературы. В последнее время, благодаря деятельности культурно-просветительного подотдела, недостаток литературы ощущается в несколько меньшей степени".

Таким образом политико-организационная работа в бригаде Махно находилась в самом зачаточном состоянии. Лучше обстояло дело в 1-й бригаде Заднепровской дивизии. Та же комиссия сообщала:

„Исключением из общей массы Заднепровской дивизии (Дыбенко) является 5-й и 6-й Заднепровский полки, где организованы ячейки коммунистов и сочувствующих им, где часто устраиваются митинги и собрания. В 5-й полк записалось около 15 тысяч добровольцев, для вооружения которых нехватает оружия. За время с 25 февраля по 7 марта подотделом основаны 4 библиотеки (при штабе инженерного батальона, при авиационном отряде, при первом кавалерийском полку и при 6-м Заднепровском полку) и 6 подвижных. Общее количество книг в этих библиотеках—3 520, газет и листовок—23 335".

Приказ по армиям Украинского фронта от 18 февраля, следуя букве директив главкома, не дает никаких указаний для активных операций в Донбассе. Вот этот приказ:

„1. Сведения о противнике в разведывательных сводках фронта.

2. Правее войск фронта—части Западной армии постепенно продвигаются к линии р. Неман, фланговыми же частями в Полесье. Левее—группа Кожевникова, ведущая наступление в направлении на Миллерово—Луганск.

3. Войскам фронта прочно закрепиться на Днепре, выдвинув вперед авангарды.

а) Киевская группа.

Тов. Мацилецкий—штаб Киев. 1-я и 2-я Украинские советские стрелковые дивизии и группа Беленковича,	Прочно закрепиться в районе Киева и Черкасы, согласно данной подробной директивы.
б) Харьковская группа.	
Вр. Командующий тов. Скачко, штаб—Лозовая. Заднепровская бригада, группа тов. Дыбенко, I бригада дивизии без 73-го полка.	Прочно закрепиться в районе Кременчуга, Екатеринослава, Чаплино, Гришина, обеспечив фланг со стороны Донецкого бассейна.
в) Резерв фронта: 9-я дивизия.	Продолжать сосредоточение в районе Екатеринослав, Синельниково, Павлоград.
г) Отд. погран. бригада.	Продолжать сосредоточение в ранее указанном районе Кролевец, Конотоп, Ромны, Ворожба.

4. Разграничительные линии между Киевской и Харьковской группами;

Ромодан—Знаменка—Вознесенск, первые два пункта исключительно для Киевской группы, последний для нее исключительно.

5. Всем частям фронта энергично продолжать работу по приведению в штатный состав согласно приказа № 220 Революционного военного совета РСФСР.

6. Разведку вести по особым заданиям штаба фронта.

7. Штаб фронта—Орел".

Между тем главком запрашивал (16 февраля): „1) Какая директива преподана войскам фронта во исполнение № 570. 2) Что делается по укреплению линии Днепра. 3) Какие распоряжения для поддержки Кожевникова, какие части, когда и куда прибыли".

Штаб Украинского фронта отвечал:

„Директива главкома по пунктам 1 и 2 передана к исполнению начдив 1 Киев и нач. Харьковской группы. Укрепление Днепра в каждом пункте поручено особому ответственному начальнику. К работам привлечены инспектор инженеров фронта и генштабы, выехавшие на место работы. Привлекается местное население, инструкторами—саперные части. Для спешности закрепления пунктов преподаны указания о порядке работы. Разведка на правый берег выслана, продвижение наших частей непрерывно продолжается. К утру 17 февраля наша передовая линия: на Фастовском направлении—ст. Немешаево—Крюковщина—Леваха—Мавхаловка, Янковичи, Бугаевка; противник в панике бежит на Фастов к Жмеринке. На Черкасском—Корсунь—Шпола—Новомиргород—Помощная—Новоукраинка—ст. Бандурка, между Помощной и Ольвиополем. На Кременчугском направлении—Елисаветград—Долинская. Екатеринославском—Кривой Рог—Апостолово—Бизюков Монастырь—Берислав на Днепре. В поддержку Кожевникова—отряд Онищенко: 11, 12, 74 и 75 полки, три батальона погрохраны и три батареи; всего 15 батальонов и 18 орудий. Отряд действует по директивам Кожевникова. 22 часа 16 февраля 12-й полк взял Бахмут, часть отряда занимает фронт: Рудченково, Красная Горка, Желанная, ст. Городовка, Константиновка, Карловка, Вершино-Зайцевский хутор, ст. Роты. 17 февраля № 0365".

20 февраля Вацетису была послана новая телеграмма, в которой мы отстаивали предоставление нам возможности принять активное участие в операциях, ведущихся в Донбассе. В телеграмме отмечалось, что штаб 13-й армии не имеет и не может иметь необходимой связи с Бахмут-Гришинским районом.

„Все его распоряжения,—говорила телеграмма,—неизбежно запаздывают; поэтому командующий участком, раньше ориентируясь в обстановке, вынужден принимать соответствующие меры". Заинтересованный в безопасности Харькова и магистрали, Укрфронт вынужден держать значительные силы в резерве, в бездействии. Изложенное в связи с сознанием важности Донбассовского района заставляет командукр усиленно, для пользы дела, ходатайствовать о передаче Укрфронта Бахмутского и Гришинского направлений. Иначе операционные направления 13-й армии режут операционные направления

Укрфронта. До 20 телеграмм, посланных Кожевниковым в Луганск, скопились в Харькове. Оперативный приказ Кожевникова № 8, выпущенный 14 февраля и предписывавший Онищенко, командующему Славянской группой, закончить операцию к 18 февраля, был получен Онищенко только 21-го.

24 февраля в разговоре по прямому проводу с Серпуховым командующий Украинским фронтом вновь просил о переводе в район фронта 2-й кавдивизии, наблюдать за формированием которой берется Глаголев; кроме того, указывая на невозможность для Кожевникова непосредственно руководить выделенной фронтом группой Онищенко в силу слишком обширного района, что вызывает запаздывание распоряжений, командующий просил о передаче этой группы обратно в распоряжение командования фронта.

Ответ был дан отрицательный... Наша задача в Донбассе оставалась прежней, т. е. отсутствие активных задач. Тем не менее мы еще надеялись на то, что в Серпухове поймут необходимость привлечь Украинский фронт к активным операциям в Донбассе, и в записке, направленной Наркомвоенделу Подвойскому (23 февраля), говорится „об усилении наших войск в Донбассе и при первой возможности об энергичном там наступлении".

В том же разговоре по прямому с Серпуховым (24 февраля) командукр запрашивал:

„Войска Директории бегут перед нами; у Винницы удерживаются их осколки. Прошу разрешения их ликвидировать. В Одессе союзников 12 000, они в бездействии, так что ликвидация Петлюры, которой от меня требует Раковский, не представит труда".

Главком ответил согласием... Мы были как будто официально освобождены от забот о Донбассе.

Но заботы о Донбассе вставали перед нами непосредственно вследствие угрозы, возникавшей в Крыму, где по всем данным закладывалась солидная база Добровольческой армии. Так, в марте из Одессы пришло сообщение, что, эвакуируя Херсон, Николаев, Очаков и Одессу, добровольцы намерены укрепиться в Крыму, так как крымский плацдарм, по мнению Деникина, явится последней ставкой Добровольческой армии.

Перекопский перешеек служил центром внимания командующего крымско-азовского корпуса генерала Боровского, ибо его падение грозило потерей Симферополя, Джанкоя и Евпатории. Для укрепления Перекопского перешейка были приняты срочные меры.

Под Мелитополем, как выяснилось позднее, нам противостояли: Мелитопольский полк, 1-й Симферопольский офицерский полк (1 200 штыков) с 17 легкими и 4 гаубичными орудиями и отряды немецких колонистов при 28 пулеметах. В Симферополе к середине марта оформился 2-й офицерский полк (700 штыков), формировался Литовский пехотный полк и кончилось формирование Крымского конного полка. Там же находился штаб Крымско-азовского фронта с сотней кубанцев. К Перекопу были выдвинуты 6 сотен пластунов и конная сотня при 2 легких орудиях,

Нашими подпольщиками в Крыму проделывалась большая боевая работа. По докладу подпольного Областного ревкома (к концу февраля) в Севастополе, в его распоряжении находился отряд пехоты (50 чел.) с винтовками, бомбами, 3 пулеметами, конный отряд (25 чел.) и контрольная разведка (5 чел.). По доставке военных сведений работали все члены партии. Ответственный руководитель—т. Полещук (Малецкий). Был выделен также подрывной отряд (3 чел.), телефонная связь достигалась включением в правительственные провода. В случае нужды были готовы к мобилизации до 400 чел., наполовину вооруженных. В распоряжении ревкома имелись автомобиль, 2 грузовика, около 50 подвод, 3 баркаса, одно легкое орудие с 80 снарядами, 3 пулемета, 20 000 патронов, 50 винтовок с 40 000 патронов, 30 револьверов, 2 ящика ручных гранат, пироксилин, гремучая ртуть, динамит (100 *кг*) и т. д. Агитпропотдел имел в своем распоряжении работников, знающих местные и иностранные языки; шапирограф и копировочный вал.

За связь с нашими среди французов были произведены аресты (до 150 чел.).

В Бахчисарае имелось до 30 вооруженных товарищей, в Керчи—30, в Феодосии—50. В Керчи и в Ялте работа шла через союз инвалидов и бывших солдат.

В Евпатории находился отряд в 30 чел. и около 400 полувооруженных. Доклад ревкома сообщал также „о борьбе и гибели отряда „Красная каска“ в Мамайских каменоломнях“. Отряд этот состоял из 350 чел., из которых было вполне вооруженных—200, а остальные—подручные для работ по укреплению караульной службы и т. д. Большую помощь оказывали старики, женщины и дети из соседних деревень (Скалы), которые доставляли также продовольствие, оружие и патроны. Помогал и уездный ревком. В силу недостатков продовольствия и вооружения производились нажимы на экономии, а также разоружались соседние деревни и немецкие колонии. Направленные из Севастополя и Симферополя добровольцы частью двигались поездом, частью походным порядком, при них находилось до 400 офицеров, казаков и буржуазия с тремя орудиями. Раньше они наступали безуспешно отдельными отрядами, но „Красная каска“ разбила добровольцев, которые потеряли в течение всей операции около 30 убитых и до 50 раненых. На этот раз добровольцы поставили одно 76-*мм* орудие вблизи грязелечебницы, одно 76-*мм* орудие на вокзале и 152-*мм* орудие на даче и открыли огонь по деревне „Скальные Мамаи“. Жители перебрались в скалы. Оцепив партизан пехотной и кавалерией, добровольцы сосредоточили огонь по скалам.

После трехдневного боя отряд „Красные каски“ был отрезан от пехотой и кавалерией, добровольцы сосредоточили огонь по скалам. на четвертый день боя была занята каменоломня и приняты меры к взрыву скалы. Когда комиссар отряда т. Петроченко вышел ночью, чтобы осмотреть поверхность скалы, стоявший кадет бросил ручную гранату: Петроченко, тяжело раненый, был подобран товарищами. На четвертые сутки, после взятия колодца мирные жители, томимые

жаждой, решили выйти из скал и послали вперед детей. По выходе из туннеля с поднятыми вверх руками они были взяты под перекрестный пулеметный огонь и перебиты. Видя это, отряд „Красные каски“ бросился на штурм. Потеряв около ста человек, отряд частично прорвался, частично (30—50 чел.) ушел обратно в скалы. При обыске туннелей добровольцы вытащили еще живого т. Петроченко и добили его; жена его была также вытащена из туннеля (ранена в грудь) и добита в экономии Шишмана. Бой продолжался семь суток, скала была разбита, все погибли. В городе были усилены обыски, аресты и расстрелы. Деревня „Скальные Маман“ была уничтожена, а имущество жителей разграблено добровольцами и казаками и распродано на городском толчке.

В Симферополе под руководством обкома находилось 4 пехотных отряда (700 чел.) и один конный (35 чел.); в Джанкое—отряд до 30 чел.

Таким образом в Крыму велась энергичная работа по организации вооруженных ячеек. Мы уделяли Крымскому направлению серьезное внимание.

К началу марта 1919 г. наши задачи в отношении Донбасса по указанию главкома сводились попрежнему только к наблюдению и поддержке Южного фронта передачей ему тех или иных воинских частей.

Со времени занятия Харькова мы двинули на Южный фронт кроме бригады Текеджанца бригаду 9-й дивизии, пограничный полк, железнодорожный батальон, батарею (122-*мм* орудия), прибывшую из Москвы в конце января, и два бронепоезда. Из части этих войск была образована группа Онищенки, действовавшая в непосредственной связи с правым флангом Южного фронта. Южнее этой группы находилась бригада Махно, имевшая от нас задание выступать к Мариуполю—Таганрогу. Для прикрытия этих операций Мелитополя действовала 2-я бригада Заднепровской дивизии (П. Дыбенко). Таким образом почти половина наших сил работала в помощь Южному фронту.

Накопление неприятельских частей в Донбассе продолжалось.

Разведывательная сводка РВСР от 8 марта сообщала, что в Донбасс непрерывно прибывают добровольческие части, тогда как Донармия противника почти уничтожена. На Бахмутское направление прошло 5 эшелонов с войсками и в общем из 10 000 чел. там находилось 8 500 добровольцев. На Миллеровском направлении было сосредоточено до 10 000 чел., из которых 8 000 добровольцев.

Всего на Южном фронте противник имел 44 000 войск, из них в Донбассе до 10 000.

Разведывательная сводка не указывала, какие силы могли быть подведены в Донбасс неприятелем из тыла. Но в середине марта мы получили сведения, что в Донбасс будет переброшена вся Добровольческая армия и кубанцы.

В связи с накоплением неприятеля бои в Донбассе становились все упорнее.

1 марта ст. Еленовка и Анадоль были заняты нами, но оставлены под давлением 3 неприятельских бронепоездов и затем вновь оказались в наших руках. Мы заняли также ст. Константиновку. В бою у Полог (Махно) мы отбили одно тяжелое орудие и взяли пленных.

2 марта, в Мариупольском направлении, в 5 *км* к северу от ст. Очеретино, во время отражения атаки противника 75-м полком мы потеряли 4 пулемета, 49 пленных, 3 убитых и 45 раненых. К северу от ст. Волноваха мы заняли ст. Анадоль и Еленовку. Вечером того же дня бригада Текенджанца перешла в наступление к югу от Бахмута.

3 марта на Мариупольском направлении происходил бой у сел Бургатс и Михайлов; внезапной атакой противник сбил у Пришиба батальон 4-го Заднепровского полка, захватив 3 пулемета. Положение было восстановлено. На Бердянском направлении в 18 *км* к югу от Полог и в 30 верстах к югу от Царе-Константиновка мы заняли Семеновку и Егорьевскую. В Мариупольском направлении после артиллерийского обстрела 13-й полк (Махно) занял ст. Волноваху, но оставил ее под давлением сильных резервов противника, поддержанных бронепоездами. К 12 часам 3 марта на Константиновском направлении под давлением 2 бронепоездов, наши части оставили ст. Константиновку, отойдя к Новоселовке.

Главком потребовал: „5 марта направить в распоряжение Кожевникова два пехотных полка с батареей. Об исполнении с указанием, какие переданы полки, донести, № 1078/000“.

7 марта от него поступила новая директива следующего содержания:

„С разгромом нашей кавказской 11-й армии противник получил возможность перебросить в Донецкий бассейн значительные силы, упорством которых задерживается успешная ликвидация операций против Дона. В первоначальной стадии действий наших 8-й, 9-й и 10-й армий мы получили возможность сократить Донской фронт в весьма значительных размерах и вместе с тем добиться укрепления нашего фронта. Но по мере продвижения наших армий фронт растягивается за счет развития операций в Донецком бассейне, что в свою очередь может привести к значительному ослаблению Южного фронта вообще и лишить его вместе с тем должной активности. Поэтому на Южном фронте диктующим условием является возможность в кратчайшее время добиться решительных успехов на флангах фронта. В первую очередь необходимо во что бы то ни стало, в ближайшее же время, одержать победу над противником в Донецком бассейне. Необходимые силы туда приказано сосредоточить командующему Южным фронтом, но для большей уверенности в решительной победе прошу вас выделить из состава Украинского фронта все свободные силы и бросить их на Донецкий бассейн. Операцию в Донецком бассейне предполагается провести в ближайшие дни под непосредственным руководством командфронтом Гиттиса. О том, сколько вы можете выделить сил для участия в сражениях в Донецком бассейне и когда выделенные силы могут прибыть к месту сосредоточения, которое будет указано Гиттисом, прошу мне срочно телеграфировать. Прошу

отправить на Донецкий бассейн не менее трехполковой бригады и дивизион артиллерии сверх тех сил, которые приказано направить телеграммой 5 марта № 1038/п. № 1104/о".

Таким образом в начале марта Украинский фронт получал от главкома все более настойчивые требования о передаче своих частей в помощь Южному фронту. Между тем войска Петлюры еще не были окончательно сломлены и к ним подходили подкрепления из Галиции; в Бессарабии замечалось накопление румыно-французских войск, в портах Черноморья высадилось от 40 000 до 60 000 союзников, а украинские части в основной своей массе были еще не оформлены и не организованы [1].

Одновременно главком требовал, чтобы мы представили Южному фронту снабжение частей, передаваемых нами.

Главкому было отвечено:

„НР 2 162/п. Если бы мы вздумали строго придерживаться Ваших предписаний представить Южфронту снабжение переданных ему в оперативное подчинение частей, то эти части остались бы без снабжения, так как они стоят на нашей коммуникационной линии".

Конечно мы понимали необходимость скорейшей ликвидации Донбасса. Но в нашем резерве числилась одна 9-я дивизия, 6 полков которой были отправлены на Южный фронт, а оставшиеся 78-й, 80-й и 81-й полки совершенно разуты и не обмундированы. Предписано тотчас же их доформировать, снабдить и передать Южному фронту.

Телеграмма главкома застала командукра в пути (в Екатеринославе). Из Екатеринослава направлен в Донбасс, после инспекции, мортирный дивизион 9-й дивизии. Выделить немедленно еще что-либо представлялось невозможным.

Между тем бои за Донбасс обострялись.

11 марта на Константиновском направлении противник при поддержке двух бронепоездов и вспомогательного поезда повел наступление на ст. Константиновка, но был отбит.

12 марта происходил жестокий бой в Мелитопольском направлении. Разбит бронепоезд противника, но одновременно разбит и наш бронепоезд „Карл Либкнехт", а у бронепоезда № 9 был подбит паровоз.

13 марта на Мелитопольском (Крымском) направлении 2-я бригада Заднепровской дивизии взяла с. Спасское, ст. Федоровку и Б. Токмак. На Бердянском направлении части 3-й бригады (Махно) заняли Ново-Михайловку, Казанковатую, Семеновку и Ново-Полтавку к юго-западу и югу от ст. Пологи. Одновременно донгруппа овладела ст. Никитовкой.

В 17 часов 14 марта нами занят г. Мелитополь. К 15 марту на Грищинском участке наши взяли Старо-Михайловка, Таяновка и Сантезриновка. На Бахмутском—мы продвинулись на $1/2$ версты к югу от Куриютовки.

В 22 часа 15 марта поступает сообщение: „Удержать Никитовку не удалось".

К этому времени была расшифрована следующая директива главкома:

„Серпухов 12 марта. Обстановка внешней и внутренней политики, а также стратегическая обстановка на юге требует в кратчайшее время одержать над противником решительную победу в районе Донецкого бассейна и Северного Кавказа. В первую очередь ставлю категорическое требование разгромить противника на-голову в районе Донецкого бассейна. Это является задачей общих усилий войск Южного и Украинского фронтов. Поэтому приказываю сосредоточить против Донецкого бассейна максимум войск для того, чтобы создать благоприятные для предстоящего решительного сражения условия для нас в смысле численного преобладания над противником. Действия должны носить категорический и решительный характер. Непосредственное руководство операцией против Донецкого бассейна возложено на командующего Южным фронтом Гиттиса № 822/ш“ [1].

Этой директивой Украинскому фронту предлагалось объединить усилия с Южным на ликвидации Донбасса, как важнейшей стратегической задаче.

Мы сознавали ее важность, но у нас не было под рукой сил для сколько-нибудь серьезной поддержки Южного фронта. Однако мы немедленно дали следующее предписание штабу Харьковской группы:

„Лозовая, Штаб Харьковской группы. Для немедленных распоряжений, приказываю: Полк Шевченко спешно готовить к выступлению, тоже 16-й полк; бригаде Григорьева, оставив совершенно необходимые караульные части, войдя в связь с Вознесенском чрез Новую Одессу, наблюдать за переправами на Буге и повести разведку к Очакову. В Николаеве и Херсоне Григорьеву не задерживаться зря. Другим частям группы ускорить предписанную операцию—замкнуть Крым и усилить группу Махно для ликвидации Бердянска—Мариуполя“.

Таким образом было дано ясное задание „замкнуть Крым и усилить группу Махно для ликвидации Бердянска—Мариуполя“. Усиление должно было производиться частями 2-й бригады, действовавшей на Крымском направлении, полком Шевченко и 16-м полком из бригады Григорьева.

(Прибывший из Ростова наш разведчик сообщал, что в Донбасс предполагается перебросить всю Добровольческую армию и кубанцев. В Одессу должны прибыть взамен французов греки; в пути находились уже 2 греческих дивизии.)

---

[1] Главком Вацетис торопил Гиттиса с решительной операцией против Донбасса, возлагая на Гиттиса руководство операцией. Гиттис для этого и решил сосредоточить в Донбассе всю 8-ю армию, рокируя ее вправо и растягивая на ее месте вправо же и 9-ю армию, задержанную разливом Донца в дальнейшем движении вперед. Этот маневр был очень сложен и потребовал 18 дней, в течение которых 13-я армия была предоставлена собственным силам на правом берегу Донца. Этим обстоятельством воспользовались добровольцы и сильно на нее нажимали. Вот почему боевые действия в Донбассе и приняли тот оживленный характер, о котором можно судить по изложению автора.—*Ред.*

Развить серьезную помощь Донбассу нам помешали неожиданные осложнения на Киевском участке (заключение перемирия галичанами с поляками и натиск Петлюры на Киев), а также необходимость закрепиться на Черноморском побережьи до высадки союзников.

Последняя директива главкома отпала сама собой. Но мы продолжали в меру сил работать над ее осуществлением.

Чтобы освободить силы П. Дыбенко для поддержки Махно, спешно формировалась особая крымская бригада.

Об этом писалось Наркомвоенделу т. Подвойскому (18 марта):

„Прошу немедленного распоряжения Харьковскому окрвоенкому для Херсонского губвоенкома предоставить группе наших товарищей партийных (всего 28 чел.) крымчан во главе с тов. Озеровым и Турецким (рекомендация центра) возможность сформировать в Херсоне—Берславе отдельную крымскую бригаду, начав сформирование управления бригады и первого ее полка. Товарищи хорошо зарекомендованы. Бригада необходима для закрепления нашего положения у Херсона и для дальнейших операций. Вооружение ей дать немецкое. Группа тов. Озерова и Турецкого сейчас в Екатеринославе в распоряжении Дыбенко, которому предписано передать ее в распоряжение Херсонского губвоенкома. Запасные батальоны в Екатеринославской и Херсонской губерниях должны давать пополнение прежде всего в эту бригаду“.

21 марта мы дополнительно писали Харьковскому окружному военному комиссариату:

„Предъявителю сего немедленно выдайте для Крымской отдельной бригады, формирующейся в Херсоне, одну тысячу пятьсот винтовок и соответствующее количество патронов; выдачу производите без всякой задержки, так как только этого нехватает, чтобы бригада была полностью сформирована. Это количество винтовок будет вам возмещено моим распоряжением из Киевского артсклада“.

Одновременно, учитывая возможность развертывания противником значительных сил на Побережьи, мы разрабатывали оборонительную линию по Днепру.

Общеполитическая и стратегическая разведка наша хромала. Впрочем эти работы по обороне по Днепру были предприняты под настойчивым нажимом главкома.

Мы торопились разрешить непосредственные свои задачи, чтобы освободиться для исполнения иных задач.

8 марта после горячего боя был взят Херсон[1]. 16-го мы заняли Николаев, очищенный союзниками.

Киевская группа заняла Казатин, Бердичев, Житомир, Христиновку и подготовляла удар, сокрушающий центральную и правофланговую группы противника.

На Крымском направлении 17 марта были взяты Мелитополь и

---

[1] Херсон по данным взят 9 марта. Николаев очищен французами 14 марта (Гражданская война 1918 — 1921 гг., т. III, стр. 148).

Чеплинка в 20 *км* от Перекопа. 15-го части Махно заняли Бердянск и 17-го Волноваху.

18 марта главкому посылается телеграмма следующего содержания:

„Союзники уходят из Одессы; я приказал наступать на Одессу. В западном наступаем к Ровно и Новоград-Волынску. Предоставьте нам кадры 3-й дивизии, дайте хотя бы пять тысяч винтовок, шесть гаубиц, четыре шестидюймовки и в две недели создадим боеспособную часть и тогда сможем развить успех к Ковелю и Брест-Литовску. Оставьте нам из девятой дивизии кадры—77, 80, 81 полков. Немедленно их укомплектуем и будет бригада. Сейчас замыкаем Крым, освободившиеся части усилят левый фланг, наступающий на Мариуполь—Таганрог. Бригада 9-й пошла бы рядом. Жду ответа".

Вместо ответа поступило категорическое требование передать всю 9-ю дивизию Южному фронту, сосредоточив ее в районе Гришино.

17 марта командующий украинской армии направил председателю РВСР следующее письмо:

Перелом в отношении к Советской России со стороны Америки—Англии, изоляция Франции в ее политике наступления на Россию, разгорающийся революционный пожар в Германии, Австро-Венгрии, на Балканах; разожженная гражданская война в Галиции, Бессарабии создают обстановку исключительно благоприятную для операций нашей Красной армии на Украине. Силы Директории в разложении, „добровольцы"—слабы, союзники в замешательстве. Энергичное наступление на запад и на Одессу крайне желательно, имеет сейчас все шансы на успех.

Против разрозненного, растерявшегося врага мы имеем почти оконченные формированием из повстанческих отрядов три стрелковых дивизии, одну кавалерийскую бригаду и одну пограничную бригаду (это не считая одной трехполковой бригады, пяти отдельных полков и 9-й дивизии, отданных Южному фронту). Спешно доформировываются кроме того одна кавалерийская бригада и отдельная Крымская бригада. В строю сейчас: первая дивизия—1, 2, 3, 4, 9, 10, 21 пехотные полки и Волынский полк, сорганизовавшийся самостийно и примкнувший к нам (два полка формируются округом)—до 17 000 штыков, 600 сабель, 350 пулеметов, 6 минометов, 16 легких орудий, 4 гаубицы, 4 шестидюймовых, броневой дивизион, два бронепоезда, авиаотряд, инженерный батальон, батальон связи и радио; 2-я дивизия—5, 6, 7, 8, 15, 16, сводный Вознесенский и сводный Голтинский полки (один полк для дивизии формируется округом)—до 16 000 штыков, 1 500 сабель, 320 пулеметов, 30 легких орудий, 4 гаубицы, бронепоезд, броневой дивизион, инженерный батальон, батальон связи; третья—Заднепровская дивизия (Дыбенко, из отряда Григорьева, Махно, повстанцев Херсонщины)—1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 Заднепровские полки—18 500 штыков, 905 сабель, 180 пулеметов, 24 легких орудия, 8 гаубиц, бронепоезд, авиаотряд, инженерный батальон, батальон связи; 1 кавалерийская бригада—2 000 сабель, 50 пулеметов, 4 конных орудия.

Погохранная бригада—три полка—до 5 000 штыков, 300 сабель, 50 пулеметов, 1 бронепоезд.

С продвижением вперед к ним примыкают повстанческие отряды; они не оформлены, в них нет нашей дисциплины. В смысле людского материала возможности формирования громадны на этом стратегически крайне важном фронте. Но кадры у нас слабы. Были кадры 9-й дивизии—первая ее бригада в бою, 4 полка спешно доформировывались, спешно доформировывается 9-й кавполк, второй легкий дивизион, мортирный и тяжелый дивизионы. Через неделю, а некоторые через две, эти части могли быть боеспособны (в полках только в одном сейчас больше тысячи штыков—1 200, в остальных по нескольку сот) от влива пополнений из запасных батальонов. Эти кадры от нас взяты распоряжением главкома на Южный фронт. Там они конечно не будут развернуты.

К нам направили 3-ю стрелковую дивизию из-под Москвы. В ней нехватка 37% командного состава, 60% рядовых, есть (на дивизион) обученные артиллеристы. В две недели из нее мы бы могли создать боеспособную силу, способную противостать польско-петлюровским бандам. Но эта „дивизия“ (эти кадры) объявлена резервом главкома и должна формироваться Москвой. Нам остаются совсем жалкие кадры так называемой третьей интернациональной дивизии. Из этого многого не сделать.

Мы заняли Херсон, Николаев, возможны действия против добровольческого и союзнического фронтов. И нам отказывают в подводных лодках, так как почему-то все они направлены только для Каспия.

Отношение главкома подрывает начин формирования, нам нечем пособить Западному фронту, нечем развить наших успехов. Через некоторое время работа военных заготовок наладится—мы будем иметь достаточно сапог, белья, снарядов, трехдюймовых орудий, смазочных веществ, шанцевого инструмента, обозных повозок, автомобилей, броневиков, авиаотрядов, но шинелей будет нехватать, нехватит и артиллерийской упряжи, гаубиц и тяжелых орудий, винтовок, бензина и особенно телеграфно-телефонного имущества и русских патронов.

Военное ведомство, руководимое Подвойским, работает крайне энергично. Командные повторительные курсы, инструкторские школы и запасные и караульные батальоны—вся Украина поставлена в строй. Совнархозы и продкомы в меру возможного тормозят эту работу, но все ж она дает большие положительные результаты.

Мы просим центр помочь нам, помочь этой работе, помочь созданию на Украине мощной армии—точной исполнительницы ваших указаний.

Необходимо:

1) Вернуть нам кадры 9-й дивизии. 2) Предоставить в наше распоряжение кадры 3-й дивизии. 3) Прислать из Саратова застрявшие там две подводные лодки. 4) Дать предписание ЦУС снабжать нас экстренно всем необходимым. 5) Дать технических сил для организации оборонительной линии по Днепру (№ 398)“.

Общая строевая сила Украинского фронта исчислялась этой запиской в 60 000 штыков, 4 300 сабель, около 1 000 пулеметов, 74 легких и 15 тяжелых орудий, 5 бронепоездов, 2 бронедивизиона и 2 авиаотряда. Но бригада Махно (до 5 000 штыков) уже действовала на

Южном фронте. Четко оформленными можно было считать едва половину указанных сил...

Характерно указание на международную ситуацию. Высшему украинскому командованию мерещились радужные перспективы содействия мировой революции, и поэтому оно слишком легко давало отвлечь свое внимание от задач, далеко не разрешенных на Южном фронте.

Ему была свойственна также переоценка наших сил на Южном фронте и недооценка сил Добровольческой армии.

В приказе по армиям Украинского фронта от 25 марта между прочим отмечается: „В Донецком бассейне противник с трудом обороняется... Армии Южного фронта сдавливают противника, потеснив глубоко его центр между Дебальцево и Штеровка...“ В этом же приказе все задачи наши по Донбассу сводились к „удержанию прочной связи с 13-й армией Южфронта“.

Между тем 26 марта главком уведомлял, что отряд Махно передается в подчинение командюж.

Мы немедленно опротестовали эту передачу перед главкомом: „Прошу отменить Ваше распоряжение о передаче третьей бригады, которой командует Махно, в распоряжение Южного фронта. Передача одной бригады на другой фронт разрушает организацию Заднепровской дивизии, которой прекрасно командует Дыбенко, и грозит полным разрушением бригады. Прошу не разрушать организационной работы Украинского фронта“.

Через несколько дней мы вновь писали:

„За дисциплинированность и боеспособность частей, отдаваемых мною Южфронту, не могу отвечать. Всякое отрывание их от нашего командования их будет разлагать. Разграничительная линия между нами и Южфронтом для нас неприемлема. Прошу установить ее на основе предварительного соглашения между командованиями обоих фронтов. При неуверенности в прочности Южфронта буду вынужден держать зря резерв, прикрывающий Харьков, Лозовую, Синельниково, Крым. Ведь коммуникационные линии одни у нас. И я лишен возможности всю силу Укрфронта использовать для активной поддержки Южфронта, а также и влияние наших политических организаций и организаторов армий нашего фронта. Сейчас наши части в наступлении, вся линия Волноваха—Мариуполь включительно наша“.

Уже тогда проявились известные симптомы разложения бригады Махно.

Неожиданно по прямому из Екатеринослава поступило от комгруппы Скачко следующее донесение.

„В районе Орехова образовалась анархическая банда, которая занялась выступлениями против местных советов. Против банды был выслан Александровским исполкомом и военкомом кавалерийский отряд, который перешел на сторону бандитов. Штабом Дыбенко после этого были выдвинуты все имевшиеся в его распоряжении в Александровске силы—инженерный батальон при автоброневике. После боя войска Дыбенко принуждены были отступить“.

Вслед за этим сообщалось „о катастрофическом положении“, о необходимости оттянуть с фронта части, и т. д.

Командукр резко одернул командующего группой и запретил трогать части с фронта: усмирение бунтов—„дело тыловых частей“. Восстание было вскоре легко подавлено. Но следы от него вели в штаб Махно...

На фронте и в Крымском и в Мелитопольском направлениях мы продолжали успешно наступать.

23 марта была взята Ново-Алексеевка; 24-го Геническ и к востоку от Ново-Алексеевки в Джанкойском направлении—сс. Узкое, Головин, Вихляево.

25-го у ст. Сальково взята первая линия укреплений, захвачены 2 легких, одно тяжелое орудие и 12 пулеметов. В районе Мелитополя к нам присоединился повстанческий полк (1 500 штыков), прибывший из-под Таганрога.

27 марта, прорвав 4 линии окопов с проволочными заграждениями, наши войска овладели Чонгарскими мостами (в исправности) и ст. Сальково, Джимбулаки, Гончар, захватив одно 148-*мм* и два 76-*мм* орудия, бронепоезд „Сокол“ с 4 макленовскими орудиями и 20 пулеметов. Наши потери—30 убитых, около 100 раненых и 3 подбитых орудия.

Оперативная сводка Харьковской группы к 12 час. 29 марта сообщала:

„На Мариупольском направлении после ожесточенного боя нами заняты ст. Сартуп и город Мариуполь. Противника поддерживает артиллерия французских судов. Бой за обладание портом продолжается“.

К 20 час. 30 марта сводка доносила:

„После двухдневной блокады наши взяли порт города Мариуполя. Банды белогвардейцев погрузились на транспорт и вышли в море. Мариупольский район очищается от неприятеля. Нами занята д. Троицкая. При взятии Мариуполя нами захвачено: 1 бронепоезд, 18 исправных паровозов с подвижными составами, 2 парохода, 2 катера и другое имущество. В порту осталось 32 741 *т* угля. Наши потери—18 убитых и 42 раненых. Потери противника огромны (в порту стояли французский крейсер и 2 миноносца)“.

Наше наступление в сильнейшей степени облегчало положение на Южном фронте, хотя удалось перехватить и расшифровать следующую телеграмму Деникина Краснову:

„Происходит переброска частей на Харьковское и Воронежское направление. На Кавказе остаются одни конные части. Пластунские батальоны идут на Воронеж. Офицерские Корниловские и генерала Маркова полки на Юзовку—Дебальцево“.

Однако соотношение сил на Южном фронте оставалось благоприятным для нас. Все зависело от быстроты перегруппировки войск нашего Южного фронта.

29 марта начштаукр сообщал командующему фронтом в Киеве: „Согласно полученного приказа командюжа... марта начало решительной операции. Идея ее—выставить заслон против противника на линии Есауловский—Каменская—Александровск-Грушевский, к западу от линии Колпаково—Таганрог, перейти в наступление, нанося два удара: первый Штеровка—Иловайская; второй Рудченково—Иловайская с целью выхода на линию Ново-Николаевская—Успенская—Ровенвзал—Каменская. Ликвидация группы генерала Май-Маевского в Донецком бассейне должна быть проведена самым решительным образом, дабы лишить противника возможности перегруппироваться“.

Оперативные сводки Харьковской группы продолжали свидетельствовать об успехах наших в Крымском и Таганрогском направлениях. Эти успехи встревожили противника. 1 апреля французские суда (2 миноносца) бомбардировали Геническ и сс. Кириловку, Стефановку, Атмантай и др. За миноносцами были заметны легкие суда.

Эта демонстрация не остановила натиска заднепровцев.

2 и 3 апреля идут бои за Перекоп.

4 апреля на Джанкойском направлении противник бил из тяжелых орудий по нашему расположению у Ченгера; французские миноносцы вновь обстреляли Геническ (60 снарядов).

В ночь на 4 апреля происходит бой за г. Перекоп. В 16 час. 4 апреля Перекоп был взят. Неприятель бежал в панике. Преследуя его, заднепровцы овладели Армянском, захватив два 152-*мм* орудия и 25 пулеметов. Наши потери составляли 100 убитых и около 400 раненых.

Итак части Украинского фронта все же ворвались в Крым...

Между тем на путях к Таганрогу Махно встречал все более серьезное сопротивление.

К вечеру 4 апреля сообщалось:

„На Таганрогском направлении нами занят хутор Александровский и Нудовов в 10 *км* к северу от д. Весело-Вознесенской. Наше передвижение продолжается.

Однако к утру следующего дня уже доносилось, что наши части под давлением превосходных сил противника, отступили... меры к восстановлению принимаются“.

К вечеру 5 апреля вновь сообщалось об успехах:

„В Таганрогском районе в направлении на Кутейниково наши части заняли деревни Старый и Новые Бешево и находятся в 57 *км* от ст. Кутейниково. Кроме того нами заняты д. Каракуба, Васильевка, что в 4 *км* к востоку от ст. Волноваха. На Таганрогском направлении инициатива снова в наших руках, продвижение вперед продолжается“.

К вечеру 6 апреля бои продолжались. Дыбенко ломился в Крым... Подкрепить же изнемогавшую бригаду Махно нам было нечем...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На побережьи. Партизанщина. Григорьев. Взятие Херсона и Николаева. Наша разведка об Одессе. Взятие Одессы.

Правобережье кишело партизанскими отрядами, боровшимися с немецкими оккупационными войсками. Многие из них вначале примыкали к Петлюре, но затем, когда крестьянские массы разочаровались в политике Директории, повернули против него.

Выше упоминался один из подобных атаманов Зеленый, который впрочем после непродолжительных колебаний шарахнулся вновь в антисоветскую сторону.

Атаман Кацура, вначале связанный единством организации и политической принадлежностью с Зеленым и оппиравшийся на партизан Чигирина, проявил более устойчивости, согласившись на переформирование своего отряда в штатную единицу советской армии, вошедшую в состав 2-й дивизии (Чигиринский полк).

Среди партизанских отрядов Херсонщины выделялась так называемая „Южная Советская армия" („главковерха" атамана Попова). Представитель этой „армии", насчитывавшей всего 400 штыков, т. Богун был у нас в штабе (3 февраля). Командукр, приветствуя партизан Херсонщины, дал им приказ—действовать на пути сообщения между Одессой и Киевом и вести разведку, установить связь с Реввоенсоветом Киевской группы. Вместе с тем рекомендовал не именовать отряд „армией", а комотряда „главковерхом".

Особое место среди атаманов Правобережья занимал Григорьев, которому подчинялся ряд мелких отрядиков. Основной базой Григорьева являлся Александрийский у. Екатеринославщины—район типично кулацких крупнохозяйственных сил. Примыкая к украинским социал-демократам, Григорьев в период демобилизации царской армии играл известную роль в солдатских комитетах Юго-западного фронта. Связанный со штабом Петлюры, он, одновременно с провозглашением Директорией войны гетману, поднял восстание в Екатеринославщине против гетмана и повел борьбу с оккупантами. Из приведенных выше некоторых его заявлений следует, что он еще в декабре и начале января боролся и против „большевиков".

Следующая его телеграмма от 28 января свидетельствует о том, что свой отход он скрыл тогда от штаба Петлюры.

„Роздильна Штаб 3 корп. атаману Осмолову, Генерального штаба полковнику Капустянському.

„На деп. 329 отвечаю. Прежде всего генеральный штаб совершенно не

знает, что делается на юге Украины. Меня крайне удивляет, что наш генер. штаб других сведений о моих 20 партизанских отрядах не имеет, как от этой сволочи немцев. Известно ли генеральному штабу, что я с немцами уже 4 недели воюю. Известно ли, что я об этом ежедневно доношу и сообщаю атаману Петлюре, информационное бюро штаба атамана Грекова в Роздильну и так дальше, на двадцать адресов и до сих пор меня никто ни одним словом не упрекнул. Известно ли, что шесть дней назад от Директории приехал в качестве делегата ко мне для переговоров с немцами генер. штаба полковник Поиску и, застав девять моих партизанских отрядов на занятиях и удивляясь, заявил что 2 года ничего подобного не видел, а впоследствии оказался провокатором; где-то в Николаеве исчез. Известно ли вам, что 4 из волостей только в моих отрядах видят спасение от анархии и ждут меня всегда как бога, а прибывшая от немецких колонистов депутация в 20 человек заявила, что я для них звезда спасения. Известно ли вам, что я занимаю фронт от ст. Н. Буг, Заселье от Заселье до Копаки, оба берега устьев берега Буга, чтобы не выпустить немцев в море; дальше у меня идет позиция от Херсона по правому берегу Днепра до Николаева. Известно ли вам, что мои партизаны 6 недель не имели белья, полубосые и тело у некоторых покрылось ранами: тело грязное, белья нет. Известно ли вам, что я, Григорьев, уже четыре раза разбиваю на-голову добровольческую банду, и не дальше как 21 взял Алешино штурмом, где разбил добровольческую банду, взял 18 пулеметов и добровольцев. Такой дисциплины, как у меня, вероятно ни в одной части нет. У меня поставлено, если в бою кто отступит больше чем на два шага от товарищей, ему уже смерть, за случай невыстрела 25 шомполов и изгнание из отряда, за мародерство я расстреливаю... Известно ли вам, что немцы ограбили Николаев, судостроительный завод и наши склады на миллиарды ...... артил. огнем зажгли деревню Баштанка за то, что Баштанка обезоружила 31 немца—мародеров-грабителей. Александрийский полк, что стоит в городе, разграбил на Знаменке 60 ваг., на Долинской 35 ваг. груза, в Николаеве немцы разогнали всех мобилизованных и 17-й пехотный полк, который пешком идя из Николаева до Долинской, а сами грабят население и железную дорогу. Раньше была объявлена всеобщая мобилизация, с явкой к воинскому начальнику, теперь объявлена какая-то волостная мобилизация... Народ ходит толпами, грабят, у таких бродяг-банд мною отобрано до 400 ружей. Заявляю, что у меня полный порядок и только сейчас я получил от атамана Петлюры благодарность за службу. У меня казаки во всех 20 отрядах добровольны, воров нет, а лишь истинные борцы за свободу. Мы первые войска на Херсонщине, Таврии и, скажу, самые стойкие и самые сознательные. А вот сегодня разбежался пятитысячный полк Самокиша, который разошелся по домам с оружием, пулеметами, и мне пришлось послать один отряд выгнать его из колонии, где он грабил немцев на 15 повозках и 61 лошади. С немцами я борюсь по наказу Петлюры, а вы не верите, бросаете грязью в отряд. Вместо его вам следовало бы спросить меня, в чем дело, а не то что ухватившись за немецкую провокацию, с места в карьер „приказываю" и так дальше. Вы мне особенно не приказывайте, ибо мы войско, на чьих штыках все держится, нас никто не мобилизовал и не нанимал,—партизаны—добровольцы. Я не инвалид, если так будет дальше, то я уйду домой и распущу все отряды,

Тогда приказывайте себе сколько хотите, чтобы знали, кто грабит и кто без дисциплины. Привожу копии депеш из Кременчуга 173; „Атаману Григорьеву. Комкор Запорожья просит принять меры, чтобы казаки Александрийского полка и атаман Ткаченко не грабили войсковых грузов. Ими ограблено 35 вагонов 25 января 1919 года. Вот, кто грабит! Чтобы остановить грабежи и бесчисленный расстрел Балабачанцев, я, выбрав три сотни партизанов для спасения груза войскового, и уже спас до 300 вагонов, ни Ткаченко, ни Александрийский полк не подчинен. Это банда, к ним поехала моя делегация, которая узнает всю правду“ [1].

Занятие нами Екатеринослава весьма приободрило партизан, и они овладели железнодорожной линией от Бобринской до Шполы. Петлюровцы бежали из Екатеринослава в эшелонах. Но к ним подоспели некоторые подкрепления. 3 февраля полк имени Петлюры занял ст. Цветково, а петлюровский бронепоезд, предшествуя „казакам“ из Райгорода и гайдамацкому полку, захватил ст. Бобруйск. 4 февраля петлюровцы взяли и Шполу (наступал полк имени Петлюры от Звегорода).

К 6 февраля частями отряда Дыбенко был занят Верхнеднепровск. К 7 февраля отряд Татаренко, подчиненный Григорьеву, занял Елисаветград и наступал к Помощной. Партизаны вновь овладели железнодорожной линией между Корсунь—Цветкого, Бобринская—Каменка, Елисаветград—Знаменка, Користовка—Долинская, Долгинцево—Апостолово.

10 февраля идет бой партизан с петлюровцами в районе Шполы. Григорьев, как всегда брехливый, сообщает, что „французы в эшелонах приближаются от Ново-Украинки к Бобринской и Елисаветграду“, что у ст. Шполы—три эшелона и бронепоезд противника. Следом пришло сообщение Григорьева о занятии Новомиргорода и Безюкова Монастыря (в 70 *км* северо-восточнее Херсона), где им захвачены 12 пулеметов.

К 10 февраля части 2-й дивизии уже закрепились в Черкассах.

Мы указывали командиру бригады 2-й дивизии Жупану:

„Передайте немедленно атаману Григорьеву, чтоб держал с Вами тесную связь. Штаб Григорьева в Помощной, распоряжения ему надлежит получать непосредственно от штаба Харьковской группы“.

Григорьеву было указано сосредоточиться на Херсон—Николаевском направлении, оставив свои отряды на линии Шпола—Цветково—Городище в распоряжении 2-й дивизии. (Мы стремились ослабить Григорьева, к которому относились с понятным недоверием.) Но Григорьев вопреки указанию отозвал свои отряды с упомянутых пунктов.

---

[1] Упоминаемый в этой телеграмме полк Самокиша 31 декабря выбил Махно из Екатеринослава и держался в последнем до подхода отряда т. Дыбенко. Между Григорьевым и Ткаченко происходило соревнование. Последний выгодно отличался от «атамана Таврии и Херсонщины» отсутствием бахвальства, выдержкой и большей политической устойчивостью. Примкнув к советской власти, остался ей верен. Его отряд был навербован среди бедноты Херсонщины.

Этим объясняется следующий призыв (от 12 февраля):

„Штаб Антонова. Линия Шпола—Цветково—Городище очищается Григорьевым, который переходит на Помощную. В Черкассы прибыла 2-я дивизия Жупана. Ввиду неимения сил для занятия линии Шпола—Городище, прошу распоряжения о занятии ее частью 2-й дивизии. Штаб червонных войск Черкащины. Член коллегии Гамза".

Однако Жупану в Черкассы 13 февраля нами указано:

„На соединение с Григорьевым не выдвигайте значительных сил. Закрепитесь прежде всего на месте теперешней стоянки".

14 февраля от Григорьева из Бобринской поступила сводка, сообщающая о занятии его партизанскими отрядами железнодорожного узла Помощное, причем население встречает партизан как избавителей, ибо партизаны дисциплинированы и грабежами не занимаются. В сводке упоминалось о донесении Ясинского о том, что ему удалось организовать в Новоархангельской и Нововоронцовской волостях около 500 человек, но благодаря провокационной работе приехавших на конгресс соглашателей организация эта распалась,—и о донесении организатора Шматлы из Александровска о том, что часть 20-го отряда разбита под Бизюковским Монастырем. В этой же сводке Григорьев сообщает, что он приказал расстреливать занимающихся грабежом и совершающих насилия над населением.

Сводка Григорьева от 13 февраля сообщала о занятии им Корсун, перестрелке у Шполы—Христиновки, занятии 2-м партизанским полком Помощной, наступлении к Голте—Новый Буг.

16—17 февраля Григорьеву сообщали:

„Немцев пред Николаевым до ст. Водоной заменили французы, их разведки добирались почти до ст. Заселья. Из Николаева выдвинулся также отряд добровольцев (до 100 ч.), прибывший из Одессы. На пристани в Николаеве у элеватора—два франц. миноносца. С 1 февраля охрану в городе несут вместо немцев союзники. В Водоное 2 шестидюймовки".

К этому времени командующему Харьковской группы Скачко было указано подготовить ударную группу для действий к Одессе. Мы не предполагали направлять к последней Григорьева и хотели занять его на второстепенных направлениях. Однако Григорьев, по собственной инициативе, развивал боевые действия и в сторону Вознесенска. Один из его отрядов действовал здесь совместно с отрядом Ткаченки, формально подчиненным штабу 2-й дивизии.

Ткаченко доносил (17 февраля), что к утру 14-го его отрядом совместно с тов. Ясинским занята ст. Помощная, по направлению к Голте, выслана конница и броневик, между тем как противник, взорвав мост за Бондуркой и удирая „по направлению Бирзулы, рассеивается по уездам, где грабит во-всю местное население и производит массу расстрелов. Разбитые нами в Знаменке банды петлюровцев пошли походным порядком, задержались в местечке Глодосно, что в 25 *км* от Новоукраинки, и в м. Маркова в 45 *км* от Новоукраинки, Песчано-броде в 6 *км* от Помощной, но, узнав, что мы уже в Новоукраинке, снялись и удирают. В моем распоряжении имеется топлива

ровно на двадцать четыре часа. Необходима немедленная присылка партийных работников для широкой организационной работы. Продвигаться вперед, оставляя за собой неорганизованный тыл, это не больше не меньше как стрелять в воробья из пушек. Давайте литературы, необходим отпуск кредитов для очистки путей от снега. Противник начал удирать уже из Голты, наше продвижение задерживают только вышеназванные причины. Ткаченко. За комиссара Белга".

15 февраля поступило новое сообщение о бое на ст. Мироновка и о занятии ст. Звенигородка, причем противник, разрушил водокачку и взорвал мост, отступает в Россоховатку и Тальное.

18 февраля Ткаченко сообщает:

„Сегодня с десяти часов дня идет бой с чернокожими французами под Вознесенском; напор сдерживают посланные мною в Вознесенск 300 человек пехоты, 150 кавалерии 1-го советского Вознесенского полка. Мною приняты срочные меры к эвакуации громадных артиллерийских складов, находящихся в Вознесенске".

Следом сообщалось:

„Противник из Корсуни ушел по направлению Белой Церкви из Шполы на Тальное. Шесть эшелонов французов в 20 часов прошли станцию Адабаш, что севернее Ново-Украинки. Несколько эшелонов французов направляются в сторону Елисаветграда. Я все свои силы снял с позиции гор. Городище и Шполы и сейчас экстренно передвигаю через Бобринскую на ст. Сердюковку; полевой штаб переношу на ст. Каменка; в Елисаветграде имею два отряда; на Каменку стягиваю резерв с юга; имеющиеся в Черкассах украинские совет. войска придется передвинуть на Бобринскую для защиты правого фланга".

Итак французы вышли из созерцательного положения в Одессе и предприняли активные операции авангардными партиями на Вознесенск, прощупывая наши намерения.

В это время мы вели в Харькове переговоры с Григорьевым, которые благополучно закончились. Григорьев сообщил о результатах (23 февраля) всем своим отрядам (кстати, судя по адресам, у него было не 27 отрядов, а всего 5 или 6 произвольных номеров).

„По постановлению командующего армией укр. фронта Антонова с согласия штаба партизанов Херсонщины и Таврии, все двадцать партизанских отрядов переформировываются в Заднепровскую советскую бригаду с соответствующим числом артиллерии и кавалерии; штаб атамана Григорьева переформировывается в штаб Заднепровской бригады; командиром назначен атаман Григорьев. Первое время штаб бригады будет в г. Александрии Херс. губ. Из верблюжского штаба будет сформирован первый Верблюжский полк, из Александрийского херс. штаба—второй Херсонский полк, из штабов Таврии будет сформирован третий Таврический полк. Все отряды партизанов, которые не войдут в состав полков, будут расформированы. Б. атаман Григорьев, помощник атамана Горбенко".

Но командукр еще до этого „официального" сговора о переформировании обращал внимание командующего Харьковской груп-

ной на необходимость покончить с партизанщиной (в снабжении и в организации частей Григорьева).

14 февраля командующий группой уведомлял о посылке в Александрию особого штаба, предназначенного служить штабам бригады, формируемой Григорьевым, назначение которого состоится только по получении согласия от ЦК УКП. Дополнительно Скачко сообщал, что им приняты все меры по снабжению бригады Григорьева обмундированием и различным артиллерийским имуществом. Командукром было предложено Скачко указать Григорьеву на недопустимость рассылки незашифрованных телеграмм по десятку адресов и предписать ему сноситься телеграммами через штаб группы. Григорьев полемизировал с начальником 2-й дивизии, сообщавшим: „23 февраля на Черкасском направлении части Григорьева отошли к ст. Цветково. Контр-атакой мы отбросили врага, который отходит к ст. Шпола. Нами занята ст. Сачпаевка. Большие трофеи". Григорьев возражал, что его части дрались превосходно, и т. д., 27-го Григорьев сообщает об успехах в Херсон-Николаевском направлении: „Взяты станц. Б. Криница, Березнеговатая и Снегиревская (Снегиревка), кавалерия занимает стан. Заселье. Немцы серьезно испортили пути; мост через реку Висунь сожжен. У нас потери 5 убитых, 9 ранено, у немцев потери до 30 чел. Из Херсона на Снегиревку прибыли за хлебом греки, но поссорились с немцами. Херсон и Николаев от нашего движения в панике.

28-го Скачко сообщает:

„Я был в Александрии в штабе Григорьева. Сам Григорьев, предупрежденный о моем приезде, за несколько часов до него уехал вместе со своим начальником штаба на фронт, не оставив никакого ответственного лица. Я нашел вместо штаба грязный вагон и кучку неорганизованных бандитов. Никаких признаков начинающихся организаций. Цистерна спирта, из которой пьет всякий. Сотни две-три полупьяных солдат. Пятьсот вагонов, груженых всяким добром—спирт, бензин, сахар, сукно. Эти вагоны упорно не желают разгружать. Точно так же упорно Григорьев не желает пускать в свой штаб наших людей. Представители инспекции штаба были встречены им определенно враждебно. Ревком Александрии имеет о Григорьеве компрометирующие сведения. Мое впечатление—Григорьеву доверять нельзя. Необходимо ликвидировать. Мною оставлены в Александрии Ахметов с двумя людьми, с целью негласного наблюдения и выяснения отношения отрядов Григорьева к своему атаману. Имею основание предполагать, что они вовсе не горят к нему любовью. Если это выяснится, определенно считаю необходимым принять самые решительные меры к ликвидации Григорьева и его штаба. До этого считать отряды Григорьева нашими войсками и полагаться на них как на боевую силу нахожу невозможным (№ 233)".

Однако через несколько дней Скачко уже поддерживал Григорьева, а через неделю начал самым решительным образом сопротивляться распоряжениям об его хотя бы постепенной ликвидации (Скачко почему-то даже не принял немедленно мер к отобранию у Григорьева грузов, застрявших в Александрии).

О положении в Николаеве мы получили к концу февраля от Одесского подпольного ревштаба (тов. Николай) следующие сведения:

„В Николаеве сейчас находится 20 000 немцев. Они охраняют город и несут караул. Кроме них никакой военной силы в Николаеве нет. Существует немецкий совет солдатских депутатов шейдемановского направления. Совет связан с нашим советом раб. и солд. деп., который в Николаеве работает легально. Большинство в николаевском совете коммунистов, открыто выступают в Совете и на митингах. Полуоткрыто ведется агитация среди немецких солдат. Настроение среди немецких солдат склоняется в сторону советской власти. Немцами был разоружен прибывший отряд добровольцев. Немецкий совет заявил, что никакой силы в город он не допустит. Сейчас в Николаев был прислан делегат от штаба Григорьева в немецкий совет для переговоров об отправке немецких войск на родину через Советскую Россию. Ввиду того, что делегатом от штаба Григорьева был обойден наш Совет, посланы два человека от Совета в центр для выяснения того—действительно ли уполномочен штаб Григорьева для переговоров с немцами. Представителям нашего совета немецкий совет заявил, что, если немецкие войска будут пропущены через Советскую Россию, советские отряды беспрепятственно сумеют войти в город. С другой стороны немецкое командование ведет переговоры с французским командованием о переправке немецких войск на союзных судах. Если придут к соглашению, возможен вход союзных и добровольческих отрядов в Николаев. На пути Николаева—Ново-Полтавка никаких сил не имеется, кроме охраны, организованной жителями. Железнодорожный путь Николаев—Ново-Полтавка разобран у ст. Григорово“.

В начале марта нас извещали:

„1 марта в Николаев прибыл транспорт „Болгария“ с первым отрядом греческих войск. Вскоре „Болгария“ отправится в Одессу с транспортом германских солдат. В Одессе будет перегрузка германцев на „Садко“; для эвакуации германцев предназначены также: „Стамбул“, „Херсон“ и „Петр Аверов“ (из Одессы 5/III—германцы, прибывшие на „Болгарии“, выедут на транспорте „Эльзас Лотарингия“)“.

К 7 марта в Николаеве кроме немцев было уже до 4 000 иных войск (из них до 500 добровольцев, остальные французы и поляки). В порту—французский крейсер. Очевидно, договорившись с союзниками, немцы усиленно эвакуировались через Одессу.

Сведения о положении в Херсоне также не были особенно точны. К началу марта в городе и окрестностях находились части греческой дивизии. Были сведения о прибытии трех транспортов французских войск, однако они не подтвердились[1].

---

[1] Греческое правительство намерено было серьезно взяться за «спасение России от большевизма». Оно предназначило для интервенции 2 корпуса действующих войск и сверх того опубликовало следующее грозное для нас решение:

«По благоволению Святого Синода греческое правительство решило послать в Россию одновременно с своими войсками, которые уже совершенно готовы для посадки на транспорты, и трех епископов, четырех архимандритов и ы

Наступление Григорьева развивалось стремительно. 28 февраля были заняты ст. Белая Криница, Березеноватая и Снегиревка (в 50—55 *км* к юго-западу от Апостолово).

1 марта из Снегиревки Григорьев доносил, что немцы удирают, производя бесчинства на железных дорогах; сам он с бригадой идет прямо на Николаев, где только шесть тысяч немцев, но наступление будет трудным из-за отсутствия обуви и саботажа железнодорожников. Здесь же Григорьев сообщал о намерении снять с Помошной и перекинуть на Николаев 1-й полк, поручив охрану Помошной атаману Ткаченко.

Но командукр запретил снимать Верблюжский полк с Помошной и предписал Григорьеву (через Скачко) не разбрасываться, а сосредоточиться на Херсоне.

К 1 марта Григорьев занял ряд селений в 50—70 *км* к северо-востоку от Херсона и Заселье в 30 *км* к северо-востоку от Николаева. 2 марта его кавалерия ворвалась в предместье Херсона. Греки упорно сопротивлялись.

Тогда же Григорьев обратился к немцам в Николаеве со следующим призывом:

„Немецкие солдаты, рабочие, крестьяне и прочие граждане города Николаева. От имени партизанов и красноармейцев командуемой мною группы, а также от имени штаба и политического отдела при штабе объявляю вам: на этих днях город Николаев будет мною взят штурмом. Все для этого готово. Если произойдет кровопролитие, резня и прочие последствия штурма, то ответственность за эти события падает на немецкий командный состав, нашу буржуазию, городское самоуправление, немецкий солдатский совет и английское командование. Так или иначе город я возьму. Но уважая жизнь человека, прошу тех, которые без определенной идеи с оружием в руках стоят против нас, положите его, посмотрите кругом, взгляните на карту и вы увидите, что вы являетесь кучкой обманутых людей владельцев капитала и представителей бессовестной буржуазии. Весь мир потрясен революцией, везде пролетариат льет кровь ручьем и поддерживает победу. Чего же вы ждете и с кем собираетесь бороться. Вас ведут против тех, чья кровь пролита и высосана людоедами. Мы знаем: вы хотите итти домой. Так идите же. Условия вашего ухода предначертаны временным рабоче-крестьянским правительством. Других условий не дождетесь, а погибните, не дойдя домой. Немедленно принимайте эти условия и через 8 дней будете дома, доехав тихо, мирно и спокойно. Не верьте провокаторам и врагам трудового люда. Они наши враги. Мы, рабочие и крестьяне, корыстной цели не имеем, а потому встретим вас как друзей после выполнения вами нижеизложенных условий. Не выполнив их, вы будете кругом беспощадно истреблены“.

Григорьеву было немедленно указано через командующего группой.

„Ваши ультиматумы немцам в Николаеве нелепы. С немцами ведутся переговоры центром, и необходимо пропустить к нам их

сорока священников с клиром избранных людей, хорошо знающий русский язык и обладающих даром красноречия. Цель командировки—духовное воздействие на русских».

делегатов. Вы своими ультиматумами понапрасну провоцируете немецких солдат. Сосредоточьтесь на Херсоне".

Сводка Григорьева от 18 час. 2 марта сообщала о подходе партизанских частей к Николаеву и о наступлении отряда Бандача на Херсон, причем греки и англичане в беспорядке бегут из города.

3 марта происходил следующий разговор по прямому проводу:

Атаман Григорьев спрашивает греческого коменданта, будут ли греческие войска сопротивляться вступлению советских войск в Херсон.

Ответ: Мы сегодня находимся на ст. Херсон по приказанию высшего командования и не можем ехать и сдавать занимаемое место другим; сделать это можем, но только по приказанию. Будем бить, если только пойдете на нас.

Григорьев: Какого чорта вы, греки, пришли на Украину.

Ответ: Я думаю, что имею дело с серьезным человеком, в противном случае не подошел бы к аппарату.

Григорьев: Вы имеете дело с весьма серьезными людьми, которые победили Европу. Вы же, ничтожные наймиты буржуазии, пришли на нашу землю, забрались в наш дом и еще хотите встретить хозяина с оружием в руках. Бросьте затею, немедленно уезжайте, если вы уехать не можете, то положите оружие и мы вас отправим домой; в противном же случае мы будем поступать с вами так, как поступаем со злейшими врагами трудового народа. Согласитесь с тем, что ваше пребывание на Украине есть насилие над нашим народом. Заявляю вам котегорически: или уезжайте или положите оружие. Знайте, что ваши шаги и мероприятия в историю революции будут занесены черными строками. Мировая буржуазная затея потерпела крах и разве вам не известно, что происходит сейчас в Англии, Франции и Германии. Наша буржуазия ослепила вас. Откройте глаза, проснитесь и вы увидите, что вы далеки от народа, измученного вами. Его потомки проклянут вас. Требую немедленного категорического ответа, бескомментарического ответа.

Ответ: Если вы говорите лично со мною, то я сейчас отвечу.

Григорьев: Да, да отвечайте.

Ответ: В ответ на вопрос „какого чорта вы, греки, пришли на Украину, я извиняюсь, в этом виноват тот, кто нас посылал. К тому и можете обратиться. Еще раз говорю вам, что с вами разговаривает только один солдат. Хотите ли вы, чтобы я ваш разговор передал главному коменданту.

Григорьев: Вас в Херсоне так мало, что вы для нас не представляете силы, способной на большое сопротивление. Нам вас жаль, а потому и предлагаем: положить оружие из человеколюбия, с остальными же нашими союзниками говорить не уполномочен. Атаман Григорьев просил меня предупредить лишь греков, о прочих же наших противниках мне ничего не сказано, а потому мой разговор с вами может быть известен только грекам. Прошу ответить, будете ли драться или нет.

Ответ: Мы вас не тронем, а кто нас тронет, того мы будем бить по-гречески. Спокойной вам ночи.

Григорьев: Спать еще рано, мы по русскому обычаю уступить кому бы то ни было не можем, а драться умеем и по-гречески и по-французски и по-немецки, по-чехословацки, по-красновски, по-деникиновски, по-татарски, по-кадетски. Слава богу, выдержали экзамен перед целым светом и не дальше как через два-три месяца все вы в один голос скажете: мы ученики Великой России и Украины в борьбе трудового люда за право быть человеком, а не рабом буржуя и капитала. До свидания. Верно атаман Григорьев".

В тот же день разгорелся сильный бой в Херсоне. Григорьев доносил:

„Наши партизаны заняли окраины города Херсона, стан. Херсон и депо. Сейчас идет сильный бой, артиллерийская стрельба очередями, пулеметный и ружейный огонь. В бою участвуют греки, немцы, французы. Судовая артиллерия обстреливает наши позиции. Наша кавалерия, под командой Канатенко, вступила в город Херсон, заняв Военную улицу. Под Николаевым тихо".

5 марта 7 час. 35 мин. Григорьев в обычном своем тоне сообщал:

„Под давлением партизанских отрядов немцы бежали из Николаева, имея потери. Со страху немцы у дер. Константиновка по Мереф-Херсонской дороге огородились от наших мощных броневиков, свалив два паровоза и разобрав на 300 шагов путь. 23-й отряд после успешного боя взял ст. Грейгов, она же Щербина. Смешанный отряд занял разъезд Пузыречи по дороге в Николаев и Херсон и дер. Богоявленское на берегу Буга. В Херсоне греки потерпели сильное поражение, потеряв до 250 убитыми и ранеными. Наши потеряли 2 убитых, 2 раненых, 1 контужен. Под Херсоном наша артиллерия поражала противника выше всякой оценки, а другим нашим отрядом ведется атака у ст. Гороховки. Колоссальной важности события. Настроение превосходное, партизаны идут на позиции с песнями. Голод и холод для них нипочем. В Николаев все прибывают греки—уже прибыло 2 пеших полка и кавалерия. Немцы всю свою артиллерию передают грекам по описи. Колосовка занята советскими войсками. Из Одессы выгнали всех добровольцев на фронт, в связи с чем и связан уход Алмазова[1]. Офицерские отряды разбегаются. Из отряда 500 человек бежало около 300, и многие из них ищут возможности попасть в советские войска, но мы их пока не принимаем. Петлюровцы с гетманцами объединяются. Среди французских войск разложение; одни ничтожные греки лезут, как саранча. Английская судовая артиллерия стреляла ниже всякой критики. Черносотенцы пугают танками, но это кажется мифические танки, мы их не видели. Вся херсонская буржуазия удрала в Одессу, платя за билеты 12 000".

6 марта он извещал:

„Под Помощной части первого полка нашей бригады прогнали петлюровцев до ст. Бандурка. Имеем здесь жертвы. В Николаевском направлении

[1] Генерал Колчаковской белой армии Гришин-Алмазов, случайно оказавшийся в Одессе и поставленный французским командованием во главе местных добровольческих формирований. —*Ред.*

партизанские части с пулеметами с боем заняли дер. Терновку и мост, соединяющий город Николаев с дер. Терновкой. После упорного боя взято сорок семь немцев в плен. Под станцией Водопоем мы приблизились к Николаеву на 10 *км*. Здесь ружейная перестрелка. У широкой балки южнее Николаева после упорного боя нами сбиты с позиции немцы. Наши потери здесь два убитых. Наша кавалерия забрала шесть немцев, испортила на 30 шагов железнодорожный путь у разъезда Пузыревский. На Херсонском направлении вчера под натиском греков наши части отошли до разъезда Гологоповки, сегодня же коротким ударом мы загнали греков опять в Херсон и наступаем на город. В Николаеве сейчас 10 000 немцев, 7 000 греков, около сотни кадетов [1]. В Херсоне около 2 000 греков и до 800 французов".

Херсон был нами занят окончательно лишь 8 марта. По показаниям пленных его защищали до 5 000 греков и французов. Артиллерийский огонь доходил до ураганного. Приходилось брать с бою чуть ли не каждый дом. Спасаясь бегством, союзники оставили 4 орудия, 2 броневика с орудиями, 52 пулемета, 500 винтовок и т. д. Французские суда отошли на 14 *км*.

Григорьев телеграфировал из Херсона:

„Со взятием гор. Херсона к нам перешел торговый флот, мобилизованный в свое время военным ведомством, именуемый речной транспортной флотилией, в составе 5 пароходов, 30 барж, приспособленных для транспортирования войск, со всем имуществом, эллингом и мастерской. Во время боя нашей артиллерией подбит французский эскадронный контрминоносец, у которого двумя снарядами разбито одно орудие и кормовая часть. В настоящее время флот удалился в море, но где он, не знаю и потому обратился к союзу моряков с просьбой произвести морскую разведку, но у них нет угля. Я распорядился избрать реквизиционную комиссию из состава союза моряков для реквизиции 500 пуд. угля для военных разведок. Прошу мое распоряжение санкционировать, а с подробным докладом к вам едет делегат от союза моряков. По моему мнению этот флот окажет нам громадное содействие".

Делегация моряков представила нам в Харькове доклад о состоянии находящейся в Херсоне флотилии в составе 7 пароходов (один мобилизованный), 2 самоходов и 58 барж (из них 36 мобилизованных). Все исправны. Для содержания личного состава потребуется в месяц 110 000 рублей.

5 марта в штаб Григорьева прибыл уполномоченный украинского советского правительства т. Эго для переговоров с немцами в Николаеве.

6 марта он сообщал:

„Вчера прибыл в штаб Григорьева. Посланные к немцам в Николаев курьеры с нашим официальным предложением вступить в переговоры одновременно должны действовать на массы при помощи имеющихся у нас пар-

[1] Неоднократно упоминаемое в сводках выражение «кадеты» следует разуметь не как воспитанники кадетских корпусов, а как добровольцы белой армии. Это выражение употреблялось на Украине наравне со словом «белый» или «доброволец».—*Ред.*

тийных работников. Со стороны штаба Григорьева встретил полное содействие и надеюсь в дальнейшем встретить полное содействие по выполнению порученного мне задания. Упреки по отношению атамана Григорьева в провоцировании переговоров не основательны".

Сам Григорьев отозвался на приведенную выше телеграмму Антонова весьма резко:

„На номер ваш 905, крайне для меня оскорбительный и незаслуженный, отвечаю: провокатор тот, кто вас информирует. С моей стороны заявляю, что надо быть железным человеком, чтобы проглотить те оскорбления, которые наносит мне центр. Считаю, что я имею право просить о расследовании этого случая. Здесь у меня при штабе политинспекция Реввоенсовета харьковского направления—уже восемь, а политком бригады дней десять, а вчера прибыла комиссия во главе с товарищем Эго. Вот их и спросите обо всем, а мальчишек и вчерашних политических деятелей вроде Ткаченко не слушайте".

Переговоры с немцами пошли успешно.

Тов. Эго сообщал т. Раковскому из Николаева (вечером 13 марта):

„После предварительного совещания с немцами, которым Антанта передала власть, намечается соглашение. Переговоры ведутся с ведома командования Антанты. По предварительным условиям французская эскадра и союзный десант покидают сегодня город. Остаются немцы, которые уже в течение недели тоже покидают город, передавая нам свое оружие, которым вооружаем организованные рабочие дружины. Сегодня местный совет объявляет себя властью, организуются рабочие дружины. Необходимо подтянуть демаркационную линию для занятия и закрепления города, во избежание каких-либо столкновений и недоразумений. Регулярные советские части так и не доверяют партизанам Григорьева. Телеграфируйте экстренно распоряжение Григорьеву не предпринимать никаких операций против Николаева и оставаться в исходном положении, строго придерживаться моих приказаний и прежде всего никаких враждебных актов против немцев. Николаев становится чистым советским городом без пролития драгоценной крови революционного пролетариата. Экстренно пришлите ответственных представителей Совнархоза".

А Григорьев гремел победными телеграммами.

15 марта из Водопоя он писал:

„Харьков, тов. Раковскому. Штаб тов. Антонову. Лозовая штаб тов. Скачко. Екатеринослав тов. Дыбенко. Александрия—Херсон, штаб атамана Григорьева. Штурмом партизанов взят Водопой, захвачено 132 пленных немцев, 5 офицеров, 5 орудий, пулеметы. Гарнизон Николаева, числом на пять тысяч немцев, капитулировал. Трофеи колоссальные. Наши потери—8 убито, 23 ранено".

Командующий группой Скачко, в свое время самовольно поручивший Григорьеву вести „переговоры" с немцами в Николаеве, не воспротивился вступлению его войск в город, но спешно вызвал в Николаев 15-й полк и полк Тараса Шевченки.

Командукр запретил снимать 15-й полк с Вознесенского направления, но он находился уже в пути.

Впоследствии Скачко свидетельствовал, что „григорьевцы" вели себя в Николаеве образцово. Сам атаман, застрелив вожака—матроса, предотвратил грозивший погром.

18 марта Скачко сообщает, что дал Григорьеву приказ наступать на Одессу.

Хорошая связь с Одессой наладилась только по взятии Киева. Вскоре мы начали получать из Одессы от ревштаба донесения, которые обычно доставлялись разведчицами на холсте, вшитом в подкладку платья. Кроме того работала наша армейская агентура. По сведениям агентурной разведки (к началу февраля) 27/XII из Пирея в Одессу вышли два транспорта с 1 500 греческих солдат на каждом; солдаты обмундированы в английскую форму и вооружены английскими винтовками; из них 200 человек отправлены в Херсон. В Одессе на рейде стоят 2 английских, 7 французских судов, добровольческие канонерские лодки и минный заградитель. По сведениям разведки в районе Одессы находится 8 тыс. французов, они занимают ж.-д. станции до Раздельной—Вознесенска и Овидиополя; главный штаб Добрармии помещается на Николаевском бульваре, части же расположены за городом.

В приказе № 43 от 27 января (ст. ст.) начальником снабжения Добровольческой армии объявлен список частей войск и т. д., зачисленных „на все виды довольствия от казны".

При штабе комвойсками находились „политический отдел", очень разработанная интендантская часть и санитарная—очевидно на армию. Из воинских частей—отдельная сводная бригада, сводный полк 4-й стрелковой дивизии и 15-й пехотной дивизии, сводный конный полк, артиллерийский дивизион, бронеавтодивизион, инженерно-техническая рота, авиапарк, одесская авиашкола; 1-й, 7-й, 8-й и 9-й авиаотряды, радиотелеграфный дивизион, воздухоплавательный парк; при коменданте—рота 42-го пехотного полка, Одесское военное училище, Сергиевское артиллерийское училище, Одесский кадетский корпус, Одесская бригада пограничной стражи, Одесская добровольческая дружина, Очаковский отряд Добровольческой армии, корпус морской береговой охраны (1-й, 2-й и 3-й полки, приморская батарея).

От того же агента 3 мы получили копию документа: „Квартирное расписание войск Добровольческой армии Юго-западного фронта к 2 февраля ст. ст. 1919 г.". В нем подтверждается наличие в Одессе: сводной бригады—в составе сводного полка 4-й стрелковой дивизии, (5 рот, пулеметная команда, команда связи, нестроевая рота); сводного полка 15-й пехотной дивизии (такого же состава), сводного кавполка (6 эскадронов, казачья туземная сотня, стрелковый эскадрон, конная батарея); 1 легкого артиллерийского дивизиона (4 батареи, пулеметная команда, рота прикрытия); инженерно-технической роты (телеграфно-телефонный, саперно-подрывной и воздухоплавательный взводы); бронедивизиона: корпуса морской береговой обороны—три полка морской пехоты, два артиллерийских участка; одесской погра-

ничной бригады (6 отделов) и Очаковской крепости—очаковский отряд полк. Вознесенского; III авиадивизион (7-й, 8-й и 9-й отряды).

Первые донесения из Одессы от т. Николая, председателя военно-революционного комитета, помечены 25 января. Они пришли к нам около 6—7 февраля в Киев (на полотне, отпечатанные машинкой).

Дополнительно, в письме, помеченном 3 февраля, прилагая к нему карту с отметками расположения войск противника, т. Николай сообщал, что работа налаживается сравнительно хорошо, где возможно—приступлено к захвату власти. Из Тирасполя, занятого нашими войсками, отряды двигаются по направлению к ст. Раздельной. На нашу сторону переходят части петлюровцев и варта (милиция). Во всех селах и деревнях есть ревкомы, организовавшие боевые отряды, которые при первой возможности захватят власть. В письме сообщалось об усиливающемся разложении французов и о формировании ими из русских солдат и офицеров отрядов для борьбы с большевиками. Письмо заканчивалось просьбой прислать побольше политработников и военных специалистов с сообщением о расположении французских отрядов и петлюровских частей.

11 февраля нами были перехвачены радиотелеграммы из Констанцы и Одессы. В них подтверждалось, что в Одессе находится штаб 156-й французской дивизии и что 24 января в Новороссийск отправлен пароход „Мечта“ с 61 000 снарядов (76-*мм* орудий), 3 млн. патронов, 13 орудиями, 10 000 *км* телефонной проволоки, 300 телефонами, 200 комплектами артиллерийской амуниции и седел (сообщал ген. Бертелло).

О согласованности действий д'Ансельма с Деникиным и Красновым свидетельствовала радиотелеграмма, в которой ген. д'Ансельм сообщает Деникину о командировании в Мариуполь капитана Дамбера для выяснения вопроса с углем, так как, несмотря на принятые меры, положение с углем в районе Одессы, Николаева, Херсона остается критическим; ген. д'Ансельм просит по этому вопросу снестись с Красновым и о результатах срочно его известить.

К 12 февраля Антанта имела в Одессе 12 000 войск, из них 3/4 чернокожих, 4 000 польских легионеров, 3 000 добровольцев, 2 000 сербов-белогвардейцев. Все эти части были хорошо снабжены и вооружены. Много артиллерии. Имелось около 10—15 танков.

Одесская разведка установила связь с рядовым союзническим командованием. Последнее отзывается о наступлении в глубь Украины, как об авантюре: „Война кончена и никто не заставит нас воевать вновь“. В Интернациональном бюро работало много английских, французских, польских и даже сербских солдат; русские добровольцы участия не принимали. На море находилась минная флотилия и 3 дредноута.

В третьем письме т. Николая от 17 февраля дана точная дислокация всех воинских частей, штабов и учреждений в Одессе.

По этой сводке французские войска размещены следующим образом: 1-й полк зуавов—по железной дороге на Николаев; по дороге Одесса—Раздельная на каждой станции—по 30—40 человек, далее на

Раздельной—петлюровцы. В самой Одессе—176-й полк, 4-й кавполк, 5 батарей, 2 роты сапер, радиостанция, 17 танков и 5 самолетов.

Польские войска: 14-й полк (на фронте); 13-й и 2-й полки, кавполк, школа офицеров, три батареи—в Одессе. Среди солдат недовольство и дезертирство.

У добровольцев—около 2 500 штыков, 600 сабель, 7 батарей, около 50 пулеметов, 6 броневиков, 50 легких автомобилей и 11 самолетов.

Греческие войска—до $3^1/_2$ тыс.; румын—не более 100 чел.

Четвертое письмо от 18 февраля, представлявшее особый интерес, содержало новую полную сводку о положении в Одессе и окрестностях, в Тирасполе и Херсоне и о силах противника на ж.-д. линиях Одесса—Раздельная и Одесса—Николаев. Сводка сообщала.

„Политическое положение таково:

Французские войска агитацию воспринимают хорошо, и уже имеются реальные результаты: они часто отказываются итти на фронт, и французское командование отправляет некоторые ненадежные части обратно. Надежды белогвардейцев теперь только на греков, которые правда агитации поддаются труднее, но все же благодаря принятым мерам и с ними связь налажена. Польские легионеры также разлагаются. На-днях солдаты одного из отправившихся на Бирзулу эшелонов просили в партии мандат, дабы они имели возможность связаться с Красной армией и перейти на их сторону. Тесную связь с легионерами поддерживает польская группа коммунистов. В окружности, в селениях, городах организуются отряды при первых благоприятных условиях подхода советских войск; ревкомы, при поддержке отрядов, захватят власть. 1-я Южная советская армия из Тирасполя отошла на Павловск и наступает на Голту, стремясь соединиться с главными силами советских войск.

В связи с создавшимся для Одессы, отрезанной от всех частей юга, особенным положением, цены на продукты идут в гору, хлеб стоит 8—9 руб. фунт, угля и дров нет, и из-за их отсутствия город погружен в темноту, железная дорога скоро остановится. Безработица достигла неимоверных размеров и поэтому настроение у всех напряженное—все ждут окончательного разрешения вопроса о власти.

В добровольческих и буржуазных кругах растерянность, ибо французы вопреки их ожиданиям ничего не предпринимают, а не имея сами возможности что-нибудь предпринять, они резко изменили свое мнение о французах, называя их „чужеземными нахлебниками".

В рядах этой добровольческой армии среди офицеров ропот и недовольство на почве денег, так как офицеры—рядовые не получают пособия на жену, тогда как офицеры командного состава пособия на жену получают (офицер женатый командного состава получает в месяц 1 240 руб., а офицер рядовой женатый получает только 600 руб.). Кроме того в связи с наступлением советских войск в их рядах паника, усиливающаяся пассивностью французов.

В самой Одессе у нас имеются несколько подрывных отрядов, взяты на учет все военные по роду оружия (полные сведения о них представим

в следующий раз). Затем областная контрразведка принимает меры к тому, чтобы установить тесную связь с наступающими советскими войсками для передачи всех сведений о передвижениях, распоряжениях и мерах противника, а также его расположении, причем гонцы с сводными указаниями месторасположения противника уже отправлены.

Только что из вполне достоверного источника нами получено сообщение о том, что начальник движения распорядился отправить на Раздельную все свободные теплушки из Одессы и Николаева для перевозки в Одессу 15 эшелонов румынских войск. Такая переброска имеет связь с намерением командования Добровольческой армии отправить местные части на Дон в подкрепления Донской добр. армии. (Такие слухи упорно циркулируют в последнее время в городе.)

По мере изменения и передвижения частей противника и всяких изменений в политическом положении мы незамедлительно будем ставить вас в известность.

Получение сего просим немедленно нам подтвердить, а равно и указать нам, какие сведения вам еще необходимы".

Характерны эти слухи „о прибытии в Одессу" 15 эшелонов румынских войск, тогда как в действительности румыны были скованы в Буковине, Трансильвании, Бессарабии, и об отправке Добровольческой армии на Дон.

О событиях в Тирасполе одесские газеты писали:

„...8 января на вокзал прибыл смешанный польско-французский отряд, встреченный огнем и с боем занявший город. Прибыло и 5 танков... 11 февраля прибыл из Бендер французский пехотный полк с артиллерией, и командование перешло к французам. Во время боя советская армия потеряла около 100 человек убитыми. Убыль же оккупационного отряда незначительна. Остатки советской армии со штабом двинулись в с. Малаешты 1 и дальше на Елисаветград, для соединения по их словам с главными силами и с надеждой скоро притти обратно" [1].

Следующая сводка одесского ревкома от 20 февраля содержала кроме того сведения о следующих судах в Одесском порту: французские суда-броненосцы „Эрнест Ренан", „Жюстис", миноносцы „Амол", „Манжини". Английские военные суда ушли в Константинополь и Севастополь. Из русских судов имелись—бригада тральщиков, минный заградитель „Дунай" и 2 канонерки.

Французское командование договорилось с немцами в Николаеве о карательной экспедиции в Апостолово. На ст. Колосовка в поддержку французам прибыли еще около 100 польских легионеров и 5 танков. По агентурным данным на ст. Веселиново, в 18 *км*

---

[1] Выбитая из Тирасполя группа большевиков сосредоточилась в с. Павловске, западнее Перекрестова. 22 февраля разбитые в Ананьеве большевики заняли Перекрестово и разобрали путь в двух метрах, в направлении к Мардаровке и Затишью. Тогда против них были посланы два эшелона петлюровцев и бронированный поезд. Ремонтный поезд исправил путь, однако район продолжал считаться не безопасным, например поезд миссии Директории сопровождался также бронированным поездом.

от Вознесенска, к 28 февраля было 23000 добровольцев, зуавов, греков, при броневиках, 4 танках, 2 орудиях и 4 минометах.

В конце февраля была получена курьезная телеграмма, гласившая:

„Харьков, товарищу Раковскому. Копия товарищу Антонову. Передаю сведения, вероятно уже Вам известные. За отсутствием общего шифра передаю некоторые места по-английски: Из Одессы прибыл курьер от Серкаля. В испанское консульство привез известие, что по побережью Днестра через Бессарабию пойдут сорок тысяч румын и французов в Киев и Харьков и желают окончить эту операцию в пять недель. Штабы румын и французов ушли по направлению на Казатин. Главные квартиры петлюровцев и добровольцев уже соединены. За достоверность ручается член китайского посольства". 61. Кулик.

В начале марта т. Николай сообщал из Одессы:

„При областном одесском комитете создана иностранная коллегия, в которую входят группы: французская, сербская, польская, румынская и греческая. У коллегии есть хорошие литературные силы. В городе выходит газета „Коммунист" на русском, французском и польском языках, намечается выход сербской газеты (для нее собираются материалы). Литература равномерно распределяется среди ячеек, находящихся в союзных и добровольческих частях. Созданные ячейки увеличиваются с каждым днем. Французские солдаты сами берут на себя распространение газет. Газеты выходят почти каждые три дня. Сейчас, ввиду увеличения греческих войск, чувствуется недостаток работников в греческой группе. Ведется агитация и устная. Французские солдаты заходят в кофейни и молочные и стараются завязать с нами сношения, расспрашивают о положении в Советской России и объявляют себя большевиками. Из-за влияния успешной агитации французское командование издало приказ, по которому союзным солдатам запрещено входить в рестораны, кофейни, молочные и т. п. От хозяев же подобных предприятий взяты подписки о том, что они не будут впускать французских и вообще союзных солдат. Но приказ этот в жизнь не проводится, и французское командование, учитывая свое бессилие, не проявляет репрессивных мер по отношению к лицам, не выполнившим приказ. На настроение французских солдат указывает телеграмма командира французского полка к командиру дивизии о том, что он за свой полк не ручается. Телеграмма такого же содержания была послана командиром дивизии. Копии этих телеграмм приложены к сводке областной контрразведки. При наступлении советских отрядов на Тирасполь французские солдаты помогали нашим, давая свой броневик и танки (без людей). Французские отряды, отправленные на Тирасполь, просили у одесского комитета мандат для того, чтобы перейти на сторону советских отрядов. Все эти факты в достаточной мере указывают на настроение французских солдат. Греки слабее поддаются агитации и проявляют меньше общительности. Среди добровольческой армии сейчас идет разложение. Между союзным командованием и добровольческой армией происходят большие трения. Командные составы добровольческой армии меняются. В связи с продовольственным кризисом просили снабжения и обмундирования. Настроение среди добровольческой армии склоняется на нашу сторону. Влияет на это также

ужасный режим и деспотизм высшего начальства. Среди добровольческой армии сейчас имеются партийные ячейки. Через коммунистов в Одессе имеется связь с главным штабом добровольческой армии.

Широко организована сейчас в Одессе контрразведка, областная контрразведка рассылает людей по всей области в Крым, Константинополь и Бессарабию. Сейчас, ввиду такого широкого размаха работы контрразведки, ощущается большой недостаток в работниках (на места посылаются по три человека: 1) организатор, 2) человек для связи, 3) работник, остающийся на месте). Городская контрразведка организована по принципу пятерок: пятерка матросов, пятерка техников, имеющих удостоверение от городских предприятий на право входа во все дома и квартиры для проверки электрических и водопроводных машин и т. п.

Кроме того имеется связь со всеми штабами... Таким образом сведения о войсках, их численность и расположение самые верные и точные. Сводка об этом послана одесским областным комитетом. Все телеграммы и телефонограммы, радио принимаются нами и передаются в бюро контрразведки. Члены городской контрразведки ежедневно доставляют в бюро доклады об их работе и о положении в городе. Из всех докладов составляется общая сводка дневная, дневные сводки в недельные общие сводки.

При ревкоме созданы сейчас „подрывные отряды“, подрывающие эшелоны, отправляемые из Одессы по железнодорожной линии (сведения об отправляемых эшелонах почти всегда имеются, ибо телеграммы-распоряжения штабов всегда доходят до комитетов). Отмечен факт, когда неизвестными была брошена бомба под вагон с французскими солдатами. Произошел взрыв легкий, ранило несколько солдат. Когда рабочие из депо возвращались с работы, в них стали стрелять из пулеметов; двух же рабочих, стоявших неподалеку от будки, заподозрили в бросании бомбы, они были повешены на дороге и висели целый день. А наверху надпись на доске: „предупреждайте большевизм“. На другой день повешенные были торжественно погребены при громадной толпе рабочих, сохранивших наружное спокойствие. В городе находится сейчас 20 000 безработных, настроенных большевистски, готовых в каждую минуту поднять оружие. Настроение их, ввиду дороговизны и недостатка хлеба, очень напряженное, они обращались в комитет партии для связи и просили помощи. Охрана, существующая в городе из еврейских и студенческих дружин, аполитична. В связи с раскрытием факта подготовки организации еврейского погрома союзом русского народа и добровольческой армии мелкая и средняя буржуазия ждут прихода большевиков. При расследовании дела о погроме были найдены базы распространения оружия, которое выдавалось по членской карточке союза русского народа. Когда впервые Грузенберг по поручению еврейской общины обратился к начальнику штаба с указанием на существование таких баз, начальник будто бы расследовал это дело и ничего не нашел. Был послан человек в известную базу с членской карточкой союза русского народа. По предъявлению карточки посланным было получено на руки оружие и инструкции, когда и для какой работы являться. Только после этого добровольческими властями базы были закрыты и подготовка к погрому ликвидирована. В партиях, работающих легально, сейчас полный раскол. Почти весь бунд, с.-д., объединенцы и поалей-цион идут на пути перехода в коммунистическую партию. Клубы

этих партий открыты и они обслуживают нелегальную работу коммунистов. Бундовцы устраивают митинги, где открыто выступают, громят правых социалистов и провозглашают советскую власть. Левые группы старались связаться с партией коммунистов, но ввиду того, что одесский областной комитет не имеет относительного контакта с партиями, стоящими на платформе советской власти, не получено от центра таких инструкций—связь не налажена. От ЦК в Одессу командируются работники с самыми широкими полномочиями—анархисты, последние входят в контакт с своей партией, которая в своих листках и газетах выступает против советской власти. В Одессе сейчас арестован румынский коммунист Бужур... При таком размахе работы, в Одесском областном комитете совершенно нет средств.

Согласно нашего приказа Шмяков отряд занял Тирасполь, но был отнесен оттуда и отступил в глубь уезда, снова собирает силы и рассчитывает продвинуться на север к Балте. Военные руководители там есть, но все политические работники никуда не годны и благодаря этому отступление из Тирасполя было далеко не организовано; отряд потерял орудие и не сумел использовать запаса амуниции и оружие, бывшее в городе. Посылаем сейчас туда политического комиссара. Областной ревком разъехался по разным пунктам Ананьевского и Елисаветградского уездов и центр свой вероятно установит в Елисаветграде. По названным уездам идет формирование отрядов и соединение их в одну более или менее непрерывную цепь, которая должна образовать линию фронта между севером и югом. Сегодня получили сведения, что добровольцы, легионеры разбиты в Бирзульском направлении, за Раздельной; вплоть до Балты оперируют партизанские отряды, большей частью остатки петлюровцев, деморализованные и почти повсеместно устраивающие еврейские погромы. Наш передовой отряд имеет около 2 000 человек и по пути несомненно обрастет и увеличится. Необходимо получить точные сведения о передвижении и приблизительных планах наступления на юге советской армии. Сведения эти просим сообщить в первую очередь в Елисаветград, а потом в Одессу. Одесса отрезана от своей области. Херсон не сообщается ни с Одессой, ни с Николаевым. Пытаемся добраться к ним. Николаев занят своими делами, не проявляет ни малейшего интереса ко всей остальной части области. Даже на областную конференцию не послал делегата и занимается выборами в совет, а у него под носом немцы организуют карательные экспедиции против Григорьева. Наших немецких агитаторов николаевский комитет отослал обратно. Сейчас мы координируем и усиливаем агитацию среди всех иностранных войск, с французами дело идет хорошо: в наступлении на Тирасполь солдаты не участвовали, хотя броневики их были пущены в ход. Среди них есть уже прочные ячейки и затеваются совместные серьезные предприятия. Они нередко присылают письма к русским товарищам, которые мы помещаем в нашей газете. Среди легионеров солдат есть также ячейка. К грекам пока еще не проникли, но скоро надеемся иметь связь с ними. Газета наша налаживается при содействии серьезных литературных сил, которые нам удалось вытянуть на свет. Просим немедленно прислать нам деньги, надо очень много на агитацию среди войск, которую мы ставим в большом масштабе, а также для организационной работы по области и в Бессарабии. Пришлите не менее 600 000, а то и миллион. Немедленно гоните сюда Петра, он необходим здесь, это прямо преступление с

его стороны оставаться там, вообще работники нам нужны повсюду. Сейчас Крым остался без работников, мы и туда посылаем".

В начале марта из ряда источников (особенно из областного ревштаба и т. Рейтера—бывш. сотр. НКИД) мы имели довольно точные сведения о силах противника в Одессе. Здесь находились 156-я пехотная французская дивизия (15—17 тыс.), 175-й, 176-й пехотные полки и 1-й сводный полк зуавов, части 1-го, 2-го, 3-го и 4-го зуавских полков и I африканский батальон, 242-й, 38-й и 56-й артиллерийские полки, 19 легких и 3 тяжелых танка, дивизион кавалерии; островная греческая дивизия с горной артиллерией; 2 700 поляков с 2 батареями добровольцев; 6 батальонов пехоты (2 500), сводная кавбригада (1 500), 11-й морской полк (300), 6 батарей, авиаотряд, броневики. Мобилизация, объявленная добровольцами, была весьма неудачной.

По взятии нами Херсона настроение оккупантов стало еще более подавленным. Однако они готовились серьезно оборонять Одессу.

В середине марта поступило следующее донесение из Одессы:

„Одесская областная контрразведка. Копия. Секретно. В штаб войск группы Киевского направления (в отдел контрразведки).

Положение Одессы, столь продолжительное время отрезанной от юга России, разумеется, как в военном, политическом, так и экономическом отношении очень плачевное: в первом для Антанты, Добровольческой армии и прочей белогвардейской своры, а второе для населения, главное для рабочих.

Раздельная—Бирзула—Одесса—Раздельная, Тирасполь, Бендеры, Кишинев, Одесса, Колосовка движение поддерживается только по последним двум и то вследствие отсутствия топлива в нечетные числа. По первой же линии движения нет совершенно, так как местное командование, принимая во внимание операции в этом районе (Раздельная—Бирзула) местных большевиков, считает рискованным отправлять сюда состав. Таким образом, принимая во внимание и то, что крестьяне ближайших к Одессе деревень в Одессу продуктов не везут, в Одессе создалось тяжелое экономическое положение, которое усугубляется отсутствием подвоза как по линии ж. д., так и водными путями. Разумеется население ропщет и недовольно не только добровольцами, но и союзниками и ждет занятия Одессы советскими войсками.

Распропагандированные французы в военном отношении и добровольцами и самим союзным командованием совсем считаются ненадежными. В греческих войсках и местных греческих кругах в связи с поражением под Херсоном и доставкой сюда раненых и убитых (несколько сот человек)—растерянность и подавленное настроение и, если о французах говорят, что они распропагандированы и потому с советскими войсками не опасны, то греки ненадежны в качественном отношении.

Среди поляков также растерянность, недоумение в связи с тем, что их и греков население сторонится. Польские легионеры-солдаты в беседах заявляют, что они сами большевики и с большевиками сражаться не будут.

Замечавшаяся в рядах добровольческой армии растерянность в настоящее время просто переходит в трусость, большим или меньшим показателем

которой служит такой факт: офицеры постепенно снимают блестящие погоны и переодеваются в штатское, в то же время в местных банковских, торговых и других реакционных кругах полное замешательство—часть бежит в Крым, или Дон, или за границу. Однако, несмотря на настроение французов, отказывающихся воевать, греков, озлобленных за то, что под Херсоном они не были поддержаны французами, и теперь понявших уже цель их пребывания на юге России, добровольцев, боящихся расправы советских войск, и т. д., местное командование союзническое и добровольческое не теряет надежды создать оборону Одессы и для этой цели сделало следующее: перебросило из Бухареста 40-й пехотный французский полк и перебрасывает в район Одессы корпус румын, части которого уже заняли ст. Раздельная в количестве до одной тысячи человек и строят тут укрепления, а мимо Одессы на Колосовку проследовало пять эшелонов румын в составе до ста вагонов и платформ [1]. На Раздельную нами посланы топографы для съемки работ по укреплению станции, и схема будет переслана немедленно в ближайший от ст. Раздельной штаб советских войск.

В районе Колосовки находится до 800 поляков и сотня добровольческой конницы. В Очаков 12 марта отправлено 250 добровольцев при нескольких пулеметах. Сюда же отправлены и 70 орудий, вероятно для постановки на фортах Очакова. Считаясь с важностью наступившего момента, областная контрразведка принимает все меры к тому, чтобы о всех переменах и расположении войск, которые будут оборонять Одессу, о военных мерах Антанты и т. д. были бы немедленно поставлены в известность штабы и передовые части советских войск, наступающих на Одессу, и у нас уже теперь находится в полной готовности специальная группа курьеров, которая кроме передачи всех сведений, будет также поддерживать связь с советскими войсками.

Бессарабия.

В эту область мы отправляем группу разведчиков до 10 человек, которые должны организовать разведку по всей области Бессарабии, самым тщательным образом наблюдая за операциями румын и т. д. Центром бессарабской контрразведки мы наметили город Кишинев. По получении оттуда сведений мы незамедлительно вам их перешлем. Одесса, 14 марта 1919 г.".

Дополнительно сообщалось, что в Одесском порту 14 марта находятся французские суда: 3 дредноута, 2 крейсера, 2 миноносца; канонерная лодка „Донец" 15 марта отошла в Очаков.

15 марта в Одессу прибыл румынский штаб и ожидаются румынские войска.

Мы получили от Одесского штаба точное квартирное расписание неприятельских войск в Одессе. Таким образом к 14 марта в Одессе находилось: французов—5 400 штыков, 600 сабель, несколько батарей, 43 танка; греков—12 400 штыков, 80 пулеметов, 4 орудия; поляков—3 700 штыков, 8 пулеметов, 500 сабель; добровольцев—4 200 штыков, 400 сабель, 12 легких и 6 тяжелых орудий, 10 бронеавтомобилей; сербские и румынские войска—всего 27 400 штыков, 1 600 сабель, 76 батарей и 43 танка.

[1] Фактически румын в составе одесских оккупантов не было.—*Ред.*

Представлялось несомненным, что французское командование в Одессе не рассчитывает уже на подход подкреплений из Франции. Один из взятых нами в плен французов Андре Кампер (бывший студент медицины) показал, что уже в конце февраля, будучи в Салониках, он установил полное отсутствие там французских войск, которые отбыли во Францию.

Полученные сведения побуждали нас к решительному наступлению на Одессу, чтобы не дать закрепиться в ней противнику и развязать себе руки для иных операций. Однако до середины марта мы только накапливали данные для наступления на Одессу.

2 марта в Харькове к комфронту явился представитель „Южно-советской армии".

„Южная советская армия" („главковерх" Попов) насчитывала 400 штыков, 175 сабель, 38 пулеметов и 4 орудия. Созданная по инициативе Обкома Одессы, она держалась к тому времени в селе Плосково (22 *км* к северу от Тирасполя); 3 февраля „армия" билась с французами и румынами, а 9 февраля с добровольцами, у которых были 4 танка и 6 орудий.

По сведениям „армии" в Бессарабии росло повстанческое движение против румын. В Маяках, Тирасполе и Дубоссарах находились 3 бессарабских полка (около 900 чел. в каждом) повстанцев. От Тирасполя до Березовки войск нет. Из Кишинева в Тирасполь направлялись 3 батальона 54-го Лионского стрелкового полка. В Вакержени (немецкая колония)—на шоссе от Тирасполя на Одессу находятся польский батальон и добровольцы.

Через представителя „Южной советской армии" ей было направлено следующее предписание:

„Атаману Попову, Южная советская армия, 1919 г., 2 марта № 0125.

Привет доблестным воинам красной Херсонщины. Наши войска наступают на Казатин—Винница—Апостолово—Николаев—Помощная—Голта—Одесса. С Бессарабией мы связаны. Ждем от вас воздействия на сообщения противника Жмеринка—Одесса. Необходимо основательно разрушить эту дорогу. Желательно отрезать Одессу, окружив кольцом организованных революционно сел. Связь держать с нашими к Казатину и к Помощной. Одесскому ревкому будет дан нагоняй за плохую поддержку вашей работы и предписание содействовать вам деньгами. Нарочные к вам посланы.

Красная армия везде побеждает. Реакция почти сломлена на Дону—наши в 100 *км* к сев.-вост. от Новочеркасска. Занят Оренбург и Орск, Уфа. На запад за Вильно занят Ковель. Реакция держится только на севере и у Ревеля.

Еще раз привет. Давайте почаще знать о себе неприятелю и нам.

До близкой встречи. Командующий всеми армиями Украинского фронта Антонов Р. Напрасно себя величаете „главковерх", это забавно".

(Директива, преподанная в этом письме, была выполнена.)

До взятия нами Николаева в Одесском направлении действовала одна группа т. Ткаченки (штаб Вознесенск), связанная со штабом 2-й дивизии. В конце февраля и начале марта, 2-я дивизия ведет

бои с петлюровцами („ударная группа“ атамана Волощенки) у Шполы. Вознесенская группа т. Ткаченки вела разведку в Одесском направлении.

К концу февраля поступили сведения о скоплении к ст. Веселиново (18 *км* от Вознесенска) от 2000 до 3000 добровольцев, французов и греков при 4 танках, 2 орудиях и т. д. Ввиду выяснившейся угрозы Вознесенску командукр отменил распоряжение Григорьева о направлении под Херсон—Николаев из Помощной Верблюжского полка. Но противник был в свою очередь пассивен. 9 марта Ткаченко сообщал, что под Вознесенском появились неприятельские разъезды. Распутица затрудняла передвижение.

Предполагая развить операции от Вознесенска, командукр дал предписание (10 марта) перебросить к нему и 15-й полк (из Кременчуга). Но комгруппы почему-то направил этот полк в Николаев.

Тотчас по занятии нами Николаева командующему Харьковской группы было предписано создать ударную группу для наступления к Одессе. Скачко ответил, что дал Григорьеву предписание взять Одессу.

О Григорьеве поступали все более неблагоприятные сведения. Однако на выраженную командующим Украинским фронтом тревогу командующий Харьковской группой отвечал (14 марта):

„Доношу о настроениях Григорьева и его штаба; группе известны, ведется постоянное гласное и негласное наблюдение, подбираются данные, оказывается возможное содействие, но решительные меры принимать еще несвоевременно. № 454“.

И все же командукр телеграфировал шифром в Николаев командующему группы Скачко (18 марта № 411 лк):

„Нельзя Григорьеву лезть на Раздельную. Его дело Очаков и весь район до Березовки исключительно. Григорьева надо сменить под предлогом болезни. Пятнадцатый полк к Вознесенску. Вторая дивизия переходит к нам“.

В этой телеграмме сквозит стремление не допустить Григорьева к действиям в Одесском направлении.

Разведывательный отдел 17 марта сообщал:

„В Очакове тысяча добровольцев при четырех орудиях возводят укрепления. У выхода Днепровского лимана—крейсер „Эрнст Ренан“ и один французский миноносец. В Красном (10 *км* восточнее Анатольевки) отряд добровольцев в 1200 коней; разъезды его доходят до Нечаянного. В Козлове греческий отряд около полуторы тысячи. Его цель—защищать Телигульский и Березинский лиманы. В Одессе 14 марта объявлено осадное положение, командование в руках французов—генерала д'Ансельма. Город обращается в крепость, на Сенной площади начинают рыть траншеи, устанавливают орудия. 15 марта французским командованием объявлена мобилизация лошадей. Прибывают транспорты с греками. Раздельная занята румынскими войсками; количество неизвестно. Прибывают новые иностранные войска, в том числе и английские. Добровольческие войска эвакуируются из Одессы и перебираются в Крым. Французские войска готовятся к эвакуации, новых войск не прибывает. Союзники видимо предполагают очистить Одессу. Добровольцы

решили перенести свою базу в Крым, удерживая Очаков и Скадовск в своих руках. Перебрасываемые в Крым войска будут сосредоточены у Перекопа, где воздвигаются укрепления. Спешно формируются татарские полки. Офицерский полк, занимающий Мелитополь, отступил к Джанкою. Чонгарский мост тщательно охраняется: установлено двенадцать орудий".

В тот же день командукр указывал командующему Харьковской группой:

„Решено наступать на Одессу, Киевской группе—заслон со стороны Галиции, выход к Днестру, занятие переправ от Могилева до Рыбницы включительно. Организация восстания в Бессарабии—заслон от Румынии; удар сильной группой Кишинев—Бендеры—Тирасполь. Харьковской группе—сосредоточение Голта—Вознесенск, удар на Одессу. Под прикрытием частей, занимающих Христиновку—Умань, наступающих на Зятьковцы, остальные части второй дивизии перебрасываются самым экстренным порядком в Овидиополь—Вознесенск, в распоряжение Харьковской группы. Разграничительная линия с Киевской группой—Гребенка, Золотоноша, Бобринская включительно, Шпола—Балта исключительно. Впоследствии вся вторая дивизия отойдет к Харьковской группе (Киевск. группа—немедленно формировать в Таращe, Каневе, Звенигородке части, могущие закрепить очищаемые районы)".

17-го штабу Харьковской группы дополнительно указывалось:

„В связи с предстоящими операциями, штабу группы перейти Екатеринослав, штабу Заднепровской дивизии—Александровск, переход закончить к 25 марта. В связи с телеграммой 405 вам надлежит создать ударную группу для действий к Одессе. Для этого вам придаются части второй дивизии. Закрепив линию Буга до Голты, вести активную разведку Очаков—Одесса—Балта. Сосредоточение главных сил в районе Голты—Вознесенска произвести к 25 марта, под прикрытием повстанческих групп и кавалерии, которым к тому времени закрепить узлы путей по линии Юзефполь—Кривое озеро—Николаевка—Березовка—Янчокрак. Для операции к востоку от Днепра остаются две бригады Дыбенко. Для действий в Крыму формируется в районе Херсон—Берислав отдельная бригада. Полк Шевченко входит в нее и немедленно должен быть переведен в Херсон, оставаясь в резерве фронта и доформировываясь губвоенкомом. В Екатеринослав вместо нее войдут части девятой дивизии. В Кременчуге формируется вторая кав. бригада (начдив. Беляпкович); она в резерве фронта. Вам надлежит немедленно предписать подчиненным вам частям выделить в нее избыточных кавалеристов. Бригаде Покуса без кавалерии войти в ударную группу. В Золотоноше формируется окрвоенкомом тринадцатый полк для второй дивизии. Полки Покуса ввести во вторую дивизию, как и Вознесенский полк. Копии всех отданных распоряжений вышлите нарочным немедленно. Взвод артиллерии направить Покусу".

18 марта прибыли новые известия, что французы покидают Одессу. Необходимо было спешить занять этот город до закрепления в нем румын и добровольцев.

Тотчас же штабу группы в Лозовой было приказано передать

в Кременчуг Покусу распоряжение немедленно погрузить 17-й полк, кавдивизион, артиллерию и следовать на Вознесенск; все свободные силы бросить к Одессе.

20 марта штаб Харьковской группы прибыл в Екатеринослав. Положение под Киевом заставило отменить распоряжение о переброске бригады Покуса в Одесское направление (взята под Киев). Части 2-й дивизии также были повернуты на запад. Скачко пришлось для развития операций к Одессе опереться на того же, ненадежного в наших глазах, Григорьева.

Приказом по войскам Харьковской группы от 23 марта бригада Григорьева (1-й и 2-й Заднепровские полки, три кавалерийских сотни и присоединенные к бригаде батареи и бронепоезда) переходит в непосредственное распоряжение штаба группы. Тем же приказом образован сводный отряд Ткаченки в составе: 15-го полка, сводного Вознесенского полка, сводного особого батальона 8-го полка, одной батареи и бронеотряда. Разграничительные линии отряда Ткаченки с 2-й дивизией: Шпола—Юзефполь—Балта (для отряда исключительно).

Григорьев, которому раньше предписывалось сорганизовать ударную крымскую группу, был освобожден Скачко от этой задачи; она возлагалась на П. Дыбенко. В эту группу входили: полк Тараса Шевченко, отряд особого назначения (подлежащий переформированию в 6-й полк), 3-й Заднепровский полк бригады Григорьева, 2-й резервный Серагозский полк, 1-й резервный полк Заднепровской дивизии и 6-й кавалерийский полк Заднепровской дивизии.

Приказ по Украинскому фронту требовал закончить сосредоточение войск в направлении Одессы к 25 марта.

Но уже к середине марта мы достигли серьезных успехов в Одесском направлении. 15 марта нами был занят после 10 час. упорного боя Роштадт, главная база белогвардейцев. Следом занята Колосовка.

19 марта неожиданным натиском 15-й полк выбил противника из укрепленных позиций и занял Березовку. Противник бежал, потеряв до 500 чел. убитыми и ранеными, нами захвачены 5 танков, 4 орудия (2 тяжелых), до 100 пулеметов, бронепоезд, 7 паровозов, 3 эшелона, 2 штаба и т. д. Наши потери—около 200 чел.

Под Березовкой, со стороны противника, действовали—1 французский батальон, 3 батальона греков, 2 эскадрона добровольцев, сильная артиллерия, 5 танков, бронепоезд и т. д.

21 марта был занят разъезд Викторовка, в 7 верстах южнее Березово. К вечеру 22 марта „Наши с боем взяли Измаил-Покровский".

23 марта от „Южной армии" пришло следующее сообщение: „Возложенная на меня задача выполнена; юго-зап. ж. д. между Бирзулой и Раздельной взорвана. Неприятель по направлению Одессы отступает походным порядком, по направлению через Ананьев, где стягивает свои силы. Вторая Южн. Сов. армия оперирует Святотроицкого, имела бой с одним из отрядов, выступившим из Ананьева,

после которого неприятель возвратился обратно в Ананьев. Первая Южная советская армия оперирует Новопавловское. Политком Богун".

А Григорьев из Николаева, в обычном для него живописном стиле, сообщая о невозможности вследствие „саботажа" получить какое-либо снабжение для своих частей, попутно извещал, что отрядом моряков при одном орудии занят Янчокрак, кавалерией—Измайлово-Покровское; пехота и артиллерия двинуты к Березовке.

„Начинаю обкладывать Одессу с сев.-востока",—докладывал Григорьев, ссылаясь при этом на полученные от комгруппы директивы.

Таким образом, несмотря на указания командукра, Григорьев был также нацелен на Одессу.

Вот ряд телеграмм о Григорьеве:

Комгруппы Скачко телеграммой НР 0539 сообщал, что 15-й полк не имеет связи с бригадой и отказывается от подчинения ей, ввиду чего Скачко решил подчинить полк Григорьеву, который сумеет держать его в порядке. На это комфронта телеграммой от 25 марта № 512 лк указал, что ни в коем случае нельзя подчинять Григорьеву ни одну регулярную часть. 25 же марта телеграммой на имя Скачко, копия Григорьеву за № 510 лк, комфронта предложил раз навсегда прекратить безобразия Григорьева и послать во все части твердых политкомиссаров. Тогда же комфронта телеграммой НР 505 лк в штаб фронта, копия Скачко, предписал использовать Кузьмина на посту политкома бригады Григорьева и немедленно направить к Григорьеву из Екатеринослава и Харькова не менее 100 боевых товарищей; следующая телеграмма от 26 марта НР 522 лк—в штаб Скачко, копия Григорьеву, предписывала „прекратить изнасилование телеграфа" со стороны Григорьева; указывалось, что сообщения должны быть кратки.

Скачко сообщал, что он назначает командовать 15-м и Вознесенским полками Ахметова, который должен исполнять оперативные распоряжения Григорьева, так как эти отряды выполняют общие задания.

Командукр отвечал:

„Несогласен. Выезжайте и лично командуйте. Выезжайте с политработниками для группы Ахметова (№ 528 лк)".

С 24 марта Григорьев находился уже в Березовке, откуда посылал „всем, всем, всем" необычайно длинные телеграммы. Командующий украинской армии неустанно предлагал Скачко осадить комбриг Григорьева. Заласкивая последнего, комгруппы возбудил вопрос о награждении 1-го Верблюжского полка Красным знаменем, а комполка Горбенко почетным оружием.

Чтобы обсудить и полностью овладеть крестьянским повстанческим движением, у нас нехватало сил. Требования к окрвоенкомам о посылке в бригаду Григорьева надежных красноармейцев-коммунистов не были исполнены.

Окрвоенком Богданов сообщал из Киева в штаб Укрфронта политсекретарю Реввоенсовета Басову, что создавшееся положение не дает возможности командировать в бригаду Григорьева ни одного крас-

ноармейца из коммунистического полка; Тюпич с частью полка на фронте.

Между тем Григорьев все более входил в роль освободителя Одессы. 25-го он извещает „всех партизан":

„Обкладываем Одессу и скоро возьмем ее. Приглашаю всех товарищей-партизан приезжать на торжество в Одессу".

Приходилось нажимать на командующего группой.

26 марта в связи с отсутствием сообщений от Григорьева Скачко поставлена на вид слабая организация командования и объявлен выговор (НР 539) с предписанием принять меры против посылки Григорьевым по многочисленным адресам длиннейших телеграмм, часто с нелепым содержанием; указывалось, что Григорьев, давая адреса, невольно содействует противнику; Скачко за допущение такой разнузданности объявлялся выговор. Телеграммой от 28 марта НР 579 лк Скачко предписано немедленно выехать на Одесский участок, где идет взаимная травля, губящая дело, и бросить на помощь Григорьеву какую-либо готовую часть из Херсона или Николаева.

Скачко колебался принимать решительные меры в отношении Григорьева. Между тем штаб Украинского фронта сообщал командукру (26 НР 414), что получены сведения об отрицательном отношении Григорьева к коммунистам и о связи его с добровольцами.

Мы были охвачены лихорадкой наступления к Одессе. 25 марта взята и вновь оставлена нами станция Сербка (73 *км* от Одессы). В направлении Голта—Балта сводный полк занял ст. Любашовка. Начался бой у Заплазы.

27-го из Рауховки неожиданно поступило донесение:

„Положение критическое. Ком. бригады Григорьев и политком с последними резервами пошли в атаку. Нач. штаба Тютюник".

Одновременно с этим штаб Харьковской группы был охвачен паникой. По прямому проводу в Харьков Скачко затребовал немедленно помощи против банды анархистов, обнаружившейся у Александровска, будто бы в количестве 2 000 чел. при 2 орудиях и 8 пулеметах.

„Положение катастрофическое",—убеждал Скачко, ссылаясь на то, что все резервы на фронте, а в Екатеринославе всего 400 чел.

Командукр резко отозвался:

„Екатеринослав Комгруппой Скачко.

Словами „катастрофическое" не бросаться". 558 (лк). Вслед за этим он убеждал. „В связи с событиями в Александровске больше хладнокровия. Все это пустое. Работайте на фронте и спокоен будет тыл. С фронта части снимать не годится. Достаточно тыловых частей" (27 марта нр 569/лк).

Действительно уже через несколько дней из штаба группы доносили: „Восстание в Орехове-Александровске ликвидировано: силы и степень опасности движения были сильно преувеличены. Банды разбежались в направлении Гуляй-Поле. В политическом отношении этот район будет неблагонадежен вообще до ликвидации махновщины, под предводительством которого укрываются подобные

банды. Ореховским движением руководил батько Правда, друг Махно. Отношение Махно к этому движению не выяснено".

29 марта комгруппы Скачко наконец прибыл в Вознесенск и сообщил оттуда командукру:

„На фронте греки всюду сменены французами, которые вытеснили григорьевские войска из Сербки. Сейчас положение такое: в Буялыке—Сербке около восьми тысяч французов при трех батареях; от Измайлово-Покровского на Березовку наступают грунтовой дорогой восемь батальонов колонны французов и поляков при кавалерии; против Поповки стоят кавалер..., мост через Тилигульский лиман у Поповки цел и находится в наших руках; в Коблево—полторы тысячи греков; в Очакове тысяча добровольцев при шести орудиях. С нашей стороны: в Волкове—Вознесенский арт. дивизион, четыреста коней; в Андреевке—Марьяновке—Вознесенский пехотный полк до двух тысяч штыков; в трех *км* севернее Сербки—первый и второй полки Григорьева, донской пятнадцатый полк, Марковка—морские сотни Григорьева в десяти верстах от Очакова [1]. Войска Григорьева изнурены беспрерывными семидневными боями и сильно потрепаны; раненых до трехсот. По сообщению Барабаша, противник двигается грунтовыми дорогами от Бирзулы и Раздельной на Колосовку. Вывод: противник решился оказывать сопротивление. Для задержки движения противника от Бирзулы, мною выдвинуты партизанские отряды Южной армии, стоящие в Любашевке—св. Троицком-Петроверовке, но у меня нет сил, чтобы выдвинуться вправо, навстречу движению из Раздельной. Необходима самая экстренная высылка подкреплений в первую голову всей бригады Покуса и еще по крайней мере двухполковой бригады для движения на Раздельную. Прошу о высылке таковых в Вознесенск в мое распоряжение. Затребованных у Дыбенко подкреплений ожидать не приходится".

Скачко самым очевидным образом переоценивал силы и боеспособность противника. Наша разведка находилась явно не на высоте. Действительно из штаба 2-й дивизии сообщали, что „противник, сосредоточившись в Раздельной и Бирзуле, двигается форсированным маршем грунтовыми путями на Колбсовку и Березовку в тыл нашим в Сербке". К 28 марта доносили: „К Одессе подтянулись 2 греческих и 3 французских дивизии. В Одессу прибыл ком. греческого корпуса ген. Нидер".

Командукр указывал Скачко:

„Ударность главное. В з а в и с и м о с т и о т с о с т о я н и я д о р о г учтите намерения противника. Начдив Ленговский в Христиновке должен или передать вам один из полков для усиления Голтинской группы или самостоятельно выйти в Бирзуле. По этому поводу Ленговскому даны указания, споситесь с ним" (597 29/III).

Тогда же Скачко было предписано:

„Заставьте понять Дыбенко: Крым второстепенен. Нельзя разбрасываться, поддержите Одесское направление. К западу положение требует скорейшей ликвидации Одессы". Итак—заминка под Одессой и успехи в крымском и мариупольском направлениях.

---

[1] В это время Очаков был уже занят отрядом т. Карамышева (1 500 чел.) *А. О.*

Общестратегическое положение как будто требовало—прежде всего поддержать группу Махно, взявшую Мариуполь и грозившую тылу добровольцев в Донбассе. Но украинская армия была связана своими непосредственными задачами, петлюровцы грозили Киеву, между тем как с Южного фронта (например из Луганска) сообщали, что сил у них достаточно для выполнения своих задач.

Однако главком неожиданно приказал: „Отряд Махно передать Южфронту...“ Командукр опротестовал эту передачу, указывая вместе с тем, что отряды Махно переорганизованы в бригаду, входящую в Заднепровскую дивизию, которой командует П. Дыбенко, и что отход бригады расстроит дивизию и самую бригаду.

Главком повторил свое распоряжение. Таким образом формально Украинский фронт освободился от заботы о Мариуполь-Таганрогском направлении.

Мы вплотную занялись своими непосредственными задачами и начали складывать особую Одесскую группу. Командующим намечался т. Худяков, членами РВС Рославлев и Фельдман (Дядька), рекомендованные Наркомвоенделом. Организация этого РВСовета производилась в Киеве. Ему были выданы 2000 винтовок, 10 пулеметов и т. д. В поддержку Скачко в Одесское направление предполагалось направить бригаду Богунского (из Переславля).

В начале апреля в разгаре наступления на Одессу получились сведения, подтверждающие отказ французов от активной интервенции. Чрезвычайно убедительным в этом отношении фактом явилась ликвидация базы союзников в Салониках. Наша агентура установила, что Салоникская база ликвидируется и на Марсель ежедневно уходят транспорты с демобилизованными солдатами старых годов и молодыми и с военным имуществом; в Салониках остались штабы четырех дивизий гарнизонной службы в городах Болгарии и Австрии и штаб 156-й дивизии, предназначенный для операций в России.

Сообщения из Одессы подтверждали эти сведения:

„Беспрерывная демобилизация частей 156-й дивизии и 30-й пехотной дивизии (штадив Одесса) создали сильный некомплект в этих частях (что также свидетельствует о непредназначении их для крупных боевых операций). Отсутствие дисциплины, полная распущенность этих частей делали их совершенно небоеспособными“.

К 1 апреля из французских частей на Украине находились: В Одессе: штаб ген. д'Ансельма, штадив 156, 176-й полк (2 батальона около 2000 штыков), 1-й маршевый африканский полк (2 батальона около 1000 штыков), 4-й африканский конный егерский полк (4 эскадрона по 50 сабель и 2 пулеметных взвода по 3 пулемета в каждом), части 343-го полка, авиаотряд, 3-й дивизион 242-го артиллерийского полка (8 орудий), I артиллерийский дивизион и 8-й инженерный батальон и штадив 30 (40-й пехотный полк—1 батальон).

В Кремидовке находился 1 батальон 40-го пехотного полка при 1 орудии, на ст. Раздельной—700 штыков 58-го пехотного полка (из солдат, бывших под судом, при 12 пулеметах и 90 пулеметчиках), 2-й горный дивизион (8 орудий 65-*мм*) и 3 роты танков (30 машин).

Кроме того на юге Украины находились греческие войска. Греция предполагала серьезно участвовать в интервенции. Из трех корпусов, составляющих греческую армию, в порты нашего Черноморья предполагалось перебросить 1 корпус (ген. Нидер), в составе: 2-й (ген. Влахопуло), 13-й и еще одной, застрявшей в Греции дивизии. 2-я дивизия была сосредоточена в Одессе (34-й, 7-й и 1-й пехотные полки). К 1 апреля в Поповке находилась рота 1-го полка, в Коблево—1 батальон 1-го полка, в хуторе Ижицкой—1 батальон 7-го полка, в Марьевке—1 батальон 7-го полка и 1 батальон 34-го полка, в Корсунцы—1 рота 34-го полка, в Буялыке—1 рота 34-го полка. В Одессе находился также штаб 13-й дивизии; ее части (2-й, 3-й и 5-й пехотные полки и 2-я артбригада)—в Крыму.

Обстановка требовала стремительного наступления к Одессе. Мы предполагали сосредоточить к Одессе, в основном направлении, некоторые части 2-й дивизии и Вознесенскую группу Ткаченки, почти устранив Григорьева. Но части 2-й дивизии оказались скованы на Киевском фронте, резервы наши были исчерпаны. Так как группу Ткаченки (кроме Вознесенского полка) пришлось двинуть в Голта-Балтинском направлении, основная задача наступления на Одессу пала на части Григорьева.

Скачко (из Вознесенска) сообщал, что у него кроме бригады Григорьева имеется полк Тараса Шевченко, отряд Домбровского и новые, еще не вооруженные формирования (полк), хотя в действительности в наступлении на Одессу хорошо действовал Вознесенский полк.

31 марта штаб Григорьева расположился в Рауховке. По донесениям Григорьева греческая кавалерия (2 эскадрона) пыталась в сильном бою под Сербской взять во фланг наши части, но была отбита. На д. Волково наступали немцы (колонисты), на Сербку—румыны и греки. В результате наша кавалерия оказалась окруженной; „Вознесенский полк придется вывести из строя как дезорганизованный“.

В 23 часа 21 мин. 31 марта Григорьев доносил из Росоховатки о взятии после упорного боя ст. Сербки, о колоссальных потерях французов и греков и об их паническом бегстве.

Вслед за тем дополнительно сообщалось, что кавалерия, прорвав фронт противника, захватила штаб французского полка (45 чел.) и, пройдя в глубь расположения противника в общем до 20 *км*, вырвалась из окружения.

1 апреля из Вознесенска Скачко докладывал:

„Нами заняты 31 марта ст. Гайворон, что в 70 *км* к северо-западу от Ольвиополя, захвачено 9 исправных и неисправных паровозов. В направлении на Балту наши части с боем заняли Жеребково. Балта обстреливается нашим артиллерийским огнем. После упорного боя нами вновь занята станция Сербка. Противники—французы, греки, мобилизованные немцы-колонисты—при отступлении взрывают жел.-дор. пути; наша кавалерия, прорвав линию неприятельского расположения, дошла до деревни Лизинки, что в 10 *км*

к юго-западу от Буялык. Изрублен штаб французского полка в количестве 40 человек во главе с командиром полка. Будучи окружена, наша кавалерия вновь прорвалась. В последних боях у нас тяжело ранен командир Верблюжского полка и его заместитель".

Скачко было указано:

„От имени Украинского советского правительства приказываю сдающихся в плен французов не оскорблять и не расстреливать (НР 635). Комфронт Антонов".

В ночь на 30-е в Одесском направлении занимаются сс. Якова—Тишина. Одновременно достигнуты успехи и на Очаковском направлении. К 23 марта занят Янчокрак, а 29-го Очаков в 127 *км* от Одессы. Тов. Кармышев, командир матросского отряда (около 1 000 штыков), спрашивал дальнейших указаний. Ему было предписано наступать к Одессе.

К 1 апреля была занята высота правее лимана, противник—в Измайлово-Покровском.

3 апреля Скачко сообщал командукру (по прямому):

„Наше расположение: у Балты вторым Ананьевским бывшей 2-й Южной армии занят последний перед Балтой разъезд; командиру Южной отдельной действующей бригады Богуну отдан приказ усилить нажим на Бирзулу. В Бирзуле до 5 тысяч неприятельских войск при 9 бронепоездах; против них с нашей стороны действует Южная бригада Богуна из двух полков при артиллерийском дивизионе и трех бронепоездах; кавалерийский дивизион Южной бригады Попова (бывшая 1-я Южная армия) идет от Березовки на Катаржино—Раздельная, находится сейчас у Б. Чижово. Полк Тараса Шевченко идет от Яновки на ст. Гниляково, находится сейчас у Яновки. Кавалерийский Вознесенский полк занимает Рацулово—Бараново, охраняя правый фланг бригады Григорьева. Григорьев стоит перед Большим Буялыком, занимает Капитанку и Добрую Надежду, доносит, что держит инициативу в своих руках. Из Екатеринослава выходит созданный нами новый вооруженный полк, который вместе с Вознесенским полком и полком Тараса Шевченко создает новую бригаду, Повстанческие отряды Южных армий сведены в полки Южной бригады Богуна—Ткаченко. Противник упорно сопротивляется. Страшная нужда в оружии, экстренно шлите из Киева в Вознесенск пять тысяч винтовок, сто пулеметов и 27 орудий. Еще нужны патроны, сапоги и обмундирование: люди, сведенные в полки из повстанческих отрядов, голы и босы. С приходом сюда из Черкас—Золотоноши Богунской бригады сформирую Бессарабскую дивизию из бригад Богуна, Ткаченко и Богунского".

Григорьев также сообщал о росте своих сил. Им был сформирован 5-й полк (Тилигульско-Березинский), который он просил зачислить на все виды довольствия с 15 марта. „Приступлено к формированию 6-го полка". (Командукр отметил Скачко неприемлемость этих внештатных формирований и указал, что оружия для них нет.)

К вечеру 3 апреля нами занята ст. Капитанка к востоку от Буялыка, захвачены оружие и пулеметы (у нас до 40 раненых).

Наконец, в 22 часа 14 мин. 6 апреля из ст. Кремидовки было получено сообщение:

„14 часов войска первой бригады Заднепровской дивизии вошли в Одессу и расположились в городе, вокзале и порту. Противник остановился в деревнях: Татарке, Дальник. Военные суда—вблизи порта с орудиями на город. Трофеи колоссальные. Полевой штаб группы—Кремидово, штаб Григорьева—Одесса сортировочная. У ст. Выгоды—бой с румынами. Команд. группы Скачко".

В 11 час. 40 мин. из Одессы была отправлена радиотелеграмма (№ 1189/167, 7/4), гласившая:

„После неимоверных усилий, жертв и тактических маневров французы, греки, румыны, тюркосы, добровольцы и прочие наши враги разбиты под Одессой на-голову. В страшной панике бежали, оставив колоссальные трофеи, которые не поддаются учету. Бегство противника было настолько велико и панически, что даже д'Ансельм просил хоть 3 часа для отхода, но ему в этом было отказано, и он удирая забыл свой чемодан".

На основании этого сообщения РВС армии Украинского фронта дал радиограмму.

„Всем, всем, всем. Шестого апреля Одесса взята украинскими советскими войсками. Рухнула опора союзных империалистов на Черном море. Да здравствует Советская власть. Да здравствует всемирная социалистическая революция. 7 апреля НР 709/лк. Киев. Революционный Военный Совет армий украинского фронта. Командующий Антонов-Овсеенко, члены: Е. Щаденко, А. Бубнов".

По поводу занятия Одессы от предсовнаркома Украины на имя комфронта Антонова было получено следующее приветствие (помечено 9 апреля 1919 г. № 430): „Передайте от имени Рабоче-Крестьянского правительства горячее приветствие полкам, эскадронам и батареям и всем частям Красной армии по случаю освобождения Одессы. Из всех славных побед, которыми покрыла себя Красная армия и внесенных в историю революционной войны на Украине, взятие Одессы имеет самое широкое мировое значение. Крепость международного хищнического империализма на юге Украины пала в тот же день, когда телеграф нам сообщил радостную весть о провозглашении Советской Республики в Баварии и о вторжении наших войск на Крымский полуостров. Перед победителями под Одессой открываются новые перспективы: к нам взывают о помощи восставшие рабочие и крестьяне Бессарабии, Буковины и Галиции. Им через Карпаты протягивает руки Красная армия Венгерской социалистической советской республики. Рабочие и крестьяне Украины уверены, что их революционный авангард—Украинская Красная армия—будет и впредь проводить свой лозунг—„Вперед, вперед, всегда вперед".

Предлагаю представить к почетной награде особо отличившихся командиров и части, а также руководителей Одесской операции. Одновременно с ними представить к почетной награде отличившихся под Мариуполем красноармейских частей и командиров.

Да здравствует Красная армия Украины.

Да здравствует Красная армия Всемирной Сов. Республики.

Да здравствует Мировая революция.

Да здравствует Красная Одесса".

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Разложение правительства и войск Директории. Переговоры с союзниками и поляками. Наш оперативный план. Действия Киевской группы в феврале. Движение 2-й дивизии на соединение с первой. Генеральное сражение. Разгром петлюровского центра.

Поражение войск Директории под Киевом ускорило разложение петлюровского стана.

Объявив под давлением атаманов войну Советской России, Директория однако не отозвала из Москвы свою миссию. И эта миссия во главе с С. Мазуренко продолжала переговоры с советским правительством. Переговоры шли успешно.

НКИД сообщал 3 февраля;

„После русско-украинского совещания 2/II выяснилась возможность соглашения относительно базы, на которой Рус. Совет. Прав. может предложить Укр. Сов. Прав. и Директории свои услуги для заключения между ними соглашения, причем эта база будет заключать как признание Директорией Совет. власти на Украине, так и признание нейтралитета Украины с активной ее защитой против войск Антанты, Деникина, Краснова и поляков, с одновременной целью борьбы против контрреволюции. В этом смысле Рус. Совет. Пр. обратилось как к Укр. Совет. Пр., так и к Директории“.

Таким же обнадеживающим было сообщение Мазуренки:

„Чрез. Диплом. Миссия Укр. Нар. Рес. в своем отношении от 1/II за № 11 обращалось к Вам с просьбой принять на себя посредничество в примирении двух революционно-демократических правительств Украины. Ваше любезное согласие на посредничество, в интересах скорейшего прекращения тяжелой гражданской войны, обязывает миссию УНР выразить вам и вашему правительству искреннюю признательность. Миссия УНР верит, что братское посредничество Правительства РСФСР восстановит гражданский мир на Украине и тем укрепит боевые силы единого фронта мировой революционной демократии... С. Мазуренко“.

Но С. Мазуренко решал без хозяина. Директория ни словом не откликалась в ответ на посылавшиеся им из Москвы сообщения о ходе переговоров.

Между тем посредничество правительства Советской России перед украинским советским правительством возымело успех.

7 февраля в Киеве получена телеграмма, помеченная 6 февраля

13 час. 15 мин., которой предлагалось командукру доставить Директории по телеграфу или через парламентера следующий документ:

„Телеграмма Директории по месту нахождения.

Украинское рабочее и крестьянское правительство приняло братское посредничество Российского Советского Правительства на предмет соглашения с Директорией при признании следующих трех принципов: первое—признание со стороны Директории Советской власти на Украине; второе—строгий нейтралитет Украины с активной защитой против войск Антанты, Деникина, Краснова и поляков; третье—совместная борьба с контрреволюцией. Эта основа была принята вашей чрезвычайной миссией во главе с т. Мазуренко и была передана по радио со стороны Российского советского правительства как нам, так и Директории. Мы уже объявили согласие на принятие этой платформы, также и на перенесение переговоров в Харьков с просьбой передать вашей чрезвычайной комиссии в Москве, что она на территории Украинской Советской Республики будет пользоваться всеми гарантиями дипломатической неприкосновенности и возможностью сноситься с Директорией. К тому, от имени Украинского рабоче-крестьянского правительства, имею честь прибавить следующее: взятие Киева Украинскими регулярными советскими войсками, переход на сторону советской власти отрядов атамана Григорьева и других военных республиканских сил, поголовное восстание во все еще неосвобожденной Украине под лозунгом советской власти с очевидностью свидетельствуют, что рабочие и крестьяне Украины решительно стоят на стороне советской власти. Мы рассчитываем, что перед этим безусловно убедительным фактом вы сочтете дальнейшее проливание крови бесцельным и бесполезным. Дальнейшее сопротивление со стороны ваших войск затягивает только гражданскую войну и облегчает задачу империалистов, которые захватили часть украинской территории не только на побережьи Черного моря, но и в Бессарабии и в Буковине, увеличивает экономическую разруху, расстраивает транспорт и замедляет дело восстановления экономических сил социалистического строительства на Украине. Поэтому с нашей стороны предлагаем продолжить в Харькове начатые в Москве переговоры на основе признания советской власти, конкретная организация которой должна быть задачей третьего украинского съезда Советов. С нашей стороны подтверждаем гарантию личной неприкосновенности вашей делегации при условии признания со стороны Директории Временного рабоче-крестьянского правительства на Украине и в то же время обязуемся обеспечить личную безопасность членов правительства Директории, а также свободную деятельность партий, входящих в нее. 1.154. Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, комиссар по иностранным делам Раковский“.

Эта телеграмма была несколько переврана в передаче. Поэтому мы запросили от Харькова ее повторения и одновременно просили Х. Раковского разъяснить, каким образом Директория может участвовать в нашей борьбе с котрреволюцией и союзниками, если предпосылкой переговоров является признание с ее стороны Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, т. е. отказ от власти.

Раковский отвечал (9 февраля 19 часов) из Полтавы:

„Вне очереди... Текст правилен, его смысл, что Директория пока является властью и не участвует в наших наступательных действиях, но если союзники, Краснов и поляки наступают на Украину, она переходит в наступление против них“.

Только в 2 часа 15 мин. 10 февраля мы добились из Киева телеграфного соединения с Винницей и передали Директории предложение Украинского советского правительства. Оно было принято в Виннице комендантом Директории Швец Шевченко.

Директория ответила радиотелеграммой Мазуренко в Москву „прервать всякие переговоры с совпра“.

Это был последний жест г-на Винниченки. Вслед за ним он подал в отставку и отъехал за границу.

К отставке его побудило стремление уклониться от ответственности за капитуляцию Директории перед Антантой. Делегация Директории во главе с Остапенко и Грековым привезла из Бирзулы после совещания с французским командованием (6 февраля) требования последнего: 1) устранение из Директории и правительства Винниченка, Петлюры и Андриевского и составление нового правительства по соглашению с французами; 2) изменение земельного закона в духе защиты частной собственности; 3) подчинение армии Директории союзному командованию для совместной борьбы с большевиками; 4) установление французского контроля над финансами и всей экономической политикой Директории. За это обещалась „техническая помощь и поддержка украинских интересов в восстановленной“ России.

7 февраля французское командование опубликовало такое заявление:

„Генерал д'Ансельм принял, начиная с 15 января 19 года, командование армиями южной России, а также воинскими единицами иных наций. Франция и союзники не забыли усилий, которые Россия сделала с начала войны, и ныне они прибыли в Россию, чтобы дать возможность всем благонадежным элементам обновить в стране порядок, который уже давно уничтожен ужасами гражданской войны.

Ген. д'Ансельм, командующий силами союзников в южной России; полк. Фрейденберг, нач. ген. штаба“.

„Социалистические“ украинские партии решили умыть руки и, чтобы облегчить Директории сговор с Антантой, отозвать своих представителей из ее состава. Конечно при этом они попытались принять позу защитников „независимости“ Украины.

Кабинет Чеховского развалился. Винниченко также ушел (11 февраля). Между тем Петлюра, Швец и Остапенко остались у власти, заявив о выходе своем из партии.

13 февраля было объявлено новое правительство УПР во главе с Остапенко. В этом правительстве преобладали представители украинских социал-федералистов и беспартийные.

Угождая Антанте, новое правительство взяло резко реакционный курс во внутренней политике. Однако французское командование продолжало настаивать на уходе из Директории „погромщика“ Пет-

люры и „самостийника“ Андриевского, на признании Директорией в особом манифесте своих ошибок и на обращении к Франции с просьбой о помощи. 14 февраля кап. Ланжерон писал (по-французски) главе нового правительства Остапенко от имени ген. Бертелло:

„Имею честь уведомить вас, что я передал французскому командованию переданные через меня документы для манифеста. Текст манифеста продиктован ген. Бертелло особо. Он должен быть средактирован по-украински и французски, подписан Директорией и доставлен в Одессу комиссией, которая должна прибыть как можно скорее для урегулирования деталей соглашения. Вот текст манифеста:

Ознакомившись с приказом № 28 главнокомандующего первой группой дивизии, Директория, признавая ошибки, совершенные ею, просит у держав согласия правительства для своей страны.

Она настаивает, чтобы французское командование ведало непосредственно делами дипломатическими, военскими, политическими, экономическими и юридическими до конца борьбы с большевиками.

Директория полагается на великодушие Франции и держав Антанты в том, что они по окончании борьбы с большевизмом помогут с удовлетворением национальных чаяний и установлением границ.

Кроме того необходимо прибавить, что назначение членов Директории будет проводиться с одобрения французского командования.

Что касается бывших гетманских министров, решено, что для формы они будут как можно скорее проведены через суд, затем освобождены и привезены неприкосновенными в Одессу. Остальные арестованные кроме тех, которые подлежат польским или российским законам, должны быть тотчас же освобождены“.

К 17 февраля Директория выпустила свою декларацию. Она начиналась выражением „счастья“ по поводу высказанной Антантой и САСШ в лице верховного главнокомандующего на Украине „готовности помочь Украине защититься от большевизма“. После пышного изложения истории „возрождения украинского народа“ с особым подчеркиванием своей борьбы с немцами, сообщения о предстоящем созыве на демократических основах парламента и изложения программы работ в разных областях в духе буржуазной реставрации следовала перефразировка „манифеста“ ген. Бертелло; признание военного руководства союзников, просьба о технической и финансовой помощи (укрепление валюты УПР), обращение к великодушной Франции за помощью в борьбе с большевизмом и в деле „окончательного освобождения Украинской нации“.

Французское командование ответило только 1 марта: ген. д'Ансельм сообщил о получении и пересылке им ген. Бертелло декларации Директории и о посылке им нескольких военных для выяснения реальных нужд и возможного на месте их удовлетворения. Вместе с тем выражалась готовность оказать „действительную реальную помощь, как только гг. Петлюра и Андриевский перестанут быть членами Директории“.

К письму д'Ансельма был приложен также проект договора между

союзным командованием и Директорией. В этом проекте вновь указывается, что войска УНР подчиняются союзному командованию, которому подчинены и железные дороги. Союзное командование обязывается упорядочить финансы (через своего уполномоченного), не противиться тем реформам, которые не нарушают порядка; содействовать принятию украинской миссии на мирном конгрессе; обеспечить воинский транспорт через Румынию, помочь прекращению войны с Польшей и установлению добрососедских отношений с Румынией.

Директория продолжала переговоры с французским командованием в Одессе. Все эти подробности стали нам известны значительно позднее. О готовности правительства Остапенки капитулировать перед французским командованием признавался сам Винниченко, опубликовавший 16 февраля в Виннице заявление, что пока он принимал участие в Директории, „никаких договоров ни с какой державой сделано не было" и что он „никаких соглашений не подписывал".

Тогда же „Винницкий республиканский вестник" писал, что Украинское правительство ведет постоянные переговоры с представителями держав согласия в Одессе „в целях соглашения о совместной борьбе с большевиками".

„Волынская заря" 24 февраля сообщала:

„Вчера Волынский губернский комиссариат получил приказ главнокомандующего Украинской армией ген. Грекова, что железные дороги оказывали возможное содействие передвижению войск Антанты".

Это конечно не было чисто технической услугой.

Около этого времени нам стал известен следующий проект договора между Директорией и Антантой:

„1. Украинская Директория обязуется принять совместное участие с французским и польским, греческим и добровольческим отрядами по борьбе с большевиками и освобождению от них территории России.

2. Украинская Директория обязана создать регулярную армию, вполне боеспособную в количестве не менее 300 тысяч человек не позже 1 августа с/г.

3. Армия эта должна быть укомплектована путем призыва и мобилизации населения Украины; а) призыв офицеров, юнкеров, вольноопределяющихся и унтерофицеров (будущего командного состава и инструкторов) сроков службы 1881—1896 не позже 1 апреля с/г.; б) призыв новобранцев 1897 и 1898 гг. в количестве 116 тысяч человек, объявим таковой не позже 15 мая с/г.; в) призыв всех морских офицеров и матросов до 43-летнего возраста не позже 1 июля с/г.

4. Союзные государства своим постановлением на Версальской конференции решили 3 февраля с/г. оказать содействие всем образовавшимся правительствам порядка на территории России в деле восстановления государственного аппарата, предоставив им помощь живой и технической силой.

5. Живые силы комплектуются добровольно путем призыва из рядов демобилизующихся союзных армий.

6. Каждому волонтеру украинская Директория обязуется уплачивать еже-

месячное жалованье в размере 1 000 франков по курсу такового на денежном рынке юга России.

7. Курс франка, считаясь с колебанием русского рубля на западно-европейском денежном рынке, равнять не свыше 2 рублей.

8. Украинская Директория для расчета с волонтерами союзных войск обязана произвести покупку франков на сумму 500 миллионов рублей, обеспечивая заем государственным имуществом и концессиями.

9. Союзное командование обязуется снабжать украинскую регулярную армию всеми техническими средствами, применявшимися в борьбе с центральными государствами.

10. Союзное командование, принимая во внимание чрезмерно развившуюся спекуляцию на территории Украины, отсутствие продуктов питания армии и населения, обязуется снабжать таковыми продуктами специально созданные аппараты для равномерного распределения между армией и населением.

11. Все оперативные действия против большевиков ведутся под единым командованием, назначенным Антантой.

12. Украинская Директория обязуется произвести немедленное освобождение всех сотрудников гетманского правительства и принять энергичные меры к прекращению бандитизма и волны еврейских погромов, распространившихся на Украине".

„Скрепили: ген. Бертелло... д'Ансельм, ген. Санников, Гришин-Алмазов, Мельников, ген. Греков, проф. Мацкевич, проф. Бачинский, А. Д. Марголин, полк. Коварницкий, кап. Якименко, полк. Фрейденберг. Секретари Серкаль и доктор Гален".

Этот проект военного договора сопровождался проектом договора политического, заключавшим следующие условия:

„1) Франция получает концессию на 50 лет на все украинские железные дороги; 2) Украина берет на себя обязательство уплатить Франции причитающиеся ей долги старого царского и временного правительства; 3) уплата процентов гарантируется той частью доходов с железных дорог, которые причисляются Украинскому правительству; 4) вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины в течение пяти лет „со дня подписания договора ведется под непосредственным контролем представителей французского правительства".

У нас не было сомнения, что эти документы направлены правительству Остапенко и что отдельные члены Директории во главе с самим премьером Остапенкой готовы подписать подобные договоры с французским командованием.

Впоследствии кое-что о переговорах просачивалось в печать. Например 24 февраля „Одесский листок" сообщал о следующем заявлении Директории французскому командованию:

„В ответ на вашу бумагу Директория постановила признать свои ошибки и просить французское командовани епомочь Директории в борьбе с большевиками. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит французские власти руководить Директорией в отношениях—дипломатиче-

ском, военном, политическом, экономическом, финансовом и судебном, впредь до окончания борьбы с большевиками. Директория надеется на великодушие Франции и других держав согласия, когда по окончании войны с большевизмом возникнут вопросы о границах и нациях. Члены Директории: Петлюра, Швец, Макаренко. Председатель Совета Министров Остапенко".

„...Соглашение, как заявил один видный украинский представитель, сводится к установлению верховного руководительства французского командования... Верховное руководительство французского командования может коснуться также ж. д., финансов и прочих отраслей государственного управления, поскольку они тесно связаны с военным положением. Шли переговоры и с гетманцами. От их имени кругам, поддерживающим Директорию Петлюры, было сделано предложение создать 6- или 3-членную правительственную „раду". В первом случае хлеборобы требуют себе 4 места, во втором 2, т. е. в обоих случаях настаивают на предоставлении им большинства в верховном правительстве. Взамен такого преимущества хлеборобы сообщают... в две недели создать 70-тысячную армию".

Одновременно Директория вела переговоры и с добровольцами. Об этих переговорах время от времени проскальзывали сообщения в одесскую печать. Например „Южная Русь" 26 февраля, отмечая рассылку начальником информационного бюро Украинской народной армии телеграммы о провокационном проведении русского офицерства, прибавляет:

„Такие телеграммы посылаются правительственными учреждениями УНР из Винницы в то время, как представители этого правительства в Одессе ведут переговоры с русской армией о военном союзе".

Переговоры шли и дальше. Вот любопытная выдержка из газеты „Русский листок" (27 февраля).

„Выдвинутая некоторыми политическими кружками мысль о создании в Одессе смешанной русской украинской директории находит поддержку исключительно среди хлеборобских групп, развивающих сейчас в Одессе усиленную деятельность и предпринимающих даже определенные шаги в Екатеринодаре. Идее создания малой Украины с шестью-членной директорией во главе суждено очевидно замереть в стенах хлеборобских салонов. Мысли авторов проекта—привлечь к участию в директории представителей добровольческой армии—нанесен решительный удар. Как нам передано в осведомленных кругах, верховное командование добровольческой армии отнеслось резко отрицательно к возможности вхождения представителя от армии в русско-украинскую Директорию".

Телеграммы С. Мазуренко о заключенном в Москве соглашении остались без ответа; посланный С. Мазуренко секретарь мирной миссии Ярослав также ничего не добился у Директории. Таким образом соглашением с Украинским советским правительством и была решена капитуляция перед Антантой.

К 8 февраля мы получили в Киеве сведения о состоявшемся между поляками и петлюровцами перемирии. Директория торопилась

подкрепить свои распитанные части за счет войск, отвлеченных борьбой с поляками. Разложение в частях Директории, противостоявших нам, росло угрожающе. Оно захватывало не только „надднепровские" части, но и сичевиков-галичан. Одесские газеты сообщали, что брожение и дезертирство в петлюровских частях достигло „небывалых размеров", в некоторых полках, стоящих в Виннице, остались в сотнях по 15—20 казаков; разложению подвергались и сичевые стрельцы, которые массами уходили в Галицию. В Житомире пришлось разоружить полк им. Винниченко. В Балте, в ночь на 29 января, прибывшим из Бирзулы Яновским полком был разоружен 14-й Балтский полк, причем убиты командир полка, войсковой начальник и 14 казаков. Ананьевский батальон перешел на „сторону большевиков".

16 февраля в Жмеринке взбунтовался 9-й одесский полк, заявивший о признании им советской власти; полк был разоружен сичевиками.

Ряд телеграмм противника этого периода гласил:

„В январе в Старо-Константиновке сформирован курень „смерти" (в нем было 300 человек, при отправке на фронт комкор в Ровно прибыло 180 человек, остальные разошлись по селам). Этот курень 1 февраля находился в Сарнах. Полковник Волынец вел тайное следствие об этом курне, в котором были подозрительные (матрос Гончар, да „жид" Мушлид)".

2 февраля из штаба III корпуса, Бирзула: „полк Богуна галицийский (полковник Концюха) перешел на сторону советской власти. Части первого сичевого полка разбегаются. Полк сичевых стрелков начал переговоры самостоятельно с большевиками и обещал им сдать ст. Елисаветград. Штаб атамана Гулия обезоружен. Комкор туда послал две сотни и бронепоезд".

3 февраля отправлено: „еще две сотни и бронепоезд на Цветково—Бобринскую. В Тирасполе—Болте—Маяк и т. д., повторяются выступления большевиков и поэтому невозможно формирование корпуса".

4 февраля из Вознесенска сообщают: „Атаман Григорьев перешел к большевикам".

31 января атаман Удовиченко пишет: „В тылу фронта Ямпольского уезда в селах Крыжополь и Малая Тарановка образовались большевистские комитеты".

31 января полк имени Петлюры занял ст. Шполу и двинут дальше для ликвидации восстания на ст. Христиновка.

3 февраля: „в Каневском уезде восстание".

В Ровно 6 февраля разоружен Чернышевский полк, отказавшийся воевать с „большевиками".

Для борьбы с разложением своей армии Директория прибегает к разнообразным мерам. 9 февраля Петлюра издает приказ, предлагающий командирам проверить личный состав частей, чтобы оставить только тех, кто родился и постоянно живет на Украине, а из не украинцев лишь тех, кто пройдет поверку своей прошлой деятельности и выявит свое отношение к Украинской державности, приняв

соответствующую присягу. Остальные подлежат высылке за пределы УНР, списки их должны быть отосланы в штаб. Впредь принимать людей лишь после строгой проверки их прошлого и принесения ими присяги. Проверку провести до 15 февраля.

Одновременно политическая мысль петлюровцев работала в направлениях антисемитизма и антимоскальства. Продолжались еврейские погромы; особенно значительным был погром 14 февраля в Проскурове, где оказалось вырезано до 4 000 евреев. Началась серьезная агитация петлюровцев за создание „советской власти, но без коммунистов", так как-де все коммунисты „жиды или москали". Для вящшего успеха петлюровские агитаторы даже именовали себя „большевиками", но „украинскими, независимыми".

Директория сама разоблачала себя своим соглашением с империалистами. В ответ на злостную агитацию петлюровской агентуры нам оставалось только указывать на этот акт ее предательства. Такой смысл имело между прочим воззвание к солдатам Директории, подписанное председателем Украинского советского правительства и командукром (27 февраля).

Директория пыталась пополнить растущую убыль своих войск мобилизациями и объявила общую мобилизацию всех галичан в днепровской и надднепровской Украине.

Мобилизация эта была мало успешна. Директория прежде всего стремилась укрепить кадры и мобилизовала галичан, бывших офицеров и унтерофицеров. Она имела все основания не доверять заложенным ею запасным частям.

О последних к нам поступили довольно скудные сведения.

По найденным в канцелярии выделенного Петлюрой начальника запасных частей Украины в Киеве сведениям числилось: к 3 февраля в 1-й запасной бригаде (Белая Церковь, атаман Рак)—117 офицеров, 26 урядовцев, 3 врача, 39 фельдшеров, 95 писарей, 80 унтерофицеров, 9 200 казаков, 15 пулеметов, 25 500 пулеметных патронов, 645 гранат, 2 траншейных орудия, 13 снарядов к ним, 343 коня, 61 возок и 20 кухонь; в запасном Уманьском полку (14 января)—88 офицеров, 221 унтерофицер, 1 354 солдата (казаков), 655 винтовок, 7 пулеметов, 4 германских бомбомета и 4 траншейных орудия; в первом (1-м) фастовском резервном полку—вооруженных до 700 чел., невооруженных—595.

Сведения наших ревкомов о состоянии петлюровских сил были также благоприятны. О положении в районе Проскурова сообщалось:

„Выступление наше произошло в ночь на 14 и 15 февраля. К местным повстанцам присоединились 2 полка петлюровских войск. Окрестные крестьяне не смогли дать своевременно помощи, так как не были поставлены в известность о выступлении в городе. Власть удалось удержать в течение одного дня; к этому времени в город вступил Черноморский Кош, который беспощадно расправился как с повстанцами, так и с бедным населением. Жертв насчитывают около 4 000. Издевательства достигли невероятных размеров. Солдат и повстанцев задержали и распределили по разным частям,

а затем отправили на фронт в Галицию. Союзы профессиональные совершенно разгромлены. В настоящее время работа налаживается с железнодорожниками. Из них многие сейчас без работы, так как не захотели работать при сичевиках. Нет ораторов, и желательно чтобы сюда были направлены два товарища. Товарищи железнодорожники с нами готовы портить пути, взрывать мосты и т. д. На станции имеется около 1 000 паровозов 4 000 вагонов груженых, около 100 пушек, 50 груженых двуколками площадок, 50 груженых автомобилей и т. п. Путь сильно загроможден. В том случае, если напор со стороны войск будет направлен на Казатин, а не на Шепетовку, сичевики все это могут вывезти дальше, даже в том случае, если мосты взорвать, так как у них будет достаточное время для наведения попорченных мостов. Железнодорожники просят обратить на это серьезное внимание и поскольку возможно скорей сообщить им, как поступить. Взрывчатых веществ мало".

Из района Жмеринки:

„Наши работают исключительно среди железнодорожников. Они в целом с нами и проводят это на деле. Портят слегка паровозы, вагоны, так чтобы пришлось отвезти их в мастерские. На станции имеются 2 полка петлюровцев, своим властям они не подчиняются, среди них большинство склоняется к нам, они помогают нашим железнодорожникам в доставлении всякого рода оружия. Сичевики ведут среди них агитацию, стараясь спровоцировать их. Эти части несут железнодорожную охрану и являются вполне организованными элементами".

Из Винницы:

„Деревня (Носцы) Носковицкая на пути. Сюда был послан отряд петлюровцев для реквизиции овса и сена; крестьяне наотрез отказались исполнить это требование. Тогда был послан в деревню карательный отряд. Но к этому времени крестьяне несколько сорганизовались, выставили свою батарею и с успехом разбили этот отряд, частью разоружили его, частью захватили в плен".

„9-й Украинский республиканский полк (400 чел.) усиленной нашей работой удалось перетянуть на нашу сторону. Ныне является самым революционным полком. 12 февраля предъявил ультиматум комкору созвать совет солдатских депутатов. Попытка комкора разоружить его не удалась. 55-й полк (450 чел.) был выслан на фронт, в Казатине отказался итти против советских войск. Саперный полк около 500 чел. удалось разложить, казаки бросают винтовки и удирают домой. Имеются части сичевиков, которые остаются верными Директории. Численность сичевиков около 600 человек. Настроение среди винницких рабочих революционное, масса расстрелов. 19 февраля в Виннице расстреляли 22 рабочих и казаков. Крестьяне Винницкой повиты выступают с оружием в руках против сичевиков и гайдамаков. Реквизируется весь имеющийся хлеб у крестьян и вывозится в Галицию. В некоторых селах имеются революционные отряды".

К середине февраля Директории же еще не удалось добиться мира с поляками (13 февраля в Виннице состоялся доклад делегатов

Севрюка и Левицкого об этих переговорах). Значительная часть ее сил была скована борьбой на Галицийско-холмском фронте (штаб войск этого фронта находился повидимому в Волочиске; штаб IX и VII корпусов—в Ровно, штаб X корпуса—в Баре, штаб атамана Степуры—в Каменце и в Хоброво—атамана Омельянович-Павленко).

На Галицийско-холмском фронте наша разведка числила: 1) Галицийскую группу атамана Омельянович-Павленко (в районе Львова) в составе 21 батальона—до 20 000 штыков; 2) Подольский корпус (Камене-Подольск)—всего до 5 000 штыков; 3) II Подольский корпус (полк Колоднев)—две пехотных и одна конная дивизия—21 500 штыков.

На правом нашем фланге разведкой обнаружены противостоящие частям западной армии, занявшим Коростень, Звягальский, Холмский и Галицийский полки (по 500 штыков), батальон им. Северина-Наливайки (240 штыков), конная сотня (50 сабель, 4 пулемета). Всего 2 000 штыков и 50 сабель.

О Житомире мы имели достоверные сведения к 20 февраля. Захваченная нами схема дислокации войск I корпуса указывала в Житомире штаб корпуса, штаб дивизии сирожупанников, 4 полка этой дивизии с дивизионной артиллерией и техническими частями, 5-й и 6-й конные полки, штаб 2-й пехотной дивизии и 6-й полк этой дивизии в Луцке. Штаб 1-й пехотной дивизии и 1-й ее полк в Ровно—артиллерийская бригада, в Дубно—7-й полк, в Кременчуге—8-й кавполк, в Остроге—4-й, в Изъяславле—3-й, в Старо-Константиновке—2-й полки.

В пехотных полках корпуса 150—200 штыков, артиллерийские части также далеки от комплекта.

Таким образом часть корпуса оказалась нацеленной в сторону польского наступления. Мы должны были считаться с силами, расположенными в самом Житомире.

В центре (Винница)—осадный корпус Коновальца и различные части, из которых половина в состоянии разложения общей численностью до 12 000.

На правом фланге противника—ударная группа атамана Волошенки, выделенная Запорожским корпусом (штаб в Умани). Запорожский корпус подчинялся штабу Юго-восточного фронта (Бирзула), в состав которого входили еще III и VI корпуса (почти без войск). Всего в этих трех корпусах имелось от 10 000 до 15 000 чел.

К середине февраля главное командование Директории решило перейти в наступление в центре и правым флангом своих войск. Ударная группа нацеливалась на ст. Цветково. Коновалец должен был наступать к Фастову...

В Одессе наблюдалась некоторая заминка в накапливании неприятельского десанта. Однако взамен ожидаемых французов прибывали греки, намечались обширные (на армию) формирования Добровольческой армии, в общем до 20 000 штыков, 2 000 сабель с многочисленной артиллерией и танками.

В результате усиленных переговоров о создании единого анти-

большевистского фронта Одесса предназначалась в качестве основной базы снабжения и формирований нашего врага на Черноморье. В Николаеве и главным образом в Херсоне происходили попытки закрепления греческих экспедиционных войск. В Крыму была подготовка плацдарма для серьезных сил Добровольческой армии, главная масса которых грозила развернуться в Донбассе.

Необходимо было торопиться и нанести сокрушительный удар войскам Директории, чтобы сорвать ее сговор с Антантой, не допустить переформирования ее сил французскими инструкторами, ее вооружения французским оружием и упредить возможный сговор с Польшей.

Разработанный командукром план намечал заслон в сторону Сарн и Житомира, удар основной массой к югу от Киева, чтобы отрезать главные силы Петлюры от Галиции, окружить и уничтожить их. Одновременно—натиск к Херсону—Николаеву, овладение этими пунктами и подготовка ударной группы для наступления к Одессе. В Крымском направлении—„замкнуть Крым", освободившимися частями действовать в зависимости от обстановки.

Во исполнение этого плана предполагалось усиление Киевской группы (которая должна, удерживая стык с частями западной армии у Коростеня и овладев Житомиром, наступать в направлении Жмеринки) частями 2-й дивизии. Последней и предписывалось (в середине февраля) спешное сосредоточение в районе Цветково—Смела и продвижение главными силами (1-й бригады) к Фастову. Этот фланговый марш дивизии прикрывается в Уманьском направлении от частей запорожского корпуса противника ее 2-й бригадой и Вознесенским отрядом (Ткаченко—Григорьева).

Командукр пояснял командующему Киевской группой:

„Общая идея отрезать союзников от Галиции. Необходимо разжечь борьбу между поляками и галичанами. Необходима соответствующая письменная и устная агитация, к которой привлечь все наличные партийные силы. В будущем предстоит выйти к Днестру, войти в связь с восставшей против румын Бессарабией, заслонившись ею от Румынии. На нашем левом фланге создается группа для удара к Бирзуле или Одессе. Ленговский обходом от Таращи к Христиновке ликвидирует Звенигородку. В этом смысле даны указания. Ваш левый фланг подкреплю".

Указанный оперативный план, хотя и не нашел выражения в приказе по фронту от 18 февраля (командукр не доверял своему штабу и не обнаруживал перед ним всех своих намерений), отразился в ряде частных распоряжений командукра.

Лишь 24 февраля удалось заручиться согласием главкома дополнить директиву Украинскому фронту заданием уничтожения „остатков" сил Петлюры.

Дадим более обстоятельную картину развития боевых операций в основных направлениях от взятия нами Киева и до новой директивы главкома.

Преследование петлюровцев, отступавших от Киева, развивалось

крайне медленно и осложнялось необходимостью определить отношения к различным самостоятельным формированиям, отколовшимся от Петлюры.

При наступлении Петлюры на Киев некоторыми деятелями украинской партии эсеров была сформирована в районе Триполье так называемая „Днепровская дивизия". Она вступила в Киев на ряду с частями „осадного корпуса" (сичевиков), но вскоре была выведена из Киева как „ненадежная" и почти распалась. В середине января в селе Григорьевка состоялся окружной крестьянский съезд, на котором присутствовали и представители этой дивизии. Съезд принял резолюцию о непризнании Директории и о необходимости замены ее подлинно трудовою властью, выбрал ревком и атамана дивизии Зеленого (б. учитель). Ревком осел в с. Триполье и вошел в связь с Переяславом, где также назревало восстание против Директории (Богунский). Директория двинула против Зеленого отряд, который с боя занял Обухов, а затем и Триполье. Ревком перебрался в Переяслав. Его войска обезоружили полк Черноморской дивизии.

При нашем наступлении на Киев Зеленый вновь появился на Правобережье и распространился до Василькова, угрожая сообщениям Киева с Винницей.

Едва мы заняли Киев, как он прислал к нам представителя с предложением свидеться для переговоров о переходе его частей к нашей армии. Свидание это состоялось 8 февраля.

Небольшого роста, коренастый, задумчивого вида человек, Зеленый производил впечатление типичного украинского семинара. Он выразил готовность „служить советской власти", но надеялся на ее „расширение",—сейчас она односторонне „партийна". Командукр отвечал, что этот вопрос зависит прежде всего от позиции остальных партий в отношении петлюровщины, Антанты и советов. Зеленый настаивал на сохранении в неприкосновенности его отряда и на известной своей самостоятельности. Командукр твердо знал, что нельзя допустить иных частей, кроме регулярных советских, построенных по общему принципу. Поэтому части Зеленого должны быть отведены в тыл для переформирования на общих основаниях.

Зеленый отвечал уклончиво, заявив, что должен переговорить со своими товарищами по командованию и что вскоре даст ответ.

На том и расстались. А ответ Зеленый дал, напав на наши разведывательные части и продовольственные отряды...

Связанные с Зеленым повстанческие части на Левобережьи у Черкас держались к тому времени вполне лойяльно. Беленкович, вошедший с ними в связь еще 7 февраля, сообщал, что повстанцами заняты Золотоноша, Черкасы, Бобринская (Беленковичу предписано двигаться со своими частями в Киев, части 2-й дивизии передать в прежнее подчинение).

Но и „Днепровская дивизия" не пошла вся за Зеленым.

На ряду с частями нашей 1-й дивизии на передовые позиции под Киевом выдвинулся сформированный в Киеве 1-й Днепровский полк—около 300 штыков и 7 пулеметов. К 9 февраля 2 сотни полка нахо-

дились в Григорьевке, 2—в Германовке и Кагарлыке. Утром 7 февраля полк занял Васильков. 10 февраля Киевскому губревкому и командиру 1-го Днепровского полка было указано, что полк переходит в распоряжение начальника 1-й дивизии Локотоша.

9 февраля комдив I получил следующее предписание:

„Провод частей через баню, снабжение их бельем и обмундированием должны быть закончены к утру 11 февраля, так как ваша дивизия получит боевой приказ, который потребует вывода частей из Киева. Получено сообщение, что таращанцы уходят в Таращу; ат. Зеленый мне сообщил, что уже им задержано таковых до 50 чел., уходящих без бумаг, якобы в отпуск. Немедленно примите меры и мне о них сообщите. К завтрашнему утру приготовьте точный доклад, какие меры приняты к исполнению последних оперативных моих распоряжений (по занятию Василькова, разведки на Житомир, связи с Коростенем). Никаких отпусков не давать, если не по болезни. Командирам частей усиленно делать проверку наличного состава и вести занятия“.

Упомянутые выше оперативные распоряжения оказались далеко невыполненными.

О противнике штаб 1-й дивизии сообщил:

„По сведениям нашей разведки, к 12 час. 8 февраля петлюровцами заняты д. Боярки, Хотово, Вета-Литовская, Глеваха и ст. Васильков. В районе Боярки и Вета до 2 неприятельских полков, в Глевахе до 250 чел. при 2 орудиях. Штаб в Котове. Город Васильков, местечки Обухово и Триполье заняты повстанцами, в Василькове их 300 при 6 пулеметах. Дорога Киев—Обухов через Лесники, Ходосовку—свободна. Петлюровцы убеждают повстанцев в Василькове перейти на их сторону“.

К 9 час. 8 февраля частями 3-го полка заняты—пост Волынский, Михайловская, Баришеговки, с. Жуляны. Противник бил из орудий от Боярок и ружейным огнем из Гатное.

Командир 1-го кавалерийского полка доносил, что 8-го занял 2 эскадронами д. Беличи. У д. Романовки находятся бронепоезд и 3 эшелона галичан. Бронепоезд обстреливает Беличи. Полэскадрона послано в тыл разобрать путь.

Тогда же поступило сообщение—с поста Волынского—о взрыве противником 2 мостов у Беличи (через р. Ирпень).

В этот же день начдив I докладывал: „9/II утром пост Волынский подвергся орудийному обстрелу с 2 неприятельских броневых поездов... Мною был выслан на пост, находящийся на ст. Киев, 1 пассажирский броневой поезд с 25 чел. таращанцев, каковой метким огнем принудил неприятеля к поспешному бегству“.

Ночью 11-го РВС фронта на себе почувствовал недостаточность нашей сторожевки... Среди ночи послышался неожиданный треск, вой, грохот. Состав РВС оказался под обстрелом. На станции паника, РВС в полном порядке „отступил“ в штаб дивизии... Здесь Локотошу сделан выговор: „Безобразно поставлено у нас сторожевое охранение. Броневой противника, прорвав его, подошел на выстрел к городу. Полевая

артиллерия должна была усиливать сторожовку и не допускать таких вещей. Сообщите немедленно, какие меры вами приняты, и что известно о противнике".

Оперсводка штаба дивизии к 12 час. 11 февраля отвечала:

„11 февраля в 2 час. утра, противник начал редкий орудийный обстрел города, продолжавшийся около часа. Произведенная разведка выяснила, что противником было установлено дальнобойное орудие южнее ст. Крюковщины с целью обстрела города. Орудийных выстрелов было произведено 10—12".

Разведывательная к 24 часам 11 февраля гласила:

„Части Петлюровской дивизии расположены следующим образом: в Игнатовке (в 25 *км* к западу от Киева)—штаб первого полка, в Яблонке—штаб второго, в Боярке—штаб третьего полка. Ожидается прибытие из Галиции одной дивизии. В ночь на одиннадцатое, в связи с передвижением наших частей, в расположении противника царила паника".

На основании этих сведений начдив I приказал:

„Командирам 3-го и 4-го полков выбить из д. Крюковщины и Гатное неприятеля, захватить дальнобойный артиллерийский взвод, обстреливавший Киев, укрепиться в указанных деревнях и вести разведку вперед, вправо и в особенности влево на Хотов".

К 12 часам 12 февраля начдив доносил:

„Сегодня в 9 час. утра конными частями заняты д. Крюковщина и Гатное".

И к 6 часам вечера того же дня:

„Сегодня в 4 часа дня 4-й полк начал наступление на д. Крюковщина, Гатное и Шахровщина. Занимавший эти деревни третий полк сичевиков оказал упорное сопротивление. Ожесточенный бой длился до 12 часов. Сломив сопротивление противника, четвертый полк ворвался в деревню, захватил более 500 пленных и 17 пулеметов. Штаб вражеского полка также нами захвачен. Ожесточенность боя была такова, что в первые минуты после занятия деревни пленных не щадили. Наши потери—2 убитых и 3 раненых. Третий полк подходил из д. Жиляны на соединение с четвертым. Наш броневой поезд выехал на полустанок Жуляны. Между Бояркой и Будаевкой курсирует броневик противника, там же находится 1 неприятельский эшелон".

К 15 февраля создается наконец реввоенсовет Киевской группы. Командующему войсками этой группой т. Мациледкому дана следующая директива:

„Противник, разбитый под Киевом, оттягивается в районе Фастов, Житомир, Казатин. Его численность до 12 000 штыков при нескольких батареях. Ожидаются подкрепления из Галиции. Незначительные части противника удерживаются у Коростеня и на ближайших подступах к Киеву. Союзники и добровольцы в Одессе занимают выжидательное положение.

В ваше ведение переходят все части первой Украинской дивизии, все части особой бригады Беленковича, 11 подрайон погрохраны и части вто-

рой советской Украинской дивизии, по мере их передвижения в ваш район.

Разграничительной линией с западной армией для вас является—Гомель (для вас исключительно), Коростень (для вас включительно), Ровно (для вас исключительно).

Разграничительной линией с Харьковской группой—Ромодан (для вас исключительно), Знаменка (для вас исключительно), Вознесенск (для вас включительно).

Западная армия, овладев Сарнами, преследует противника в направлении к Ровно и Коростеню.

Войска Харьковской группы закрепляются в районе Черкасы—Бобринская, первая бригада сосредоточивается в Знаменке для дальнейшего следования на Фастов. Южнее линии Знаменка—Бобринская действуют части атамана Григорьева (штаб Помощная), которому предписано прикрывать со стороны Вознесенска марш второй дивизии.

Ваша ближайшая задача—закрепить наше положение в Киеве и Черкасах. Для этого: 1) обеспечить связь с западной армией через Коростень; 2) надежно заслонившись со стороны Житомира, овладеть Фастовым и укрепиться в последнем; 3) внимательно наблюдая за направлением Одесса—Вознесенск, закрепиться в Черкасах и упрочить за собою переправы у Переяслава и Канево.

Фастов должен быть занят комбинированным движением частей 1-й, 2-й дивизий и повстанческих отрядов в районе Таращи.

Части вверенной вам группы должны быть доведены до штатов, партизанские отряды сведены в части штатного состава.

Донесения дважды в сутки в штаб фронта, Орел и мне по месту нахождения".

Эта директива отмечает серьезные успехи Западной армии в Сарненском направлении, но в этой директиве от 15 февраля совершенно не говорится о перемирии поляков с галичанами (петлюровцами тоже). Очевидно мы считали не вполне достоверными эти сведения.

Отдав указанное оперативное распоряжение, командукр выехал в Харьков.

1-я дивизия выдвинулась из Киева (15—17 февраля) в направлении к Фастову, бригада Беленковича, подчиненная командгруппой, должна была 16 февраля прикрыть это движение ударом на Житомир, но выступление ее основных частей, заторможенное „полным отсутствием обмундирования и обуви", началось только 25 февраля.

Наступление 1-й дивизии развивалось стремительно. По сводке 17 февраля, нами заняты—Заборье, Будаевка, Мархоловка, Рославичи, Подгорцы: „Противник отступает в панике".

19 февраля нами занимается Фастов и 20-го Кожанки.

20 февраля командгруппой т. Мацилецкий отдал приказ по войскам группы, предписывавший Беленковичу выступить с его бригадой уже лишь 22 февраля и чрезвычайно детально проводивший маршрут для отдельных частей бригады.

Приказ, редакция которого крайне беспомощна, был по протесту Беленковича изменен.

24 февраля Мациленкий дает новый оперативный приказ (в нем в третий раз повторяется вновь видоизмененное предписание Беленковичу и наконец упоминается о 2-й дивизии):

„Разбитый противник под Киевом, Фастовом и Цветковом в беспорядке отступает“.

Задача: Разбить окончательно противника, выровнять и сократить фронт, достигнув линии: Тальное—Самогородок—Голендры—Юровка—Кустик—Рудня и дабы в будущем уничтожить все остатки противника и так деморализованного восставшими в тылу у него партизанскими отрядами.

Далее на бригаду Беленковича возлагается задача „занять Житомир 1-й дивизии. После подхода частей тов. Беленковича на линию Кожанка—Радомысль перейти в наступление 25 февраля сего года в 6 часов на Фастов—Казатин, взять Казатин—Бердичев и по занятии последних занять фронт Кустик, что северо-западнее Бердичева. Юровка, что юго-западнее Бердичева, Голендры, что юго-западнее Казатина, и Сомогородок, что южнее Казатина и юго-восточнее Голендры, закрепиться и ожидать дальнейших распоряжений“.

„Начдиву 2 26 февраля сего года срочно перебросить 6-й стрелковый полк на помощь 5-му стрелковому полку, которым совместно сбить противника с занимаемых им позиций у станции и города Шполы, преследовать такового до ст. Тальное, в районе которой закрепиться и ожидать дальнейших распоряжений. Резервы держать в районе Цветково—Смелы“.

Этот приказ отменяет выступление всей бригады Беленковича, так как только два ее полка оказались более или менее оформленными.

Недочеты штабной работы у Мациленкого были весьма серьезны. Его начоперотдела дал например такую сводку боевых действий от 24 февраля:

„К 14 час. наши продвигаются к Белой Церкви, исправляя мост и полотно жел. дор., взорванные отступающим противником. Часть Вознесенского полка занимает разъезд за Вознесенском. Сообщают, что наши части артиллерийским огнем обстреляли Мелитополь. Из штаба группы тов. Дыбенко сообщил, что Грузия объявила войну Добровольческой армии. С других участков фронтов сведений не поступало“.

25-го Мациленкий доносил:

„Наши части двигаются к Казатину—Житомиру. От Фастова занята Кожанка и несколько километров вперед по направлению Казатина. По направлению Житомира наши части находятся на линии Радомысль—Кожанка. Линия Фастов—Бобринская свободна. Бердичев занят нашими повстанцами. Связь подпольных организаций прекрасная везде, и всюду расставлены товарищи для связи. На линии Шпола—Вапнярка петлюровцы упорно сопротивляются. В этом районе у них имеются довольно крупные силы из частей I и III корпусов, штаб которых находится на ст. Бирзула. На ст. Жмеринка—15 000

петлюровских войск и сам Петлюра. В районе Новоград-Волынск—Житомир—Бердичев—всего 13 000. В Виннице—Казатине имеются отряды, но незначительные".

Перейдем к действиям 2-й дивизии.

Части Григорьева и Ткаченки, действуя в направлении Вознесенск—Голта, прикрывали сосредоточение частей 2-й дивизии в районе Смелы и ее дальнейший маневр к Фастову.

Сосредоточение дивизии еще далеко не закончилось с 17 февраля, когда по ней был отдан следующий оперативный приказ:

„§ 1. Части войск Директории, разбитые под Киевом и Кременчугом, отступили: первые по направлению ст. Фастов, вторые через Знаменку, Елисаветград, Бобринскую, Цветково. Отдельные отряды воюют в районе Канева, Германовка, Васильков. Силы противника в направлении передвижения дивизии до Белой Церкви незначительны. Но в Белой Церкви дивизия по всей вероятности встретит серьезное сопротивление.

§ 2. В районе передвижения дивизии оперируют в настоящее время следующие советские войска:

а) Центральное направление (Бобринская—Фастов); 1) в районе Киева—отряды Черкасского революционного штаба, 2) в районе ст. Мироновка—отряды Черкасского корпуса[1]; 3) в районе гор. Таращи—местные повстанческие отряды.

б) Правофланговое направление (войска Киевской группы). По последним сведениям ими заняты следующие пункты по направлению к Фастову: Игнатовка, Заборье, Будаевка, Мархолевка, Леваха, Янковичи, Рославичи, Гвоздов, Кришичи и Подгорицы. В этом районе оперирует первая советская дивизия под командой т. Локотоша и бригада т. Беленковича и местные повстанческие отряды гор. Киева. В районе Триполье оперирует Днепровская дивизия[2].

в) Левофланговое направление (Цветково—Тальное—Христиновка): в районе Тальное—Звенигородка оперируют отряды атамана Григорьева.

§ 3. Согласно телеграммы временно командующего группой войск Харьковского направления от 17-го с/м. за № 292, вверенной мне дивизии дана задача двинуться экстренным порядком через Знаменку—Бобринскую—Цветково—Корсунь на Фастов для удара во фланг стоящему под Киевом противнику. Для исполнения вышеизложенной задачи приказываю:

I. Командиру 1-й бригады тов. Шмидту: а) принять все меры к срочной погрузке 6-го полка в эшелоны и отправке его со станции Користовка на ст. Мироновка через Знаменку—Бобринскую—Цветково—Корсунь с таким расчетом, чтобы первый эшелон был отправлен самое позднее 19-го с. м. к 12 часам и последний того же самого числа к 24 часам. По прибытии на ст. Мироновка полку нагрузиться, сменить все партизанские отряды, оперирующие в том районе, отправить их в гор. Черкасы в распоряжение командира 2-й бригады, восстановить связь с партизанами, действующими в районе г. Киева. Полку занять следующий район: I батальону—деревню Карапыши, II батальону—м. Богуслав, III батальону—дд. Мироновка

[1] Повидимому части атамана Богунского.
[2] В районе Триполье действовали отряды Зеленого, а не «Днепровская дивизия».

и Россава; штабу полка с хозяйственной частью в вагонах оставаться на ст. Користовка. Для связи с партизанскими отрядами и освещения района расположения полка, использовать полковую конную разведку. В распоряжение командира 6-го полка на ст. Мироновка будет передан бронепоезд Черкасского штаба, который использовать для разведки по направлению ст. Белая Церковь. б) Приказать командиру 5-го стрелкового полка готовиться к погрузке для отправки по вышеупомянутому направлению таким образом, чтобы первый эшелон двинулся со ст. Кременчуг 20-го с. м. к 12 час. дня, а последний 21-го с. м. к 10 час. дня. Полку продвигаться до ст. Корсунь, где ждать дальнейших распоряжений. в) Отдельной конной батарее т. Зюка приказать приготовиться к погрузке для отправки по маршруту, указанному в пункте „в", таким образом, чтобы первый эшелон двинулся со ст. Кременчуг 21-го с. м. к 18 час. дня, а последний 22-го с. м. к 18 час. Батарее следовать до ст. Мироновка, где разгрузиться. Дальнейшие указания батарея получит через вас. г) Штабу бригады приготовиться к погрузке для отправки по тому же маршруту 22-го с. м. в 8 час. с последним эшелоном отдельной конной батареи тов. Зюка. Штабу расположиться на ст. Мироновка.

II. Командиру 2-й бригады т. Жупану: а) Подготовить вверенную вам бригаду к выступлению для занятия района Черкасы—Бобринская, для чего штабу бригады и 8-му полку оставаться в г. Черкасы, штабу 7-го полка с одним батальоном погрузиться в эшелон и отправиться на ст. Смела, где разгрузиться и расположиться в местечке Смела, второму батальону того же полка погрузиться в эшелон и отправиться на ст. Цветково, где разгрузиться и расположиться в м. Бурты. б) Командиру первой легкой батареи приказать приготовиться к погрузке для отправки со ст. Черкасы на ст. Мироновка через Бобринскую—Цветково—Корсунь. На ст. Мироновка разгрузиться, отправив эшелон обратно на ст. Черкасы, соединиться со вторым взводом 1-й батареи и поступить в распоряжение командира шестого стрелкового советского полка. 1-й эшелон батареи отправить со ст. Черкасы не позже 8 час. 21-го с. м. и последний к 24 час. того же числа. в) По прибытии партизанских отрядов из района ст. Мироновка влить их в полки вверенной вам бригады, развернув полки в 3-батальонный состав. г) Вверенная вам бригада состоит в дивизионном резерве и должна быть готовой выступить по первому моему приказанию.

III. Командиру 3-й бригады т. Покусу:

а) Вверенная вам бригада переходит из района Карловка—Полтава в район Кременчуг—Александрия. б) Подготовить 16-й стрелковый полк к погрузке в эшелоны для отправки на ст. Александрия Херсонской губ. через Полтаву—Кременчуг—Користовка. 1-й эшелон отправить со ст. Полтава—Южный не позже 20-го с. м. к 12 час., а последний 21-го с. м. к 12 час.; полк на ст. Александрия выгрузить и расквартировать в городских казармах. в) 15-му стрелковому полку и штабу бригады со всеми отделами приготовиться к погрузке для отправления со ст. Карловка на ст. Кременчуг таким образом, чтобы первый эшелон был отправлен не позже 16 часов 21-го с. м., а последний 22-го с. м. к 24 час. По прибытии в Кременчуг разместиться в казармах по указанию ревкома г. Кременчуга.

IV. Командиру первого полка Червонного казачества тов. Примакову:

а) Принять экстренные меры к спешной погрузке полка и отправке на ст. Мироновка. Первый эшелон должен отправиться со ст. Александрия 19-го с. м. к 16 часам, а последний к 12 часам 20-го с. м. По прибытии на ст. Мироновка немедленно выгрузить полк и направиться в г. Тараща походным порядком, восстановить связь с местными повстанцами, оперируя совместно с 6-м полком, и ожидать дальнейших указаний. б) Во время операций вы входите в подчинение командира 1-й бригады тов. Шмидта, через которого вы будете получать дальнейшие указания. в) Находящийся временно при вверенном вам полку взвод конной батареи т. Зюка немедленно направить походным порядком в г. Кременчуг на присоединение к батарее.

V. Атаману партизанских отрядов Херсонщины и Таврии т. Григорьеву: предлагаю обеспечить вверенными вам отрядами движение дивизии по направлению к Фастову со стороны Долинской—Вознесенска—Ново-Украинки—Шполы—Лисянки, поддерживая с дивизией самую тесную связь".

Комдив 2 23 февраля доносил командукру о том, что 6-й полк 20 февраля прибыл к месту назначения и занял позицию, 2-я бригада заняла указанный ей район, а 3-я бригада находится еще в пути вследствие несвоевременной подачи эшелона. В донесении, кроме недостатка подвижного состава и топлива отмечалось много других препятствий к переброске частей—полное отсутствие обуви, недостаток обмундирования, снаряжения и вооружения и т. д.

Характерно как отсутствие содействия тыловых учреждений нашим боевым операциям и крайний недостаток снабжения фронтовиков, так и это разбухание дивизии.

Еще 25-го, судя по адресам телеграмм, штаб 2-й дивизии находился в Знаменке, штаб 3-й бригады этой дивизии—в Кременчуге, штаб 2-й—в Черкасах. Тем временем 6-й полк взял с бою м. и ст. Шполу; а 1-я дивизия уже овладела Фастовом.

Продвижение дивизии было замедлено ударами во фланг со стороны петлюровцев.

В одной из захваченных нами штабных канцелярий противника найдены между прочим приказы атамана Волошенко (штаб Христиновка), свидетельствующие о создании петлюровским командованием особой „ударной группы", ближайшей задачей которой являлось занятие ст. Цветково. При дальнейших успехах ударная группа, действуя к Черкасам, намечала некоторую угрозу киевскому тылу. В группу Волошенко были включены отборные петлюровские части. Они дрались превосходно.

Разведывательная сводка противника от 21 февраля свидетельствовала, что сведения его о наших силах были весьма неточны:

„Направление Голта—Елисаветград—Помошная 500 штыков и бронепоезд; с Елисаветграда на ст. Панчево—карательный отряд в 75 штыков. В направлении Христиновка—Шпола—Корсункая бригада, советский полк и партизаны Ткаченко".

Оперсводка противника от 21 февраля гласила:

„В направлении Голта—Елисаветград—спокойно; украинцы у ст.

Бандурки в 20 *км* к востоку от Голты. В направлении Цветково—Шпола за Звенигородку неприятель не наступает".

На следующий день ударной группой были взяты Звенигородка, с. Калон, болото и Пальчик (к югу)[1].

На основании этих сведений начдив 2 воззвал к комфронтам, указывая на опасности продвижения дивизии в указанном направлении (к Фастову).

Комфронтом отвечал:

„Смела, Штаб, Ланговскому. На НР 630. Нелепо шифровать сведения о противнике, этим Вы проваливаете шифр. Следуйте точно указаниям комгруппы, не разбрасывайтесь и не поддавайтесь воображению 27/II НР 229".

Уже 26-го штаб 1-й бригады 2-й дивизии был в Цветкове. Заняв Шполы, наши части с боем продвигались к ст. Киселевка. У противника взяты 2 орудия, которые тотчас же были введены в дело, пленных „много".

К 20 часам 27 февраля противник „превосходными силами" после жаркого боя вновь занял Шполу. Но 6-й полк, „собрав последние силы, бросился в яростную атаку, сбил противника и восстановил

---

[1] Заслуживает внимания приказ по Запорожскому корпусу, штабу которого подчинялась указанная ударная группа:

(Даем его в переводе с украинского):

ПРИКАЗ ЗАПОРОЖСКОМУ КОРПУСУ № 200.

М. Умань. 24 февраля 1919 года.

(Карта 10 в. в дюйме.)

I. Неприятель, сбитый решительным натиском группы атамана Волощенко, бежал в беспорядке к Цветково, однако при поддержке советских войск, пришедших со ст. Бобринской, перешел в контрнаступление в направлении на Шполу. В направлении Голта — Помощная противник активности не проявляет.

II. Начальнику Голтинской группы полковнику Мяснику приказано: завтра 25 февраля с утра перейти в решительное наступление в направлении на Помощную, овладеть этой станцией и участник Адабаш — Помощная — Татаровка и войти в связь с правым крылом запорожского корпуса.

Войска атамана Коновальцева задерживают неприятеля в районе ст. Пепельная (по железной дороге Фастов — Казатин) и готовятся в наступление на Фастов.

III. Наши войска продолжают наступление с целью овладения Цветково и вышли на линию с. Лисянка, ст. Шпола и с. Ольшанка.

IV. Командующий юго-восточной группой приказал: продолжать наступление ударной группой вверенного мне корпуса и овладеть участком ж. д. Городище — Цветково, одновременно обеспечив свое левое крыло со стороны Мироновки и выделив конную часть для захвата Новомиргорода.

Для выполнения сего: а) группе атамана Волощенко продолжать наступление с целью овладения указанным районом. В распоряжение атамана Волощенко придается дивизион имени кости Гордиенко; б) 1-му запорожскому им. гетмана Дорошенко полку передвинуться в групповой резерв на ст. Тальное.

V. Разведывательные данные доставлять в штаб корпуса ежедневно к 6 и 18 часам.

На подлинном — командир корпуса атаман Донченко. Нач. штаба (подпись неразборчива).

положение... Части продолжают продвигаться в указанном направлении". Комфронтом пренебрегал действиями „ударной группы" петлюровцев, ибо в обход ее двигались части Ткаченки и предполагалось направить 15-й пехотный украинский полк (из Кременчуга). Прорыв центра неприятельского расположения у Винницы решал участь „ударной группы" петлюровцев, она попадала в мешок.

24 февраля главком дополнил данную ранее директиву заданием уничтожить остатки петлюровских войск.

25 февраля штаб Киевской группы получил от комфронта приказ (по прямому в Киев):

„По соединении в Киевском районе первой и второй дивизии и бригады Беленковича целью Киевской группе ставится: полный разгром петлюровских сил на Украине. Средством для чего должно служить: наступление нашей пехоты с линии Фастов—Белая Церковь на линию Казатин—Погребище и далее на линию Винница—Гуменное. Наступлению должно способствовать энергичное движение конных масс по направлению Ходорков—Бердичев—Янов—Литин—Бар. По сему в ближайшие дни необходимо: сосредоточение всей пехоты на линии примерно: Фастов—Белая Церковь или Бровки—Сквира, сообразно с сим сосредоточение конницы в районе Брусилова или Ходоркова. Для успеха необходимо: строгое согласование конницы с движением пехоты, усиление конницы во что бы то ни стало эскадронами, взятыми от пехотных полков; строгая выдержка, дабы, не увлекаясь второстепенными целями, не спугнуть заранее противника; неослабное наблюдение частями второй бригады второй дивизии в сторону Ольвиополя. Немедленно приступите к сосредоточению. Приготовьте кандидатов для командования конницей, ускорьте движение полка Червонного казачества. Завтра выезжаю в Киев".

Это предписание дышит чрезмерной робостью в отношении использования конницы. Следовало отметить необходимость стремительного ее продвижения по указанному направлению, не боясь оторваться от пехоты.

Этот приказ передан и командующему Харьковской группой с такой припиской:

„Препровождается для сведения и производства необходимых демонстраций в прикрытии левого фланга киевской группы".

К этому времени связь 2-й дивизии с 1-й была установлена, и Лещовскому (начдиву 2) указано подчиниться командующему Киевской группой Мацилецкому и действовать по его директивам.

Во исполнение нашей директивы Мацилецкий в тот же день издал приказ № 4, которым командиру Особой бригады Беленковичу предписывалось двинуть 27 февраля в 10 час. утра все кавалерийские части Киева по Житомирскому шоссе на соединение с 2 пехотными полками бригады в д. Ситняки и продолжать движение на Бердичев таким образом, чтобы кавалерия была на правом фланге; затем совместно с частями 1-й советской дивизии занять Бердичев, имея во время движения связь со штабом группы войск Киевского направления.

Начальнику 1-й Советской дивизии т. Локотошу было приказано

кавалерию дивизии двинуть через Сквиры—Погребище для занятия города Липовица, причем во время движения кавалерия должна находиться на левом фланге пехоты.

Всем частям приказано было начать наступление в 5 часов 28 февраля 1919 г.

(В этом приказе почему-то не было задания для 2-й дивизии, совершенно не обращено внимания на Житомир, который все же следовало закрепить за собой. Неясно последнее распоряжение, какое наступление начать. Распоряжениям должно было предшествовать указание общей цели.)

В то же время наша разведка сообщала:

„В городе Житомире войск мало, всего от трехсот до пятисот человек, преимущественно сичевики и спрожупашники. Замечается за последние дни спешная отправка эшелона на Бердичев, в особенности после того, как пал Коростень и отступившие части направились па Житомир. 25-го стоявшие на вокзале шесть эшелонов сичевиков двинулись пешим порядком на Бердичев, так как путь оказался испорченным. В городе постоянных частей сичевиков почти нет, так как старые уходят и на смену являются свежие. Чувствуется, что дни Директории сочтены... Среди сичевиков разложение, отказываются итти в бой и в одиночку разбегаются, надежного элемента в частях сорок пять процентов. Генерал Коновалец находился в Житомире 2 дня и 24 февраля уехал. В тылу Житомира в направлении Новоград-Волынска происходили крестьянские восстания. Чуднов захвачен окрестными повстанцами, причем они овладели и бронепоездом и отрезали себя от Бердичева и Шепетовки“.

Город Сквира был занят местными повстанцами 26 февраля.

27 февраля комфронта и начштаба Глаголев прибыл в Киев для проверки исполнения оставленных две недели тому назад заданий.

Председатель по снабжению Киевской группы вошел с жалобой на бездеятельность Губпродкома в выделенной 19 февраля тройке.

Также бездействовал отдел военных заготовок, находившийся в ведении Совнархоза. Штаб группы и его отдел, несмотря па обилие обширных помещений в городе, не могли устроиться, так как гражданские власти не шли им навстречу. Наркомпрод не допускал участия представителей Военведа в коллегии Губпродкома. Никаких заготовок для группы не производилось. Особенно тяжело обстояло дело с заготовкой фуража: ни пуда овса. Отовсюду шли заявления— эти запасы мало необходимы для посева.

Комфронтом решительно распорядился:

„Заготовительной Комиссии киевского военного округа.

Принять немедленно решительные меры к сосредоточению в кратчайший срок фуража и продовольствия в армейские склады в Киеве.

Для этого действовать самым решительным образом за моей личной ответственностью, прибегая в нужных случаях к вооруженной силе и арестам саботажников, как бы они ни назывались. Овес, предназначенный для посева, должен быть реквизирован вами наполовину, не имеющий же такого

назначения отбирайте дочиста. Особенное внимание обратить также на заготовку сена, мяса, жира, заготовление консервов. Это в пределах и во исполнение общего вам задания. Вам должны быть представляемы маршрутные поезда для погрузки, вы имеете право мобилизовать местные перевозочные средства для подвоза продовольствия к станциям и местное население для работы.

Всем советским учреждениям, всем частным лицам предлагаю именем Красной Советской армии оказывать полное содействие членам заготовительной комиссии Киевского военного округа".

Это распоряжение, продиктованное критическим состоянием снабжения армии, вызвало отчаянные вопли тыловиков: „Как это забирать посевной овес". Совнарком Украины отменил это распоряжение комфронта. Тщетно тот указывал: „Новый овес возрастает на костях нашей конницы. Когда дело обстоит так, что кони дохнут от плохой пищи, необходимо прежде всего их подкрепить. Наконец во многих экономиях, дабы избавиться от реквизиции, овес называют посевным".

По прибытии комфронта в Киев ему пришлось заняться даже вопросом разгрузки железнодорожного узла, так как из затребованных им ведомостей груженых вагонов выяснилось немало простоев военных грузов. Был дан ряд выговоров и срочных распоряжений.

Доклад Окрвоенкома и Губвоенкома об исполнении заданий (от 14—16 февраля) обнаружил крайнюю медлительность работы.

Комфронта написал резкое письмо губвоенкому:

„Возмущен я тем, что ни одно из моих указаний перед отъездом (2 недели тому назад) не было выполнено:

1) вы еще не получили материальной части для артиллерии,

2) вы и не приступили к формированию 2 рот для 9-го полка,

3) вы не взяли в свои руки инструкторские курсы Беленковича,

4) на колесах остается без хозяина груз громаднейшей ценности— между прочим 3 цистерны нефти (список у т. Раземана и у начштаба Глаголева), в то время как веретенное масло дается для машин.

Это преступление. Предлагаю Вам и всем, кому ведать надлежит, принять меры. Немедленно и решительно. Немедленно заменить нефтью веретенное масло".

Затем было написано письмо тт. Иоффе (В. В. Н.) и Щаденко: „Да будет вам стыдно за то, что делается на станции. Необходимо создать комиссию—один от Совнархоза, один от ж.-д. и от инспекции и распределить немедленно грузы".

Наша инспекция, посланная заранее из Орла для срочной ревизии отдела заготовок Совнархоза, обнаружила вначале полную его бездеятельность, но под воздействием инспекции отдел раскачался. С 25 февраля пошла заготовка шинелей. К 27-му их было изготовлено 2 400 и дано обязательство довести через неделю изготовку до 15 000 шинелей в день. Кожевенная секция взялась к 3 марта дать

6 000 пар сапог для армии. Сапожные мастерские Губземства обещались довести вскоре производительность до 5 000 пар в день.

28 февраля инспектор снабжения фронта, объехав мастерские, выполняющие военные заказы, доносил, что бывшая интендантская мастерская еще не работает—нет будто бы сырья (для шинелей) и дезинфекционных материалов; но военные представители разыскали дезинфекционные материалы, наладили прачечную, поставили мойку до 1 000 шинелей в день, двинули ремонт и подшивку сапог, гимнастерок, брюк, белья.

28 командукр по прямому сообщал в Харьков наркомвоенделу т. Подвойскому и предсовнаркому т. Раковскому:

„Оружия привезу больше чем ожидал. Швальни и сапожные мастерские еле ползут. Сегодня осмотрю их и если будет замечен саботаж, то на основании п. 14 положения и Реввоенсовета фронта передам под контроль окрвоенком с донесением о сем т. Пятакову и Вам. Пятаков, по словам Шлихтера, монополизировал для Совнархоза всю кожу и дубильный экстракт. Укажите Пятакову, что если дать экстракту и подошвы Семионовской артели, там будет до 50 000 пар сапог в месяц. Дело вполне налаженное, вековое. Нет нужды творить новое. Но надо спешить—недостатки обмундирования губят фронт. Шлихтер ставит вопрос о лишении нас права заготовок ультимативно. Запасов фуража, хлеба, овса, скота столько, что вполне возможно вне всякой очереди выделить для всей армии полагающуюся ей полуторамесячную потребность и уже после этой операции думать о снабжении Севера и наших городов. На этом настаиваю категорически. Иначе продовольствие армии не наладится. Прежде всего все заготовки, сделанные для войск Директории, остаются за военным ведомством, все это учитывается и добавляется до полуторамесячной нашей потребности. Необходимо принять меры к отправке в дивизию Дыбенко инструкторов, так как вооружаться будет прежде всего она. Оружие, нуждающееся в починке, было выслано в Харьков. Справьтесь, где оно и готовы ли к его починке. Сведения о Директории подтверждаются. Надо поспешить с указанными в моей записке мерами. Харьковский Окрвоенком затребовал из Киева чуть ли не всю артиллерию. Я придержал исполнение, думая, пусть сначала сработают то, что им вывезу“.

Высшая военная инспекция произвела подробное обследование состояния наших частей в Киеве и дала следующий отзыв: „Комиссия № 2 В. В. И. Председатель комиссаров Иоффе считает своим долгом отметить, что среди частей, расположенных в г. Киеве: 1) в частях дивизии Беленковича хорошо поставлен внутренний порядок, части дисциплинированы, жалоб на них не поступает, видна забота командного состава и революционное сознание красноармейцев; 2) первый киевский коммунистический полк под командой Фрелинг—отличный во всех отношениях по внутреннему порядку, дисциплине и подготовке; 3) караульная служба в Киеве возложена на первый киевский полк, 11-й пограничный и десятый как наилучшие части (№ 92)“.

За отъездом командукра (1 марта), организационная работа в

Киеве пошла под прямым давлением члена РВС т. Щаденко и Глаголева.

Обращалось внимание также на неоформленность 1-й дивизии. Приводим состояние частей дивизии по данным на 1 марта:

	Строевых	Винтовок	Пулеметов	Револьверов	Орудий	Бомбометов	Минометов
1-й Богунский полк	2 413	4 345	81	106	6		8
2-й Таращанский полк	3 133	3 413	69		6	1	
3-й полк	1 816	2 200	37		4		
4-й Нежинский полк	3 354	3 573	16		2		
Маршевый батальон	1 045	1 617	17				
Эскадрон 1-й зап. кавдивизии	35	32					
I артдивизион	617		12		18		
Батальон связи	300	300					
Авиаотряд	91						

Имелись также полевой госпиталь, отдел снабжения и обоз.

Артдивизион в действительности существовал на бумаге и его орудия были распределены по полкам, как это отмечено выше. Глаголев как инспектор артиллерии безуспешно добивался сосредоточения артиллерии в дивизионе, потратив не мало энергии.

Также трудно было заставить полки отказаться от своих отделов снабжения и передавать в группу „военную добычу".

Некоторые части непомерно распухли от приема добровольцев. Приказы о направлении таковых в тыловые запасные части не помогали. Дело пошло несколько лучше с заменой начальника дивизии Локотоша Шорсом, быв. командиром Богунского полка (Локотош был арестован 7 марта „за неисполнение оперативного приказа и за недостойное поведение как командира и коммуниста",—так сообщал командующий группой).

Командукр выехал в Харьков 1 марта. В Киеве остались нач. штаба Глаголев и член РВС фронта Щаденко для проталкивания организационно-снабженческой работы местных учреждений, а также для упорядочения штаба Киевской группы и содействия ему в осуществлении оперативной директивы комфронта от 25 февраля.

Согласно этой директиве для ликвидации остатков петлюровских войск предполагалось развить стремительное наступление до похода галичан и до переформирования петлюровцев по сговору с союзниками. Мы должны были, прикрываясь на Коростеньском направлении частями западной армии, овладеть Житомиром и Бердичевым и, укрепившись в этих пунктах, наступать частями 1-й дивизии и 1-й бригады 2-й дивизии в центре—в направлении Винница—Жмеринка, бросив в то же время все конные части от Бердичева во

фланг центральной группе противника, к Бару, чтобы отрезать ее от Галиции. Одновременно 2-я бригада 2-й дивизии и партизаны действуют к Вапнярке, угрожая связи Жмеринки с Одессой и замыкая полукольцо (в тылу—Румыния) вокруг ядра войск Директории.

Особенное значение имело оформление кавалерийских частей группы в особую кавбригаду. Глаголев, считавший кавалерийское дело своею специальностью, взялся лично провести это формирование и наладить решающий марш нашей конницы к Бару. Командиром бригады был назначен Крючковский, начштабом при нем состоял Муховицкий, военспец, рекомендованный, насколько помнится, Глаголевым.

Приказ по группе (№ 17 от 5 марта) дает состав бригады: 1-й (Грибенка) и 2-й кавполки (Чижиков), 1-й полк Червонного казачества (Примакова), 5-й кавполк (Цпунчик) и 2 конных батареи (штаб бригады находился тогда в Брусилове—Ходоркове). Одновременно организовалась дивизионная конница из различных конных отрядов при отдельных пехотных полках.

Оперсводки ежедневно сообщали о наших успехах.

К 2 марта части особой бригады (временный командир Крюковский взамен ушедшего в отпуск Беленковича) заняли Коростышев в 18 *км* к востоку от Житомира, взяв пленных (в их числе из штаба VIII корпуса). Отсюда бригада повернула к Бердичеву. 3 марта особая бригада заняла с. Брусилов в 33 *км* северо-западнее Фастова, части идут к Бердичеву, в Казатинском направлении занята ст. Кожанка, между ст. Кожанка и Попельня разбит бронепоезд противника и захвачен в исправности другой бронепоезд (в этом бою отличился командир нашего бронепоезда т. Новосельский).

В 11 час. 4 марта мы заняли на Казатинском направлении Ивницу, Ходорков, Поволочи, Макаровку и Каменку. Движение к Казатину 1-й советской дивизии и особой бригады развивалось. 3 марта противник занял Сквиру, но немедленно был выбит из нее I батальоном 6-го полка. Наступавший на Вапнярском направлении 8-й полк (2-й дивизии) к 3 марта занял: д. Богачевка и Степцовка, что к востоку от Звенигородки. В районе Шпола—Звенигородка шли упорные бои. В районе Помощной батальон 5-го полка отбил атаку противника, захватив 23 пленных и 10 пулеметов; противник разбегается. Атаман Зеленый со своей бандой двигается на Ржищево. В районе Чернобыль Радомысльского уезда появилась новая банда (Революционный полк повстанцев) под командой Стука. Сообщено 3-й бригаде 17-й дивизии (в Коростень) принять меры.

К 11 час. 5 марта наступление на Тальное в районе Шпола успешно продолжалось. Противник стягивал свои силы и укреплялся. Взорванные им мост и полотно железной дороги нами исправлялись. В районе Россоховатка—Тальное бои продолжались с прежним успехом. В районе Помощная нами был захвачен паровоз противника и вновь занят после упорного боя г. Сквира, неприятель бежал на Ружин и Погребище; захвачено 2 орудия, 20 пулеметов. В бою погиб смертью героя помощник командира полка Чижиков, население ра-

душно встречало наши войска. По последним донесениям нами занята линия дд. Ивница, Андрушовка, Вчерайше, Ружин, Ропары, Рогачи, Морозовка, Новофастов, Бабинцы.

7 февраля нами взят Казатин. Наступавшие части, обойдя станцию и поселок, создали угрозу тылам петлюровцев и заставили их очистить Казатин. На этой станции застряли сотни груженых и пустых вагонов и много паровозов. Захвачена масса продовольственных и военных грузов (впоследствии подсчитано, что в Казатине захвачено 1 280 вагонов, из них 770 груженых и кроме того 40 паровозов, наполовину вполне исправных).

Тогда же взят Бердичев (в нем захвачены 28 орудий, 50 пулеметов, поезд со снарядами; много телефонных и телеграфных аппаратов, 1 303 *т* сахара, до 36 000 *т* кожи, 200 автомобилей) и Белая Церков 6-м полком 2-й дивизии (наша добыча—5 легких орудий и 12 гаубиц, двуколки, зарядные ящики, снаряды, автомобили). Направленные в Новоград-Волынск наши войска разбили отряды петлюровцев, много убитых и пленных. Преследование продолжалось. Красные войска заняли фронт Бердичев—Казатин—Голта и укрепляются. В районе Тальное заняты Романовка и Поташ. В районе Вознесенска мы отошли от д. Максимовки.

7 марта командующий группой издал следующий приказ (№ 5, которым для окончательного разгрома петлюровских сил предписывалось):

„Особой кавалерийской бригаде Крючковского в составе 1-го, 2-го и 5-го кав. полков и 1-го полка червонного казачества перейти из района Бердичев в наступление через пункты Янов, Литин, Овсяники, Бар с целью перерезать железнодорожную линию Жмеринка—Проскуров, затем укрепиться на линии Бар—Стодульцы и ст. Матейково включительно, держа левым флангом связь с 1-й Отдельной стрелковой бригадой.

Отдельной стрелковой бригаде Маслова в составе 3 полков, оставив в резерве один из них в Бердичеве и заняв двумя полками линию Калиный Яр—Махновка, наступать через Мизяков—Юзвин и укрепиться на линию Межиров (исключительно)—Брацлов (включительно), держа связь влево с 1-й стрелковой дивизией.

1-й стрелковой дивизии Шорс в составе 1-го, 2-го, 3-го и 4-го стрелковых полков, перейдя с линии Махновка—Зарудница в наступление через Калиновку—Стрижавку, закрепиться на линии Брацлов (исключительно)—Винница (включительно); связь иметь влево со 2-й стрелковой дивизией.

2-й стрелковой дивизии в составе 5-го, 6-го, 7-го и 8-го стрелковых полков, оставив 7-й и 8-й полки в районе Звенигородка, Тальное и выдвинув 5-й и 6-й полки на линию Зозулинцы—Погребище, наступать через Овсяники—Прилуки и занять линию Винница (исключительно)—Гуменное (включительно) во время движения, особенно следить за своим левым флангом, высылая влево разведки.

Сосредоточивание всех частей на линии Погребище—Зозулинцы—Махновка—Калиный Яр—Бердичев—Ивановцы начать по получении настоящего приказа по телеграфу. После сосредоточивания всех частей начать общее наступление на рассвете одиннадцатого марта 1919 года“.

8 марта в Винницком направлении наши части заняли ст. Голендры и Гулевицы. В Голендрах перешел на нашу сторону батальон петлюровцев.

11 марта наши части, несмотря на распутицу, продолжали наступление в районе с. Тальное и заняли Поповку, Томашевку и хутора в 20 *км* восточнее Умани.

12 марта петлюровцы пробовали наступать со стороны Чуднова на Бердичев: бой продолжался. На Житомирском направлении 12 марта наш бронепоезд встретился с бронепоездом противника. Наши части без боя заняли Агатовку и Семаки. Продолжалось продвижение к Житомиру. На Вапнярском направлении красными войсками были заняты мм. Копела, Юстингород, Соколовка, Нестеровка и узловая станция Христиновка. Наступление на Умань продолжалось. В районе Вознесенска занята станция Веселиново.

13 марта занята Умань.

14 марта Житомир взят красными войсками. Противник отступал, отстреливаясь. При занятии станции Христиновка захвачены 14 паровозов, 249 разных вагонов, 900 *т* сахару на сахарном заводе и три грузовых автомобиля. Наступление на Умань—Монастырище продолжалось.

К 18 час. 14 марта по занятии Житомира оборонявший его отряд в два полка с 9 орудиями и 60 кавалеристами, обойденный нашими войсками, вынужден был отступить в Новоград-волынском направлении. Отступление неприятеля обратилось в паническое бегство. С нашей стороны—1 убитый, 7 легко раненых. Наши трофеи: 4 вагона трехдюймовых снарядов, 7 вагонов патронов и много разного вида довольствия. Неприятель загромоздил пути, пустив друг на друга два поезда. Отходя от Тального, петлюровцы творили невероятные безобразия.

14 марта в 22 час. 30 мин. начштаб группы доносил по телеграфу в Харьков дислокацию частей группы: части 1-й дивизии расположились в Казатин, Голендры, Прилуки, Самогородок; 2-й дивизии—в Вахновке, Зозове, Христиновке, Монастырище, Умань, Помощная; особая кавбригада—Бердичев, Житомир, Яново; особая стрелковая бригада—Бердичев, Махновка, Вишенька, Калиный Яр, Житомир, Коростень.

Таково было положение на фронте украинской армии. В это время к нам обратились с неожиданным призывом из Смоленска (запарм):

„15 марта. Ввиду продолжавшегося нажима против района Коростень со стороны Новоград-Волынск, прошу оказать помощь западной армии нажимом ваших частей от Бердичева на Новоград-Волынск. О последующем не откажите сообщить. № 0182. Командарм зап. Снесарев, член Реввоенсовета Норвит, за наштарм зап. Сергеев".

Командукр немедленно предписал командующему Киевской группы оказать просимую поддержку. В ответ Мацилецкий прислал копию своего приказа от 16 марта.

Приказ гласил следующее:

„В дополнение к оперативному приказу номер пятый от седьмого марта приказываю: 1) Особой кавбригаде Крючковского: выделив пятый кавполк гор. Житомир, направить таковой по Брест-литовскому шоссе с двумя бронированными автомобилями и занять гор. Новоград-Волынск, где и закрепиться, ожидая дальнейших распоряжений. Остальным полкам бригады продолжать исполнение приказа номер пять. 2) Первой стрелковой бригаде (т. Шкуть) десятый стрелк. полк перебросить в местечко Чуднов, где совместно с Волынским полком начать стремительное наступление по желдор. линии Бердичев—Изяславль, занять гор. Изяславль и ст. Шепетовку, где и закрепиться, ожидая дальнейших распоряжений. Остальным полкам действовать согласно приказу номер пять. 3) Первой стрелковой дивизии (т. Щорсу) действовать согласно приказу номер пять; шестой перебросить в район Ольвиополя, седьмому и восьмому полкам начать наступление в районе Балта—Бирзула—Слободка, занять таковые и закрепиться, ожидая дальнейших распоряжений. 5) Повстанцам Гайсинского уезда занять район ст. Вапнярка, где и закрепиться".

Коростеньская угроза не являлась для нас полной неожиданностью. Еще 7 марта мы проявили беспокойство за Коростень. В этот день комгруппы телеграфировал комфронту (№ 5):

„Находим необходимым срочно возбудить ходатайство перед главкомом о включении третьей бригады 17-й дивизии в нашу группу; комбриг 3-й Васильев получил распоряжение о снятии бригады, 51-го и 20-го Украинского и переброске таковых в Лунинец, что оголяет наш фланг, где начинают скопляться серьезные силы противника. Вместо третьей бригады присылают 68-й полк, который по словам Васильева разбежится при первом пушечном выстреле. Необходимо сделать нажим на Ровно, это можно сделать бригадой Васильева, дав ей подкрепление".

Этого ходатайства не последовало.

9 марта штаб телеграфировал из Киева комфронту:

„Ввиду необходимости усилить резервы Киева, распорядился перевести кадр третьего полка погрохраны из Чернигова в Киев".

4 марта в Киев прибыл 10-й полк погрохраны. 10 марта 11-й погрохранный был выдвинут из Киева в Коростень.

17 марта из Киева сообщали: „15 м. противник прорвался со ст. Дудичи в район между Коростенем и Овручем. Одновременно противник развил сильное наступление на Коростень со стороны Новограда-Волынска. На Житомирском направлении идет бой в районе Калиновки. Красными войсками взяты 3 орудия".

Под нажимом противника части западной армии у Коростеня дрогнули. Устойчивее держался 11-й погрохранный полк. 17-го в поддержку был послан из Киева 21-й стрелковый полк.

Между тем наше наступление к югу развивалось.

Оперсводка Киевской группы к 18 час. 18 марта сообщала:

„Красными войсками взята Винница. На Вапнярском направлении в расположении Раскошевка и Куглич завязался упорный бой с вновь прибывшими войсками противника".

В Виннице взяты в плен 3 эшелона петлюровцев, четыре 152-*мм* и семь 76-*мм* орудий, много пулеметов, автоимущества, аэропланов (один „Илья Муромец“) и т. п.

(На Юго-западной железной дороге всего было захвачено 422 паровоза, из них 229 исправных.)

18 марта на Жмеринском направлении шел бой за переправу на р. Десне. В районе Винницы под м. Калиновка захвачены 4 орудия, 13 пулеметов, противник разбит „на-голову“.

Но Коростеньский нажим сказался. На наш запрос (из Харькова) командующий группой отвечал (19 марта):

„Для парализования успеха противника у Коростеня переброшен в район Коростеня двадцать первый полк с тысячью вольинцев; девятый полк с четвертой батареей перебрасывается к десятому, высланному из Бердичева на Изяславль; пятый кав. полк, высланный на Новоград-Волынск, усиливается прочими вольинцами. Из Киева высылается на Малин отряд в 300 человек коммунистов с броневиком. Для развития одержанного нами успеха в районе Винницы продолжаем дальнейшее наступление на Жмеринку“.

20 марта наши части взяли Жмеринку, захватив 100 пулеметов, 200 орудий, 5 000 винтовок; в Проскуровском направлении наша конница у Литина полностью пленила Черноморскую дивизию в составе 1-го, 2-го, 3-го и 4-го полков; со штабами взяты в плен— 1 генерал, 4 полковника, 1 200 солдат, 2 батареи, 60 пулеметов и все обозы дивизии, наши потери—1 убитый, 2 раненых; у противника до 500 убитых; в Ровенском направлении занята д. Мирополь.

21-го повстанцы заняли Могилев Подольский. Установив с ними связь, мы заняли дд. Седлище, Гнивань, Ильковка, Демидовка и Могилевка, взяв при этом 500 пленных.

К сожалению движение нашей конницы замедлилось из-за сильной распутицы, и основной массе петлюровцев удалось проскочить у Жмеринки в Галицию.

Одновременно неудержимо развивалось наступление левого крыла нашей Киевской группы, довершавшее окружение Запорожского корпуса петлюровцев у Вапнярки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Генеральное сражение. Контрнаступление противника на Киев. Сдерживаем петлюровцев в Коростеньском и Бердичевском направлениях, тесним их Вапнярскую группу.

Наступление противника на Коростень, обнаружившееся к 15 марта, не представлялось нам в Харькове серьезным. Директория не располагала значительными резервами. С целью отвлечь наше внимание от основного ядра войск Директории, зажимаемых нами в кольцо, в бой вводились части противника, сколоченные наспех в районе Дубно—Ровно. Поскольку борьба за Галицию продолжалась, она связывала лучшие части галичан. Мы знали о мирных переговорах между национальной галицийской радой и польским правительством. И знали следующее (по данным нашей военной и дипломатической разведки):

„В конце февраля украинцы повели весьма успешное наступление на Львов. В разгаре этого наступления в главную квартиру украинских войск приехала специальная миссия Антанты, которая потребовала немедленного прекращения украинскими войсками военных действий и заключения между украинцами и поляками перемирия с установлением демаркационной линии, существующей к моменту прекращения операций фронтовой линии.

Требование Антанты было исполнено, и в первых числах марта украинцы заключили с поляками 3-дневное перемирие. Во время этого перемирия французская военная миссия поставила украинской главной квартире непременным условием более продолжительную приостановку военных операций, очищение украинцами прилегающих ко Львову и Перемышлю частей Галиции.

Украинцы это требование отклоняли и возобновили операции против Львова. Тогда Антанта послала украинскому правительству ультиматум, в котором заявляет, что военные действия против поляков будет считать направленными против себя. В ответ на этот ультиматум национальная рада обратилась ко всем правительствам с нотой, в которой, избегая хода переговоров с Антантой, резко протестует против образа действий союзников, которые перешли, соблюдая интересы поляков, к успешному наступлению войск на Львов, а потом предъявили украинскому правительству совершенно невыполнимые, идущие вразрез с провозглашенным Вилсоном принципом само-

определения народов, требования. Однако переговоры с поляками продолжались.

Поляки, пользуясь тем, что Директории необходимо было оттянуть кое-какие силы с галицийского фронта на противосоветский, усилили свои требования в Галицийском вопросе. На последнем совещании представителей польского командования и галицийского народного секретариата, поляки требовали, чтобы демаркационная линия находилась за пределами городов Каменка, Струмилова, Львово, Дорогобыч. Целью поляков является—сохранить за ними эти места до разрешения галицийского вопроса на мирной конференции. Поляки также потребовали, чтобы до разрешения судьбы Галиции и Украины был приостановлен раздел земель, принадлежащих польским помещикам.

„Представители галицийского народного секретариата уклонялись от немедленного ответа. После переговоров со своими доверителями они заявили, что не могут принять эти требования. Тогда польское командование заявило о прекращении переговоров и возобновлении военных действий.

6 марта возобновились бои между поляками и украинцами под Львовом".

17 марта мы решили развить решительное наступление на Одессу. В этот день была послана в Киев следующая телеграмма:

„Решено наступать на Одессу. Киевской группе—заслон со стороны Галиции, выход к Днестру, занятие переправ от Могилева до Рыбницы включительно. Организация восстания в Бессарабии—заслон от Румынии, удар сильной группой—Кишенев—Бендеры—Тирасполь—Харьковской группе—сосредоточение Голта—Вознесенск, удар на Одессу. Под прикрытием частей, занимающих Христиновку—Умань, наступающих на Зятьковцы, остальные части второй дивизии перебрасываются самым экстренным порядком Ольвиополь—Вознесенск—в распоряжение Харьковской группы. Разграничительной линией с Харьковской группой, впредь до особого распоряжения: Гребенка—Золотоноша—Бобринская для вас исключительно, Шпола—Балта включительно вам. Впоследствии вся вторая дивизия отойдет к Харьковской группе. Озаботьтесь немедленно формированием Таращи—Канева—Звенигородки—частей, могущих закрепить очищаемые районы. 17 марта НР 405".

И тут же дополнительно:

„Киев, комгруппы Мациевскому. Прикрытие переброски первой бригады второй дивизии, согласно телеграммы 405 вовсе не требует приостановки наступательного движения второй ее бригады к линии Вапнярка—Кодыма—Балта".

Однако наступление противника на Коростень развивалось. Поступили сведения, что в этом районе противник действует силами до 5 пехотных полков, всего около 5000 штыков, 200 сабель, 18 орудий, 2 бронепоезда. Замечалось некоторое скопление неприятельских сил в районе Ровно и т. д.

Части западных армий, занимавшие Коростень, бежали, открыв дорогу к Киеву. В Киеве царила растерянность.

Пришли известия о состоявшемся будто бы по настоянию французов перемирии между галицийскими и польскими правительствами.

Бюро Украинской печати приводило даже следующие подробности: „1) перемирие заключается на 6 месяцев, по истечении срока которого должен быть заключен договор, 2) на время перемирия города Львов и Перемышль управляются на паритетных началах, 3) демаркационная линия проходит за пределами городов: Каменка, Струмилов, Львов, Дарогобыч, 4) украинская Директория обязуется принять совместное участие с французскими, польскими, греческими и добровольческими отрядами в борьбе с большевиками“.

12 марта польские войска были отозваны из Львова для направления их к Минску, так как ожидалось занятие Львова украинцами.

Таким образом разбитые нами „петлюровцы“ могли рассчитывать на значительные и численно и качественно подкрепления. Надо было торопиться с ликвидацией коростеньской авантюры петлюровцев.

19 февраля командукр запрашивал:

„Киев, Штаб, Мащилевскому, Щаденко. Почему не слышно о кав. бригаде. Почему она еще в Баре. Усильте нажим Новоград-Волынск“.

Дополнительно (20-го) указывалось:

„На № 48. Усиление Житомир-Коростеньской группы недостаточно. Необходимо усилить немедленно и сразу, а не мелкими частями: по меньшей мере еще одним полком, бронепоездом, одной батареей легкой и взводом тяжелой. Необходимо усилить в Новоград-Волынскую группу. Для этого можно ослабить Жмеринскую группу. Всем частям Запфронта у Коростеня передать, что они подчинены нам. Создать единство командования в этом пункте—рекомендуется Богенград. Тов. Мащилевскому и Щаденко следует лично наблюсти за Коростенем. Устроить заградительный отряд для расстрела дезертиров. Самое важное—единство командования“.

На следующий день отмечается:

„Необходимо не только ликвидировать Коростень, но и отбросить противника за ст. Рудню-Радовельскую и закрыть Овруч и весь район до Словечно. Рвите мосты в тылу противника, не дайте подойти к нему подкреплениям и уйти броневым“.

И начштабу Глаголеву (в Киев): „Настаивайте, чтоб в Киев было переведено не менее бригады из первой дивизии, именно в Киев, так как у них нет там никаких резервов. На смену первой дивизии может действовать вторая, выполнив соответствующую переброску“.

Тогда же было дано следующее указание:

„Противник в Коростене попадает в западню, если успеете закрепиться на р. Тетерев и перебросить первую дивизию с артиллерией ему во фланг. Примите самые решительные меры через т. Фуфянского и Хоботника, заведующего перевозкой войск для этой переброски. Вторая дивизия, отдельная бригада и кавбригада достаточны на остальном фронте“.

„Больше порядка в переброске войск и все будет хорошо. 23 или 24 буду у Вас“.

Ввиду явной неразберихи, царившей в Киеве, и растерянности командования, командукр выехал лично на этот фронт, вызвав начштаба Глаголева, который был оставлен заместителем в штабе фронта. Прибыв в Екатеринослав, командукр распорядился прицепить вагон к бронепоезду моряков (матрос Лепетенко) и с бронепоездом направился к Фастову. По дороге был оставлен инспектор пехоты для проверки частей бригады в Кременчуге. Лично Покусу в отмену всех прежних предписаний, приказывалось отбыть с частями в Фастов в распоряжение командукра. В Знаменке для проталкивания воинских эшелонов оставлен комендант штаба матрос т. Сыч.

Оперсводка Киевской группы к 10 час. 22 марта гласила:

„...В Короостеньском районе атака противника отбита, на Ровенском направлении красными войсками занята ст. Песчановка. К западу от Житомира на Новоград-Волынском шоссе вчера завязался бой...

При занятии ст. Песчановка красными войсками захвачены 3 орудия, 5 пулеметов. От Жмеринки наши броневики доходят на 25 *км* к Югу. На Коростеньском направлении при отбитии атаки противника, нами взяты 1 пулемет, на Вапнярском направлении наши войска вновь заняли Христиновку, в районе г. Житомира упорный бой продолжается“.

Инспекция бригады Покуса дала малоблагоприятные результаты. В бригаде за отбытием боевого 15-го полка к Вознесенску оставались 16-й полк (около 1 800 штыков) и кавдивизион (около 150 сабель). Дисциплина слаба, болезненно прошло влитие в полк погохранения из константиноградских повстанцев; один батальон пришлось расформировать „из-за бунтов“, многие разбежались в банды. Командный состав слаб, обученных не более половины. Обмундирование скверное.

Тем не менее Покусу приказано немедленно выступить в Фастов в распоряжение комфронта.

В ночь на 22 марта из Киева командукру по прямому докладывали: „Неприятель крупными силами повел наступление от Березовки на Житомир, наш 5-й кавалерийский полк и 1 000 волынских повстанцев отошли и укрепились в 5 *км* перед Житомиром. 21-й полк, подошедший к Житомиру, начинает разгружаться.

На Коростеньском направлении наши части остановились в районе ст. Ирша, паника среди них уменьшается. Прошу сделать распоряжение о погрузке и переброске в Киев третьего стрелкового полка. Положение в Овруче мне неизвестно. На Коростеньском наши части. Между Коростенем и Житомиром наших частей нет. Банда Соколовского находится в 15 *км* от Радомысла. Настроение в Киеве ничуть не изменилось, ибо положение фронта обывателям неизвестно“.

На это сообщение командукр отвечал с пути:

„Еду с броневым. Первую бригаду первой дивизии с артиллерией экстренно направьте через Киев в Коростень. Первую бригаду второй дивизии вытянуть к Казатину через Бердичев, Житомир, на Коростень“.

Кроме того с дороги был дан ряд телеграмм: „Смоленск, Зaпарм

Снесареву, копия Серпухов, Вацетису. Бригада 17, отброшенная к Малину, небоеспособна. Пути не были испорчены, мои резервы слабы, нажим от Житомира затруднен состоянием подвижного состава. Развейте удар Овруч—Коростень. Прошу ответа".

Главком ответил: „Операция от Житомира на Коростень, имеющая весьма важное значение для всего Киевского и Мозырского районов, не должна зависеть от состояния местного подвижного состава. Меры для развития удара Овруч—Коростень приняты".

Командукр указывал из Екатеринослава по прямому: „Киев, Штаб. Крайне важно держать переправы на шоссе от Киева на Житомир, особенно Ситняки, пока хотя бы крепкими заставами до подхода больших сил. Приказываю немедленно предпринять соответствующие меры, хотя бы за счет гарнизона. Перевозка подводами. Наступая от Житомира, надо развить удар через Радомысль во фланг противнику. Порвали ли мосты на Тетереве и других реках. У нас ли Радомысль. В Киев надо направить то, что скорее дойдет" (22 марта 13 ч. 30 м.).

Тов. Щаденко немедленно ответил из Киева:

„Шоссе к Радомыслю, вследствие большой грязи, не представляется возможным проехать на грузовиках. К тому же посылать нечего—пограничная дивизия пополнилась ахтырцами, которые весьма недоброжелательно настроены по отношению к советской власти. Посылайте скорей немедленно бронепоезда".

Ответ Щаденки настиг командукра в пути у Знаменки. Тотчас же была отправлена телеграмма в штаб Скачко, копия Дыбенко в Александровке, с категорическим приказанием самым спешным порядком выслать в Фастов—Киев бронепоезд „Грозный"; указывалось, что за малейшее промедление последует предание суду.

В Тальное (штаб Ленговского) Барабашу было сообщено, что Жмеринка занята, но противник теснит нас от Коростени; предписывалось немедленно направить в Казатин 1-ю бригаду, которая затем будет действовать по указанию комгруппы, и указывалась главная задача—держа постоянную связь со штабом Скачко и Ткаченко, покончить с Вапнярской группой противника.

Клещи, в которые попал Запорожский корпус петлюровцев, неумолимо сжимались. Мы не дали себя отвлечь целиком к Киеву.

Оперсводка штаба 2-й дивизии от 21 марта сообщала о подходе на Вапнярском направлении наших частей к ст. Христиновка и о нахождении главных сил противника между ст. Роскошевка—Кублич, откуда противник собирается нанести решительный удар на разъезд Севастьяновку и ст. Христиновку. Сводка сообщала также об усиленной деятельности наших разведывательных частей в районе Голта—Каменный мост.

С дороги командукр отдал распоряжение в Киев в штаб группы (22 марта) немедленно приготовить в Фастове продовольствия на 3 000 человек и фуража на 700 лошадей.

Утром 23-го комадукр прибыл с бронепоездом в Фастов, и отсюда в Киев, в штаб группы, было отдано распоряжение предупредить

командира Коростеньского участка, что в его распоряжение через Боярки пойдет бронепоезд № 8 с 475-*мм* орудиями; выслать представителя. Далее командукр сообщал, что следом за ним идут части 2-й отдельной бригады—16-й полк, кавдивизион и батарея, которые он предполагает двинуть к Брусилову для действий в связи с Коростеньской группой. Извещая о своем отъезде в Киев, командукр запрашивал об остановке в Виннице, в Радомысле и в Ситниках.

В ответ было донесено: „В Чернигов прибыли 2 роты добровольцев. В Бердичев направлен 21-й полк и оттуда к Житомиру... Под Коростенем положение серьезно — наши бегут, нет надежды, что удержат Иршу.

„Мост через реку Тетерев загроможден битыми вагонами. Петлюровцы частью переправились через реку на нашу стоону и находятся в 5 *км* от ст. Тетерев и д. Мигалки. Рота коммунистического полка, отказавшись исполнить приказ нач. боевого участка—выступить на фронт, погрузилась в тот самый эшелон, в котором приехала и уехала в Киев; отряд Струка при первых выстрелах неприятеля разбежался и неизвестно где находится. Три броневика испортились. Ахтырцы, посланные в 11-й полк, занялись агитацией... Оставлен Житомир... в Бердичеве—части 9-го и 21-го полков устроили погром“.

Немедленно командиру бронепоезда Иванову было приказано направляться с поездом через соединительную ветку с поста Волынского на ст. Бородянка в распоряжение командующего участком т. Богенгарда.

Кроме того был издан следующий приказ:

„ПРИКАЗ ПО ФРОНТУ.

Советские украинские войска! Сыны трудовой Украины!

Тяжким путем вы прошли, и это был путь победы, славы. Вы разбивали цепи народа. Народ Украины вас благословил. Народ Украины гордился вами, как лучшим сыном счастливая мать. Вы несли свободу, вы несли правду и порядок. Никаким темным делом вы не пятнали своих рук, своего знамени, своей чести. И враг был разбит, бежал перед вами. Не смог он сломить нас в открытом бою. Захотел изнутри подорвать нашу силу, превратить советские войска—гордость трудового народа—в разбойную банду. В нашу красную семью ввел он своих подлых слуг. Наводил на пьянство, на грабеж, на погромы наши войска. Но срывается обычно их подлая работа. Провокаторов-подлецов мы ловили. Мы их уничтожали.

И только теперь, в частях, занимавших Бердичев, им удалась их подлая затея. Удалось натравить солдат Красной армии на грабеж, на дикое насилие над беззащитными жителями-евреями. Подлое дело совершено. Опозорена Красная армия. Подорвана боевая сила одной ее части.

Дурную траву из поля вон. Долой шкурников-бегунов. Долой из жизни предателей.

Приказываю Революционному трибуналу армии произвести немедленно расследования. Весь командный состав участвовавших в бесчинствах частей объявляется под судом. Поименные списки этих частей представить мне. Полки должны сами выдать суду провокаторов, предателей, подстрекающих

к пьянству и погромам. Полки должны искупить свою великую вину перед трудовой Украиной.

Вперед—в бой. На смерть, на победу.

Иначе—вы не наши. На черный лист вас. Будет проклято, покрыто позором имя ваше по всей Украине. И в вашем родном селе скажут „прочь гады, предатели, прочь".

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и отдельных командах.

Командующий Украинскими Советскими войсками Антонов.
23 марта 1919 г. № 500".

О том, каким образом происходила сдача нами Житомира, рассказывает доклад Волынского губвоенкома (от 24/III).

19 марта в городе паника вследствие отступления обоза и одного из эскадронов 5-го кавалерийского полка через весь город на Бердичевское шоссе. Население толпами устремилось следом за обозом и эскадроном. Панике содействовали гражданские советские организации, особенно ЧК и ревком. Председатель ревкома, без моего ведома и согласия, распорядился снять все караулы резерва милиции. Остались без охраны казначейство, телеграф, почта, народный банк и т. п. Рядом энергичных мер паника была остановлена. Для поднятия настроения пропущен с музыкой по улицам I батальон полка при губвоенкоме и выпущена летучка о победе, одержанной нашими войсками под Одессой, Винницей и Жмеринкой. На фронт брошены до ста петлюровцев из резерва милиции и столько же красноармейцев полка при губвоенкоме, остальные что были—на охрану вокзала. К десяти часам вечера—в городе части отступающего 5-го кав. полка. Все советские организации уже в эшелонах. Выяснив, что 21-й полк, ожидавшийся в подкрепление, не прибудет и город неминуемо будет сдан, а также, получив известие от посланной мною разведки о неприятельских разъездах на окраине города и об обстреле отступавших частей на Бердичевском шоссе, к половине пятого я, сняв телеграфные аппараты и забрав с собой до тридцати еще оставшихся красноармейцев, отбыл на станцию Бердичев. В Бердичеве мне пришлось наблюдать разгром чрезвычайной комиссии и ревкома, эвакуировавшихся из Житомира, а также погром еврейского населения города частями 21-го и 9-го полков. Никакой политической работы в действующих частей и на территории Волынской губернии по моим наблюдениям не велось. Об этом я своевременно сообщал в Цека партии, в окружное агитационно-просветительное управление и в Киевский комитет партии.

Впоследствии по докладу военной и чрезвычайной следственной комиссии командующий Украинским фронтом приказал (1 апреля):

„Командующему первой армии тов. Мацилецкому.

I.

Предать суду Трибунала командира 5-го кавалерийского полка Цупчика-Орлова и комиссара этого полка Зирберблата для расследования их действий в Бердичеве и в Житомире, получив необходимые материалы от чрез-

вычайной следственной комиссии ЦИК по расследованию действий войск района Житомир—Бердичев (члены комиссии Хмельницкий, Шубин, Слинько и Докар-Запольский).

II.

Предать суду Трибунала командный состав 9-го и 21-го полков за контрреволюционные деяния, выразившиеся в содействии разгрому житомирского ревкома и ЧК. (Материалы получить у чрезвычайной следственной комиссии при ЦИК.)

III.

Предать суду Трибунала лиц, виновных в том, что комендантская сотня Вознако целиком была влита в 9-й полк.

IV.

Выяснить вопрос о неотдаче приказа штабом стрелковой бригады о поддержке 5-го кавалерийского полка, оборонявшего Житомир.

V.

Расследовать факты отказа в приеме евреев в Красную армию и виновных предать суду Трибунала (известны такие случаи в Таращанском и 5-м кавалерийских полках)".

Вечером 23 февраля командукр прибыл в Киев. Выяснилась крайняя небоеспособность Коростеньского отряда, отсутствие сколько-нибудь способных частей под рукою и главное чрезмерная загруженность путей, которая делает невозможной какие-либо своевременные переброски подкреплений. Командукр сместил киевского начвосо, назначив энергичного инженера Сорокина.

В Серпухов главкому Вацетису и в Москву предреввоенсовета было доложено: „Части запарм разбегаются. Комбриг Васильев в отпуску. Новый никуда не годен. Погрохранная бригада недоформированная, едва держится 60 *км* от Киева. Вчера потерян Житомир. Железнодорожная неурядица. Крайние меры принимаются Румыны сосредоточили до двух дивизий от Могилева до Тирасполя. В тылу у них восстание, лишающее их пока наступательной силы. Еще раз настаиваю—передайте нам кадры третьей дивизии. Предпишите зап. арм. действовать на Овруч, вернуть экстренно Васильева в бригаду. Опасность Киеву ликвидировать надеемся скоро. 23/III—19 г.".

Вслед за этим через 2 часа дана телеграмма Раковскому:

„Прошу немедленно подтвердить по линиям ж. д., что распоряжения мои о пропуске воинских эшелонов экстренным порядком должны безоговорочно исполняться. Дороги объявлены на военном положении. Жел.-дорожники должны принимать все меры к скорейшему проталкиванию воинских поездов. Я сместил З. Фуфянского, назначив инженера Сорокина с исключительными полномочиями с правом отдачи

предписаний всем комендантам, минуя отдел военных сообщений округа, который все тормозит. Враг в 40 *км* от Киева. Наши подкрепления застряли в эшелонах на жел. дорогах. Из-за этого Киев может быть сдан".

Ряд телеграмм посылается в Екатеринослав,—Скачко в Знаменку—Сычу и штабу 2-й дивизии—о решительных мерах к проталкиванию эшелонов, застрявших в Цветково (нет, мол, паровозов, угля и т. д.).

На телеграмму командукра (458) штаб 1-й дивизии отвечал из Винницы, что к Киеву выслан лучший полк дивизии—1-й и высылается 4-й.

Ознакомившись с положением, командукр предписал в Киеве командующему группой:

„Общее положение требует более решительных мер, чем предпринято Вами. Необходимо, помимо закрепления на реке Здвиж: 1) оттянуть все силы от Шепетовского направления к Чуднову; 2) закрепиться у Житомира; 3) мобилизовать все перевозочные средства в Житомире, ударить через Коростышев и Радомысль во фланг противнику; 4) одновременно броневой с прикрытием выслать от Житомира для закрепления узла; 5) для усиления удара необходимы еще силы помимо вызванных Вами в Киев".

Сводка группы 23 марта гласила:

„В Коростеньском направлении отбиты атаки противника с бронепоездом у ст. Иртыша, нами захвачен пулемет. Упорный бой—в 3 *км* севернее Житомира, противник обстреливает город артиллерийским огнем. На Новоград-Волынском направлении, в районе ст. Березовка, наступление сдерживается нашим 21-м Волынским пех. и 5-м кав. полками. К Бердичеву подтягивается 9-й полк. Близ Печановки в 10 *км* к ю.-в. от Мирополя мы взяли 3 орудия и 5 пулеметов. От Жмеринки наши броневики доходят на 25 *км* к югу. На Вапнярском направлении мы вновь заняли ст. Христиновку".

Видя, что кавалерия наша бездействует (в Баре), командукр решил поручить командование ею исполнительному и толковому т. Барабашу (нач. штаба 2-й дивизии). Но Барабаш был занят серьезной работой по ликвидации Вапнярской группы противника и с его новым назначением пришлось повременить.

24 марта поступил ряд новых тревожных сообщений. С Запфронта отбито наступление на Овруч нашей бригады, которая отошла к Ельску в 25 *км* к югу от Мозыря в расстроенном состоянии. Из Бородянки мы отступили от м. Тетерев; бронепоезд № 8 потерял в бою площадку: в нее попал неприятельский снаряд, стали взрываться свои снаряды, пришлось площадку отцепить. Особое расследование подтвердило впоследствии это сообщение и геройское поведение моряков. Бронепоезд остался в строю и отбил через некоторое время не только свою искалеченную площадку, но и неприятельский броневой. Однако на ряду с этим поступали сообщения иного характера. На Волчанском направлении занята Деражня—взяты нами 20 пулеметов.

И неожиданное подкрепление из Жмеринки сообщало о неожи-

данном прибытии из Могилева Подольского, с рекомендацией от ревкома отряда в 100 летчиков, с 7 исправными самолетами... Их отправили в Киев. Туда же был направлен бронепоезд „Грозный" и отдельный кавполк, шедший в авангарде „бригады" Покуса. Этот полк был передан в распоряжение командира Киевской группой.

Комбриг Тимофеев (из Западной армии), бригада которого проявила собою настойчивость под Коростенем, получил строгое внушение.

Командующему группой было приказано усилить Бердичевскую группу 3-м, 5-м и 6-м полками, а 4-му полку до выяснения обстановки задержаться в Казатине[1].

24 марта по Киевской группе был отдан приказ № 7, в котором сообщалось о продолжавшемся наступлении противника со стороны Коростеня и в районе Житомира и о частичном отступлении в юго-западном направлении разбитого в районе Винницы противника. Этим приказом войска группы были разделены на 5 участков: Коростеньский участок т. Квятка, получивший задачу—занятие Коростеньского железнодорожного узла; Житомирский участок для Житомирской подгруппы—занятие Житомира и наступление на Коростень, а Шепетовский занятие Шепетовки и закрепление на р. Случ; Винницкий участок т. Шорс с задачей наступать для занятия Проскурова, Якмолинец, Каменец и р. Днестр; Уманский участок, части которого должны были взять ст. Вапнярку и Бирзулу; и наконец резерв группы—3-я пограничная дивизия, расположенная в Киеве, которой была дана задача подготовить оборону города со стороны Коростеня, Житомира и Казатина.

При этом распределении частей группы не учитывалась подходившая бригада Покуса, в частности полк, выгрузившийся в Киеве. Этот полк получил от командующего группой особое задание—немедленно выгрузиться и выдвинуться на линию Фастова (Киево-Брестское шоссе)—Паливайкова, северо-западнее Макарова, ведя разведку в сторону деревень Королевки—Комаровки. Командиру полка было сообщено, что наши части (400—500 штыков) советского полка 1-й дивизии и 300 штыков 12-го пограничного полка находятся в Кочерево по Киево-Брестскому шоссе.

Для поднятия боевого настроения наших частей на важнейшие направления были посланы группы агитаторов во главе с наркомами: т. Мещеряков (наркомзем) по шоссе на Житомир, т. Хмельницкий (наркомюст) в Казатин—Бердичев, т. Земит (наркомпрод)—в Умань. Лично Н. И. Подвойский отправился в Бородянку (Коростеньское направление). Земит, занятый на работе по снабжению Киевской группы, скоро был заменен т. Стриевским.

В результате мобилизации рабочих, произведенной в Киеве, в распоряжение Киевской группы было передано около тысячи человек.

---

[1] Вопреки этому приказу 3-й полк был направлен (членом РВС т. Щаденко) к Вапнярке, а 4-й втянут на Коростень. И то и другое совершенно не вызывалось обстановкой.

Для создания автоколонны по переброске воинских частей по Житомирскому шоссе даны исключительные полномочия начальнику инженеров Курдюмову.

Большое беспокойство вызвало состояние охраны мостов в Киеве. Выяснилось, что в управлении инженеров ничего неизвестно о состоянии Трактомировского (недостроен) и Каневского мостов; Переяславский был взорван на протяжении 35 саженей во время ледохода.

Поэтому принимались меры к скорейшему выходу речной флотилии для охраны мостов. Ее командир матрос Полупанов, блестяще действовавший в прошлом году против немцев (см. 2-й том „Записок"), работал крайне энергично не только по созданию флотилии, но и охране мостов.

25 марта комфронта приказал командующему Киевской группой:

„Немедленно назначить расследование о позорном поведении некоторых частей 151-го, 20-го, 11-го погрохр. и коммунистического полков. Затребовать немедленно поименные списки красноармейцев этих полков и... о всех не найденных в списках затребовать объяснений от их непосредственных начальников и поступать соответственно с этим расследованием; выясненных дезертиров списки представить мне, местным военным властям в Чревком, объявить немедленно в приказе по армии, что ушедшим с фронта предлагается в течение суток представиться в часть, не представившиеся будут рассматриваться как предатели. Дается Вам на это 3 суток".

Одновременно был сделан запрос коменданту Киева т. Немцову, какие меры им приняты к изловлению дезертиров с фронта. Немцов отвечал, что для поимки дезертиров Губвоенкомом послано две роты с пулеметами.

Был также запрошен командующий группой, почему части группы еще не заняли Тетерев и каково положение на Житомирском шоссе.

Врид командующего группой Худяков в ответ прислал копию приказа № 8 от 25 марта, которым создавалась группа для занятия Житомира в составе 16-го стрелкового полка, кавалерийского дивизиона и броневиков под командой т. Тимченко; группа, сосредоточившись у Коростышева, должна немедленно перейти в наступление на Житомир.

В это время т. Подвойский, лично ознакомившись с обстановкой, сообщал со ст. Бородянка, что там находится командующий группой, которому подчинены 11-й пограничный, Богунский, 151-й полки, 2 легких батареи, 2 бронепоезда. Противник, по сообщению Подвойского, обнаружен в районе Потешня, Новая Буда и Майдановка; командующий группой предполагает, заняв 25 марта исходное положение, 26 начать наступление вдоль железной дороги.

По не особенно точным сведениям противник имел около 3 000 штыков, 500 сабель, 30 пулеметов, 2 бронепоезда и бронеплощадку с орудиями. Инструктор разведки Москаленко сообщал, что противник малочислен, но действует смелыми обходами наших флангов.

К 25 марта положение у Коростеня настолько упрочилось, что в ответ на запрос (из Серпухова): ввиду непосредственной угрозы

Киеву со стороны Коростеня, какие меры принимаются нами, мы телеграфировали, что противник держится только бронепоездами и неустойчивостью Западного фронта; к Киеву стянуты подкрепления—бригада с артиллерией, бронепоезд; мы перешли в наступление на Житомир и Коростень, и вся опасность устранена.

Под Коростенем мы чувствовали себя прочно. Но под Бердичевом положение ухудшалось. Тов. Бабин сообщал (21 час. 25 марта): „Нужно немедленно выслать в мое распоряжение 20 пулеметов, сколько можно патронов, 500 винтовок. В Фастове находится броневая площадка, которую беру. В Казатине стоит 6-й стрелковый и 4 орудия; нужно двинуть крайне спешно. 5-й кав. полк навел панику, сидит в эшелоне. В сторону Житомира положение неустойчиво. В стороне Шепетовки Волынский полк остался в составе 130 человек. Участок держит 10-й полк. Силы наступают крупные".

В ответ указывалось:

„Тов. Худяков разрешает Вам взять все, что есть в Казатине. Приказ Казатину одновременно послан. Запрос про „Грозный". Хорошо, подтолкнем. Имейте связь с соседями справа, она скоро Вам понадобится. „Гром" отбыл на фронт".

Между тем наступление в Вапнярке продолжалось безостановочно.

Оперативная сводка 2-й дивизии 25 марта к 20 час. сообщала о бегстве в направлении к Гайсину противника, разбитого нами у Гранова и Китайгорода, и о нашем продолжавшемся наступлении на ст. Любашевка.

Однако в Харькове нервничали. Начштаба фронта неожиданно приказал 1-й кавалерийской дивизии, формировавшейся в Полтаве, немедленно отправляться в Киев. Командукр отменил это распоряжение, предложив т. Беленковичу оставаться в Полтаве—Кременчуг для формирования кавалерийской дивизии.

Однако часть конников (до 300 сабель) собралась в Киев...

Громадная организационная работа (по снабжению, учету и т. д.) проделывалась в Киеве.

Инспекция расположенных в Киеве частей выяснила: 1) 13-й погранполк в составе одного лишь батальона (582 чел.); влитое в него пополнение (450 чел.) из б. Ахтырского полка освоено; командный состав на высоте; нет времени для занятий—все караулы; пулеметов в полку всего 1; нехватка обуви и обмундирования. 2) I Киевский запасный батальон (320 чел.); из-за караульной службы почти не ведет занятий; нет ни программ, ни систематического расписания; недостает обуви и обмундирования. 3) II Киевский запасной батальон—всего 18 чел. 4) I Советский украинский инженерный батальон—с 6 марта ничего не сделано (всего 250 чел., по штату 1 235); отдельными партиями раздерган и списочный состав. 5) 12-й пограничный полк—800 штыков, конная разведка 18 сабель, 2 пулемета; нет лошадей, двуколок, плохо с обмундированием. 6) 8-й и 9-й полки 4-й стрелковой дивизии—начальной стадии формирования. В 8-м—130 красноармейцев и 56 инструкторов, 27 винтовок; в 9-м—31 инструктор и 158 красноармейцев, винтовок 69. Имущества—почти нет.

Ввиду такого состояния гарнизона Киева, мы вопреки указаниям главкома вызвали из Черниговщины формировавшуюся там бригаду 3-й стрелковой дивизии. Она была крайне неорганизована. Переброска ее в Киев тормозилась отсутствием подвижного состава. Последний был подан частью только в ночь на 25-е.

Кроме того в Киев вызван из Конотопа 15-й погранполк и из Курска—свободный батальон Губвоенкома.

Благоприятные сведения поступили о бронепоездах „Рудневе" и „Ворошилове", изготовленных для нас в Луганске: „Руднев" отправится сегодня вечером, у него нехватает двух орудий и 12 пулеметов. „Ворошилов" же получает здесь недостающие орудия".

Среди горячей оперативной и организационной работы неожиданно было получено такое шершавое послание:

„Луганск 25 марта № 00178. Я нахожу странным, чреватым роковыми последствиями вашу систему не осведомлять председателя укрправительства об общем стратегическом положении. Я с удивлением совсем случайно узнал, что Киев в опасности. Его падение было бы сильным политическим и стратегическим ударом. Между тем 13-я армия без затруднения могла бы дать значительные подкрепления, если, будучи осведомлен, я просил бы об этом Москву. Предлагаю вам осведомить и впредь осведомлять меня регулярно. № 148. Предсовнаркома Раковский".

(Следует отметить это заявление о переизбытке сил у 13-й армии, сражавшейся в Донбассе...).

На этот упрек командукр ответил: „Констатирую, когда бывал в Харькове, почти ежедневно делал доклад Вам. Киев был в опасности из-за неожиданной паники, охватившей западную армию, сдавшей Коростень и два броневых, передавшейся на коммунистический полк. Я был уверен, что тов. Подвойский Вам сообщил сделанный мною доклад и представил переданные ему схемы в Ваше отсутствие. До получения этой Вашей телеграммы Вам вчера послана телеграммой копия доклада главкому. Подкреплений из Донбассейна брать не надо, положение вполне устойчиво. К Киеву и Бердичеву стянуты большие силы, ведем наступление; только надо спасать зап. фронт, и все, что нам надо—это кадры третьей и девятой дивизий. Вы знаете как я добиваюсь этого и не могу добиться. Телеграмма подробная Вам была послана на Харьков. Самые точные дополнительные сведения будут посылаться регулярно. ПР 503/лк.".

25 марта командукр издал следующий приказ:

„Между поляками и петлюровцами заключено перемирие. Установлена разграничительная линия по р. Стоходу. Поляки наступают на Барановичи, галицийские части переброшены на наш фронт и ведут наступление от Коростеня к Киеву, от Шепетовки к Бердичеву. Подкрепления к ним подходят из Галиции. Румынские войска охраняют переправы на Днестре, выдвинув дивизию от Бендер до Раздельной. Возможно также их сосредоточение у Рыбницы. Союзники решили защищать Одессу и наступают по ж. д. на Березовку, возможно их движение к Березовке от Раздельной. К Крыму

добровольцы спешно укрепляют Перекоп и Сивашский Мост. В Донецком бассейне противник с трудом обороняется.

Наша западная армия взяла обратно Барановичи, закрепилась у Мозыря и Лунинца. Армия Южного фронта сдавливает противника, потеснив глубоко его центр между Добальцево и Штеровка.

Приказываю:

1. Все вверенные мне войсковые части разбиваются на три группы: Киевского, Одесского и Харьковского направлений.

2. Разграничительными линиями являются—между Киевской и Одесской: Гребенка—Черкасы—Цветково—Балта включительно для первой, между Одесской и Харьковской: Миргород—Кременчуг—Александрия — Николаев включительно для первой.

3. В состав Киевской группы входят: первая и вторая советские Украинские дивизии, первая отдельная пехотная бригада, отдельная кавбригада, 11, 12, 13 и 15 погрохранные полки, временно из состава запарм. 151 стр. и 20 укр. пех. полки, 58 ж.-д. полк и бронепоезда моряков № 10 и „Грозный", 16 сов. укр. полк, кавдивизион и полубатарея 2 отд. бригады.

4. В состав Одесской группы входят: отдельная бригада Богунского[1], первый сводный полк, 15 укр. сов. полк и 2 батареи, 2 отд. бригады, первая бригада Задпепровской дивизии и Вознесенский полк.

5. В состав Харьковской группы входят: отдельная Крымская бригада, вторая бригада Задпепровской дивизии.

6. Командующим Киевской группой утверждается Мациленкий, Одесской—назначается тов. Худяков, Харьковской остается тов. Скачко.

7. Штаб группы Одесского направления должен быть помещен в Елисаветграде.

8. Киевской группе приказываю, прочно обеспечив свой правый фланг занятием Коростеня, сломить сопротивление противника у Бердичева, прикрываясь отрядом бессарабских повстанцев со стороны румын, занять Проскуров и действовать в зависимости от обстановки на Тарнополь или Шепетовку.

9. Одесской группе—разбить противника на путях к Одессе, занять Одессу и переправы по Днестру до Рыбницы включительно.

10. Харьковской группе, овладев Сивашским мостом, обеспечить за собою подступы к Крыму, перебросить все освободившиеся силы в Одесское направление, расчистить свой тыл от разбойничьих банд, держать тесную связь с XIII армией".

В это время неожиданно поступает идущая вразрез с нашими планами директива главкома от 26 марта.

„Общее положение в районе Киева—Мозырь для нас за последние дни сложилось неблагоприятно. Противник непосредственно угрожает Киеву, находясь от него всего в сорока *км.* Части восьмой

---

[1] Отдельная бригада Богунского образовалась из повстанцев Черкасского района и доставила нам много хлопот и беспокойства. Отдельная Крымская бригада организовалась в Херсоне; в ее состав вошли один из «полков», который нам удалось оттянуть от Григорьева, полк имени Шевченко из полтавских повстанцев и местные формирования. — *А. О.*

дивизии запармии, находившейся южнее Мозыря, проявляют неустойчивость, которая перекинулась в Гомель, где вспыхнуло восстание. Таким образом противник может сосредоточить все свои силы для действий против Киева, не опасаясь за свой левый фланг со стороны Мозыря вследствие неустойчивости наших частей. Главком приказал принять самые энергичные и решительные меры, не останавливаясь ни перед какими репрессиями, для наведения порядка в восьмой дивизии и немедленно двинуть все боеспособные части в направлении Коростеня в тыл противника, действующего на Киев“.

Несмотря на восстание в Гомеле, странное поведение частей Богунского в Переяславле, появление атамана Ангела в Черниговщине, Струка у Радомысля, Зеленого в Триполье и сомкнувшееся вокруг Киева кольцо восстаний, мы все же решаем бить прежде всего по основному врагу—так как его поражение явится концом и всех этих местных партизанских натисков. Однако создавшийся внутренний фронт все же оттягивает некоторые наши местные части.

Наконец 26 февраля, оставив кавалерийский дивизион своей бригады (417 сабель) в Фастове, т. Покус прибыл под Киев с 16-м стрелковым полком (1 098 штыков) и артвзводом (2 орудия). Он был направлен к Житомиру по Святошинскому шоссе, по которому еще 24-го выступил особый кавалерийский полк.

Приходилось чистить штаб...

25 марта командующий группой докладывал:

„Доношу, что из представленных фотографических карточек начальником разведки вверенной мне группы на одной карточке, где снят весь личный состав штаба гетмана Скоропадского, мною опознан полковник Басков, ныне занимающий должность помощника начальника оперативного управления вверенного вам штаба, который был рекомендован на означенную должность начальником штаба фронта тов. Глаголевым“.

Басков был по суду расстрелян.

Положение под Коростенем по вступлении в дело богунцев сразу улучшилось.

26-го в 21 час из Бородянки сообщали о занятии Тетерева и о продолжающемся нашем наступлении, причем захвачено 40 пленных и значительное количество винтовок, пулеметов и т. п. Упоминалось о геройском подвиге красноармейцев, потушивших мост через Тетерев, зажженный противником, и о действиях нашего броневика, который, перейдя мост, гонит броневик противника. Здесь же сообщалось, что везде по селам объявлена мобилизация до 36 лет.

28 марта поступил письменный доклад о Коростеньской операции командира 11-го пограничного полка, затем командующего Коростеньским участком т. Богенгарда. Прежде всего доклад отмечает, что 11-й пограничный полк не был доформирован и обучен, так как он бессменно нес в Киеве караульную службу. По прибытии на фронт полк был перепутан с деморализованными частями других полков. На фронте общего планомерного командования не было. Отсутствовала связь. 20 марта подошел в подкрепление I батальон Ахтырского

полка, большая часть которого разбежалась в первом бою. Присланная 22 марта рота 1-го Киевского комполка внесла только дезорганизацию и постыдно бежала. Ощущался острый недостаток патронов, необеспеченность флангов и отсутствие кавалерии. Противник действовал обходами и провокацией.

Тем не менее 11-й пограничный полк вел себя спокойно и потерял только один разбитый пулемет. Он отступил последним после отхода 151-го и 20-го полков. В полку оставалось 400 штыков при трех пулеметах.

Представитель группы коммунистов на Коростеньском участке т. Дейч дополнил этот доклад, указав от имени этой группы, что виновником Коростеньского поражения являются: 1) нынешний командующий состав 3-й бригады, который своевременно не принял мер к подвозу подкреплений; 2) дезорганизованные 151-й полк и отряд Струка, всегда тянувшего к отступлению, и систематическое невыполнение ими приказа; 3) слабость живой силы и техники 11-го пограничного полка, который несколько раз оставался без патронов; бойцы разуты и по нескольку дней сидели без пищи. На ряду с этим приводились интересные сведения о настроениях деревни: „Крестьяне совершенно не знают, что эти войска—большевики", для них большевики—это звери, грабители, китайцы, петлюровские агенты, и бесчисленное количество петлюровских летучек сбивают их с толку.

Успешности петлюровской организации способствовали такие части, как отряд Струка. „В некоторых деревнях крестьяне вначале дрались против нас, а когда мы собрали сход и разъяснили, кто мы такие, то сразу изменилось к нам отношение".

В свою очередь командир 3-й бригады 17-й стрелковой дивизии объяснил небоевое настроение в 151-м и 20-м полках тем, что этим полкам еще к 7—10 марта была обещана смена. Войска до этого бессменно 2 месяца находились в боях, плохо обмундированы и снабжены. В Овруче имелась лишь незначительная команда для охраны мостов. Резервов до Гомеля—никаких. Предполагавшийся в Мозыре штаб 17-й дивизии в действительности пребывал в Бобруйске.

Выяснилось также: 1) что с самого занятия Коростеня, никто из штаба Киевской группы в Коростень не заглядывал; 2) живой связи с какими-нибудь частями Коростеньская группа не имела; 3) 152-й полк с самого выхода на фронт был взят во 2-ю бригаду, а 153-й полк переброшен в конце февраля из Коростеня в Гомель; между тем как Киевская группа об этом ослаблении Коростеньского отряда ничего не знала. (Только 10 марта в ее штаб явился представитель от штаба 3-й бригады 17-й дивизии.)

На стороне противника действовали—3 бронепоезда, 2 тяжелых и 4 легких орудия, 6 пехотных полков (Франковский, Наливайковский, 4-й Волынский, 5-й Галицийский и Стрелецкий). Позднее подошли еще два эшелона кавалерии. В Овручском направлении находилось до 600 чел.

Под Коростенем положение было устойчиво и только под Бер-

дичевом неблагополучно. Предписывалось двинуть к нему полк таращанцев.

Ввиду растерянности, обнаруженной командующим Житомирским участком, т. Бабиным, последний был смещен и заменен начдивом т. Щорсом. Об этом сообщалось т. Подвойскому: „Прилагая копию разговора с т. Бабиным, сообщаю, что за допущение ухода с позиции 10-го полка и обнаружившуюся растерянность Бабин, по моему указанию, смещен комгруппой. Назначен на его место начдив I Щорс".

„Под Коростенем положение великолепное. Под Бердичевым идет упорный бой. Туда выехал комгруппы. Наши части по шоссе достигли Коростышева. В районе Василькова положение не вполне выяснено. Вблизи него объявился Зеленый с 600 чел. В окрестности Александровки банды анархистов, объединившись, разбили небольшой высланный Дыбенко отряд. Надо нажать на Харьковский окрвоенком, чтобы принял меры. К Гомелю двинуты силы из Чернигова с броневиками, 2 орудия".

Впоследствии Бабин представил объяснение о своем поведении, пытаясь полностью реабилитировать себя.

Но непосредственные наблюдатели работы т. Бабина и приведенные выше документы свидетельствовали, однако, об изрядной растерянности этого в общем толкового работника.

Отметив правильность некоторых указаний т. Бабина и его способности как начштаба, комфронт предложил ему пост начштаба Одесской группы. Бабин отказался (после работал в штабе фронта.)

Пришлось также попрекнуть т. Хмельницкого за распространение открытой телеграммой панических слухов: „Не пристало давать телеграфом панических сообщений. Удивлен, что Вы не в Бердичеве. Сил наших там архидостаточно, только мужества у руководителей маловато. 27 марта".

Тов. Хмельницкий отвечал и опять-таки не шифруя:

„...Известия, которые вы называете паническими, представляют точную оперативную сводку штаба Житомирской группы, переданную мне начштабом Ангуладзе по проводу и много смягченную. То же относится к затребованным мною подкреплениям. В Бердичеве был, приняв нужные меры водворения порядка, успокоения и поднятия настроения, выехал в Казатин непосредственно руководить переброской войск и грузов. Сегодня в 3 часа дня выеду в Бердичев и, если не возникнет срочная необходимость, подтвержденная штабом Житомирской группы, останусь в Казатине. Независимо от изложенного в полном согласии со штабом группы войск настаиваю на срочной присылке подкреплений, затребованных мною по проводу от Реввоенсовета в ночь с 26-го на 27-е марта. Шлите немедленно патроны".

Тов. Хмельницкий, вернувшись из командировки, привел следующий рассказ о Бердичевском действии:

„25 марта к вечеру прибыл в Бердичев. Положение как перед эвакуацией. В военкомате картина полного беспорядка, полного хаоса. Туда явилась депутация Волынского полка, который вследствие

недостатка снабжения на позиции пришел в состояние полного разложения. С величайшими усилиями нам все-таки удалось его уломать. На Житомирском направлении всегда было неплохо: там стояли 9-й и 21-й полки, но незадолго до взятия Житомира они без достаточной причины дрогнули и отошли. Петлюровские войска в 12 *км* от города. В городе началась паника. Я распорядился собрать солдат, чтобы они не расхаживали по городу и не усиливали панику. Мы устроили митинг, и настроение чуть-чуть поднялось. Вдруг получено было сообщение о том, что разбивают тюрьму хулиганы 9-го и 21-го полков. Мы потребовали, чтобы красноармейцы, которые были на митинге, отправились защищать тюрьму. Все произошло чрезвычайно быстро, и им удалось выпустить из тюрьмы часть заключенных. Затем удалось сформировать рабочую дружину, которая выступала на позиции, но требовала подкрепления. На следующий день на Шепетовском направлении обнаружился отход петлюровцев. В Бердичеве положение все время колебалось: то наши наступали, то петлюровцы. Я находился в контакте с ревсоветом, который, по моему заключению, полагает, что сил там достаточно, между тем как, по моему мнению, сил там недостаточно, причем на стороне петлюровцев... инициатива и технический перевес. Бабин был на высоте положения. Мы требовали подкрепления из Винницы, в результате чего был отдан приказ двинуть два батальона Таращанского полка. Приказ... на имя Шорса был отдан 26-го ночью, но 27-го Шорс выехал из Винницы. Эти части прибыли в ночь с 28-го на 29-е. 29-го положение стало великолепным. Петлюровцы отошли километров 35. Убедившись, что наступлением по желдороге они ничего не достигнут, петлюровцы стали разбрасывать свои силы по полям, лесам, оврагам и т. д. Надо сказать, что в тылу петлюровцы опирались на сельское население. Вообще петлюровцы все время избегали фронтового удара, а старались зайти в тыл и создать там панику. 29-го вечером положение опять начало становиться угрожающим: были сведения о том, что Бердичев обстреливается, что станция горит. Но прибыл спешно вызванный еще один батальон, и положение опять улучшилось. В ночь с 29-го на 30-е были получены сообщения о том, что Бердичев еле-еле держится, затем, что положение Бердичева улучшилось и петлюровцы отошли. Относительно снабжения: мы пытались наладить производство сапог в Бердичеве, но так как город подвергался обстрелу, то сделать это не удалось. Отсутствие дров, нефти, угля, паровозов. Коммунистические ячейки или очень слабы, или их совсем нет. Начальник штаба Бердичевского направления держится того мнения, что для него, чтобы поправить дело серьезно, необходимо бросить туда приблизительно состав советской дивизии. Петлюра сжат между нашим Западным фронтом, Галицией и Венгрией и, несмотря на то, что его войска представляют сгущенную массу, и мы могли бы покончить с ним тут, мы разбрасываем свои силы на юг. В 9-м и 21-м полках антисемитизм сильный. Там определенных криминалов не было. Что касается желдороги, то нам пришлось претерпеть много мучений. В Бердичеве положение было тя-

желое; там отношение между украинским населением и евреями более или менее обострилось, но за последнее время атмосфера несколько разрядилась".

Выяснившийся из ряда сообщений недостаток в политработе побудил командукра к следующему обращению к предсовнаркому, наркомвоену и ЦК коммунистической партии: „Политической работы ни в армии, ни в населении почти не ведется. Вне больших городов нашей литературы совсем не видно. В самих этих городах ее до ничтожного мало. Никаких листков, никаких брошюр не издается.

Подобное положение нетерпимо. Предлагаю Вам принять самые решительные меры: 1) особую комиссию для выяснения в недельный срок причины сего и необходимых практических мер; 2) под суд партии ответственных лиц.

Необходимо прекратить немедленно этот саботаж, лишающий революционную армию самого главного и дальнобойного оружия"[1].

Положение под Коростенем определилось (всякая опасность была устранена. Трудно понять, почему понадобилось неприятельскому командованию расходовать столь значительную часть своих сил на явно авантюрное предприятие. Если бы его дивизия при 3 бронепоездах действовала совместно с другими частями на Бердичев-Казатинском направлении, наше положение было бы значительно серьезнее.)

Нашему успеху под Коростенем весьма содействовало восстание крестьянства в Волынской губернии в тылу противника.

Впоследствии нам сообщали:

„В январе в Волынской губернии подпольными партийными организациями (в каждом городе был ревком) были организованы повстанческие отряды. Объехавший Дубенский, Ровенский, Кременецкий, Острожский и Луцкий уезды. наладил связь и был делегирован Ровенским уездным ревкомом связаться с наступающими советскими войсками. Связавшись с таковыми, получил определенные директивы и устроил центр партизанских отрядов в прифронтовой полосе (в 20 *км* на восток от Костополя). 25 марта произошло восстание в 3 уездах: Дубенском, Острожском и частью Ровенском. Восстанием руководили коммунистические организации. Восстало все крестьянство, даже деревенские бабы с дубинами в руках, против петлюровцев. Бой продолжался 4 дня, причем был нанесен громадный урон петлюровцам (около 2 000 убитых), масса оружия захвачено крестьянами (около 100 пулеметов). Участвовало в восстании до 10 000. Причем штаб, находившийся в Ровно, удрал в Луцк, все силы с фронта были уведены в тыл для подавления восстания".

„В Здолбунове находящиеся в это время 4 эшелона мобилизованных крестьян в запломбированных вагонах для отправки в Гали-

[1] Оценка состояния политработы не совсем правильна. Политработа велась и велась довольно интенсивно партийными организациями, несмотря на острый недостаток литературы. О политработе свидетельствуют такие факты, как напр.: быстрое восстановление потерявших боеспособность частей, разложение противника и др. — *Ред.*

цию, были все распущены и разбежались по домам, причем часть из них принимала участие в восстании".

Одновременно с восстанием на Волыни, против петлюровцев восстали и крестьяне Подолии в Баре, Елтушкове и Ямполе.

27 марта отдан приказ командующему Киевской группой:

„Противник бежит от Тетерева к Коростеню. Его усилия сосредоточены на Бердичев.

Предписываю: 1) преследовать противника к Коростеню легкими колоннами, закрепляясь у Ирши и демонстрируя к Радомыслю; 2) усилив за счет Коростеньской группы группу на Житомирском шоссе, развить усиленное наступление по этому шоссе на Житомир, для содействия Бердичевской группе; 3) подтянуть немедленно остальные части Таращанского полка к Бердичеву, сменив таращанцев на охране Жмеринки другой частью; 4) частям 2-й дивизии наступать энергично на Вапнярку, несмотря на выкрики тамошнего „ревкома"; 5) т. Бабину за допущение самовольного отступления 10-го выехать немедленно в Бердичев".

В развитие этого приказа командгруппой издал приказ (№ 9), который, сообщая о бегстве противника от Тетерева на Коростень, предписывал:

«Начальнику Коростеньского боевого участка т. Мазурову	Преследовать противника бронепоездами и пехотою, причем главный удар направить на линию Чернигов—Житомир, заняв который продолжать преследование в сторону Новоград-Волынска.
Начальнику боевого участка Житомирского направления т. Покусу	Наступать на линию Житомир—Кордня с целью отрезать противнику путь отступления от Бердичева.
Начальнику Ровенского боевого участка т. Шорсу.	Во что бы то ни стало удержать Бердичев; с подходом частей Покуса перейти в наступление для занятия жел.-дорожного узла Шепетовка.
Начальнику Уманского боевого участка	Наступать на линию Вапнярка—Бирзула с целью очищения жел.-дорожного пути от остатков петлюровских банд.
Начальнику Проскуровского боевого участка т. Крючковскому	Выставив надежное охранение в Могилеве-Подольском, двинуться с 1500 бессарабскими повстанцами по шоссе на Каменецк-Подольск для занятия линии Каменецк-Подольск—Городок—Черный Остров».

Этот приказ учитывал директиву командукра, изложенную в пп. 1 и 2 недостаточно, и оставлял слишком много сил на Коростеньском направлении. Конной группе Крючковского давалось недостаточное задание, и она оставалась вне основной операции. Командукр указал на это командующему группой.

Положение под Бердичевом все осложнялось, 29 марта комбриг Шкуть сообщал:

„Положение на фронте плохое, части слабо дерутся, самовольно оставляют позицию. Вчера самовольно снялся с Пятигорки и Жиловцев 6-й полк и пришел в город, требуя пищи и обуви. При большом усилии удалось часть его отправить на позицию. В настоящее время Жиловцы заняты противником. На Житомирском направлении разбежался почти весь 21-й полк, ввиду чего 9-й полк вынужден был отойти на линию Кодня—Татариновка. Наши части, оперирующие на указанных участках, сильно разлагаются под влиянием усталости, отсутствия пищи, обуви. Резервов не имею. Необходимо заменить некоторые части новыми".

Одновременно из разговора с Покусом (Житомирское направление) выяснилось, что он ведет бой у Коростышева и разведку к Радомыслю, а связи с 151-м полком, наступающим на Радомысль с северо-востока, не имеет.

Командукр указал комгруппы усилить Бердическую группу частью 2-й дивизии, а кавбригадой (штаб Бар) взять во фланг противника в Бердичеве.

29 марта комгруппы телеграфно приказал начдиву 2 (Христиновка) немедленно ликвидировать Вапнярскую группу петлюровцев и вести наступление на Балта—Бирзула—Рыбница; кавбригаде (штаб в Баре) было предписано ввиду яростных атак противника на Бердичев со стороны Чуднова и Янушполя спешно передать 1-й кавполк в распоряжение начдива 1.

Между тем положение под Бердичевом ухудшилось.

В 15 час. начдив 1 сообщал:

„Положение на Бердичевском направлении ужасное. Насколько вчера было хорошо и победоносно, сегодня все бегут в панике, особенно 21-й полк. Он и внес разложение. Почти на всем фронте ужасная паника. Несмотря ни на какие наказания, расстрел, полки, бегущие под револьверами, заставляют направлять эшелоны на Бердичев, оставляя фронт. Принимайте меры или дайте мне директивы: как мне быть. Политических работников очень мало. Необходимо присутствие Худякова, при таком положении Бердичев вынужден буду оставить".

В ответ на это вступивший в командование Мацилевский приказал перебросить все батальоны 6-го полка к Бердичеву и принять все меры к восстановлению порядка, указав, что ни в коем случае нельзя сдать Бердичев, и обещая немедленно направить кавалерию в Казатин и лично выехать с броневиком к Бердичеву.

Одновременно комгруппы в Киев дано было предписание немедленно снабдить действующие под Бердичевом части продовольствием и обувью, и тотчас же была организована проверка снабжения 1-й, бригады 1-й дивизии, в результате чего снабжение улучшилось.

В это время в Харьков прибыл главком Вацетис. Командукр в своем докладе сообщил ему следующее: „На вверенном мне фронте положение устойчивое. На Коростеньском направлении бой идет за

обладание мостом на Тетереве. Подоспели подкрепления—два пехотных и один кавполк, десять орудий, один бронепоезд. В пути еще один полк и бронепоезд. Шоссе на Житомир наше до Коростышева. Приводится в порядок 12-й погранполк и 13-й; мобилизована тысяча рабочих. Дочинивается бронепоезд. Это наш резерв. В Бердичеве бой в самом городе. В подкрепление снимается один полк со Жмеринки. Кавбригада наступает во фланг противника".

30 марта главкому направляется следующая дислокация частей Киевской группы.

1) В Коростеньском направлении: 1-й Богунский, 4-й стрелковый, 2-й погранполк — Городище и в окрестных деревнях (80—90 *км* от Киева); 20-й украинский полк в Буче (20 *км* от Киева).

2) 151-й полк в движении на Радомысль.

3) В Житомирском направлении: 16-й стрелковый полк и конный дивизион — у Коростышева, 22-й стрелковый полк — у Кочерево, 9-й и 21 й полки —у Сынгуры, в 10 *км* к югу от Житомира.

4) Под Бердичевом: в Рее — 5-й кавполк, в Райки — Пятигорках — 10-й стрелковый полк и батальон волынцев, в Бердичеве — 6-й и 2-й Таращанские полки.

5) В Жмеринско-Проскуровском направлении: в Жмеринке — 3 й стрелковый полк, в Баре—кавбригада Крючковского кроме 1-го полка червонного казачества, который находится в Деражне.

6) В Вапнярском направлении: в Тульчине — 5-й полк, Гайсинзятковцы — 7-й и 8-й полки 2-й дивизии.

Дислокация свидетельствовала о крайней разбросанности частей Киевской группы. Между тем ликвидация угрожающего положения Бердичева требовала скорейшего сосредоточения наших основных сил.

К проталкиванию эшелонов принимались крутые меры. Начвосо доносил командукру, что им сообщено комендантам станций об их ответственности своей головой за малейшее промедление в продвижении эшелонов, что его помощник находится на линии для наблюдения за движением, а в Казатин послан опытный агент.

Однако 3-й полк не подходил к Бердичеву, ибо распоряжением члена РВС т. Щаденко и вопреки указаниям командукра (этот разнобой выяснился слишком поздно) он был загнан в Вапнярку (где ему нечего было делать). Прибывший в Бердичев Мацилецкий, не найдя там 3-го полка, сообщал, что „положение в Бердичеве прежнее" (т. е. паника).

Оперсводка к 10 часам 30 марта гласила:

„На Коростеньском направлении в районе Малина—ожесточенные бои с отступающим противником. На Житомирском направлении наши части гонят противника со стороны Коростышева. На Ровенском направлении противник повел ожесточенную атаку на Бердичев. Атака отбита. Захвачены пленные и обозы противника. На Вапнярском направлении занята ст. Зятковцы. Противник отступает к Вапняркке, падение которой ожидается с часу на час".

Тогда же командукр сообщил предсовнаркому:

„На Коростеньском направлении возобновились ожесточенные бои у Малина. Сегодня к вечеру ожидаю занятия Радомысля и Житомира. Под Бердичевом упорно противостоят противнику, контратакуя, одни таращанцы,

остальные настроены панически. Жалуются на плохое снабжение и на провокации. Политических работников нехватает. Командгруппой выехал туда. 1) Туда же вчера отправлен дивизион (400 сабель) кавалерии. 2) Бронепоезд „Коммунист“, снятый с Коростеньского направления, вышел сейчас с поста Волынского. 3) Третий полк, снятый из-под Жмеринки (3 000 штыков), вчера заканчивал погрузку и ждал паровозов. 4) Первый кавполк, снятый с Проскуровского направления, сегодня утром походным порядком выступил, чтоб взять во фланг противника: должен быть на месте через 2 дня [1]. 5) Дано предписание все части 2-й дивизии, кроме необходимых для прикрытия ж. д. вывести Жмеринка—Казатин.

Под Одессой наши силы возросли на полк, сложившийся из повстанцев—2 000 штыков, 20 пулеметов. Выехать к Одессе ввиду здешнего положения сейчас не могу. Там создается особая группа под командой т. Худякова.

Штаб т. Скачко думаю перевести в Киев взамен Мациленкого, который здесь не на месте“.

По положение под Бердичевом как будто улучшилось.

Сводка руппы к 20 час. 30 марта сообщала о занятии нами ст. Головки на Коростеньском направлении, Стрижевки на Житомирском, ст. Лодыжинской и Вапнярки на Вапнярском и ст. Заплазы на Бирзульском направлении. На Ровенском направлении противник отошел от Бердичева к ст. Демчин.

Сводка к 10 час. 31 марта гласила, что на Коростеньском направлении наши части продвигаются от ст. Головки в сторону Коростеня, со стороны Коростышева движение к Житомиру продолжается, а на Ровенском направлении противник, после атак на Бердичев, отброшен и перешел к обороне; уничтожено около 4 полков петлюровцев.

К 21 час. 31 марта сообщалось о попытках противника наступать в районе ст. Головки, о боях в районе Радомысля и на подступах к Житомиру со стороны Коростышева и о занятии нами ст. Крыжополь и Попелюхи к югу от Вапнярки; при взятии Вапнярки на нашу сторону перешло 2 полка противника с 2 бронепоездами и захвачено 18 орудий, 20 пулеметов и много снарядов. Среди этой боевой передряги нас развлекал своим политическим шутовством пан Петлюра.

Получив от наших войск неоднократную всыпку, петлюровское командование вдруг воззвало к нам:

«Товариші Таращінцi, Богунивці — Таінші Украінскі козаки.

Запоморочені московськими большовиками. За що ви бьэтеся з Директориею.

За то, щоб Комісарам на нашій землі були москали чи инші чужинці. Чи за те, щоб у слид на Вами прийшли кацапи й розсилися за мість Ваших родин на нашій землі, яку Ви своей кровью одбивали от гетмана й помщиків Чи за те, щоб кацапи мали право дурно вивозити хлиб Ваших батькив і братів на Московщину.

Схаменіться.

Війська Директорни взяли вже Коростень і через днів два-три будуть у Києві. Ви одризані з тилу.

---

[1] И о 3-м полку и о 1-м кавполку — неверно. Приказы не были во-время выполнены.

Вас навмистне заманили в мишок. Нам жалко вынищувати Вас, бо вниж все-таки наші люде. А тому ми радимо Вам, як найшвидче расходьтеся по домам, щоб підчас нашої розправи з кацапами не загинула ні одна українська душа.

Команда Українського Республиканського Війска 22-го березня 1919 р.»

Наши красные „атаманы“ не оставили без ответа петлюровское воззвание и выпустили следующую листовку (текст, в переводе с украинского):

„Ответ пану гетману Петлюре.

Мы, таращанцы, богунцы и другие украинцы, казаки, красноармейцы получили твое похабное воззвание.

Как встарь запорожцы султану, так мы тебе отвечаем.

Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках, сгинул проклятый.

Новый пан гетман объявился—Петлюра.

Продал галицийских бедных селян польским панам, заключил с панами-помещиками мир.

Продал Украину французским, греческим, румынским щукам, вошел в союз с ними против нас, трудовых бедняков Украины. Продал родину мать. Продал бедный народ.

Скажи, Иуда, за сколько грошей продал ты Украину.

Сколько платишь своим наймитам за то, чтобы песьим языком мутили селянство, поднимали его против власти трудовой бедноты.

Скажи, Иуда, скажи предатель, только знай: не пановать панам больше на Украине.

Мы, сыны ее, бедные труженики, головы сложим, а ее обороним, чтобы расцвела на ее вольной земле пшеница на свободе и сжата была свободным селянством на свою пользу, а не жадным грабителям кровососам кулакам-помещикам.

Да, мы братья российским рабочим и крестьянству, как братья всем, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья—польские шляхтичи, украинские живоглоты-кулаки, царские генералы, французские буржуи.

И сам ты брехлив и блудлив, как польские шляхтичи—мол, всех перебьем.

Не говори „гоп“, пока не перескочишь. Лужа для тебя готова, новый пан гетман-буржуйной, французской да польской милостью.

Не доносить тебе штанов до этого лета.

Уже мы тебе бока намяли под Коростенем, Бердичевом, Проскуровом. Уже союзники твои оставили Одессу.

Свободная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки ограбленных панами крестьян Польши, Галиции тянутся к горлу твоему, Иуда.

Прочь от нас, проклятый. Удавись, собака.

Именем крестьян, казаков, украинцев—командующие красными казаками: атаманы Шорс, Боженко, Квятык, Примаков и др.“.

О том, сколько беспокойства причинял Петлюре его тыл, свидетельствует следующее сообщение т. Примакова: „Доношу, что во

время боя под Деражней, стоявшая в селе Шпиченцах „Охоронная“ сотня петлюровского штаба правобережной Украины перешла на нашу сторону и сдала оружие вверенному мне полку. Пулеметчики этой сотни вместе с нами пошли в цепь и стреляли из пулеметов по сичевым стрельцам. Сотник, бывший поручик Гусев показал, что среди сичевых стрельцов разложение, так как в Галиции растут большевистские настроения среди крестьян и рабочих. Петлюровские штабы, оставшиеся без армии, поспешно бегут из Проскурова в Волочиск, а оттуда в Галицию. В штабах разложение: штабные вагоны полны женщин и вина. В Проскурове при участии штабных петлюровских офицеров был устроен еврейский погром. Убито свыше шести тысяч женщин, мужчин, детей и стариков. Среди крестьян возмущение, партизаны нам деятельно помогают в боях. Атаман полка Червонного Казачества (Примаков)“.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ (карта 4).

Ликвидация Вапнярской группы противника. Оборона под Бердичевом. Маневр 2-й дивизии и кавбригады к Старо-Константинову. Натиск из Серпухова (главком).

30 марта пришло наконец сообщение о ликвидации Вапнярской группы противника...

Нужна была немалая выдержка, чтобы, невзирая на прямую угрозу Киеву и на серьезнейшее положение под Бердичевом, довести эту операцию до конца и вынудить к сдаче в плен прижатые к Днестру части Юго-восточного петлюровского фронта.

К 10—11 марта 2-я дивизия получила предписание наступать по линии: Голта—Балта—Рыбница. К 12 час. она с боем заняла ст. Яроватка. К 14 марта в наших руках оказались Христиновка, Умань, а также мм. Юстингород, Соколовка, Нестеровка. Однако противник с налета вновь овладел Христиновкой.

К этому времени в штабе дивизии имелись следующие сведения о противнике.

В районе Голты: на разъезде Сырово—2 эшелона (400 чел. и броневик); на станции Любашевка—6 эшелонов (300 чел.) и 2 броневика; ст. Заплазы, Жеробково и далее—никем не заняты; па ст. Христиновке воздушной разведкой обнаружены 4 эшелона противника.

В тылу противника сосредоточены солидные резервы. По линии железной дороги Вапнярка—Христиновка к 14 марта находилось около 10 000 петлюровцев (Мазепинского, Богневского, 11-го Звенигородского, Дашевского, 1-го и 3-го гайдамацких и Казатинского полков и летучий отряд атамана Трояненко). Штаб запорожского корпуса, в который входят эти части,—на ст. Вапнярка. На ст. Зятковцы—штаб одной из ее дивизий (командир Панченко).

18 марта было подтверждено, что 2-я бригада 2-й дивизии должна продолжать наступление к линии: Вапнярка—Кодыма—Балта. По оперсводке к утру 21-го части 2-й дивизии подходят к Христиновке; главные силы противника находятся в районе Роскошевка—Кублич. В районе Каменный мост происходят разведывательные стычки.

21-го мы заняли Христиновку. Части 2-й дивизии к 22 марта расположились следующим образом: штаб дивизии со своими отделами и специальными частями—с. Цветкова, ст. Бобринская, г. Черкассы, М. Смела; 1-я бригада: штаб ст. Ржевуская, части в районах Рахны—

Ворошиловка, Гранов—Терлица—Севастьяновка, ст. Липовец—Монастырище; 2-я бригада: штаб—ст. Поташ, части—ст. Христиновка, г. Умань, Верхнячка, Шукайвода, Орадовка, Лысогорское, Громы, Томашевка, Юрковка, Шпола, ст. Яроватка; 3-я бригада: штаб и 16-й полк—г. Кременчуг, остальные части в районах ст. Викторовка, Пьянгорка, ст. Голта.

С 22 по 23 марта шли бои с переменными успехами за ст. Христиновка, которая была окончательно закреплена за нами 24 марта.

Докладная записка т. Кулика (уполномоченного по связи с Совнаркомом), посвященная работе 2-й бригады 2-й дивизии, обрисовала очень печальную картину. Штаб этой бригады произвел на ст. Кулика удручающее впечатление, поведение наших частей, особенно 8-го и 9-го полков, в отношении „мирных граждан“ погромное.

Мы немедленно телеграфировали в Цветково—Тальное. Начдив Ленговскому и Барабашу:

„Тов. Кулик был у вас, видел вопиющее безобразие. Жупана уберите, части возьмите в руки, особенно 8-й полк, работать надо внутри частей, а не в креслах. Представить мне точный отчет о действиях Ваших частей за март. Связи между частями нет. Немедленно—ответ. 28 марта“.

Однако штабу дивизии удалось перед особой следственной комиссией оправдать свои части от обывательских обвинений и отстоять Жупана, который в действительности являлся приличным боевым командиром. Дело ограничилось некоторой внутренней реорганизацией.

К 20-м числам марта произошла заминка в Одесском направлении. На это направление предполагалось передать часть 2-й дивизии, но так как пришлось озаботиться Киевом, дивизия получила предписание в кратчайший срок ликвидировать Вапнярскую группу противника и свободные части немедленно перебросить в Жмеринку, Калиновку и Казатин в распоряжение начдива I, причем частям было приказано оставаться в эшелонах в ожидании дальнейших указаний комгруппы. Штабу было предписано соответственно передвинуться, оставив для командования на месте надежное лицо.

Теснимая от Жмеринки частями 1-й дивизии, отрезанная от Одессы „южными армиями“ херсонских партизан и сдавленная нашей 2-й дивизией, Вапнярская группа противника изнемогала.

26 марта из Бара сообщили, что в Могилеве перехватываются грозные (от имени 30 000 армии) требования какого-то штаба фронта с требованием провода к Бендерам и Каменец-Подольску.

Командукр указал (в Бар):

„Этот „штаб фронта“—штаб нами окруженной петлюровской армии. Известите всех об этом. Никаких распоряжений этого штаба не исполнять“. Об этом же 27 марта были поставлены в известность все ЗК и ДС, все штабы красных советских войск по линии юго-западных железных дорог.

26-го в Жмеринке была получена радиотелеграмма из Вапнярки, в которой „ревком Юго-западного фронта Украины“ приказывает:

„Всем войскам оставаться на своих местах, продолжать работы на пользу независимой Укр. Сов. Республики". Затем приводится текст декрета № 1 Ревкома фронта украинским войскам и населению: „Правительство Директории распалось и ее власти не существует. Украинский народ, имеющий перед собой задачу проведения в жизнь идей социализма, ввиду классовой несознательности и злонамеренной политики империалистических классов, ведет братоубийственную борьбу между собой. Ревком ставит своими главными задачами: 1) создание независимой Укр. Сов. Респ., 2) борьбу с империалистическими силами, которые посягают на Укр. независимую Сов. Республику, 3) решительную борьбу с контрреволюционными элементами, 4) организацию сильной народной социалистической армии казачества и социалистического строя независимой Укр. Сов. Республики".

26-го вечером происходит разговор по прямому между т. Щаденко и командукром:

Щаденко (Винница): Завтра прибудут делегаты от вапнярского Ревкома, куда отступил весь разбитый сброд. Наши условия: полная сдача оружия, организация советской власти и всех ее органов, под контролем рабоче-крестьянского правительства и нашей партии, причем условно ставим третий пункт, которым говорим, что после разоружения желающие будут приняты в Красную армию, не желающие будут распущены по домам без всяких репрессий. По принятии этих условий мы также условно гарантируем всем полную неприкосновенность. Кроме того бессарабские повстанцы массами переходят в сторону расположения наших войск, горят желанием сражаться в рядах Красной армии. Мы также ставим условие, что без нашего разрешения, без командного состава не будет приниматься самостоятельных действий. Завтра я выезжаю к ним.

Антонов (Киев): С бессарабцами уже дело сделано. Люди туда направлены от меня самые ответственные, с необходимыми полномочиями. По отношению к сдающимся в Вапнярке ваши условия не годятся. Необходимо, чтобы выдали командный состав и всех буржуев, распустить можно только после очистки, значит, пусть все сдаются. Прежде всего.

Щаденко: Я уже говорил, что эти пункты поставлены условно, т. е. для того, чтобы легче ликвидировать остатки петлюровских банд. После же сдачи они все будут объявлены военнопленными, сейчас же будут прочищены и отправлены как военнопленные в глубокий тыл, и само собой разумеется, что ни о каком комсоставе здесь не может быть и речи.

Вслед за этим разговором на имя Щаденко (Жмеринка) и начдива т. Ленговского (Вознесенск) была отправлена телеграмма:

„Не обращайте внимания на вопли вапнярских сичевиков, попавших в наше кольцо,—это волки в овечьей шкуре. Надо добиться их безусловной сдачи, они теперь подделываются под наш язык: ни малейшего к ним доверия. Передайте это всем частям и настрочите известные инструкции политкомам (27 марта)".

Начдиву 2 за проявленную им в этот момент медлительность было сделано строгое внушение:

„За неисполнение моего предписания перейти в район военных действий главной группы Ваших дивизий будете преданы суду, объявляю строжайший выговор с отдачей приказа по фронту. Вам отдано оперативное распоряжение—окруженного между Вапняркой и Гайсиным противника уничтожить. Об исполнении немедленно донести“.

А Винницкие товарищи напвничали:

„Винница. 27/III. В районе фронта Директории Вапнярка—Бирзула произошло восстание. Власть захватил Воен. Ревком (из коммун. лев. с.-р. и нез. с.-д.). Все части и галицийские присоединились к восставшим. Во главе Ревкома стоит галичанин. Он прислал в Винницу делегатов с платформою: 1) Вся власть Советам, 2) незав. Укр. Сов. Респ. и 3) общая борьба вместе с другими Сов. Респ. против мирового империализма. 28/II к гарнизону Жмеринки явилась делегация от петлюровских войск, занимающих район между Брацловым, Одессой и Бессарабией, которая заявила, что пославшие ее войска переходят на сторону Сов. власти и просят указать ту форму, в которой этот переход должен произойти“.

К этому времени штаб Запорожского корпуса перебрался из Вапнярки в м. Тульчин. Подчиненные ему части были деморализованы. Более или менее активное сопротивление нам оказывали в районе Гумбик 2-й Мазепинский полк (200 штыков, 1 орудие) и 3-й Гайдамацкий (900 штыков). Разведывательная сводка 2-й дивизии от 29 марта числила в составе Запорожского корпуса также 55-й, 56-й и 57-й полки (состав неизвестен). Разбитый под Гайсином, Зятковцами и Кубличем, противник отступил к Вапнярке. На ст. Лодыженская—500 штыков с 2 броневиками и 2 орудия. От м. Тростянец неприятель бежит к ст. Демковка. Остальные части отошли за р. Буг и расположились в районе ст. Генриховка и дд. Сумовка, Меньковка.

29 марта штаб 2-й дивизии доносил из Христиновки, что „главная группа дивизии, разбив противника в районе Гайсин, Дятковцы, преследует его к Вапнярке. 28 марта 12 час. на Вапнярском направлении занята ст. Губник“. На следующий день была занята ст. Ладыженская, на Бирзульском направлении—д. Заплазы; 30 марта взята Вапнярка и к югу Крыжполь и Попелюха.

В ответ на это сообщение штаба 2-й дивизии начдиву т. Ленговскому указывалось: „Вам поручается довести Вапнярскую историю до конца. Все должны сдать оружие, сдавшимся гарантируется жизнь. Они должны быть препровождены под конвоем в эшелонах в Екатеринослав. Войдите в связь с Вапнярским ревкомом и затребуйте их представителя для выработки технических условий сдачи. О получении и исполнении сообщите. Когда будете отправлять пленных, уведомляйте места, куда направляете. О ходе переговоров меня и комгруппы своевременно известите. 29 марта.“

В тот же день т. Раковский сообщил комфронту по телефону:

„Мною передано радио Рыбаку в Вапнярку следующего содержания: „Командующий армиями Украинским фронтом т. Антонов (Ов-

сеенко) дал распоряжение начдивизии Ленговскому, чтобы всем, которые сдадут оружие, была обеспечена жизнь. Предлагаю немедленно отправить парламентера к начдиву Ленговскому для устроения технической стороны сдачи оружия".

Одновременно с ведением переговоров, начдиву 2 было предписано принять меры к полному окружению противника и не допустить его ухода в Бессарабию. Но начдив проморгал.

31 марта начдив 2 доносил, что путь к Вапнярке вполне очищен, петлюровцам предъявлен ультиматум. Пока (30 марта) сдались: 3-й Гайдамацкий полк с 20 пулеметами, 2 орудиями, бронепоездом и 2 броневиками. Взято в плен 800 вооруженных. Характерны подробности:

„Прибыв на ст. Губник, высадились из вагона и отправились на передовую линию для предложения о сдаче. Пройдя 15 *км* пешком с красноармейцами второго батальона, мы вошли в связь с петлюровцами, которым предложили сложить оружие. Ввиду взрыва моста пересели на вражеский броневик и догнали первый Звенигородский конный полк, с делегацией которого мы вступили в переговоры и которая выразила желание влиться в наши ряды как боевая единица, которая бьется уже три недели с кармелюками (что было проверено нашей разведкой). Затем мы догнали их в третий курень, с которыми в настоящее время и ведем переговоры.

В нескольких километрах от Вапнярки 2 полка, в том числе 3-й гайдамацкий, выбросили белый флаг и подошли к расположению соввойск. Оба полка приняты сов. командованием со всем вооружением и обозом. Со ст. Слободка в Вапнярку прибыл также бронепоезд петлюровцев, весь украшенный белыми флагами. В поезде оказалось 20 орудий и несколько пулеметов. По примеру сдавшихся выбрасывают белые флаги и прочие петлюровские части, занимающие ж. д. Жмеринка—Одесса и Вапнярка—Умань. На ст. Демковка беспрерывно прибывают группы петлюровцев, сдающих оружие и переходящих на сторону совармии. Получено сообщение о сдаче петлюровцами ст. Княжеполь, Крыжополь, Крикливцы, Ружница, Попелюхи, Гоноровка, Кодыма и Лобутня. На ст. Слободка, Борщи и Бирзула выброшены белые флаги".

На ст. Демковка захвачены 3 эшелона, до 1 500 вагонов, 5 паровозов. Наши 2 бронепоезда прибыли в Вапнярку.

Штаб Укрфронта справедливо взволновался и послал телеграмму комфронту Антонову:

„Устанавливается: одной из причин выступлений служат передающиеся и пленные петлюровцы, возможно намеренно. Необходимо: 1) запретить войскам принимать петлюровцев в свои ряды, т. е. подтвердить приказ фронту, 2) просить Наркомвоен усилить концентрационные лагери, коих пока один в Конотопе, 3) устроить лагери в губерниях Великороссии, последнему вопросу сношусь с Костяевым. Харьков 2 апреля.

В ответ указывалось:

„На НР 0929. Отдайте в приказе по фронту и немедленно телеграфно разошлите, что одной из причин противосоветских выступлений являются возможно намеренно сдающиеся или передающиеся петлю-

ровцы. Приказываю немедленно подтвердить приказ по фронту о непринятии петлюровцев в свои ряды: тотчас по пленении петлюровцев сдавать их в распоряжение губвоенкома для отправки в концентрационные лагери. 4 апреля 14 час."

Под Вапнярской еще агонизировали остатки Запорожского корпуса петлюровцев, еще 1 апреля к югу от Вапнярки шел бой с куренем „Смерти", но уже тогда были разоружены звенигородский конный и петлюровский республиканский полки, взяты 2 орудия, 11 пулеметов, 1 бомбомет и более 300 пленных. Штаб Запорожского корпуса отъезжал под прикрытием 2 бронепоездов к Бирзуле; с ним отводились до 50 паровозов. Начдив 2 обещал 2 апреля ликвидировать этот штаб [1].

К 2 апреля сломлено сопротивление отдельной группы противника под Гайсином. Здесь 7-й полк захватил 20 пулеметов. К 3 апреля сдался еще 3-й гайдамацкий курень (900 вооруженных и 500 безоружных) и захвачены 11 пулеметов, 2 орудия, 5 паровозов, 150 вагонов.

Между тем в центре (под Бердичевом—Житомиром) шли упорные бои. Мы торопили начдива 2 с ликвидацией Вапнярки, чтобы скорее перебросить в поддержку центра части 2-й дивизии. Переброска крайне затруднялась недостатком подвижного состава. Тем не менее к 2 апреля к железной дороге были вытянуты 5-й, 7-й, 8-й и Чигиринский полки.

В этот день командукр дал следующую телеграмму всем комендантам станций и дежурным на линиях Киев—Винница и Фастов—Знаменка.

„Мною назначено расследование о причинах замедленности в движении воинских эшелонов через ваши станции. Воинские эшелоны должны проходить без всякой задержки. Виновные в задержке будут расстреляны".

К сожалению не только ЗК и ДС были ответственны за промедление в отправке воинских эшелонов. Как впоследствии выяснилось, член РВС фронта т. Щаденко, находясь в Виннице, направил предназначенный под Казатин 3-й полк к Вапнярке. Тов. Щаденко не учел, что наших сил под Вапняркой более чем достаточно для ликвидации Запорожского корпуса, и недооценил значение боев в Киевском направлении. Командукр на сообщение из Фастова представителя фронта матроса Сыча о вмешательстве т. Щаденко в переброску войск отозвался крайне резкой телеграммой, требовавшей отъезда т. Щаденко в Киев... Но и только.

Однако Коростеньская группа противника еще сопротивлялась.

---

[1] Мы слишком легко поверили сведению о взрыве румынами всех мостов на Днестре и слишком замедлили свой натиск, не помешав большей части сил противника с основной массой эшелонов перебраться на румынскую сторону, где петлюровцы были обезоружены и обобраны «до нитки», а затем направлены в Галицию.

2 апреля у ст. Чеповичи шел упорный бой, причем героически проявили себя богунцы, особенно 3 командира пулеметных взводов.

Но главное сражение разыгрывалось у Бердичева—Житомира. 1 апреля Житомир был нами взят и опять оставлен. Командукр тотчас же предписал штабу группы „подкрепить бригаду Покуса" и отправить утром 2 апреля на грузовиках по Житомирскому шоссе 2 роты 13-го погранполка с 4 пулеметами, батальон 15-го погранполка (личная ответственность за исполнение на начштаба группы). 2 апреля под Коростышевом отбита атака противника и захвачено 3 пулемета.

Особенно жарко было под Бердичевом. 1 и 2 апреля отбиты 9 ожесточенных атак противника, 2 апреля посланные противником в обход нашего левого фланга 2 полка сдались в плен (большей частью у Махновки). По улучшившееся положение внезапно ухудшил бунт нашего 10-го полка. Спровоцированный командиром, этот полк пытался арестовать командующего группой, начдива и комбрига. С большим трудом политкому удалось успокоить полк. Комполка был арестован. Впоследствии комгруппы доносил:

„5 апреля моим приказанием расстрелян бывший командир 10-го полка Курский Александр, бывший офицер старой армии в чине штабс-капитана, за то, что вместо выполнения боевого приказа его комбрига тов. Шкутя, спровоцировав мобилизованных красноармейцев полка, вывел их из оружия, приказав открыть огонь по эшелонам на ст. Казатин, в то время, когда Бердичевская группа отбивала атаки противника, а другие наши части подавляли вокруг Казатина восстание банд Соколовского и других. Мобилизованные обезоружены, ведется следствие".

В связи с сложившейся обстановкой командующему группой указывалось (2 апреля):

„Наше наступление на Житомир по шоссе защищает правый фланг нашего расположения у Бердичева. По по всем данным, противник усиленно накапливается против нашего левого фланга, угрожая отрезать от Казатина. Заслоном с этой стороны ограничиваться нельзя, надо какой-либо свежей частью взять во фланг эту группировку противника и ее уничтожить. Но замечается крайняя скудость сведений о противнике, необходима более тщательная разведка. Для парирования возможных случайностей Вам надлежит выделить в армейский резерв (например 5-й полк) в районе у Калиновки. Резерву быть в готовности в эшелонах и находиться в непосредственном распоряжении комгруппы. Остальным частям 2-й дивизии стянуться для удара на Проскуров.

Необходимо вполне определенно разузнать, возможна ли все же переброска от Калиновки к Уланову по жел. дороге вониских частей, нельзя ограничиваться непроверенными сообщениями".

В тот же день телеграфно комгруппы Киевской т. Мациевскому указывалось:

„Подчеркиваю необходимость маневрирования под Бердичевом, нельзя бросать часть за частью в эту дыру, надо создать из свежих частей, не зараженных паническим настроением, маневренную группу

и действовать во фланг; не годится также разбрасываться на частичные наступления".

Командукр не ограничивался общими указаниями и отмечал важность проверки возможности использования для переброски частей узкоколейки (от Гайсина через Немиров к Семки—Уланову), несмотря на предыдущее утверждение штаба группы, что эта дорога не способна к перевозкам.

Одновременно им были посланы указания начдиву 2 (в Вапнярку):

„Бирзула занимается нами со стороны Голты. Немедленно отправляйтесь в Жмеринку к комбригу кавалерийской Крючковскому, выясните лично и точно условия выполнения известного вам приказа. Нельзя ли все же вместо кавалерии Ярмолинцы занять повстанцами Бессарабии, а всю кавалерию бросить на Староконстантинов. Главное—энергия. Пятый полк держите в Калиновке—резерв армии. О всем сказанном комгруппы вам должен был сообщить. Я лишь подталкиваю вас, заставьте кавалерию работать. Вы этим сразу измените положение. Торопитесь, по словам не верьте, а лично убедитесь. Энергия и смелость".

Следуя своему собственному указанию, „лично убедитесь", командукр выехал к Жмеринке. В Ярмолинцах выяснилась возможность использования узкоколейки (Гайсин—Семки). Эта узкоколейка тянулась двумя ветками от Рудницы через Гайсин, Самчевцы, Немиров, Ярмолинцы, Калиновка, Семки. На ней оказалось 6 вполне исправных паровозов, 118 товарных и 18 классных вагонов, 92 платформы и полувагонов. Командукр распорядился немедленно выплатить жалованье за месяц личному составу дороги и подготовить состав для переброски полка на Хмельник.

В результате ознакомления с узкоколейкой посылается телеграмма т. Мацилецкому (в Казатин):

„Выяснилось, вполне возможно перебросить на Хмельник или Семки полк; подвижной состав есть. Это и надо сделать, тщательно разведав путь и прикрывшись кавалерией. Вы мне говорили, что в Уланове стоит эскадрон. Наш пятый полк мог бы выйти—Любар или Уланов, а кавбригада—Староконстантинов, остальные части бьют Проскуров. Немедленно, но осторожно разведайте. Состав будет подготовлен: сейчас есть шесть паровозов, двести вагонов,—для пятого полка хватит. Путь надо разведать сейчас же и взять жел. дор. под охрану. 2 апреля № 0221".

В Жмеринке, в разговоре с т. Крючковским (комбригом 1 кавалерийской) выяснилось, что никаких распоряжений о движении к северо-западу во фланг—тыл противнику на Бердичевском направлении он не получал. Начштаба бригады—б. офицер Маковецкий, чрезвычайно военного, но явно ненадежного вида. У командукр сложилось впечатление, что это саботажник, ибо сей тип рекомендованный Глаголевым, настойчиво указывал, что, мол, состояние дорог не позволяет трогать кавалерию из Бара, где она завязла. (Впоследствии эти подозрения подтвердились. Уличенный в сношениях с Деникиным Маковецкий был расстрелян.)

Крючковскому указано:

„Вы должны были получить следующий оперативный приказ: Прикрывая частями бессарабских повстанцев и 2-м кавполком направление Ушица—Дунаевцы, спешно перевести остальные части бригады незаметно от неприятеля к ст. Деражня... налетом взять Староконстантинов, откуда действовать небольшими партиями в тыл противника у Проскурова, на Шепетовку и д. Любар в связи с нашими частями, наступающими к д. Любар со стороны Хмельника. Важно, чтобы противник не заметил вашего сосредоточения у Деражни и выступления на Староконстантинов. Комфронт Антонов“.

Одновременно командующему Киевской группой сообщалось: „Почему не отвечается на мои телеграммы. Приступлено к выполнению указанного плана—кавбригада бросается Староконстантинов, пятый полк по узкоколейке Хмельник—Любар. Конница Бердичевского участка должна содействовать немедленным занятием двумя эскадронами Лемешовки и Крыжановки, прикрывая переброску и освещая местность к Уланову. Эти 2 эскадрона придаются 5-му полку, служащему боковым авангардом. Начальнику этого дивизиона явиться в Калиновку за получением инструкций. Сделайте соответствующие распоряжения, копии их мне представьте“.

Между тем 2 апреля в Казатине выгрузился прибывший из Полтавы кавдивизион (340 сабель) в полной боевой исправности (отзыв особой комиссии Высшей военной инспекции) и отбыл на подкрепление нашего левого фланга под Бердичевом.

Обходный маневр кавалерии к Староконстантинову запаздывал, так как уже 3 апреля наступил перелом в нашу пользу под Бердичевом. Противник был разбит и преследовался. Бронепоезд Табукашвили (железнодорожников) уничтожил 2 бронепоезда противника, сбив их под откос. Развивая наступление, 3 мая мы заняли уже Демчин. Противник находился в лесу у Пятигорки и в эшелонах на ст. Михайловке. 3 апреля командующий группой отдал следующий приказ:

„Дополнение к оперативному приказу № 9. Разбитый противник под Коростенем, Житомиром, Бердичевом принимает все усилия задержать наступление наших и подвести резервы для закрепления линии Проскуров—Коростень. Численность противника на протяжении всей линии—до десяти тысяч пехоты и двух тысяч кавалерии. Для уничтожения противника и захвата линии Шепетовка—Проскуров—Коростень приказываю: начальнику второй дивизии тов. Ленговскому выделить в ударную группу пятый и четырнадцатый полки при их кавалерии и кавалерию шестого полка; всю группу перебросить в Калиновку, где перегрузить в эшелоны на узкоколейную, перебросив в Хмельник—Семки, под прикрытием при них кавалерии, которая должна осветить местность и быть боковым авангардом от Калиновки через Гулевицы—Пиков до Уланова. С прибытием всех частей в район Хмельник, Семки, Уланов пехоте выгрузиться с эшелонов. Построив группу в боевой порядок, перейти в решительное наступление от Хмельника—Любар, захватив последний. Немедленно связавшись с Бердичевской группой, сов-

местно уничтожить всю Бердичевскую группу противника, после чего начать одновременно решительное наступление на Шепетовку. Начальнику первой дивизии т. Шорсу все время вести наступление на Шепетовку вдоль железной дороги и, соединившись с ударной группой, захватить Шепетовку. Частям Проскуровского участка действовать согласно оперативному приказу № 9; остальным частям прежняя задача".

Этот приказ не отмечает точно расположения и намерений противника. Последний далеко еще не был разбит и вовсе не отходил уже без сопротивления к Шепетовке. Также неправильно указана наша боевая цель и совершенно нет задания для кавалерийской бригады, предписанного нами.

В этом отношении приказ № 8 (от 3 апреля) по 2-й дивизии более отвечал обстановке (характерен получившийся разнобой).

Обстановка по этому приказу была следующей: противник с целью удара в наш правый фланг сконцентрировал большие силы в районе Коростеня и Бердичева. После упорных боев наступление противника задержано, но он не перестает угрожать нашему правому флангу. На линии Коростень—Житомир и на линии Коростень—Сарны взорваны железнодорожные мосты и таким образом передвижение здесь прервано. 2-й дивизии дана задача зайти в тыл противнику и уничтожить его. В состав дивизии входят: отдельная кавбригада, 5-й полк 1-й стрелковой бригады и 2-й бригады, 7-й, 8-й и Чигиринский полки.

„§ 3. Дивизия получает задачу зайти в тыл противника, находящегося под Бердичевом, и уничтожить его живую силу; по занятии Староконстантинова действовать в тыл противника, по направлению Проскуров—Шепетовка; рассеять банды противника в районе Котюжаны—Новоушицы—Дунаевцы".

Во исполнение вышеупомянутой задачи было приказано:

I. Командиру 5-го полка тов. Палею: немедленно перебросить весь 5-й полк с приданной ему 2-й легкой батареей и I взводом первой легкой батареи на ст. Калиновка—пехоту, а на ст. Винница—артиллерию, погрузить все части в эшелоны узкоколейки и проследовать на ст. Хмельник—Семки: пехоте через Калиновку, а артиллерии через Гуменное и Калиновку. На ст. Семки выгрузиться и походным порядком направиться через деревню Качановка—Семки—Терешполь—Волица—Мотовиловка—м. Браталов до м. Любар, где и стать в исходное положение и иметь в виду уничтожение живой силы противника, действующего у Бердичева, стараясь войти в его глубокий тыл. Выслать отряд по направлению ст. Ремки с целью выяснения всего района и прочности железнодорожной линии. Со ст. Хмельник выслать разведку в составе конницы и пехоты для занятия переправы через реку Синевода у Уланова и прикрытия всего передвижения главной колонны на Любар. Коннице поддерживать тесную связь с левым флангом частей Бердичевской группы.

II. Командиру отдельной кавалерийской бригады тов. Крючковскому—выделить 2-й кавалерийский полк и подчиненые ему части бессарабских повстанцев в распоряжение командира 2-й пехотной бригады 2-й стрелковой дивизии тов. Жупана; с остальными ча-

стями его бригады, кроме 2-го и 5-го полков, форсированным маршем приложить все меры и усилия к быстрому передвижению со ст. Деражня на Староконстантинов для занятия этого пункта и действуя потом в зависимости от обстановки, главным образом в связи с пятым полком с тыла на сообщение Бердичевской группы противника и частью в тыл Проскуровской группы. Разведку нести также к Шепетовке и линии Тарнополь—Шепетовка. Запастись подрывными средствами для порчи путей между Проскуровом и Староконстантиновом с одной, Староконстантиновом и Шепетовкой—с другой стороны в тылу противника.

III. Командиру 2-й стрелковой бригады тов. Жупану приказано немедленно перебросить весь Чигиринский полк на Жмеринку для следования на ст. Богдановцы, где вести постоянное наблюдение за противником, ведя усиленную разведку, и набегами отвлекать его внимание от Староконстантинова. Для обеспечения за нами Днепровского плацдарма и левого фланга частей дивизии, в распоряжение Жупана передается второй кавалерийский полк и Бессарабский батальон, которому, освещая весь район вплоть до берега Днестра, занять Новоушицу, овладеть переправой через реку Калюс и вести усиленную разведку по направлению Дунаевцы и в случае необходимости уничтожить все переправы через реку Студенницу-Ушица и Калюс. Части 7-го полка направить через Жмеринку на ст. Комаровцы в качестве резерва дивизии. Части 8-го полка должны действовать по направлению ст. Бирзула с целью уничтожения противника в этом районе, прилагая все усилия к восстановлению связи с частями, действующими со стороны Голты. После ликвидации Бирзулы направить весь полк на ст. Бирзула для содействия развитию общей задачи. 2-ю легкую батарею передать в распоряжение командира 5-го полка т. Палея, мортирной батарее следовать с Чигиринским полком. Один из бронепоездов, действующих в районе Бирзула, направить через ст. Жмеринка на ст. Богдановцы, где ему оборонять головной участок железной дороги и шоссе на Меджибож. Штабу 2-й бригады перейти в Жмеринку.

IV. Командиру 1-й бригады т. Меньшеву приказываю немедленно перебросить Миргородский полк на ст. Винница в мое распоряжение, оставив 6-й полк в распоряжении начальника Бердичевского боевого участка.

Для успешного продвижения колонны по узкоколейке Калиновка—Хмельник—Семка командиру 5-го полка было указано на всех станциях назначить своих комендантов, в обязанность которых вменялось принять все меры к быстрой переброске эшелонов, дивизионному инженеру т. Барятинскому предписано принять все меры к эшелонированию всех составов, находящихся на линии Калиновка—Гайсин—Грайворон, и скорейшей их отправке на ст. Калиновка—Винница.

Ввиду того, что это движение должно было носить весьма скрытный характер, приказано было самым строжайшим образом держать все время части в своих руках и иметь полное охранение во время походного движения и во время бивуаков и стоянок; не допускать

фуражировок вперед сторожевого охранения. Обращалось внимание всех командиров на поддержание самой тесной связи между соседними частями, штабом бригады и дивизии.

Местонахождение штаба дивизии—Винница.

В действительности противник продолжал держаться упорно под Житомиром и на Шепетовском направлении, за ст. Демчин.

Оперсводка к 20 час. 4 апреля сообщала:

„На Коростеньском направлении без перемен. При занятии нами Шербатовки и Чеповичи было взято 29 пулеметов, 25 кавалерийских лошадей и 80 пленных. Противник понес убитыми до 250 человек; с нашей стороны 6 убитых, 16 ранено и 5 убитых лошадей. На Житомирском направлении со стороны Коростышева без перемен. Ведется разведка. 3 апреля было нападение на Коростышев отряда бандитов, численностью 500 человек. Нападение было нами отбито. Нами были заняты села Бельковцы, Зубровка, Козпева. Противник был разбит и в панике отступил. На Ровенском направлении наши части перешли в наступление, заняв деревни Катериновка, Швейковка, Райки, Кикишевку, Маркуши, Быстрик, Романовка и Радзивиловка. Наши бронепоезда стоят у Демчина, обстреливая Кустин, Малую-Татариновку и Демчин. На Проскуровском направлении противник повел наступление на Марковку силою в 200 штыков, но был отброшен нашими частями до Богдановца. На Бирзульском направлении со стороны Вапнярки наступление на станцию Рудница продолжается. Наши части достигли деревень Зелянка и Крикливская. При занятии станции Крыжополь нами взято одно орудие. Со стороны Голты наши части заняли последнюю станцию перед Балтою. Продвижение вперед наших частей замедляется вследствие сильной грязи“.

Начдиву 2 была послана телеграмма:

„Передайте немедленно Мацилецкому: необходимо кавалерией наблюдать глубоко правый фланг Казатин—Бердичевского расположения. Покус отступает к Коростышеву. Повидимому Житомирская группа усилена за счет Коростеньской, банды портят пути. К вам пробивается следом „Руднев“. Спешите обходом“.

Общее положение продолжало улучшаться:

К вечеру 6 апреля на Коростеньском направлении занимаются Мелени, Ходаки, причем захватываются 40 пулеметов и 300 винтовок. На Житомирском направлении отбиты атаки противника у Коростышева. На Шепетовском направлении мы прошли ст. Михайленки, Яблоновку. На Староконстантиновском—мы в 35 *км* к северо-востоку от Межибожи. Ночью 5-го—6-ой на ст. Богдановцы.

К вечеру 7 апреля наши части находятся в 2 *км* от Коростеня. В Житомирском направлении за Кодней и в районе Коростышева без перемен. На Шепетовском направлении наши части подошли к Чуднову, Любару, Свинная, Жеребки. В Проскуровском направлении нами взяты Богдановцы, в Бирзульском направлении Попелюхи.

К утру следующего дня: на Коростеньском направлении, после сильного боя 7 апреля нами занята ст. Коростень и м. Искорость. Противник под сильным натиском наших частей бежал в панике, по-

теряв 300 убитыми и 50 ранеными. На Тарнопольском направлении нами взяты города Проскуров и Староконстантинов, причем захвачено 4 орудия, 15 пулеметов и 50 пленных офицеров, неприятель понес 200 убитыми и много ранеными.

Мы немедленно телеграфировали в Смоленск Запармии: „Коростень нами занят, сделайте нужные выводы".

Одновременно командующему Киевской группой отдается директива:

„По занятии Коростеня надлежит: 1) преследовать противника по направлению к Сарнам и Новоград-Волынску на расстояние до одного перехода, основательно испортить ж.-д. пути, взорвав по паре отдаленных мостов в этих направлениях; 2) через Овруч войти в связь с Запфронтом; 3) заменить 1-й и 4-й полки постепенно 13-м, 15-м погрохранными, оставить у Коростеня 11-й полк погрохраны—эти части несут погрохр. службу, наблюдают пути, доформировываются, расчищают район от банд, при них остается бронепоезд; 4) немедленно организуется ж.-д. полк для охраны ж. д. Мозырь, Коростень и узла; 5) иметь в виду 151-й полк, впоследствии (по ликвидации Житомира) направить через Овруч—Мозырь в распоряжение Запфронта; 6) также и 12 погрохранный полк при первой возможности направить на соединение с остальными погрохранными частями".

Оперсводка от 9 апреля 11 часов сообщала:

„На Житомирском направлении со стороны Коростышева без перемен, со стороны же Бердичева красные войска подходят вплотную к Житомиру. На Ровенском направлении молниеносное движение красных войск продолжается. Красные войска подходят к Шепетовке. На Тарнопольском направлении повстанцы Проскуровского и Староконстантиновского уездов подходят к Збручу, бывшей границе Российской империи. Железнодорожная магистраль Одесса—Волочиск освобождена красными войсками от французов, англичан, греков, румын, добровольцев и Директории на всем протяжении (513 *км*). Захваченное имущество не поддается даже приблизительному подсчету".

В разгаре упорной борьбы за Киев на[illegible]с неожиданно повели наступление (при этом вскоре перешедшее в [illegible]рму, весьма нелойяльную)... из Серпухова. В невероятно длинной шифровке, помеченной 21 марта, главком дал подробную оценку „стратегической работы" командукра (телеграмма расшифрована нами 24 марта):

„Изучение вашей стратегической работы указывает... (не разобр.) и войсковые части автоматически двигаются по линии наименьшего сопротивления в южном и юго-западном направлениях, на что вы израсходуете последние резервы. В то время как на направления к западу от Киева и к северо-западу от него вами не обращается должное внимание, в результате чего со стороны Коростеня создалась Киеву реальная угроза, для ликвидации которой вы не потрудились создать резервы собственными усилиями. Ваше распоряжение перевести одну бригаду третьей дивизии в Киев было сделано без моего разрешения и даже без запроса моего согласия. Третья дивизия состоит на моем учете и является моим стратегическим резервом.

Она не являлась излишней или забытой на том месте, где ей приказано было сосредоточиться и потому раздергивать ее по частям вы не имели ни малейшего права. Последней директивой вам указано было: усиленно заняться укреплением Днепра на определенном участке, а к юго-западу от Днепра вести разведку. Уже это указание имело тот смысл, что прямым образом подчеркивало необходимость на левом берегу Днепра создавать и иметь наготове резервы, для того чтобы парировать всякие случайности при появлении противника в превосходных силах с запада или с юго-запада, или с юга. Из представленных вами донесений видно, что на Украинском фронте образовались многочисленные партизанские отряды и несколько самостоятельных атаманов. Той регулярной силы, которая должна была бы быть у вас в лице сильных и боеспособных дивизий, сформированных на началах всеобщей воинской повинности, дисциплинированных и воспитанных в режиме, принятом в Красной армии Российской советской республики, у вас нет, а между прочим только такие части могут служить гарантией того, что вся территория до берегов Черного моря и к западу от Днепра может быть удержана нами. Тот успех, которым сопровождаются в настоящее время действия регулярных частей, подведомственных вам, я склонен приписать тому, что Петлюра и Скоропадский окончательно сошли со сцены, что они не возвратятся с тем, чтобы снова оспаривать власть на Украине. Появление сильного отряда петлюровских войск под Коростенем и последние успехи его в районе Коростень—Овруч, сопровождавшиеся овладением этих пунктов, доказывают безошибочность высказываемого мною взгляда. Кроме всего вышеизложенного, я должен вам напомнить, что Украинский фронт не является самостоятельным. Вы, как командующий этим фронтом, должны внимательно поглядывать на то, что делается на Западном фронте, а равно и совершенно правильно уяснить то обстоятельство, что на Южном фронте в районе Донецкого бассейна началось генеральное сражение, от исхода которого зависит наше господство на юге России и на Украине и на Северном Кавказе. Между тем этому обстоятельству вы не придаете никакого серьезного значения, которого оно должно было заслуживать без всякого подсказа с моей стороны. Южный фронт своим правым флангом непосредственно примыкает к левому флангу Украинского фронта. Для содействия Южному фронту мною было приказано отправить части 9-й дивизии. На мой приказ об этом вы ответили телеграммой, что вы посылку частей 9-й дивизии для содействия Южному фронту считаете совершенно нецелесообразной. Не говоря о том, что вы подобными выражениями вторгаетесь в компетенцию главного командования, вы этим показали, что... (не разбор.). Считаю долгом обратить ваше внимание на то, что вы должны быть готовы встретить всякие случайности со стороны района, где происходит генеральное сражение. Вы должны иметь достаточные резервы из числа тех войск, которые вам переданы, не хватая без разрешения войска, вам не подчиненные. Вы должны создать резервы в Киеве для того, чтобы быть готовым дать отпор петлюровцам, имея в виду, что неуспех ваш под Киевом отразится непосредственно на всех наших успехах в юго-западном и южном направлениях, а равно и на исходе сражения на Дону. Необходимо вести стратегическую работу так, чтобы та территория, которая занимается войсками Украинского фронта, была бы вами удержана во что бы то ни стало, для чего надо иметь в

тылу резервы, каковых у вас в настоящее время нет. Формирование регулярных частей надо вести на основе всеобщей воинской повинности, введя в них общий режим, существующий в Красной армии. Только это послужит гарантией того, что мы выдержим напор на нас, который уже реально обозначился; прошу особенно внимательно следить за событиями последних дней на Западном фронте, где на стороне противника создалось общее командование против нас в лице Гинденбурга [1]. Там определенно против нас выступили поляки и добровольческие части германцев, а потому те резервы, которые держались для парирования случайности запада как меры, чтобы отряды Махно исполнили тот приказ, который дан вам по поводу наступления Махно, в общем направлены на Таганрог. Из сегодняшних данных разведки выясняется, что в Мариуполе высадились значительные части французских войск [2]. Это необходимо с точностью выяснить и этот десант уничтожить. Вам надлежит выработать совершенно определенный план действий и на случай появления превосходных сил противника. Вероятно в ближайшие дни будут отвлечены на Юго-западном фронте. В Прибалтийском крае мы терпим неуспех, противник имеет успех на всем фронте от Рижского залива до Поневежа включительно и это тоже отвлекает туда наши резервы. Третья дивизия самым спешным образом приводится в полную боевую готовность с тем, чтобы вскоре двинуть ее к Донецкому бассейну. Примите все энергичные меры в наиболее вероятных направлениях и составьте вполне определенные соображения о том, какие нужны будут резервы для того, чтобы дать решительный отпор противнику, а равно составить соображения, касающиеся создания этих резервов, вооружения и района расположения. № 846/гл.“.

Главкому было немедленно отвечено:

„На НР 816. Подробный ответ следует. Ваша директива—держать линию Днепра и вести разведку—дополнена была разрешением ликвидировать Петлюру. Взято более 50 орудий с замками, до 1 000 пулеметов, два броневика, 7 аэропланов исправных, захвачено целиком пять штабов дивизий и два штаба корпуса, до 4 000 пленных, до 120 вагонов снарядов и 400 000 снарядов в Жмеринке и бесчисленное множество всякого рода имущества. Это только на участке Киевской группы за последний месяц. Коростень—Овруч подчинены мне не были, там стояли части Западной армии, регулярные, воспитанные в указанном вами духе. Их было по нашему счету вполне достаточно для прикрытия Киева: бригада и два бронепоезда. В Киеве погрохранная бригада, коммунистический полк, кадры первой бригады 4-й Укр. дивизии, формируемой окрвоенкомом. Я оставил Глаголева и члена Реввоенсовета Щаденко для личного наблюдения за этими формированиями и организацией штаба Киевской группы. В Черниговщине—в тылу Киева—кадры третьей дивизии, в Курске—кадры 9-й дивизии (3 полка). Но части Западной армии позорно бежали, формирования Киева оказались слабы, кадры 9-й дивизии вы взяли у меня. 3-ю дивизию доформировывает Москва, т. е. будет готова через полгода (а у нас была бы в две недели). Вы

---

[1] Очевидно за Гинденбурга принят ген. фон-дер. Гольц, который примерно около этого времени появился на Латвийском участке красного Западного фронта со своей добровольческой «железной дивизией».— *Ред.*

[2] Это сведение оказалось ошибочным.— *Ред.*

отказались дать нам для бронепоездов тяжелые орудия. Саботаж железнодорожников, медлительность гражданской власти, но положение улучшится скоро. Отрядной системы у нас нет; атаман Григорьев командует бригадой. Повстанцы свернуты в полки, бригады и дивизии. Сплошная неправда, сказанная о моем отношении к Южфронту: туда дана нами половина артиллерии, треть пехоты, три броневика. Неоднократно я и Глаголев предлагали вам поручить нам одно из направлений Донецкого бассейна. Вы отказали и все же бригада Махно по нашему почину наступает на Мариуполь. А формирование новых частей—дело тыла, я за это не ответственен. Удивленный неожиданным наступлением вашим, готовый к исполнению приказов. 24 марта 1919 г. № 497/лк".

Конечно этот ответ не затрагивал всех незаслуженных упреков. Неверным было указание главкома, что части Украинского фронта движутся автоматически по линии наименьшего сопротивления. Они действовали по указанию командования и непосредственно против подлинной живой силы врага. Главные силы Петлюры были расположены к югу-востоку и к востоку от Жмеринки. Это совершенно точно установилось перехваченными нами приказами Петлюры и результатами боев Киевской группы за март. Конечно наше действие явилось довольно сложным и относительно рискованным маневром. Необходимо было считаться с возможной угрозой с запада и северо-запада. По Коростень—Сарны были исключительно для нас (включительно для Западной армии) и в Коростене стояли части Западной армии. Следовало конечно внимательно ознакомиться с положением в этом районе. Однако некоторое внимание этому району было уделено еще в бытность Глаголева в Киеве—стянута погранбригада в Киев и спешно формировались новые резервы. Тем не менее достаточная живая связь с Западной армией отсутствовала. Наступление к югу велось под прикрытием его фланга частями, выдвинутыми к Житомиру и прощупывавшими противника и далее на Новоград-Волынском и (от Бердичева) на Шепетовском направлениях. Некоторый риск был—все зависело от быстроты наших действий. Плохая организация кавгруппы (под непосредственным наблюдением Глаголева) и ничем не оправданная медлительность (хотя при этом ссылались на дурные дороги и отсутствие обоза) помешали отрезать ядро петлюровских сил у Жмеринки и уничтожить корпус Коновальца. Последний вырвался из кольца и усилил группу, действующую на Киев с запада и северо-запада (последний натиск на Киев петлюровцев был вызван стремлением спасти Запорожский корпус, прижатый нами к Днестру).

Ошибочным было заключение главкома, что мы „не запаслись резервами" в Киеве. Действительно мы самовольно взяли в Киев бригаду 3-й дивизии (из Черниговщины), но совсем неверно, что эта дивизия спешно и успешно доформировывалась усилиями центра. Ее кадры были тощи, и вообще она без нас не существовала бы. Конечно мы могли докомплектовать ее в две недели, но главком не

хотел ее „украинизирования“ и, обнаруживая явное недоверие к Украине, писал:

„Командующему фронтом Антонову. 28 марта 1919 года. Вы уже который раз телеграфировали мне о том, чтобы передать Украинскому фронту кадр третьей дивизии, которую вы якобы в состоянии в течение нескольких дней развернуть до штатного состава. Третья дивизия составляет мой стратегический резерв и она ни в коем случае не может быть украинизированной. Эта дивизия пополняется на основании распоряжений всероссийского главного штаба, после чего будет использована мною сообразно требованиям обстановки на фронтах. 873/Ш. Главком Вацетис, член Реввоенсовета республики Окулов“.

Утверждение, что была директива только закрепиться на Днепре и вести разведку, явно не соответствовало действительности. Данная директива была дополнена, и это признает и главком своим согласием на ликвидацию войск Петлюры.

У нас еще не была изжита отрядная система, но неверно, что мы с нею не боролись и не преодолевали ее. Конечно подлинно регулярная армия могла сложиться на Украине только на основе „всеобщей“ воинской повинности, но последняя в свою очередь требовала упрочнения органов совласти на местах, создания централизованного снабжения и весьма настойчивой политической обработки. За несколько месяцев мы достигли немало успехов в борьбе с партизанщиной, и нельзя было от нас требовать большего.

Вышеприведенные записки командукра свидетельствовали, что он сознавал необходимость спешной переорганизации наших частей в регулярные и мог провести эту переорганизацию успешно, только опираясь на кадры, данные из центра России.

Верно, что Украинский фронт не был самодовлеющим. Но с Западного фронта постоянно поступали успокоительные сведения, наконец там действовали неприятельские силы ограниченных задач, не распространявшихся на Украину (кроме Сар-Коростеньского направления). Между тем Южным фронтом мы занимались вопреки упрямому нежеланию главкома предоставить нам здесь активную роль (в частности неверно, что главком предписал Махно наступать на Таганрог—это всецело была наша инициатива).

Совершенно неверно, что мы саботировали переброску 9-й дивизии на Южный фронт[1].

Главком сам отмечал важность удержания Киева („неуспех под Киевом отразился бы на Донфронте“) и следовательно косвенно признавал правильность нашего стремления ликвидировать Петлюру

[1] На требование главкома Вацетиса перебросить 9-ю стрелковую дивизию на Южный фронт Антонов-Овсеенко отвечал следующей телеграммой: «Перед лицом революционной ответственности я решительно протестую против такого положения; и без того Южному фронту было отдано нами 10 полков, 20 орудий и 3 бронепоезда; теперь отняты последние резервы и кадры для формирований». (Подлинный документ: Архив Красной армии, д. № 763, л. 41. См. «Как сражалась революция» Н. Канутина стр. 88. — *Ред.*

и сосредоточить в Киеве достаточные резервы. Конечно украинское командование лелеяло заветную мысль скорее овладеть Черноморским побережьем, чтобы освободить силы для любого из нужных направлений. Мы мечтали подать руку быстро революционизирующемуся западу. Но эти мечты расцветали лишь в надежде несомненной нашей победы в Донбассе (нам постоянно твердили о ее неизбежности).

Главком совсем не понимал необходимости помешать Директории создать стык с союзным десантом на Черноморье и реорганизовать свою армию на основе подписанного с французами договора. Мы должны были развивать успех к Одессе и Жмеринке, чтобы не дать сложиться единому фронту наших врагов и закрепиться на побережье до подхода новых антантовских сил (например греков, румын, сербов).

Главком не видел за петлюровцами галичан, которые могли появиться на нашем фронте, помирившись с поляками (при содействии Антанты), и до подхода которых мы должны были достигнуть границ Галиции.

На нашу телеграмму от 24 марта главком отвечал (25 марта):

„В телеграмме, которую вы прислали мне в оправдание ваше и ваших действий, вы указываете, что мною было разрешено вам преследовать войска Петлюры. Это совершенно верно. Войска Петлюры необходимо было жать, но преследование должно было вестись в том направлении, куда отходил Петлюра со своими войсками, т. е. в направлении от Киева на Восточную Галицию. Преследование необходимо было вести с полной интенсивностью до полного разгрома всякой организованности в войсках Петлюры. Это необходимо было для того, чтобы на возможно более продолжительное время гарантировать себя от нового наступления со стороны Петлюры. Вот это сделано вами не было. Часть ваших войск наступает в сторону Румынии, а дивизия Дыбенко ломится и в Крымский полуостров. Самое же опасное для вас направление, откуда во всяком случае необходимо было ожидать удара, вами было оставлено совершенно без всякого внимания. В настоящее время, когда Петлюра снова очутился под Киевом, необходимо принять все меры к окончательному разгрому Петлюры. Рекомендую вам действовать в духе данной вам директивы от 21 марта 846/III, приостановить развитие действий в направлении к Румынской границе, а равно и к берегам Черного моря, перебросить оттуда все лишние войска против войск Петлюры и поставить своей ближайшей целью окончательную ликвидацию наступления против вас со стороны Петлюры; причем ваше продвижение в западном направлении необходимо довести до границ юго-восточной Галиции и Буковины. Последнее необходимо для того, чтобы установить непосредственную тесную связь с советскими войсками Венгрии. № 861/III“.

Эта телеграмма в свою очередь вызвала новый ответ с нашей стороны с новым доказательством правильности наших взглядов и ошибочных утверждений главкома.

Необходимость строить армию на началах всеобщей воинской повинности ясно нами понималась. При самозарождении Времен-

ного украинского советского правительства этот принцип положен в основу строительства украинской советской армии. В докладе, представленном т. Подвойским съезду советов Украины (13 марта), этому вопросу уделено большое внимание. Но вот, например, как на практике выглядело это строительство регулярной армии в Киевщине. Киевский губвоенком докладывал 17 марта окрвоенкому:

„В настоящее время проведение успешной и планомерной мобилизации в Киевской губ. встретит большие затруднения в силу следующих причин:

1) не вся губерния очищена от противника, в уездах же, занятых советскими войсками, бродят вооруженные банды, которых еще не было времени и сил ликвидировать;

2) не доформированы караульные части в уездных городах;

3) не везде сформированы и не действуют еще на местах административные органы, особенно низшие, т. е. волостные комиссариаты, а связь с уже сформированными трудно поддерживать;

4) налажен мобилизационный аппарат лишь в четырех уездах: Киевском, Васильковском, Каневском и Черкасском, где уже работают уездные комиссариаты по учету командного состава, военнообязанных и лошадей, да и то более успешно в городах, в волостях же только идет формирование волостных комиссариатов и приступают к учету.

Принимая во внимание вышеуказанное, полагал бы мобилизацию в Киевской губернии произвести в две очереди, а именно: в первую очередь в четырех перечисленных уездах, по сформированию всех административных органов и караульных частей и по окончании всех подготовительных к мобилизации работ, т. е. не ранее десяти—четырнадцати дней, а во вторую очередь в остальных восьми уездах после очищения противником всей Киевской губернии и сформирования в них всех административных органов и караульных батальонов“.

Комиссар Военноокружного штаба в свой черед докладывал (20 марта):

„Из поступающих ко мне донесений сотрудников Разведывательного отдела точно устанавливается, что положение советской власти в Киевском уезде далеко не блестяще. Почти что во всех волостях ведется антисоветская пропаганда; антисемитская пропаганда достигает чудовищных размеров. Советские работники на местах бессильны, и очень многие совершенно далеки от советской власти. Имеются сведения, что население окажет противодействие при объявлении мобилизации лошадей. При таких условиях Киевский губвоенком предполагает объявить мобилизацию лошадей по уезду.

Принимая во внимание, что округ не располагает воинской силой, способной водворить порядок в тех местах, где могут возникнуть волнения, я полагал бы мобилизацию лошадей по Киевскому уезду временно отменить и приказать Киевскому губвоенкому немедленно принять самые решительные меры к формированию караульного батальона при уездвоенкоме“.

На ряду с этой полемикой главком предписал:

„1) Основная директива: прочное закрепление на Днепре, разведка на правом берегу, создание резервов на левом берегу остается без изменений, разумеется по ликвидации коростеньского прорыва;

2) резервы должны быть такой силой, чтобы можно было даже часть их выделить Южфронту; 3) укрепление линии Днепра должно итти усиленным темпом; 4) с соседями держать особо прочную связь, обмениваясь оперативными приказами".

Председатель РВСР поддержал главкома и, повторяя упрек главкома, писал: „Донецко-донской фронт попрежнему остается главным. Ваши нарекания считаю неосновательными. Итти по линии наименьшего сопротивления недопустимо. 24 марта".

В это же время мы докладывали главкому:

„Ввиду изменившейся обстановки разграничительную линию с Запфронтом: Гомель исключительно, Овруч, Сарны, Ковель включительно. Под Коростенем и Житомиром противник бежит; у Проскурова стычки, Вапрянская група противника сдалась в плен. Под Одессою упорный бой, в Крымском направлении захвачены ст. Чонгор и Чонгорский мол. С Мариуполя сведений нет".

28 марта главком прислал вновь необычайно длинную шифровку в которой, сопоставляя тревожные телеграммы Х. Раковского (Ленину с копиями в РВСР) о положении под Киевом с нашими успокоительными донесениями, требовал пояснений и указывал, что не может понять, почему Х. Раковский добивается подкреплений с Южного фронта, на котором идет генеральное сражение. Так как Х. Раковский ссылался в своей телеграмме на согласие Реввоенсовета Южного фронта (на совещании последнего с т. Межлауком— наркомвоенделом Украины) передать обратно Украинскому фронту взятые у него силы (9-ю дивизию и т. д.), то главком спрашивал у командования Южным фронтом, чем мотивировано его согласие.

Во всяком случае телеграмма подтверждает, что и Х. Раковский и члены Реввоенсовета Южного фронта оптимистически оценивали положение на Южном фронте в конце марта.

Эту неприятную полемику пришлось возобновить через несколько недель. В „Известиях Наркомвоен" (№ 70) за подписью П. Коробова, названного собственным корреспондентом газеты, была помещена статья, резко критикующая в духе приведенных выше рассуждений Вацетиса стратегическую работу командования Украинским фронтом.

Командукр немедленно отозвался письмом в редакцию:

„Москва „Известия Наркомвоен". Копии Предревсовету, Серпухов, главкому Вацетису.

Требую помещения в вашей газете моего „письма в редакцию".

Ваш неизвестный мне корреспондент в № 70 „Известия" критикует мою военную работу. Следовало бы до критики знать то, что критикуешь. Ваш корреспондент ни разу не был в штабе Укр. фронта, и его статейка полна фактической неправды. Даю краткий очерк действий Киевской группы. Перехваченные приказы Петлюры свидетельствовали, что им была создана в конце февраля ударная группа силой до 10 000 штыков для удара на Черкасы; у Винницы—столицы Директории—держался Коновалец с лучшими частями, левый фланг действовал слабо у Ровно. В Галиции шли бои галичан

с поляками. Между Петлюрой и союзным командованием в Одессе шли переговоры о взаимных действиях против нас. Наш правый фланг у Коростеня и Сарн удерживал части Западного фронта, мне не подчиненные. В Киеве наш резерв. Мое решение: прикрытие к Ровно, прорыв центра противника, уничтожение его ударной группы. Результаты: центр противника разгромлен, взято до четырех тысяч пленных, до 200 орудий, из них до пятидесяти вполне исправных, десять тяжелых, несколько сот пулеметов, громадные склады всякого имущества, уничтожены штабы пяти дивизий и двух корпусов. Только неожиданная распутица спасла Коновальца от обходного движения нашей конницы. Ударная группа противника после долгих упорных боев у Цветкова, Христиновки, Умани и т. д. была окружена, частью рассеяна, частью (три полка, в том числе Петлюровский полк) сдалась в плен у Вапнярки. Путь к Одессе очищен. Военный союз Директории с союзниками не состоялся. Наша армия, почти не получавшая снабжения, обильно снабжена пулеметами, орудиями, снарядами, продовольствием. Но к пятнадцатому марта Директория заключила мир с поляками и бросила освободившиеся галичанские полки на Сарны—Коростень и главным образом Бердичев—Житомир. Части Западного фронта постыдно бежали, бросив Сарны, бросив Коростень. Мы ответили ударом на удар. Отбив обратно Коростень, взяли Проскуров, Волочиск, Изяслав, Шепетовку, разбили лучшие части противника, захватили вновь громадную добычу. Стоим у порога Галиции и на освобожденном от врага Черноморском побережье. Заключение: страницы „Известий Наркомвоен“ не место для личных выпадов против командфронтами. Командующий армиями Укрфронта, Антонов“, 16/IV. 820/лк.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (Карты 4 и 6).

Тыл не спокоен. Положение в районе Золотоноши и на Черниговщине. Кулацкое движение в Правобережьи. Радомысльский уезд. Восстание Зеленого в Киевщине. Петлюровская агентура. Выводы из уроков борьбы за Киев.

С середины марта борьба за Киев велась в исключительно напряженной для нас обстановке крайне неспокойного тыла. Вокруг Киева полыхали кулацкие восстания, отражающиеся на наших повстанческих частях. На соседнем, Западном фронте—неблагополучно. Временами Киев оказывался в кольце повсеместных волнений, и отрезанный со всех сторон Реввоенсовет фронта сносился со штабами армии только по радио.

27 марта окрвоенком послал командукру доклад о положении в районе Черкас—Золотоноши (к началу марта). Вот выдержки из этого доклада:

Председателем ревкома г. Золотоноши состоит Грудницкий, бывший народный учитель. Во время гетманской власти Грудницкий вел агитацию против гетмана. При Директории он объявил себя комендантом г. Золотоноши, хотя назначения на эту должность не получал. Когда положение Директории ухудшилось, Грудницкий вел агитацию за советскую власть. После прихода советских войск он, по слухам, агитировал уже против советской власти. Грудницкий—личность известная в своем районе. Он захватил в свои руки всю местную гражданскую власть, пытался даже подчинить своей компетенции уездный Военком и не считает нужным представлять отчета не только о своей деятельности, но и денежного.

Расположенные в г. Золотоноше и его окрестностях 1-й и 2-й красные советские полки (как говорят „для формирования“) находятся под командованием „начальника гарнизона“ г. Золотоноши и его округа, командующего Революционной армией Полтавского и Киевского побережья Богунского“. Вызванному в Полтавский губвоенком Богунскому было предложено перевести части его дивизии из Золотоноши, Переяслава, Гребенки и т. д. в другие города (очевидно с целью расформирования не совсем благонадежного элемента). Богунский заявил, что он стоит полностью на советской платформе, но не может исполнить этого приказания без согласия своих частей (между прочим в Полтаву его сопровождал значительный отряд,

который будто бы при расставании заявил Богунскому: „Не беспокойтесь, и если нужно, позовите нас").

28 марта поступили дополнительные сведения от т. Хохлова, члена Высшей военной инспекции. Тов. Хохлов сообщал:

„В деревню Студеники Переяславского уезда прибыл отряд в 100 человек под командой Лашуна, разогнал районный волостной комиссариат, собрал сход, на котором произносились речи с призывом, что люди у власти не соответствуют своему назначению, требовал возвращения всего риквизированного у спекулянтов имущества и освобождения одного арестованного за агитацию против советской власти и заявил, что он идет в Переяслав, где возьмет у командира 1-го Золотоношского червонного полка еще батальон, а потом поедет в город Пирятин бить евреев. Отряд Лашуна—из разоруженной 2-й пирятинской роты, разбежавшейся в Полтаве.

Уездный военный комиссар сообщает, что в Пирятинском уезде подготовляется восстание".

Проверка этих сведений установила однако, что части Богунского не хуже остальных. Их следовало только скорее вывести на фронт, дабы „не разлагались в тылу".

29 марта командуктр говорил по прямому проводу с Богунским. Последний ходатайствовал, чтобы бригаду не сводить в полк и доформировать (у него 2 пехотных полка, дивизион кавалерии, 20 пулеметов, 3 орудия и 9 орудий без замков). Для этого требовалось 2 000 винтовок, 25 пулеметов и 6 000 комплектов обмундирования. Командукр ответил согласием на доформирование бригады, но требовал немедленной подготовки к погрузке для отправки на фронт одного полка, кавдивизиона и взвода артиллерии.

Одновременно командукр телеграфировал Полтавскому губвоенкому:

„Надо немедленно усилить гарнизон Золотоноши. Полки Богунского не надежны и выводятся на фронт". „

В начале апреля поступил доклад т. Качаловского (переяславского коммуниста) о революции в Переяславе. Сущность этой „революции" заключалась в следующем:

После свержения гетмана в Переяславе наступило засилие украинских эсеров. В Ревкоме, созданном на паритетных началах с коммунистами, председателем состоял эсер Орловский (рекомендованный из Золотоноши, где образовался „Совет народных комиссаров" во главе с Грудницким), однако при содействии инструктора из Полтавы был организован совет, куда в большинстве прошли коммунисты (в состав горисполкома вошли 9 коммунистов и 4 украинских эсера). На место Орловского из Полтавы был прислан т. Фиксель. Общее собрание „красной охоронной сотни" представило в совет заявление, что не желает иметь комиссаром еврея.

5 марта в Переяслав прибыл из Канева Золотоношский полк; комполка Лопаткин объявил 9 марта военную диктатуру и потребовал представлять ему на утверждение все постановления исполкома

как „жидовского“ (в горисполоме из 13 членов—три еврея). Заседавший в то время уездный съезд советов прошел „под сильным антисемитским настроением, созданным Лопаткиным“ и не без помощи украинских эсеров. На съезде находился и Грудницкий. Лопаткин передал власть уездному исполкому, выбранному съездом (председателем чрезвычайки был эсер). Постепенно коммунисты проникли в Золотоношский полк. Но Лопаткин, на ряду с резолюцией о создании комячейки, провел резолюцию: „полк стоит на той же платформе, что и Зеленый, и выносит протест против „Киевского коммуниста“ о Зеленом“.

23 марта в полку происходил митинг, на котором выступил делегат Зеленого. Его заявление: „Без самостийности ничего не добьемся“, вызвало возмущение в полку. Лопаткина хотели арестовать, но приехавший Богунский успокоил полк. В тот же день был подслушан разговор Лопаткина по телефону с Золотоношей: Лопаткин говорил, что „все уладилось, пусть Золотоноша действует левым, а он правым“. Перехвачено было также и письмо Лопаткина к Зеленому. Лопаткин писал: „Действуй, мы тебя поддержим“.

30 марта в Киев поступили неожиданные сведения о занятии неизвестной бандой ст. Борисполь (40 *км* от Киева). Окрвоенком вообразил, что это передовой отряд Богунского, восставшего против соввласти. Однако наша разведка выяснила, что занявшая Борисполь банда находится под командой петлюровского полковника Михно, который проживал в м. Воронково (Полтавской губ.), в 50 *км* от Киева, и поддерживал связь с Зеленым. До этого Михно был комендантом Воронковской сотни, которая после ее разоружения партизанским отрядом, прибывшим со стороны Нежина, присоединилась к партизанам. Сам Михно сбежал.

Заведующий Бориспольской телеграфной станцией Момот работал у Михно в качестве разведчика. 23 марта в Борисполе были выпущены антисоветские и антисемитские прокламации с призывом уничтожать „евреев и кацапов“. Банда Михно насчитывала до 500 чел. В контакте с Михно действовали председатель и некоторые члены Бориспольского Исполкома.

28 марта банда Михно произвела нападение на дачный поезд, расстреляв пять советских работников. 29 марта такой же поезд был ограблен. Михно наложил на Борисполь контрибуцию в размере 50 000 рублей и натурой (хлеб и соль). Несмотря на агитацию, банды Михно увеличивались слабо. Михно предполагал разрушить железнодорожный мост между Борисполем и ст. Барышевкой и этим воспрепятствовать подвозу продуктов в Киев.

1 апреля наштаб бригады Богунского говорил по прямому с Киевом, сообщая, что в Золотоношу явились представители окружной военной инспекции для переформирования бригады в 13-й стрелковый полк,—между тем как штабом бригады получен личный приказ командукра о выступлении на фронт. Из Киева немедленно было указано: „Бригада передана в распоряжение фронта и ей следовать на Одесский фронт. Команд. Одесской группой т. Худяков выехал

непосредственно под Одессу; от него и надлежит получить дальнейшие указания, а также дополнительное вооружение и деньги".

В тот же день комбриг Богунский обратился из Переяслава по прямому проводу к командфронта с просьбой от имени красноармейцев оставить бригаду для ликвидации бандитских шаек, так как в последних немало заблудших, „таких же пролетариев". Командукр отвечал:

„Оставить один батальон".

Богунский не угомонился и на следующий день вновь обратился к командукру с этой же просьбой.

Командукр находился в отъезде (на фронте) и эту просьбу получил через несколько дней. Тогда же пришли следующие сведения о бригаде Богунского:

„В Переяславе находится 1-й Золотоношский полк в составе 4 батальонов 1-й сотни и около 6 орудий. Численный состав около 2½ тысяч. Полк вооружен русскими винтовками, имеет 8 пулеметов. Ощущается недостаток в патронах. Одеты красноармейцы хорошо. Настроение красноармейцев бодрое. Командному составу красноармейцы доверяют, в особенности Богунскому, и говорят, что вместе с ним сражались против петлюровцев. Отношение к местному населению хорошее. Красноармейцы стоят за советскую власть. Они говорят, что положат оружие только тогда, когда буржуи будут окончательно разбиты. Политическая жизнь в полку направляется с одной стороны Лопаткиным, а с другой Коммунистической партией Переяслава.

2 апреля по инициативе командного состава состоялся митинг, на котором Богунский и Лопаткин говорили, что из России приезжают на Украину жиды-спекулянты, все увозят, а взамен ничего не дают, что во всех чрезвычайках сидят жиды, а на фронте их нет. Они же доказывали солдатам, что части Зеленого также борются за Советскую власть и что их разоружать не следует, что Зеленый просит, чтобы его приняли в их состав. В результате митинга было выпущено воззвание за подписью Богунского и Грудницкого".

Но уже 2 апреля в Золотоношу прибыли члены РВС Одесской группы тт. Рославлев и Дятько. Они сообщили в Киев:

„Тов. Богунский оказался в Переяславе, где находится часть его бригады. Бригада должна была отправиться в Вознесенск согласно приказу т. Антонова, но из переговоров с т. Богунским оказывается, что с т. Антоновым дан ему новый приказ отправиться с бригадою под Киев для подавления бандитских шаек. Просим разъяснения и сообщить, какой приказ считать в силе. Ждем ответа".

Было отвечено:

„Примите все меры к скорейшей отправке бригады по первому назначению, приказа № 2 не было, можно оставить только один батальон".

Однако путаница из-за контруказаний штаба Киевской группы продолжалась. На запрос из Золотоноши этот штаб ответил, что в силе остается „второй приказ", и бригада должна остаться для по-

давления бандитизма, хотя это утверждение не помешало штабу группы признаться, что „второй приказ Антонова“ ему неизвестен (его и не было), но „известно, что идут восстания, которые надо подавить“.

Между тем военный округ был уже встревожен поступившими к нему сведениями и писал:

„По поручению окрвоенкома Богданова сообщаю следующую телеграмму из Переяслава: „Третьего апреля в шестнадцать часов Лопаткин вышел с полком в Борисполь, полк идет в контакте с Зеленым, командный состав черносотенный. Орлов“. Прошу дать срочные распоряжения. Крайне необходим бронепоезд для защиты линии Киев—Полтава“. Киевским окрвоенкомом возможные меры приняты, но сил недостаточно, сегодня высылается в Борисполь рота с пулеметами“.

Пахло уже паникой, хотя на линии железной дороги от Полтавы к Киеву действовали только мелкие банды Михно. Но растерялись не все. Энергично работала чрезвычайная комиссия Высшей военной инспекции. Она вскоре телеграфировала:

„Киев Наркомвоену Подвойскому, Предвысшей инспекции Юдовскому, Окрвоенком Богданову. Из Ромодана принята 4/4-19.

Ст. Миргород в 20 час. 30 мин. занята нами, банды убираются на Гоголево, но там их ждут доблестные защитники революции, принимаем меры к окончательной ликвидации. Дальнейшая помощь нам не нужна, путь исправлен на протяжении от Киева до Миргорода. Чрезвычайная комиссия Высшей военной инспекции по обороне ж. д. Пучко, Лукин, Трифонов, Алексеевский“.

5 апреля в 12 часов командукр по прямому говорил с Богунским.

Антонов: Получены сведения, что Лопаткин пытается выдвинуть Золотоношский полк против советской власти. Предупреждаю, что Вы ответственны за своих подчиненных. Немедленно Лопаткина арестуйте и направьте для суда ко мне. Если совершатся безобразия в Ваших частях, отвечаете головой. Двигайте скорее части под Одессу, в бой. Позор и стыд давать им разлагаться в тылу.

Богунский: Переданные Вами сведения неправильны, части вовсе не разлагаются, сегодня ночью разоружили бандита Михно, а теперь отдан наказ Лопаткину, чтобы он двигался на Борисполь для погрузки в эшелоны, которые туда высланы согласно Вашему распоряжению; второй же полк уже грузится.

Антонов: Великолепно, в таком случае вы отвечаете за Лопаткина.

Богунский: Добавляю: Михно убит. (Тов. Рославлев тут же подтверждает слова Богунского.) Один полк бригады будет завтра в Борисполе и немедленно погрузится. В Золотоноше погрузка идет полным ходом. Сейчас грузим хозяйственную часть и производится смотр.

В свою очередь Лопаткин докладывал:

„Доношу, что в заводе в Воронкове во всем Переяславском уезде ликвидированы банды Зеленого, разогнаны и разоружены 1-м Зо-

лотоношским полком, а теперь полк идет сегодня в Борисполь. Жду распоряжений".

Желая рассредоточить ненадежную бригаду и выявить личности Лопаткина и Богунского, командукр ответил Лопаткину:

„Ввиду необходимости оставить надежную часть в Переяславе, полку отправиться обратно в Переяслав. Вам лично прибыть в Киев для дополнительного доклада о борьбе с бандами Михно. Сообщите полку, что петлюровские войска окончательно разбиты под Коростенем, Бердичевом и Проскуровом. Объявите также, что все, подымающие оружие против власти рабочих и крестьян, против правительства, избранного на 3-м Всеукраинском съезде советов, являются предателями, объявляются вне закона и должны быть и будут истреблены, как собаки. Для подавления в Вашем районе противосоветских выступлений в подкрепление Вам высылается Таращанский полк с сильной артиллерией и броневым поездом".

Лопаткин взволновался:

„Скажите пожалуйста, против кого будут сопротивляться: против Золотоношского полка?—полка Советского? Относительно моего приезда в Киев—после отправки полка или по приезде в Золотоношу? А как полк отправлять в Переяслав—поездом или, так как здесь недалеко, пешком?".

Лопаткину было отвечено, что полк необходимо отправить пешком и указано:

„Приказ от отправке Золотоношского полка обратно и Вашем приезде с докладом ко мне—приказ боевой. Выполнить немедленно. Нашему отряду и бронепоездам приказано, если застанет Вас у Борисполя, считать изменниками и всех сопротивляющихся уничтожить".

Между тем военкомы продолжали путать, хотя они должны были уже знать, что бригада Богунского им не подчинена, губвоенком из Полтавы предписывал Золотоношскому полку оставаться в Золотоноше.

6 апреля в разговоре по прямому с нашим штабом Богунский указал на эту путаницу. Командукр ответил: „Золотоношский полк остается в Переяславе для закрепления линии Днепра. Второй полк должен отправиться в Вознесенск на фронт. Впоследствии Золотоношский к нему присоединится".

Богунский упрашивал не разъединять „спаянные кровью" части его бригады, которые „говорят, что им не доверяют, а потому хотят их разъединить". Командукр прекратил эти рассуждения угрозой предать суду за неисполнение боевого приказа. Богунский настаивал на своей просьбе разрешить Золотоношскому полку вернуться в Переяслав по железной дороге, а не походным порядком. Командукр подтвердил свой прежний приказ.

8 апреля Богунский прибыл к командукру стройный, молодой, с нервным и подвижным тонким лицом. Богунский располагал к себе своей порывистой искренностью. Он заявил, что подписал антисоветское воззвание, желая войти в доверие к Грудницкому и разведать его планы. О своем намерении подписать это воззвание он

известил членов Золотоношского исполкома. Признавая, что совершал акт, за который достоин расстрела, Богунский указал на то, что искупил этот поступок тем, что, расстроив планы Зеленого, громит его банды и просит дать ему возможность полностью реабилитировать себя на внутреннем фронте.

Кроме того Богунский передал подробности этой „истории“.

В Переяславе им были созваны комячейки и старшины частей, которые и были посвящены во все планы.

С ревкомом в Триполье, состоящем из 11 человек (из которых 7 называют себя коммунистами, 2 левых эсера и 2 незалежники), связаны: 1) Волошин и Соколовский (их явка на 1-й просеке в Святошино), действующие в Радомысльском уезде, 2) Ангелов (Ангел) и ревком (в Нежине)—на Черниговщине, 3) Пасько—в Миргородском уезде и 4) Карпинский—Васильков. около 3 000 гетманцев из Кагарлыка (Киев. губ.), снюхались с Зеленым и пытаются пройти на Канев, Мироновку, Цветково. В ревкоме был также посланец от Григорьева, который передал слова последнего: „Работайте. Я возьму Одессу, а потом пойду с вами“.

В контакте с этим ревкомом работает редактор „Народной воли“ Снежко (Елько). От Грудницкого посылалась делегация к Петлюре, которая заявила последнему: „Выскажись за советскую власть, тогда пойдем с тобой“. В Кагарлыке у Зеленого 2 000 штыков и 14 пулеметов. Под его влиянием находятся Черняхов, Стретовка, Триполье, Кагарлык и наполовину Ржищев.

Тов. Рославлев целиком подтвердил признания Богунского. Лопаткин также покаялся. Этот неуклюжий малый слепо шел за Богунским.

Мы решили не раздувать этой истории, но отказались от мысли послать бригаду Богунского к Вознесенску, где она могла войти в излишне близкий контакт с ненадежными частями Григорьева. Втянутая же уже в борьбу с бандитами Зеленого эта бригада скорее могла в боях очиститься от антисоветских элементов.

Но чека продолжала тревожить нас сведениями о неблагополучии в частях Богунского.

Мы отвечали:

„Сообщения относительно бригады Богунского, исходящие от вашего агента из Переяславля, относятся к марту месяцу. На этих запоздалых данных основываться не годится. Вам следует только наблюдать за Лопаткиным. Богунский мной выявлен: он наш, коммунист, он совершил лишь проступок, подписавши провокаторское воззвание. Но это воззвание он тотчас же представил Золотоношскому исполкому и приказал арестовать Грудницкого. Подписал он воззвание, чтобы войти в доверие к Грудницкому. Богунский сейчас выступает против Зеленого, и всякое вмешательство чрезвычайной комиссии только вредит“.

Заведующий информационным отделом Совнаркома т. Кулик впоследствии (17 апреля) подтверждал:

„В Каневе организовался новый совнарком из элементов, близких

к незалежникам. Председатель совнаркома—Александр Грудницкий, наркомвнудел—Евтушенко, наркомвоен—Зеленый, главком Богунский. Последний коммунист, и вошел в совнарком с целью взорвать его изнутри. Пока ему удалось уже разоружить 3 000 зеленовцев, стоящих (если не ошибаюсь) в Таращe. В Золотоноше, где раньше был Грудницкий, теперь все уже спокойно. „Совнарком", говорят, рассеялся по провинции".

На основании докладов Богунского и сложившегося к тому времени положения командукр предписал Богунскому (8 апреля):

„Ввиду взятия Одессы и выяснившейся измены Зеленого и его выступлений против советской власти, Вам предписывается покончить с гнездами контрреволюции на правом берегу Днепра, задержав отправку на Одесский участок.

Отстоять линию от Мироновки до Белой Церкви и уничтожить банды в Кагарлыке и других опорных пунктах Зеленого и прочих бандитов".

Того же числа мы писали предсовнаркому:

„Из докладов Богунского и других вырисовывается картина полнейшего отсутствия, даже в таких близких от нас центрах как Золотоноша, точной информации о нашем военнополитическом положении. Даже о венгерской революции товарищи из Золотоноши узнали, лишь прибыв в Киев.

Необходимо принять немедленно меры к осведомлению провинции: 1) необходимо составлять ежедневно краткий бюллетень Совнаркома слов на триста и рассылать по всем советским учреждениям на Украине; 2) необходимо обязать все губернские центры организовать сеть агентов-осведомителей по уездам, агентов, ответственных за эту работу и подотчетных; 3) вторично распределить работников по районам для обслуживания деревень информацией относительно задач и работы советской власти".

Между тем Золотоношский исполком, избавившись от Грудницкого, торжественно заявил:

„Золотоношский исполком с представителями войсковых частей, расположенных в г. Золотоноше, обсудивши общее политическое положение на Украине в связи с авантюрами Зеленого и подобных ему, а также положение в Золотоношском уезде, в связи с изменническими поступками членов исполкома Грудницкого, Янчук Евтушенко, на свой риск принявших участие в этой авантюре, постановили заверить центральное правительство Украины в том, что Золотоношский уезд и войска остаются верными ему и готовыми реальной силой поддержать его в борьбе с авантюристами, пытающимися разъединить единый революционный фронт пролетариата; считают членов исполкома, принявших участие в этой авнантюре, изменниками делу революции и исключают их из состава исполкома. 9/IV".

Тем временем двинувшийся в эшелонах к Вознесенску отряд Богунского 7 апреля передовыми частями прибыл в Черкасы. Здесь он получил сведения о захвате бандами Канева. Тов. Дятько, сопровождавший головной эшелон, испрашивал, как быть.

Ему было отвечено: „Действуйте по обстановке, не допустите захватить мост...“

Одновременно с „недоразумениями“, связанными с бригадой Богунского, осложнилось положение и в Черниговщине.

25 марта поступило неожиданное извещение:

„Комфронту Антонову. В Гомеле возвратились с фронта одиннадцать эшелонов шестьдесят седьмого, шестьдесят восьмого и сто сорок пятого полков, захватили броневик, намереваются силой пробиться на Брянск. Начвосоукр дано приказание не допускать означенного вплоть до взорвания эшелонов. Наштаукр Глаголев“.

В тот же день командукр получил телеграмму из Рамодана от командира 23-го железнодорожного полка:

„Возвращаясь с фронта, полки 67, 68 и 145 взбунтовались, заняли город и станцию Новобелицы, установили 4 батареи. Требуются срочные указания. Стою в Ромодане своим эшелоном. Нужны агитаторы, небольшие отряды коммунистов с броневиками, так как у них пока спокойно. Иначе белогвардейцы могут использовать положение. Бессарабский“.

Из Новозыбкова по линии чрезвычайной комиссии поступали более тревожные сообщения:

„Гомеле мятеж. Советская власть разогнана восставшими левоэсеровскими отрядами; двигаются по направлению Брянск (по имеющимся сведениям, эшелоны артиллерии), согласно телеграфному сообщению, под лозунгом учредительного собрания. Приняты всевозможные меры. Уезды объявлены осадном положении. Образован штаб обороны. Население спокойно“.

В свою очередь из Гомеля телеграфировали:

„Самовольно ушедшие с фронта эшелоны 8-й стрелковой дивизии осадили революционную власть Гомеля, захватили телеграф, военный комиссариат и ряд других учреждений. Ревком с отрядом коммунистов осажден в гостинице „Савой“, больше одного дня продержаться немыслимо. Необходима срочная помощь... Ответ сообщите немедленно через телеграф Носовичи, который пока не занят. При передаче и сношении по телеграфу остерегайтесь провокации со стороны мятежников, так как они пытаются говорить от нашего имени“.

О принятых мерах Глаголев сообщил (28 марта):

„557 лк. Положение восстания обрисовывается так: в Гомеле находятся три полка с четырьмя орудиями, в районе Ичня—Круты до двенадцати тысяч плюс корпус вооруженных—сведение это считаю совершенно невероятным. Командование всеми отрядами желдоробороны, действующими против Гомеля, возложено на члена ревсовета Запармии Пыжева, причем на к-ра 23 желдорполка Бессарабского возложено руководство направления Брянск—Гомель. Сведения о наших силах, действующих в том направлении: пока небольшой отряд, который попутно ликвидировал восстание в районе Сновской, отряд усиливается батальоном, двумя пулеметами из Харь-

кова. От Круты—Бахмача—Ични повстанцы теснятся внутрь этого треугольника частями 55 желдорполка; в Ичне двадцатый полк".

Не удовлетворившись принятыми мерами, командукр передал командование по обороне от банд Черниговщины т. Шафранскому, комиссару 1-й дивизии (он сам черниговец).

26 марта какая-то банда заняла ст. Плиски. Паника охватила даже командный состав 55-го желдорполка, комполка извещал „всех", что „повстанцев" 1 200 (отсюда эта цифра попала и в сводку наштаукр).

Утром 28-го 55-й полк и следом за ним 23-й полк были двинуты в Бахмач. Выяснилось, что в Бахмаче не подумали даже о посылке разведки в Плиски. Посланная днем 29-го разведка (бронеплощадка и эшелон 23-го полка) установила, что путь на Плиски исправен, порваны только провода.

Картина захвата ст. Плиски выяснилась из показаний начальника станции (от 29 марта).

„Станция была занята к 20 час. вечера 27 марта (наступление началось за час до того) сотней вооруженных „крестьян" с пулеметами. На станции они оставили 10 чел., остальные—в Борзны. Сопротивлявшийся им батальон связи 3-й дивизии бежал к Круты, бросив лошадей. В 22 часа подошел к станции инженерный батальон 3-й дивизии, немного пострелял и разбежался, бросив имущество которое и было разграблено"[1].

30 марта 23-й полк 3-й дивизии прочно занял ст. Плиски и оттуда повел наступление к Борзне. Начдив 3 жаловался, что банда Шакера—на подводах, а у него нет конницы, поэтому „угнаться за ней невозможно". Настроение населения—паническое, везде работают контрреволюционеры. Численность банд неизвестна: на Плиски будто бы наступали 4 сотни с 2 пулеметами, в Шаповаловке—тоже несколько сот, в д. Загоровке до 600 с 4 пулеметами (сведения были явно преувеличены).

По требованию командукра командир 55-го железнодорожного полка был предан суду.

К вечеру 31 марта начдив 3 сообщал:

„Группы банд в Максимовке, Мартыновке и Ивангороде сегодня разоружены и производятся аресты. Курень „Смерти", под предводительством Ангела, отошел от Ивангорода на Махновку, которую окружают наши отряды с трех сторон: от Ивангорода, от Плисок и от Круты. Курень Шакера занял Вересочь. Против него действует отряд на Плиски. По показаниям пленного, Шакера мобилизовал в Великом Загоровке 50. Мобилизация проходит под угрозой расстрела. У Шакера 4 сотни, 2 пулемета. Приезжал за неделю и приказывал быть готовым к призыву на определенное число".

Сведения о численности банд в Черниговщине были курьезно

---

[1] По поводу телеграмм наштаукра и других командукр между прочим указал: «Не повстанцы, а кулаки. Имя повстанцев стало нарицательным, не швыряйтесь им зря».—*А. О.*

противоречивы: кто доносил о 20 000 бандитов, наштаукр о 2 000 (под начальством „полковника генштаба" Ангела, Голубя и Крапивянского); разведка 3-й стрелковой дивизии—всего о нескольких сотнях (200 конных, 100 пеших, 2—4 пулемета). Вследствие растерянности штаба 3-й стрелковой дивизии и ее небоеспособности, банда успела несколько оформиться и вооружиться (частями 3-й дивизии потеряны по официальным донесениям 2 пулемета).

В подкрепление тощим кадрам 3-й дивизии, а также желдорполку пришлось послать (по 4 апреля) из Харькова батальон украинского желдорполка, из Курска—роту с 4 пулеметами, из Киева—2 роты 58-го желдорполка. Прибыл также отряд Смоленской губернской чека с артиллерией.

Банды ограничивались порчей железнодорожных путей и телеграфных проводов. Основным бандитским районом являлись Плиски—Борзна. Появились также бандиты и в Остерском уезде. 5 апреля сообщалось, что в 8 *км* от Остера, вниз по Десне, засела банда численностью в 200 чел. с пулеметами и прервала пароходное движение между Черниговом и Киевом. В этот же день банда была разбита под Борзной и бежала на Берестовец и Великую Загоровку, а оттуда к Красиловке и Варваровке (однако в наших частях не все обстояло благополучно, и из-за разложения пришлось отправить обратно отряд Смоленской чека). В районе Ични уже с 5 апреля наблюдается усиленное возвращение „зарегистрированных и состоящих у нас на учете лиц". Банды разбились на мелкие группы, продолжая время от времени портить железнодорожные пути (потерпел крушение эшелон тяжелого артдивизиона 3-й дивизии.). Очевидно подавление гомельского мятежа также оказало благоприятное влияние.

Однако в тылу на Правобережье положение было более серьезным. В северо-западных уездах Киевщины оперировал ряд крупных банд Струка, Соколовского и другие. Черниговские банды имели связь с действовавшими в Радомысльском уезде. Из Горностайполя сообщали (2 апреля):

„В волостях полнейшая дезорганизация. К советской власти самое отрицательное отношение... На советскую власть смотрят как на власть чужеземную, „защитницу жидов и спекулянтов", власть рабочих, но не крестьян, власть, желающую насадить ненавистную коммуну. Власти нет никакой. В волостном совете сидят чистые петлюровцы. На волостном съезде была вынесена резолюция с протестом против захвата власти „Великороссией и требованием прекращения войны и открытия фронта. Такое настроение крестьян объясняется агитацией темных элементов, отсутствием продовольствия и в особенности семян для посева. Таково же положение и настроение и в других волостях".

Черниговский губвоенком сообщал (к 8 апреля): „В селе Сваромье высадилось 1 000 человек („повстанцев") при 1 орудии с парохода „Казань", который направляется на Остер. Банда, занимавшая мост через Днепр около деревни Страхолесье, заняла Горностайполь и захватила в плен тт. Караваева и Захарова, а 12 человек крестьян,

помогавших нашим красноармейцам, расстреляла. У деревни Страхолесье на мосту было 350 человек при 8 пулеметах".

В макаровском районе обнаружились банды Соколовского, действовавшие затем и в районе Коростышева и вошедшие в связь с Зеленым. В северной части Радомысльского уезда появились Струк, Куприенко, Кравченко и Босяцкий (находившийся здесь Лазнюк был убит в конце марта возмущенными крестьянами в м. Хабном).

Центр кулацко-повстанческого движения находился в районе Триполье. Во главе его стоял Зеленый.

28 марта увоенком сообщал из Белой Церкви: „Положение Б. Церкви критическое; я задержал отряд 15-го пограничного полка: у нас гарнизон всего сто штыков почти без патронов. Ежеминутно поступают сведения о повстанческих бандах в окрестность Белой Церкви. За Белую Церковь не ручаемся. Наступают 250 вооруженных с пулеметами, с другой стороны на шоссейных дорогах патрули петлюровцев не пропускают в Васильков".

Командукр отвечал:

„Надо организовать караульные части собственными силами, а не отвлекать части с фронта. Пять смелых революционеров стоят тысячи кулаков. Называть повстанцами кулаков нечего, зовите их кулаками, действуйте смелее. Организуйтесь прежде всего и не смейте без моего ведома задерживать части, идущие в мое распоряжение. Сейчас разрешаю батальону 15-го задержаться, но надо разоружить окрестные села".

Увоенком на следующий день докладывал:

„Караульные части организуются. Положение серьезно. Но все благополучно ликвидируется. Разоружение идет, а банды разбегаются. Я бы никогда не осмелился задержать батальон в Б. Церкви, если бы двухтысячная банда не угрожала. Так или иначе придется вести организованное наступление на банды Зеленого, теперь он имеет связь с бандами 12-го петлюровского полка; на Васильковщине— отряд Зеленого. Много разбежалось киевских бандитов. Сейчас веду организацию ревкома, потому что старый пришел в негодное состояние".

29-го был назначен особый командующий по ликвидации бандитизма в названном районе—военрук Киевского губвоенкома Павлов; в его распоряжение перешли части Киевского коммунистического 15-го погрохранного и 22-го стрелковых полков (последний из 3-й дивизии). Затем ему была придана часть 12-го пограничного полка и бронепоезд.

Одновременно был отдан приказ следующего содержания:

„Всем штабам советских украинских войск, всем военкомам, всем ЗК и ДС. Объявляю войскам Украинской армии, что декретом Совета Народных комиссаров Украины гр. Зеленый, за разбой и погромные выступления против власти рабочих и крестьян, объявлен вне закона и должен быть истреблен, как предатель народной свободы. Комфронт".

31 марта в 4 ч. 35 м. поступило неожиданное сообщение: „Белая

Церковь занята бандитами в 2 часа 31-го. Исполком частью эвакуировался на Фастов. Отряд 15 погранполка отходил под обстрелом".

К вечеру того же дня наш бронепоезд и пограничники (батальон 15-го полка) вновь заняли ст. Белая Церковь. Батальон 12-го погранполка наступал на город, куда бежали бандиты. Одновременно доносили, „что вся кутерьма произошла по вине Белоцерковного исполкома" (нами было немедленно назначено следствие). К этому времени банды Зеленого очистили Канев и отошли к Ртищево.

Совнарком Украины издал постановление, которое гласило:

„В районе Радомысльского уезда Соколовский и в районе Мотовиловки, между Фастовом и Васильковом (в волостях Мотовиловской, Олеповской, Марьяновской, Сквирской, Черноградской и др.) Гончар (Батрак), называющий себя украинским левым социалистом-революционером; а также некий Орловский, бывший офицер, в районе Белой Церкви образовали шайки грабителей, насилуют мирное население, производят расстрелы и грабежи, ведут человеконенавистническую травлю евреев.

За мятеж против рабоче-крестьянской власти и нарушение государственного порядка, выражающиеся в грабежах и насилиях над мирным населением, Соколовский, Гончар (Батрак) и Орловский объявляются вне закона. Киев 31/III—19 года".

К 1 апреля агентура докладывала:

„Главные пункты, занятые Зеленым: Ржищев, Триполье и Обухов. Численность всего отряда Зеленого—2 000 человек (в Триполье—800 человек, в Обухове—200 человек, остальные находятся в Ржищеве, в Обуховской, Трипольевской и Черняховской волостях). Главный штаб—в Триполье. Отряд Зеленого имеет 2 орудия и 40 пулеметов. В Триполье отправлен почти весь Обуховский гарнизон и в Обухове осталось человек 10—15. Жители (за исключением Обухова, Триполья и Черняхов) недовольны Зеленым, так как он грабит крестьян для содержания своих войск. Зеленый ведет агитацию против советской власти, прибегая даже к провокаторским приемам. Так... он уверяет, что советское правительство издало декрет, по которому крестьянам будет выдаваться по $1/8$ фунта хлеба на женщину и $1/4$ фунта на мужчину в день. Зеленый называет себя большевиком, но говорит, что не коммунист. Тайный штаб Зеленого находится на заводе Гретера, патроны и снаряды они покупают в Киеве. Зеленый намеревается двинуться на Германовку и на Белую Церковь, чтобы таким образом отрезать от Киева хлебный район. Единственный пункт, занятый нашими частями, Васильков, в котором стоят две киевских красноармейских роты и одна караульная рота в Васильковской ЧК, последняя вооружена плохо и на нее полагаться нельзя.

На станции Васильков стоял отряд особого назначения тов. Солянова. Этот отряд состоял из пехоты, артиллерии и двух бронепоездов. Дух этих войск великолепный.

27 марта в Васильков было вступление бандитов, имевших связь с Зеленым, под предводительством Сашки Шерстюка и Богоевского, противосоветскую агитацию вел также Украинский социал-демократ Якубовский. Васильковская ЧК при помощи двух киевских красноармейских рот ликвидировала

выступление, во время которого было убито семь человек, из них два коммуниста.

„В деревнях: Погребы, Гудимовка, Копачево, Безрадичи и Вета никаких советских учреждений нет, вся власть принадлежит сельскому сходу и старшине. Отношение местных крестьян к советской власти враждебное, они упрекают ее в том, что, несмотря на частые жалобы на Зеленого, советская власть еще не ликвидировала эту авантюру. По отношению к реквизициям, является ли она со стороны советских властей или же Зеленого, крестьяне выражают неудовольствие, доходящее иногда до вооруженного сопротивления. Например Кагарлыкская волость постановила не допускать никаких реквизиций, и когда Зеленый захотел в этой волости реквизировать хлеб, то крестьяне выступили против зеленовцев, отбили их и взяли в плен 90 человек, которых Зеленый потом выкупил. Агитаторы-коммунисты в эти местности не были командированы".

Согласно оперсводке Киевской губ. от 2 апреля особенно неблагополучно было в Киевском уезде. Сводка эта сообщала:

„В волостях Германовской, Ржищевской, Кагарлыкской, Обуховской и Трипольской вплоть до Виты Литовской, где находится наш отряд, оперируют банды Зеленого. В Белгородской волости настроение враждебное по причинам незаконных реквизиций отдельных воинских частей. Достоверно известно, что в селе Книжичи бывший петлюровский офицер Козленко формирует петлюровские отряды. В Бородянской волости ведется пропаганда... петлюровскими агентами. В Будаевской и Старопетровской волостях сильно развита антисемитская пропаганда. В селе Старопетровцы у крестьян есть пулеметы и винтовки. В Гостомельской волости отношение выжидательное, так как не знают, кто возьмет верх. То же можно сказать относительно Литвиновской волости. В этих двух волостях никакой советской власти нет. В Дымерской волости положение удовлетворительно, но остро стоит религиозный вопрос. В волости Хотовской есть советская власть, соответствующая моменту. Положение удовлетворительное благодаря умелой работе назначенных туда комиссаров. В Макаровской волости положение, благодаря действиям военного руководителя довольно сносное, за исключением села Фасовое, где имеется много оружия вплоть до пулеметов, которое население не хочет сдать.

В общем весь уезд наполнен петлюровскими агентами, дающими несбыточные обещания крестьянам с целью переманить их на свою сторону. Особенную роль играет антисемитская пропаганда и раздуваемый религиозный вопрос. Положение в уезде неустойчивое, требующее как просветительной, так и военной силы".

„Бородянка. Отношение к советской власти недоверчивое. Крестьянские массы превратно истолковывают идеи коммунизма. Постановлением комбеда решено: 1) $^1/_3$ будущего урожая отдать беднейшему крестьянству, 2) взять на учет все мельницы и с каждого пуда перемола удерживать 1 фунт в пользу беднейшего крестьянства, 3) пустить в ход лесопилки, 4) организовать милицию. В волости бродят банды, беспощадно грабящие население. Часть этих банд состоит из бывших петлюровских солдат, другая— из застрявших в тылу красноармейцев".

Командующий Павлов действовал энергично. 1 апреля он объявил на осадном положении Васильковский, Каневский, Сквирский, и Таращанский уезды, угрожая расстрелом на месте организаторам восстания, провокаторам и т. п. Населению предложено под страхом расстрела сдать оружие. Создан был ревтрибунал. Подозрительные брались заложниками. Павлов писал (доклад его от 2 апреля):

Восстание не было стихийным, оно организовано агентами Петлюры. В Белой Церкви в нем участвовали даже гимназисты. Необходима упорная и планомерная борьба для подавления его в корне. Непочатый угол просветительной работы. Шлите агитаторов и партработников".

В распоряжении Павлова находились Васильковский отряд (200 штыков и 2 орудия), отряд Солянова (250 штыков и 2 орудия), отряд Устиновского ревкома (200 штыков), Белоцерковский (420 штыков), отряд Яковлева (около 150 штыков), кавдивизион, 22-й полк (500 штыков и 4 орудия), 12-й полк и бронепоезд. С этими силами Павлов в первую очередь предпринял закрепление железнодорожной линии и ликвидацию восстания в Белоцерковском районе.

Между тем Соколовский, двинувшись на соединение с Зеленым, появился в Сквирском уезде. Он разбил здесь 1 апреля отряд местного увоенкома. По донесению увоенкома в банде имелось до 1000 чел. (по словам бандитов они были из „Сердюковской дивизии").

Так как Попельная находилась в опасности, туда были посланы подкрепления с бронепоездом, отбившие натиск бандитов (захвачен 1 пулемет). Железнодорожные пути оказались крайне ненадежными, работы их по ремонту производились сильной охраной, которую постоянно тревожат бандиты. У пленных под Фастовом обнаружены документы, доказывающие, что восстанием руководили опытные военные петлюровцы.

Сводка к ночи 3 апреля сообщала о занятии отрядом Солянова Гребенки, причем взят 1 пулемет и расстрелян главарь шайки. Отряд Попова численностью в 70 человек с орудием отправился на Мытницу—Кодаки—Барахты. Разбитый бандитами, он потерял орудие (будто без замка) и бежал к Василькову (характерно, что отрядик в 70 штыков тянул с собой орудие в дальний поход).

Зашевелились банды и у самого Киева. Командир 5-го кавполка доносил (6 апреля):

„Я выбыл вчера, 5 апреля с. г. утром, в Казатин к месту стоянки полка. По приезде в Боярку, около 11 часов утра этого же дня выяснилось, что Васильков занят бандой Зеленого с присоединившимися к нему крестьянами 7 сел. По показанию лиц, прибежавших из Василькова, в банде Зеленого около 4 тысяч человек ...вооружены пулеметами, винтовками и артиллерией, взятыми у караульного отряда 1-го Коммунистического полка и артиллерийского Коммунистического дивизиона. Начальнику охраны т. Яковлеву по телефону я передал о положении дела; он просил меня принять возможные меры к задержанию повстанцев и вызвать поддержку из Киева. В момент моих переговоров по телефону кто-то со ст. Васильков, вероятно из банды Зеленого, называя себя полковником Даниловым, стал предупреж-

дать, что он „всех сметет, так как он не бурлак и жидовский коммунист, и жидовской коммуны самостийная Украина не признает. Скорей все лягут костьми, но распоряжаться жидам на Украине не дадут“. Имея охрану 8 человек от волостного местного комиссара и вооруженных мною с поезда 15 чел. рабочих, я принял защиту ст. Боярки. Из этой сборной команды была послана разведка, которая продвинулась от Боярки на 2 *км* и вступила в перестрелку с повстанцами. В 2 *км* от ст. Боярка путь повстанцами был разобран. В 13½ часов дня прибыл воинский эшелон с командой в 30—35 чел. из г. Киева; команда эта находилась под начальством т. Гамза. К вечеру банды стали обходить фланг; в тылу завязалась перестрелка; команда т. Гамза разбежалась, разбежались, бросив оружие, и рабочие. Вечером в штаб группы я вновь передавал о необходимости присылки подкреплений, но таковых не было; среди команды т. Гамза стали раздаваться голоса о бесцельности борьбы со своими, низший состав ж.-д. служащих явно был настроен против Советской власти. В 22 часа вечера, сняв телеграфные и телефонные аппараты со станции, я отбыл в Киев“.

Поступили сведения и о том, что банды пытались действовать на наши сообщения по Днепру:

„Пароход „Эсфирь“ 5 апреля на пристани Печка (в 70 *км* вверх по Днепру) был подвергнут осмотру вооруженной бандой. Грузов в Киев не пропускают. Вниз по Днепру район Триполье—Ржищев занят бандами в ожидании пароходов“.

К 7 апреля сообщалось:

„В целях ликвидации восстания сожжены села: Романовка, Жидовцы и еще два села. Район Паволочь—Сквира объят восстанием. Вдоль полотна железной дороги Васильков—Боярка залегли кучки неприятельских банд, обстреливающие проезжающие эшелоны. В Фастове происходит борьба за власть между ревкомом и комитетом бедноты, состоящим сплошь из кулаков. Ревком обратился за помощью к начальнику группы войск Фастовского направления. В Василькове с 1 апреля положение становилось все более критическим. Брожение в окружающих селах очень сильно. Одно восстание вспыхивало за другим. 26/III был совершен налет банд на город, убито несколько членов Чрезвычайки и ограблено много мирных жителей. В Василькове к 5 апреля оставалось всего человек 30—40 боеспособных. В ночь на 5 апреля были выставлены заставы, но утром заставы были сняты. Через 2—3 минуты в город вступили „повстанцы“. Начались убийства советских работников и коммунистов; был учинен еврейский погром. 6-го вечером подоспел советский отряд, который благодаря малочисленности изгнать бандитов не мог.

Среди восставших жителей сел: Барахты, Тростинка, Ольшанка, Василева, Ксаверовка и Левахи—до трех с половиною тысяч.

В Боярке (на 124—125 *км* от Казатина) путь разобран. Исправить невозможно ввиду угроз крестьян в случае исправления расстрелять. В Василькове в руки бандитов попали свыше двух миллионов рублей и все военное имущество. Комиссариат разграблен.

Впечатления таковы: мелкими отрядами действовать трудно, необходима крупная часть для планомерного очищения восставших местностей. Броневики

не производят желаемого воздействия, так как банды прячутся по лесам. Есть сведения, что в планы повстанцев входит налет на Киев, проникнув в город под видом мирных граждан и прервав вокруг Киева пути.

В 2 часа дня Гончар (Батрак) был пойман в Боярке и расстрелян. Повстанцы имеют вид мешечников".

7 апреля по прямому в штаб Украинского фронта (в Харьков) указывалось:

„Восстание охватило Каневский, Сквирский, Таращанский, Васильковский уезды. Мы не можем отвлекать, для его подавления сил с фронта. Нужно всерьез обеспечить ж.-д. линию Бобринская—Фастов. Следует направить ж.-д. полк с бронеплощадками для ее охраны; кроме того вытребовать первый ж.-д. полк от 13-й армии (он был предназначен для Укрфронта, но застрял на южном) и содействовать скорейшей отправки в Киев полка Особого назначения при правительстве".

Из Харькова было отвечено, что сил под рукою нет и ввиду создавшегося на фронте положения ничего нельзя также взять и от 13-й армии.

6 апреля банды в районе Васильково—Леваха—Боярки были разбиты и отступили к Василькову. Ночью 7 апреля банда появилась в районе Жуляны. Наша разведка доносила: „Некоторые села присоединились поголовно к бандитам; дома остались лишь старики да дети. 5 апреля бандами занята Тараща, 22-й полк здесь разбит и потерял 4 орудия (будто бы их испортив). Под Васильковом мы потеряли 2 орудия. Отдельные части 1 караульного полка сражались геройски. Общая численность банд до 6 000, из них вооруженных винтовками несколько сотен, остальные вооружены косами, топорами, вилами. К северу от Попельни—у бандитов 4 орудия. Бандиты мобилизуют население для перекапывания желдорпутей. 7 апреля между Фастовом и Мотовиловской ж. д. путь поврежден в 7 местах. Распутица мешает ликвидации банд".

Киев находился почти в полном окружении бандитских шаек. Подвоз продовольствия к городу прекратился. Движение по Днепру было прервано. Наш бронированный катер 7 апреля вел двухчасовую перестрелку с бандой в 10 в. от Киева.

Город охвачен тревогой. Все силы приведены в боеготовность. Всего в Киеве в воинских частях до 3 000 штыков и 33 пулемета, 1-й караульный коммунистический полк—300 штыков и 6 пулеметов, 2-й караульный полк—250 штыков и 4 пулемета, 13-й погранполк—300 штыков; 15-й погранполк—300 штыков, 34-й стрелковый полк—100 штыков, 35-й стрелковый полк—100 штыков, 36-й стрелковый полк—500 штыков и 11 пулеметов, 24-й стрелковый полк—600 штыков и 3 пулемета, 1-е пехотные курсы—150 штыков и 5 пулеметов, комендантская команда—100 штыков, отряд ВЧК—300 штыков и 4 пулемета. Вооруженная флотилия—бронированный катер (37-*мм* орудие и 1 пулемет), буксир с 2 орудиями и 3 десантных парохода.

9 апреля сообщалось:

„Штабом группы войск Киевского направления командиром отрядов, действующих против повстанческих банд в районе Васильков—Фастов, назначен т. Зарин, частями коего очищены железнодорожная линия Киев—Фастов и район Василькова от мятежных банд. Зачинщики банд наказаны, а остальная часть населения изъявила покорность советской власти. По непроверенным еще сведениям нашими частями взят обратно Канев. Межигорье, ввиду малочисленности посланного отряда, очистить 8 апреля не удалось; 30 человек нашей конницы еще не вернулись. Для ликвидации восстания послан усиленный отряд. Агитаторы и небольшие шайки появились ночью 9 апреля в Пуще-Водице. В районе Буча—Гостомель неспокойно. Послана для выяснения разведка“.

Совпадение этих восстаний, крайне затруднявших операции на фронте, с решительным наступлением Петлюры на Киев конечно не было случайным. Восстаниями руководила петлюровская агентура.

Нашему Особому отделу удалось раскрыть широко разветвленную сеть петлюровского шпионажа.

Начальник Особого отдела т. Фомин докладывал (7 апреля):

„30 марта сего года в Особый отдел штаба 1-й Украинской советской Красной армии были доставлены два подозрительных субъекта, назвавших себя военнопленными, один Василием Янцевичем, а другой Никанором Майба, оба были задержаны на Коростеньском фронте при переходе границы. После того как выяснилось, что один из них, Майба, действительно галичанин, пленный и с трудом говорит по-русски, он был отправлен в Отдел войсковой разведки штаба и было приступлено к допросу второго. Тот заявил, что он вовсе не военнопленный Василий Янцевич, а гражданин Минской губ., Бобруйского уезда, Антон Николаевич Андриенко, прислан сюда как агент контрразведки петлюровского “Головного штаба dieðoi armii„ и хочет дать очень ценные сведения для контрразведки. Предъявив свой настоящий документ петлюровского контрразведчика (документ был свернут в трубочку и спрятан в свежеиспеченном хлебе), он заявил, что: 1) ему дали в петлюровском штабе список всех конспиративных квартир, куда съезжаются все петлюровские контрразведчики, получают от живущих там разведчиков всю информацию политического и военного характера и передают ее в петлюровский штаб, 2) что он уполномочен вступить в сношения со всеми находящимися на Украине антисоветскими организациями и агитировать крестьян с целью вызвать восстание против советской власти и 3) ему известны все пароли и пропуски, которые необходимы, чтобы попасть в главный петлюровский штаб. Получив от него все эти сведения, я велел задержать его и на следующий день, дав ему своего сотрудника Суярко, хорошо владеющего украинским языком, велел пойти во все квартиры, кои имелись у него в списке. Дав Суярко инструкции: 1) следить за самим Андриенко и 2) выпытать и узнать у разведчиков, к которым и он пойдет, все киевские антисоветские организации, я отправил его вместе с Андриенко на конспиративные квартиры, которые находились в различных частях города. Придя на Трехсвятительскую улицу в дом профессора Яхонтова, они нашли там некую Ксению Сперанскую. Андриенко предъявил ей свой петлюровский мандат

и сказал, что Суярко—его сотоварищ, тоже петлюровский контрразведчик. Она информировала их относительно военнополитического положения в г. Киеве и указала источники, из которых она черпала эти сведения, между прочим она сказала, что к Григорьеву—командующему армией на Одесском фронте, командирован специальный из петлюровского штаба человек (фамилию его она не знает) с целью склонить Григорьева перейти со всей своей армией на сторону петлюровских войск. Получив от нее все эти сведения, Суярко объявил ее арестованной и доставил в Особый отдел штаба, где она не пыталась даже запираться, так как документы ее, которые она успела по дороге разорвать, были склеены, равно как и ее записки. В связи с нею были немедленно арестованы доктор Бисский, бывший редактор самостийной газеты „Трибуна" и такого же направления сатирического журнала „Гедзь", и делопроизводитель отдела всеобщего обучения наркомвоена Павловский. Выяснилось, что первый, т. е. доктор Бисский, имеет какие-то дела лично с Петлюрой и должен от него получить на какие-то дела 85 000 руб. и что он должен был дать представленному ему из петлюровского штаба организатору 5 000 руб. для поездки в Черниговский уезд Черниговской губ. с целью попортить там ж.-д. полотно и телеграф, т. е. Павловский, хотя и не знал, с кем имеет дело, все-таки дал Сперанской некоторые сведения о военном положении на Одесском фронте. Затем были арестованы таким же способом (т. е. приходили Андриенко и Суярко под видом петлюровских агентов, выпытывали все сведения и затем задерживали) некий биржевик Гольдштейн, к которому Андриенко был прислан офицером петлюровского генерального штаба Домбровским, как к верному человеку. (Между прочим Гольдштейн, когда узнал, что Андриенко петлюровский контрразведчик и якобы не имеет денег на обратную дорогу, то дал последнему 250 рублей.) Арестована также Близнюк, курсистка, которая по заявлению Андриенко не уехала с „информационным" бюро, в котором раньше служила, а осталась в Киеве для того, чтобы собирать сведения политического и военного характера и передавать их приезжающим к ней петлюровским контрразведчикам. Задержан еще целый ряд лиц, которые имели деловые сношения с вышеуказанными Сперанской, Гольдштейном и Близнюк. В настоящее время открывается целый ряд организаций антисоветского характера, которые имели большую или меньшую связь с петлюровцами, и кроме того, ввиду того, что у меня имеются все пароли и пропуски, необходимые для того, чтобы попасть в петлюровский главный штаб, я имею возможность свободно доставать оттуда все сведения военного характера".

Однако объяснить тот разлив восстаний и волнения, которыми был окружен Киев с конца марта, только деятельностью петлюровской агентуры невозможно.

Мы, думается нам, вполне резонно указывали в то время X. Раковскому:

„1. Восстания в различных пунктах вокруг Киева тесно связаны с наступлением к нему Петлюры и приурочены к нему. Никакая чисто военная организация не в состоянии развить и провести столь обширный план. Очевидно работает определенная политическая партия. Ищите—какая. Но необходимы решительные меры.

2. Наш тыл крайне слабо обеспечен. Теперь, когда Южный фронт одерживает верх, имея колоссальный перевес, вполне возможно отдать нам взятые у нас части и прежде всего 9-ю дивизию. За стойкость фронта я отвечаю, но лишь до тех пор, пока не будет расстроен тыл, а он грозит развалиться. А затем части утомлены боями, нужна их прочистка в тылу. Словом, следует требовать от Совобороны и Реввоенсовета республики самым спешным порядком вернуть нам 9-ю дивизию для ликвидации угрозы галичан и группировки союзников в Одессе. Без этого успех немыслим.

3. Поведение главкома Вацетиса в отношении Украины неприемлемо. Надо требовать поддержки. Наши задачи—стоящих в устье коридора в Европу—громадны. Нам должны вернуть взятое на Южном фронте и немедленно, начав постепенно эту передачу, Южный фронт вполне справится. (Эта оценка положения на Южном фронте основывалась на весьма оптимистичных заявлениях, шедших от главного командования, но не отвечавших действительности, что вскоре и сказалось.—А. О.).

Через несколько дней Х. Раковскому и наркомвоенделу Подвойскому вновь докладывалось:

„Ликвидация Ваниярской (бывшей ударной) группы петлюровцев позволяет нам не только закрепить наше положение у Коростеня, но попытаться взять инициативу в свои руки. Это и приказано мною.

Но наши части утомлены непрерывными походами и частыми боями. Их обозы до сих пор в зачаточном состоянии. Недостатки снабжения отражаются на их боеспособности. Постоянные волнения в тылу отвлекают внимание командования. Для великих задач, поставленных перед нею, советская армия Украины слишком слаба. Необходимо ее усилить.

1. Прежде всего необходимо самым энергичным образом и в самом спешном порядке организовать планомерное политическое воспитание воинских частей и их снабжение всем необходимым.

2. Не упуская ни одной минуты, укомплектовать кадры погрохранной дивизии и четвертой советской украинской, имеющиеся в нашем распоряжении. И выдвигать сформированные части на фронт взамен особенно ослабленных, которые использовать как кадры.

3. Необходимо интенсивное: а) формирование полевой артиллерии, для чего выделить особый отдел при Наркомвоене во главе с энергичным и опытным работником; б) сооружение бронепоездов, причем иметь в виду не вооружать их морскими орудиями, так как к ним не будет снарядов (наши 4 бронепоезда поэтому бездействуют); в) формирование обозов, батальонов связи и инженерных; г) самое широкое использование имеющихся у нас боевых средств—бомбометов, минометов, винтовок Шоша, винтовок Бердана (только в артскладе Киева первых 9 000, вторых 19 000).

4. Всемерное содействие увеличению производительности Луганского патронного завода.

5. Планомерная военная организация тыла: а) проверка работы всех военкомов, инструктирование их; насаждение новых; спешная организация караульных рот и полков, запасных батальонов; спешное формирование железнодорожных рот, полков железнодорожной охраны; развитие сети радиостанций, контроль над телеграфом и телефоном повсеместно; б) разоружение

деревень; круговая порука деревень, расположенных вдоль ж.-д. пути, за сохранность пути; в) немедленная мобилизация беднейших крестьян в пролетаризированных уездах Подольской губернии—прежде всего в Летичевском, затем Могилевском, Каменец-Подольском и далее Винницком; мобилизованные отвозятся в тыл, где обучаются и сформировываются; г) мобилизация рабочих Донецкого бассейна, кроме необходимых для продолжения работ в шахтах и введения их в наличные кадры и (обученных) в действующие части; д) мобилизация $^1/_3$ всех коммунистов и распределение их в войсках и по деревням (в помощь местным властям); е) организация стратегического переселения в городах; ж) мобилизация всех технических средств и писательских коммунистических сил для развития самой широчайшей печатной агитации; з) принудительное чрез ж.-д. коммунистов, почтово-телегр. служащих и т. д. распространение нашей литературы; и) планомерное уничтожение буржуазных элементов внутри ж.-д. и почтово-тел. служащих.

Помимо всего необходимо самое спешное возвращение на Украинский фронт его частей, взятых в распоряжение 13-й армии, и обращение на Украинский фронт всей 13-й армии по ликвидации ею противника в Донецком бассейне".

Тогда в начале апреля мы имели основание считать, особенно после сведений, привезенных Х. Раковским с Южного фронта (конец марта), что Южный фронт находится накануне победного разрешения своих задач.

Мы не требовали от РВСР большего, чем возвращение взятых с нашего фронта частей.

Заключение.

За три месяца, которые прошли от начала нашего наступления из „нейтральной зоны" Украины, боевые задачи Украинского фронта были полностью разрешены. Боевой путь, проделанный советскими украинскими войсками, громаден и тяжел. Под Харьковом, у Казачьей Лопани и Люботина, под Полтавой, Екатеринославом и у Перекопа, на подступах к Киеву и у Цветково, под Коростенем и Бердичевом, в Херсоне и у Одессы—всюду Красная армия шла с упорными боями. Противник превосходил нас нередко численностью и всегда техникой. Несмотря на это, были разбиты отборные офицерские части, сломлены полки галицийских сичевиков, разгромлен греческий десант, захвачены грозные французские танки, интервенты сброшены в море, осколки военных сил Директории прижаты к границам Галиции.

Разрешив почти полностью стратегические задачи Украинского фронта, части этого фронта освободились для выполнения новых задач.

Все эти результаты были достигнуты местными украинскими силами без сколько-нибудь значительной непосредственной поддержки из России. В распоряжении советского командования на Украине находились исключительно части местных формирований. Приданные

фронту, 9-я резервная дивизия и полк интернационалистов переданы на соседний Южный фронт, кадры 3-й стрелковой дивизии, составлявшей резерв главкома, как и кадры 4-й, прибывшие с т. Подвойским, не принимали в этот период никакого участия в боевых операциях на внешнем фронте (а на внутреннем чрезвычайно ограниченное: в Черниговщине и отчасти в Василькове).

Мы начали наступление из „нейтральной зоны", располагая около 8 000 кое-как сорганизованных повстанцев. К началу апреля украинские армии числили до 70 000 бойцов.

Выполненная нами боевая работа не была работой оккупации. Она является работой по руководству рабоче-крестьянским восстанием против иностранной оккупации и контрреволюционной политики мелкой буржуазии. Отсюда стихийный рост наших сил, отсюда неудержимость нашего организованного и планомерного напора.

Утверждения, что мы на Украине действовали „по линии наименьшего сопротивления", не выдерживают критики. Все изложенное в данных „Записках" опровергает такой вывод. Злостное недомыслие, если не просто военспецовское чванство, утверждать, что наши воинские части, выросшие из восстания, были не дисциплинированы, неспособны к маневрированию и неудержимо склонны к грабежу. Конечно случаи неисполнения нашими частями воинских приказов были не единичны. Эти части тяготели к „эшелонам", проявляли иногда склонности к мародерству. Но все эти отрицательные явления были в ту пору свойственны и самым нарегулярнейшим частям других фронтов. Однако основная масса наших частей проявляла, напротив, поистине поразительную выдержку и твердую дисциплинированность. Чрезвычайно плохо обмундированные части 1-й и 2-й дивизий прошли походным порядком с сильными боями сотни километров и занимали крупнейшие города, не совершив ни одного эксцесса (лишь в конце марта в некоторых из вновь сформированных частей проявилось известное разложение...).

Конечно мы, как и наш противник, не пренебрегали возможностью использовать железные дороги для спешной переброски войск; но бои, проведенные нами за этот период на Украине, никак не свидетельствуют об излишней приверженности к „эшелонной тактике" и об отсутствии маневренной способности у наших украинских частей.

Конечно мы не могли считать и не считали украинскую армию сколько-нибудь оформленной: ее оформление в подлинно регулярную требовало прежде всего законченной организованности советского тыла. Нельзя строить регулярную армию, не урегулировав вопросов об ее кадрах, пополнения путем планомерных мобилизаций и снабжения. Указанные предпосылки еще предстояло нам на Украине создать. Советское украинское командование, как свидетельствует ряд приведенных документов, это прекрасно сознавало.

Наши боевые успехи на Украине были достигнуты в обстановке особых, специфических трудностей. Эти трудности увеличивались и разногласиями среди руководящих кругов компартии Украины. На протяжении этих „Записок" мы только вскользь коснулись этого

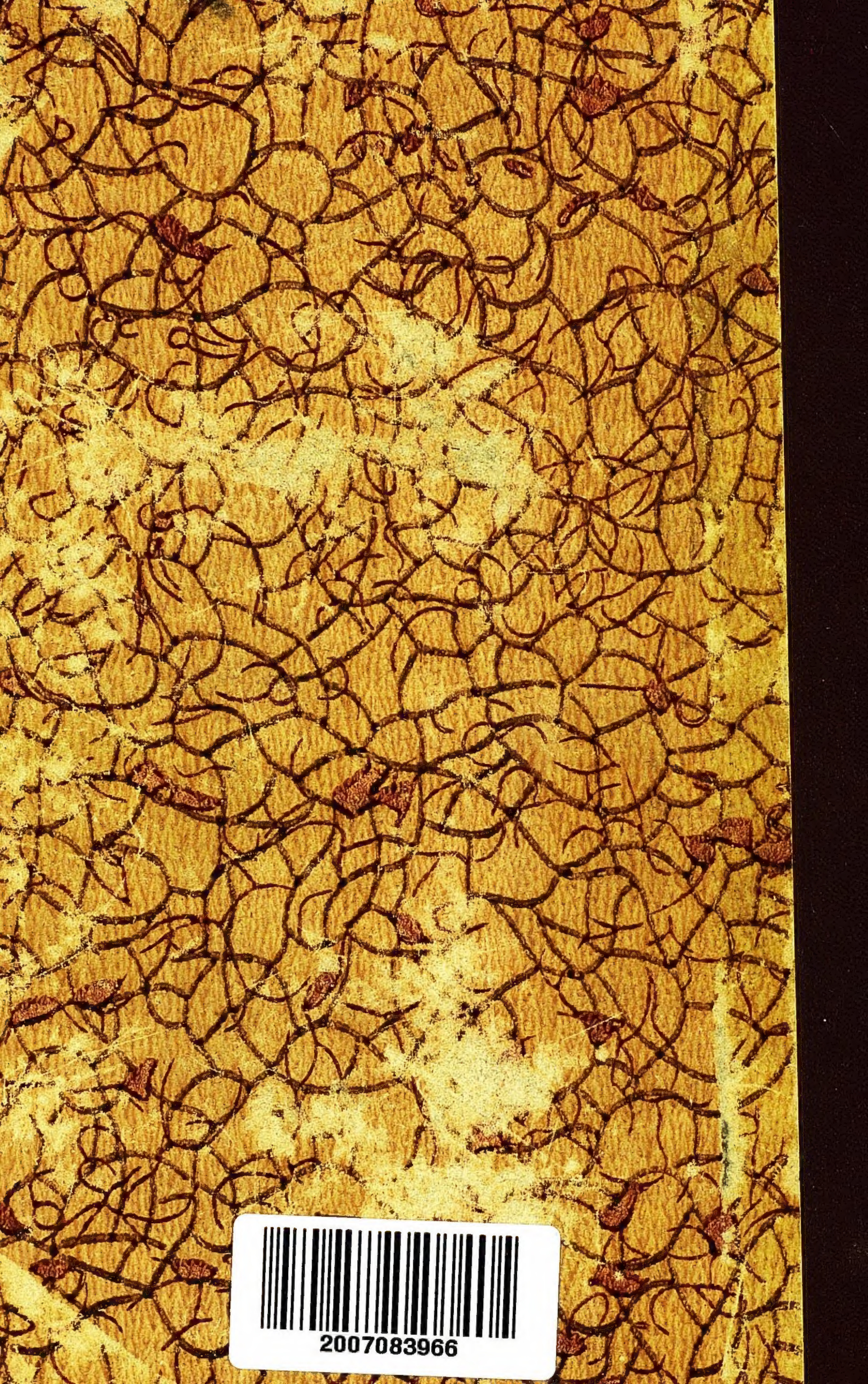
момента. Его следовало бы осветить обстоятельно, тем более, что этот момент сказывался весьма тягостно особенно в первоначальном (до февраля) периоде нашей работы. Другим моментом, крайне тормозившим наши действия, явилось отношение главного воинского командования к Украинскому фронту.

Думается, что приведенных в „Записках“ материалов достаточно для отчетливой характеристики этого отношения.

Хотя нередко нам приходилось весьма тяжеленько, но к началу апреля мы на Украине достигли громадных успехов и не только сломили живую силу—врага, но захватили колоссальное количество боевых припасов и собрали под советское знамя почти сто тысяч бойцов. Нам следовало бы отстояться, прочистить свои ряды, организоваться, подготовиться к дальнейшим операциям, но в Донбассе шло генеральное сражение. Над советской Венгрией нависла угроза военной интервенции. Армия советской Украины, неоформленная, неперебродившая, стояла лицом к лицу с врагами в момент решения великих задач.

Конец третьего тома.

4 р. 50 коп.


2007083966